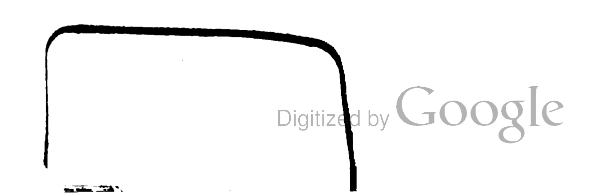

Digitized by Google

Ленинградский филиал ЛАФОКИ

ЗАКАЗ № 3276

Шифр или наименование издания Изв. отд. русск. яз. и словесн. имп. Ак. Н. т. V кн. 1 1900.

МИКРО репродукция | **ФОТО репродукция**

(ненужное зачеркнуть)

Стр., рис. Полностью

Исполнил фотограф ____________ (подпись)

~~ИЗГОТОВИТЬ ФОТООТПЕЧАТКИ:~~

Формат ____________ **по** ________ **экз.**

Дата поступления оригиналов в ЛАФОКИ

Тип. БАН, з. 339, т. 30 000 8-VI-63 г.

ИЗВѢСТІЯ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АКАДЕМІИ НАУКЪ

1900 г.

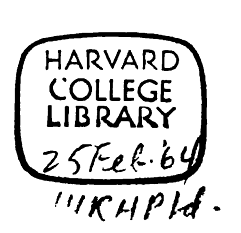
ТОМА V-го КНИЖКА 1-я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1900.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССІОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ:

И. И. Глазунова, К. Л. Риккера и И. Эггерса и Комп. въ Санктпетербургѣ; Н. П. Карбасникова въ Санктпетербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ; М. В. Клюкина въ Москвѣ; Н. Киммеля въ Ригѣ; Н. Я. Оглоблина въ Санктпетербургѣ и Кіевѣ; у Фосса (Г. Гессель) въ Лейпцигѣ, а также въ Книжномъ складѣ Императорской Академіи Наукъ.

Цѣна этой книжки одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ.


HARVARD
COLLEGE
LIBRARY
25 Feb. '64

Содержаніе I-ой книжки:

Изъ исторіи древнихъ германскихъ и славянскихъ передвиженій.

Ѳ. Браунъ, Разысканія въ области гото-славянскихъ отношеній (Спб. 1899).

Заглавіе труда, вызвавшаго слѣдующія замѣтки, въ сущности, не отвѣчаетъ его содержанію; и понятно почему: это вступительная глава, разросшаяся въ цѣлый томъ, удержавъ названіе цѣлаго — по довѣрію. Гото-славянскія отношенія пока еще впереди, можно говорить развѣ о бастарнско-славянскихъ; развиваются они на почвѣ другихъ, болѣе древнихъ, этническихъ, которыя слѣдовало бы предварительно освѣтить и, по возможности, упорядочить, хотя бы предположительно; это дало бы читателю точки отправленія и внесло-бы въ книгу перспективу, которую теперь приходится возстановлять, какъ Птолемеевскую карту: даки, кельты, финны и венеты Тацита и Птолемея выступаютъ передъ нами по поводу движенія той или другой германской народности, заслоняя ихъ, отвлекая насъ въ еще болѣе далекое прошлое. Главный интересъ отданъ бастарнамъ и готамъ, до переселенія послѣднихъ на югъ; славяне въ эту пору представлены только геродотовскими неврами, передвинувшимися къ Днѣпру; имя венедовъ, въ которомъ другіе изслѣдователи видѣли древнее германское обозначеніе западныхъ и сѣверо-западныхъ славянъ (Thomsen, Den gotiske sproglasses Indflydelse på den finske, стр. 159 a. v. Venäjä), специализиро-

валось въ этомъ значеніи лишь позже: пока оно обнимаетъ, по мнѣнію автора, всю славяно-балтійскую семью (стр. 331—4), айстовъ и славянъ; указываетъ-ли это на гипотезу славяно-литовскаго единства — мы не знаемъ; въ положеніяхъ къ своей диссертаціи (№ 14) авторъ выразился осторожнѣе: имя венедовъ было извѣстно нѣкогда какъ «славянамъ, такъ и балтійцамъ». Если Тацитъ Germ. 45. отличаетъ айстовъ отъ стоящихъ рядомъ венедовъ, то г. Браунъ объясняетъ это бо́льшимъ знакомствомъ римлянъ именно съ айстами, властителями балтійскаго побережья, родины янтаря; ихъ они и выдѣлили изъ общаго міра венедовъ (стр. 332). Но если у Птолемея имя «венеды» обнимаетъ айстовъ и славянъ, я не сказалъ-бы, что въ эпоху Птолемея все побережье Балтійскаго моря было занято айстскимъ, т. е. лито-латышскимъ племенемъ (стр. 254). Птолемей слышалъ, впрочемъ, и объ айстахъ и помѣщаетъ городъ Aistouia между Одеромъ и Эльбою, въ Суевіи, можетъ быть, не потому только, что хотѣлъ внести поправку въ карту Тацита, считавшаго айстовъ свевами ritu habituque (стр. 28). Вѣдь о распространеніи айстовъ на западъ отъ Вислы мы также мало знаемъ, какъ о появленіи финновъ на берегахъ Балтійскаго моря (стр. 249), что̀ не помѣшало этнографамъ устранить изъ обращенія финновъ Птолемея (стр. 253).

Имя венедовъ — вендовъ сохранилось въ нашихъ вятичахъ (стр. 334); замѣчу, что и вельты, которыхъ Птолемей помѣстилъ на востокѣ за венедами (стр. 250—1), пережили въ нашихъ «волотахъ». Это дѣлаетъ невѣроятнымъ предположеніе, что вельты — описка изъ Οὐένται (стр. 252—3, 334 и примѣч. на стр. 376).

Собственно венедовъ-славянъ авторъ не касается, какъ не касается ихъ проблематическихъ отношеній къ ихъ кельтскимъ и иллирійскимъ соименникамъ (стр. 333—4). Если я остановился на нихъ въ началѣ моего разбора, то затѣмъ лишь, чтобы отмѣтить одинъ изъ недочетовъ автора; другой касается кельтовъ. Вопросъ о кельто-германскомъ и славянскомъ общеніи не

разъ поднимается въ книгѣ, но нѣсколько случайно, по поводу той или другой этимологіи; бастарны являются посредниками между кельтами и славянами; въ 16 и 17 положеніяхъ къ диссертаціи авторъ обобщаетъ данныя, разсѣянныя въ его трудѣ: бастарновъ перебросили на восточные склоны лѣсныхъ Карпатъ кельты, занявшіе по уходѣ бастарновъ сѣверную Венгрію, Моравію и Чехію, гдѣ ихъ застали славяне. Но въ сѣверной Венгріи кельты могли сидѣть съ незапамятныхъ временъ, волки населять Силезію — Галицію; таково мнѣніе Бремера (Paul's Grundriss, 2 Aufl. III B. 4 Lief. 1900, стр. 778—779), съ нѣкоторыми выводами котораго авторъ навѣрно бы посчитался, еслибъ они стали ему извѣстны во время.

I.

Книгу г. Брауна можно по праву назвать апологіей Птолемея-географа. Мюлленгофъ на столько разувѣрился въ немъ, что назвалъ его «настоящимъ пачкуномъ древней географіи» (стр. 383). Ему вторили другіе. Г. Браунъ возстановляетъ репутацію Птолемея, сваливая часть вины на его изслѣдователей, ставившихъ свою задачу въ пріисканіи такой формулы приведенія Птолемеевыхъ градусовъ долготы и широты къ соотвѣтствующимъ величинамъ нашей карты, которая была бы примѣнима къ картѣ Птолемея во *всемъ* ея объемѣ. Такой пріемъ былъ бы возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы все отличіе послѣдней отъ нашей заключалось только въ различномъ опредѣленіи длины экватора. Но дѣло не въ этомъ одномъ, а главнымъ образомъ въ пріемахъ составленія карты. Передъ Птолемеемъ было два рода источниковъ: съ одной стороны труды древнихъ географовъ и историковъ, дававшихъ матерьялъ уже въ обработанной формѣ и болѣе или менѣе стройной картинѣ, съ другой—итинераріи путешественниковъ, купцовъ, таблицы разстояній, карты въ родѣ пейтингеровой. Въ этомъ матерьялѣ онъ разбирался съ

извѣстной критикой, выработанной путемъ наблюденій и провѣрокъ; его задача сводилась къ переводу стадіазмовъ на градусы и минуты долготы и широты, для чего слѣдовало создать сложную сѣть меридіановъ и параллелей. Эта сѣть въ принципѣ вѣрна; если она не совпадаетъ съ нашей, то ошибка кроется въ невѣрномъ опредѣленіи длины большого круга, перенятомъ у Посидонія, отношенія же параллелей къ меридіанамъ вычислены приблизительно точно.

Установивъ (стр. 344—50) матерьялъ и пріемы Птолемея, авторъ вмѣняетъ изслѣдователю въ обязанность всматриваться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ въ базисъ птолемеевой оріентировки и не разсматривать его карту въ цѣломъ ея составѣ, а разбивать по возможности на тѣ-же составныя части, изъ которыхъ ее, такъ сказать, склеилъ самъ Птолемей. Разъ эта подготовительная работа выполнена, изслѣдователю остается перевести птолемеевы данныя на нашу карту графическимъ или геодезическимъ путемъ (стр. 350—59).

Трудъ, разбираемый нами, представляетъ попытку приложить эти теоретическія соображенія къ возстановленію карты, или, точнѣе, картъ Птолемея; это базисъ изслѣдованія. И въ самомъ дѣлѣ: въ вопросѣ о гото-славянскихъ отношеніяхъ историческіе источники не могли дать автору ничего, кромѣ слабыхъ, блѣдныхъ намековъ; археологіи онъ пока не вѣритъ: она еще никогда не давала и не даетъ новыхъ и точныхъ историческихъ результатовъ въ вопросѣ совершенно еще темномъ; она шьетъ узоры по подготовленной раньше канвѣ; канву можетъ дать одна лингвистика, она дастъ основу для изслѣдованій археологическаго, а, можетъ быть, и историко-литературнаго и юридическаго характера. «Создать эту основу — составляетъ главную задачу нашего труда», говоритъ авторъ, но тутъ-же сознается, что для этого необходима подготовительная работа: необходимо уяснить себѣ, въ силу какихъ *географическихъ* и политическихъ условій могло сказаться на языкѣ и жизни славянскихъ племенъ вліяніе готовъ (стр. 22—3).

Основу создастъ, стало быть, географія; но если археологія не даетъ опредѣленныхъ хронологическихъ указаній, то и лингвистика не располагаетъ средствами точно опредѣлить народность хотя-бы бастарновъ или будиновъ и теряетъ нить въ вереницѣ этническихъ именъ, которыя могли переходить отъ одной народности къ другой, чуждой, смѣнившей ее на той-же осѣдлости.

Я назвалъ книгу г. Брауна — попыткой, остроумной и нерѣдко блестящей по совпаденіямъ не только разстояній и хорографическихъ признаковъ (укажу, напр. на опредѣленіе Геродотовскаго Гипакиря стр. 219 слѣд., Герроса стр. 234), но и мѣстныхъ названій. Приходилось бороться съ трудностями, вести къ рѣшенію отъ гипотезъ путемъ выкладокъ, провѣрить которыя дѣло картографа. У Птолемея были разновременные источники, старыя и новыя карты. Онъ пытался помирить ихъ, и неудачи его контаминаціи раскрываютъ намъ «хронологію» устьевъ Дуная (стр. 190) и Днѣпра (стр. 209, 216). Иной разъ передъ нимъ были двѣ карты одной и той-же мѣстности, одна оріентированная съ юга, другая съ сѣвера, и, не будучи въ состояніи разобраться въ нихъ, онъ помѣстилъ рядомъ двѣ Богеміи и двѣ Моравіи: въ одной система Судетъ носитъ названіе Ἀσκιβούργιον ὄρος, въ другой Ὀρκύνιος δρυμός, обозначающій Судеты въ узкомъ смыслѣ, т. е. Исполиновыя горы и такъ называемое Gesenke, примыкающее на востокѣ къ западнымъ Бескидамъ (сл. стр. 40—3). Наложивъ одну карту на другую въ одинаковомъ направленіи оріентаціи, мы получимъ: Ἀσκιβούργιον = Ὀρκύνιος съ Gesenke. Здѣсь приходитъ на помощь лингвистика (стр. 43, прим. 1), ничего впрочемъ не разъясняя. Авторъ видитъ вмѣстѣ съ Мухомъ въ чешскомъ обозначеніи Ясеникъ, Есеникъ передачу Ἀσκιβούργιον, отъ *aski, др. сѣв. askr, нѣм. Esche; Мухъ считаетъ Gesenke нѣмецкой передачей Ясеника, но г. Браунъ отстраняетъ это мнѣніе, указывая на городъ Asanka, который Птолемей помѣщаетъ тамъ, гдѣ Gesenke примыкаетъ къ Бескидамъ: нын. Teschen или Яблунковъ (см. стр. 65, 355,

370). Asanka = *Gasanki = Gesenke не предполагаетъ славянскаго Ясеника въ эпоху Птолемея, а въ тоже время накопленіе въ одной и той-же мѣстности этимологій: 'Ασκιβούργιον = Ясеникъ и Gasanki — 'Ασάνκα — Ясеникъ возбуждаетъ вопросы этнической хронологіи, въ которыхъ лингвистика не помогаетъ намъ разобраться.

Но географическіе пріемы Птолемея представляли еще другія затрудненія. Авторъ не разъ отмѣчаетъ его склонность схематизировать карту, водворяя въ ней внѣшній порядокъ, заполняя пустыя мѣста, увлекаясь теоретическимъ взглядомъ, напр., что всѣ значительныя рѣки берутъ начало либо изъ горъ, либо изъ озера (стр. 216) и т. п. При неполнотѣ или противорѣчіи источниковъ, бывшихъ въ его распоряженіи, такая схематизація еще болѣе путала дѣло, ставя изслѣдователя въ тупикъ, изъ котораго онъ порой выходилъ путемъ «очень смѣлыхъ» (стр. 143), во многихъ случаяхъ очень удачныхъ перестановокъ. Таковой представляется мнѣ предположеніе, что смѣшеніе Буга съ Ингульцемъ побудило Птолемея перенести на вторую рѣку города, лежавшіе на первой. Къ подобному пріему онъ, оказывается, прибѣгалъ нерѣдко, когда, напр., передвинувъ на сѣверъ источникъ Вислы, въ связи съ созданной имъ двойственностью 'Ασκιβούργιον-'Ορκύνιος, онъ перенесъ въ образовавшееся такимъ образомъ пространство въ восточной Германіи, къ югу отъ буровъ, сидѣвшихъ у верховьевъ Вислы (стр. 40), цѣлый рядъ народностей изъ сѣверо-западной Венгріи: сидиновъ, котиновъ и висбургіевъ (стр. 44—5). Авторъ водворяетъ ихъ (стр. 157) по слѣдамъ Мюлленгофа, но съ нѣкоторой разницей въ пріуроченіи, на старыя мѣста, усматривая вмѣстѣ съ нимъ въ первой части Οὐισβούργιοι — паннонскихъ осовъ. Но г. Браунъ идетъ и далѣе, возобновляя догадку Wislicenus'а, что во второй части того-же слова скрываются буры: Тацитовскіе Osi Buri дали, будто бы, Οὐισβούργιοι. Но буры относятъ насъ къ верховьямъ Вислы, и въ характерномъ Οὐισ- (см. Οὐιστούλα) нѣтъ, можетъ быть, нужды искать осовъ. Съ другой стороны, если мыслимо

въ этническомъ названіи — βούργιοι видѣть не *burgiz а Buri (стр. 45—6), то почему было не приложить этого объясненія къ 'Ασχιβούργιον, гдѣ въ суффиксѣ дано было-бы опредѣленіе народности? Къ этому вопросу мы еще вернемся.

Другое перенесеніе Птолемея: онъ переселилъ изъ Дакіи въ западную Сарматію цѣлыхъ шесть народностей (стр. 157). И здѣсь авторъ поступаетъ такъ же, руководясь тѣмъ-же отрицательнымъ критеріемъ—Птолемеевой схематизаціи, но оправдывая его совпаденіями, освѣщающими спорные вопросы славянской этнографіи и нашей лѣтописной географіи. Птолемеевскіе койстобоки и сабоки жили на верхнемъ Szamos'ѣ, притокѣ Тиссы, въ нынѣшней Буковинѣ и, вѣроятно, въ прилегающихъ заднѣстровскихъ областяхъ южной Галиціи (стр. 149). Еще Мюлленгофъ, повторяя съ большими сомнѣніями объясненіе Шафарика, видѣлъ въ -βῶχοι слав. бокъ, откуда Буковина, въ -χοιστο—славян. cêsta; но *Βῶχοι были дакійцы, Κοιστο — и Σα — лишь приставки, отличавшія отдѣльныя части одной и той-же народности; Буковина — страна боковъ: въ древнихъ заимствованныхъ словахъ чуждое ō всегда переходитъ въ слав. у (стр. 148—9). Если Мюлленгофъ заключаетъ, несмотря на этимологію Шафарика, что въ Птолемеевскую пору славянъ подъ Карпатами не было (D. A. II, 87), то авторъ отмѣтилъ, пока отрицательный, фактъ, бастарно-славянскаго общенія: позднѣйшіе насельники Буковины, славяне, переняли названіе страны непосредственно отъ даковъ, не отъ германцевъ, въ устахъ которыхъ по закону перебоя боки получали-бы форму *pōχōz. Отсюда выводъ, что бастарнскаго осѣдлаго населенія въ Буковинѣ никогда не было (стр. 150—1). Разумѣются бастарны — германцы, не кельтизованное германское племя, какъ полагаетъ Бремеръ, выражающій сомнѣніе, признать ли въ са- и койстобокахъ дакійцевъ или кельтовъ (l. c., стр. 780). Этимологія Буковины этимъ не отмѣняется, но расширяется граница кельтскихъ вліяній.

Даками признаетъ г. Браунъ и кауковъ, καυκοήνσιοι = cau-

coenses (стр. 144 слѣд.); они жили южнѣе коистобоковъ (стр. 149), въ нынѣшнемъ Седмиградьѣ, въ центрѣ Карпатской горной системы. Имя кауковъ проливаетъ свѣтъ на лѣтописное названіе Карпатъ: Кавказинскія горы, рекше Угорскія; Лавр. 3: Дунай, Дънѣстръ и Кавкаисинскія — Кавкасійскія горы (стр. 145—6). Къ этой догадкѣ автора присоединю и слѣдующую: можетъ быть, это тѣ-же горы въ Седмиградскихъ-же Карпатахъ, которыя упоминаются впослѣдствіи какъ аланскія или гуннскія: архаическое воспоминаніе изъ поры движенія, которое къ началу христіанской эры наполнило южнорусскія степи сарматскими народностями, аланами, языгами, роксоланами (стр. 91 слѣд.). Земли роксолановъ, т. е. свѣтлыхъ алановъ, доходили уже въ первой половинѣ II в. (какъ и у Іордана) до Дакіи; въ поднѣпровьѣ застали ихъ готы; аланы, ясы русской лѣтописи, осы западныхъ и восточныхъ свидѣтельствъ, выйдя изъ сѣвернаго Кавказа, распространились до Дона, но со II в. по Р. Хр. оказались близкими сосѣдями готовъ и др. германцевъ, сживаясь съ ними, участвуя съ ними въ великомъ переселеніи народовъ. Оттуда понятны разсѣянныя на далекомъ пространствѣ названія аланскихъ = ясскихъ горъ (сл. Amm. Marc. 31, 2, 13: hoc, sc. Tanai, transito, in immensum extentas Scythiae solitudines Halani inhabitant, ex montium appellatione cognominati). Можетъ быть, и Ἀλανὸν ὄρος, помѣщенный у Птолемея къ сѣверо-западу отъ устья Дона, не принадлежитъ къ числу его систематизирующихъ перемѣщеній, какъ полагали Мюлленгофъ (D. A. III, 99) и Томашекъ (Pauli-Wissowa, Realencycl. des kl. Altherthums I, 1281); ясскія горы указывали въ XIV вѣкѣ въ Крыму; Дука разсказываетъ, что валашскій воевода Владъ, готовясь къ войнѣ съ турками, угналъ свой скотъ во внутренность страны, къ «аланамъ и гуннамъ»; Халкондилъ опредѣляетъ и мѣстность: трансильванскія горы, въ сосѣдствѣ Седмиградіи: аланскія горы? Если, толкуя Rosmufjöll Атлаквиды, какъ горы Іорнандовыхъ росомоновъ, я видѣлъ въ послѣднихъ не роксолановъ, а, по слѣдамъ проф. Васильевскаго,

кавказскихъ оромусховъ, или росмосоховъ [1]), то потому, что безсознательно пріурочилъ ясскія = аланскія горы именно къ Кавказу; но горы росомоновъ — роксолановъ, аланскія, могли находиться гдѣ-нибудь въ области, гдѣ роксоланы сталкивались съ готами.

Къ столь-же неопредѣленному рѣшенію приводитъ и Jössur-, Jassafjöll Hervararsaga'и. Мухъ, этимологіи котораго: Asciburgium = Jasenik = Gesenke мы коснулись выше (стр. 5,) объясняетъ сѣв. Jassafjöll смѣшеніемъ слав. ясень съ ясинъ—аланъ, откуда, при нѣмецкомъ посредствѣ, Jassa- (род. пад. множ. числа) fjöll, т. е. горы ясовъ. Если битву готовъ съ гуннами, о которой говорится въ сагѣ, пріурочить къ Ясенику — Asciburgium, то послѣдній отвѣтилъ-бы «лѣсу—горѣ» на Вислѣ, гдѣ по Vîdrsîð 121 произошелъ бой между тѣми-же народностями (съ лѣсомъ на Вислѣ сл. 'Ορκύνιος δρυμός). Но текстъ саги не ведетъ къ точному пріуроченію: «Назначь имъ (мѣсто) на Дильгѣ (или Диньгѣ) и на долинѣ Dun'a *и у всѣхъ горъ ясовъ*. Тамъ готы часто творили битву и одерживали, славные, блистательную побѣду» [2]). Dylgja — Dyngja не опредѣлима и нѣтъ причины предполагать, что названія слѣдующихъ мѣстностей стоятъ въ непосредственной географической связи: назначь любое изъ мѣстъ, гдѣ готы побѣждали своихъ враговъ, въ долинѣ-ли Дуна (Dunheiðr), или у ясскихъ горъ. Я сближалъ Dun- съ осетинскимъ, вѣроятно, аланскимъ, дон = вода, рѣка; можетъ быть, это и не Донъ, а названіе какой-нибудь другой рѣки — у ясскихъ горъ. Мухъ видитъ въ Dunheiði память о Птолемеевыхъ (Λούγιοι) Δούνοι, жившихъ къ сѣверу отъ Моравіи, а въ битвѣ готовъ съ гуннами, разсказанной въ сагѣ, отраженіе разсказа Павла

---

1) Славяно-германскіе отрывки, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCLXIV, отд. 2, стр. 1—3 и прим. на стр. 31. Бугге видѣлъ въ Іорнандовыхъ росомонахъ, gens infida, эпическое прозвище: рыжіе, гот. *Rusmunans; Koegel возстановлялъ гот. *Hrausamuni, fortis animo.

2) Сл. Мелкія замѣтки къ былинамъ VII, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCLVII, отд. 2, ст. 86 и т. д.

Діакона о битвѣ гунновъ съ лангобардами, мѣстность которой не указана.

Вопросъ о Dunheiði возвращаетъ насъ еще разъ къ «перенесенію» Птолемея, которому г. Браунъ пособилъ обратной перестановкой, возбуждающей, однако, нѣкоторыя сомнѣнія. Дѣло касается лугійскихъ народностей (стр. 46 слѣд.), среди которыхъ авторъ позволяетъ себѣ нѣкоторыя перемѣщенія именъ тамъ, гдѣ они, повидимому, помогаютъ выясненію интересующаго его вопроса (стр. 50). Насъ касаются въ данномъ случаѣ Дидуны: они живутъ на верхнемъ Одерѣ и верхней Вислѣ, можетъ быть, до верхней Варты на востокѣ и Барчъ на сѣверѣ (стр. 56, 59). Въ мюллеровскомъ текстѣ Птолемея они зовутся Λοῦγοι οἱ Διδοῦνοι, Мюлленгофъ читаетъ Διδούνιοι, Zeuss исправляетъ: Δοῦνοι, Мухъ и авторъ принимаютъ это исправленіе (стр. 155). Для послѣдняго оно важно: онъ усматриваетъ въ Dunheiðr Hervararsaga'и — пустошь дуновъ; Мухъ пріурочиваетъ Dunheiðr къ знакомому намъ Gesenke, и авторъ спѣшитъ отмѣтить, что «по точному смыслу слова Птолемея» тамъ именно живутъ (ди)дуны; но по точному смыслу тамъ живутъ лугіи буры (см. на картѣ: IX дидуны, XIII буры; висбургіи?). Имя (ди)дуновъ авторъ раскрываетъ намъ и далѣе — въ названіи города Λουγίδουνον, помѣщеннаго Птолемеемъ подъ 39° 30′ долг., 52°30′ шир.; его отождествляли съ Лигницемъ, что̀ кажется автору невѣроятнымъ: связь съ именемъ (ди)дуновъ слишкомъ ясна, Птолемей погрѣшилъ перенесеніемъ, на этотъ разъ, не сознательнымъ. Объясненіе дается такое: въ область между Одеромъ и Вислой вели съ юга два пути: первый — черезъ Моравію и сѣверо-восточную Богемію пересѣкалъ систему Судетъ по долинѣ рѣки Neisse, притока Одера, около нын. Глаца; второй шелъ черезъ землю лугіевъ — буровъ, достигая верховьевъ Вислы, либо по Моравѣ, пересѣкая Бескиды въ Яблунковомъ ущельѣ въ Австрійской Силезіи. По обѣимъ дорогамъ ходили римскіе купцы, и обѣ были, конечно, извѣстны Птолемею, пользовавшемуся итинераріями этихъ купцовъ. Имя (ди)дуновъ

взято имъ, безъ сомнѣнія, изъ итинерарія, имѣвшаго въ виду второй путь; здѣсь же долженъ былъ значиться и Λουγίδουνον. При массѣ матерьяла, имѣвшагося передъ нимъ, Птолемей допустилъ ошибку, перенеся Λουγίδουνον на другую линію, т. е. на дорогу изъ Глаца, по которой, повидимому, ходили всего рѣже, такъ какъ она представляла наибольшія трудности (стр. 57—59, 63, 64).

Такое перенесеніе города съ болѣе знакомаго маршрута на менѣе извѣстный кажется мнѣ a priori невѣроятнымъ; обратная перестановка была-бы болѣе естественной. Правда, этимъ путемъ авторъ достигаетъ совпаденія: Λουγίδουνον съ нын. деревней Луги, но послѣдняя лежитъ подъ 18°40′ долг. и 50°50′ шир. (стр. 58), и если названіе дѣйствительно пережило изъ поры лугіевъ, то оно могло обозначать какой нибудь другой лугійскій городъ, не Λουγίδουνον. Это во-первыхъ; а во вторыхъ гипотеза: Λουγίδουνον=поселеніе лугійскихъ дуновъ покоится на возстановленіи Zeuss'а: Δοῦνοι, вм. Διδοῦνοι. Почему не допустить въ окончаніи кельтск. dūnon (крѣпость), какъ извѣстно, перешедшее въ германскіе языки? Кельты могли быть въ Силезіи (Bremer l. c., стр. 782); связь Лугидуна съ Лигницемъ не невѣроятна; Лугидунъ встрѣчается и въ кельтскихъ мѣстностяхъ южной Германіи; тамъ и здѣсь отождествленіе dūnon съ (ди)-дунами отпадаетъ.

II.

На широкомъ пространствѣ Птолемеевой карты, пріуроченной къ нашему пониманію, совершаются передъ нами два главныхъ народныхъ движенія: на востокъ и позднѣе на югъ движутся бастарны, съ ними, эпизодически, скиры; съ юга на сѣверъ—готы.

Бастарны — германцы; опирается это положеніе автора 1) на свидѣтельства Страбона, Плинія и Тацита, хотя Плиній относитъ къ германцамъ и венедовъ (стр. 109—10), а Ливій 40, 57 считаетъ, повидимому, бастарновъ кельтской народностью; и 2) на «положительныя лингвистическія данныя». Если всѣ древніе авторы, вплоть до столкновенія римлянъ съ бастарнами, называютъ послѣднихъ, между прочимъ, галатами, т. е. кельтами, то произошло это по недоразумѣнію (стр. 101).

Что касается до данныхъ языка, то онѣ далеко не положительны: всего три личныхъ имени, три этническихъ названія и одно, вѣроятно, бастарнское названіе рѣки; изъ нихъ личныя имена никакого опредѣленнаго рѣшенія не допускаютъ, объясненіе другихъ представляетъ «различныя возможности», такъ что авторъ принужденъ довольствоваться выводомъ, что разбираемыя имена безъ натяжки могутъ быть объяснены изъ германскаго (стр. 111—113). Необъяснимо и названіе бастарновъ (стр. 113—115), хотя морфологически оно носитъ германскій характеръ (стр. 116). При столь скудныхъ лингвистическихъ данныхъ едва-ли можно поставить вопросъ о связи бастарновъ съ вандильцами — лугіями, тѣмъ болѣе, что Плиній выдѣляетъ ихъ и пеукиновъ въ особую группу (стр. 105—6). Генель считалъ бастарновъ германизованными кельтами, Бремеръ видитъ въ ихъ этническомъ названіи признаки кельтскаго фонетизма; когда во II в. до Р. Х. они двинулись къ морю, они уже смѣшались съ кельтами (l. c., стр. 780).

Доисторической областью бастарновъ, доходившей на сѣверѣ, быть можетъ, до волынскихъ болотъ, авторъ считаетъ Галицію (стр. 105); если имъ принадлежитъ перегласовка Карпатъ въ Harfađa, то начало перваго германскаго перебоя, наступившаго ранѣе 400 лѣтъ до Р. Х., указываетъ приблизительно на terminus a quo ихъ поселенія. Но авторъ идетъ и далѣе, относя появленіе бастарновъ на восточныхъ склонахъ Лѣсныхъ Карпатъ къ VI в. до Р. Х. (сл. Положенія № 16). Точку отправленія для этой гипотезы дало передвиженіе невровъ, един-

ственнаго племени геродотовской Скиѳіи, которое авторъ, по слѣдамъ Шафарика и другихъ, считаетъ славянскимъ (стр. 82); Бремеръ колеблется между славянами и кельтами (l. c., стр. 781—2). Гипотеза такая: бастарны оттѣснены были по сю сторону Вислы и Карпатъ кельтами центральной Германіи, среди которыхъ предполагается какое-то броженіе, значительно предшествовавшее ихъ великимъ завоевательнымъ движеніямъ на востокъ. Передвиженіе бастарновъ отдалило и славянъ отъ ихъ естественныхъ границъ, Вислы и Карпатъ; между ними и меридіаномъ 0° Пулк.—ихъ прародина; за лѣсныя Карпаты, свою естественную границу на юго-западѣ, они никогда не заходили; когда во II-мъ вѣкѣ до Р. X. исторія уже не застаетъ ихъ на Карпатахъ, то это результатъ бастарнскаго движенія (стр. 242—3, 247). Примѣромъ служитъ исторія невровъ, часть которыхъ переселилась изъ области Припети (стр. 243 слѣд.; 73), съ верховьевъ Днѣстра и Буга (стр. 74; 82—3: областъ Нѣмана) черезъ Днѣпръ на Десну къ будинамъ. Будины за Дономъ (стр. 73), по Томашку, предки вотяковъ, пермяковъ и зырянъ (стр. 84), но надо полагать, что часть ихъ сидѣла близь Днѣпра, въ сосѣдствѣ съ Невридою (Томашекъ; авторъ, стр. 245), въ рѣчной области Іордана, которую займутъ впослѣдствіи готы и гдѣ станетъ Danparstaðir, градъ Днѣпра=Кіевъ (стр. 245—6). Будины, Vidini Амміана Марцеллина,—вотяки, называющіе себя udy, udmurt, отъ ud>wud (вода; сл. чер. wüd, морд. wed, вот. wyt', uti) прекрасно идутъ къ Іордановой «рѣчной области», Oium. Впрочемъ, проф. Сетеле выразилъ мнѣ сомнѣніе относительно этимологіи udmurt; небезъинтересна также его замѣтка, что фин. vesi (vete-)=вода, зыр. -va=вода, рѣка указываютъ на раннія соприкосновенія финно-угорскихъ племенъ съ индо-иранцами (сл. отдѣльный оттискъ изъ отчета о XXXVIII присужденіи наградъ графа Уварова, стр. 19, 25—6).

Къ этимъ-то, а не задонскимъ будинамъ могли переселиться невры, принужденные къ тому громаднымъ количествомъ змѣй, какъ разсказываетъ Геродотъ (стр. 343); невры въ области

Десны — первая по времени колонія славянъ, врѣзавшаяся въ финскую массу (стр. 246); если Десна—славянское имя, то въ ея притокѣ Нерусѣ автору слышится память о древней Мери (ib.); это было-бы вѣроятно, еслибы въ топографіи древней области невровъ, на Припети и Нѣманѣ, не было такихъ названій, какъ Неръ, Нуръ, Нерская земля, которыя на этотъ разъ авторъ сближаетъ съ названіемъ невровъ (стр. 82—3).

Оттѣснивъ славянъ, бастарны оставили память въ ихъ языкѣ и топономастикѣ. Они знали кельтовъ и прозвали ихъ отъ кельтскихъ вълковъ— *walhoz; оттуда славянскіе волохи, имя которыхъ перенесено было впослѣдствіи на романизованныхъ кельтовъ и даковъ. Авторъ говоритъ объ этомъ дважды: въ связи съ бастарнами (стр. 247)—и съ готами и гепидами, еще заставшими кельтовъ въ Карпатскихъ горахъ (стр. 165); но если готы, по замѣчанію Бремера (стр. 780—1; сл. впрочемъ стр. 786) никогда не касались на своихъ путяхъ (нероманизованныхъ) кельтовъ, то кельтск. kēliknon (готск. kēlikn) проникло къ нимъ уже послѣ наступленія перебоя, отъ какихъ-нибудь восточныхъ германцевъ; можно предположить бастарновъ. Славяне застали ихъ въ Карпатахъ, но застали тамъ и кельтовъ-галатовъ; отъ послѣднихъ, безъ германскаго посредства, они, по мнѣнію автора, заимствовали названіе для страны: Галичъ, не Каличъ, какъ было-бы по закону перебоя; бастарны перегласовали Карпаты (отъ древнихъ дакійскихъ насельниковъ, карповъ) въ *Harfaþa= древнесѣв. Harfaþa, откуда этническое обозначеніе Хорватовъ (стр. 105, 173, 241); мы ожидали бы *хроватовъ, Χρωβάτοι Константина Багрянороднаго. Замѣтимъ, что мѣстныя соотвѣтственныя названія въ прикарпатской области представляютъ колебанія начальныхъ х, г, к: Хърбы, Хрипы—татранскіе Карпаты у галицкихъ русскихъ; Гарбовцы, Грабовцы, Корбы и т. п. (сл. Барсовъ, Оч. русск. истор. географіи, стр. 95); и что старосѣв. Harfaþa стоитъ одиноко среди германскихъ обозначеній Карпатъ, что̀ возбуждаетъ сомнѣніе. Если авторъ правъ, предполагая, что Harfaþa проникло на сѣверъ съ готскими эпиче-

скими сюжетами, а готы заимствовали это слово отъ бастарновъ (стр. 103), то это только усиливаетъ его одиночество.

Такъ какъ историческое значеніе бастарновъ выяснялось автору постепенно въ теченіи книги, то онъ не затруднился бы перенести съ готовъ на бастарновъ этимологію Бескидовъ; мы увидимъ, что бастарны за нихъ заходили. Правда, онъ принимаетъ объясненіе проф. Будиловича (*bi—skaiþan) съ оговорками, но затрудненіе представляетъ не столько вопросъ о времени появленія формы skaidan (точкой отправленія было-бы *be-skiþ), сколько переходъ þ въ d, который можно защитить лишь аналогіей гот. *kinþa (нѣм. kind) <чадо.

Двойственность Галича, съ его нѣсколько сомнительной родословной, и Harfaða — Хорватовъ указываетъ на накопленіе и живучесть посторонних этническихъ элементовъ въ странѣ, занятой впослѣдствіи славянами. Это та-же двойственность, какъ въ 'Ασκιβούργιον='Ορχύνιος δρυμός, если вѣрна догадка D'Arbois de Jubainville (Les premiers habitants de l'Europe II, 279; сл. Bremer, l. c., стр. 783), что 'Ορχύνιος, 'Αρχύνια = пракельтск. Percunia съ общекельтской утратой p: дубовый лѣсъ, затѣмъ лѣсъ, лѣсныя горы. Эта этимологія освѣтила бы намъ въ свою очередь этимологію Вислы: авторъ (стр. 258—9; сл. Мюлленгофъ, D. A. II, 208—9) считаетъ это слово славяно-балтійскимъ, полагая, что названіе рѣка получила при устьѣ; но кельтск. Dānuvius относится именно къ его верхнему теченію, а Плиніевъ Visculus, Viscla у Солина и Іордана напоминаютъ ирл. usce, uisce=вода (отъ *uskio; иначе Brugmann: скр. udaka съ переходомъ tk въ sk). Константинъ Багрянородный упоминаетъ рѣку во Ѳракіи, впадающую въ море между Варной и Месемвріей: Βίσλα, иначе Διτζίκη; это viça, laviça итальянскихъ итинераріевъ. Можетъ быть, наслѣдіе ѳракійскихъ кельтовъ. Бремеръ (l. c., стр. 776) также предполагаетъ, что Висла названа такъ кельтами.

Висбургіи, о которыхъ мы говорили выше (стр. 6—7), были бы «рѣчные» буры по Вислѣ, въ отличіе отъ горныхъ, жившихъ по Asciburgium — 'Ορχύνιος.

III.

Бастарны VI в. до Р. Х. принадлежатъ праисторіи; исторія (Страбонъ, Плиній, Птолемей) находитъ ихъ сидящими на сѣверовосточныхъ склонахъ среднекарпатскаго хребта, отъ верховьевъ Вислы до верхняго Днѣстра; они заходили отчасти и за Бескиды (стр. 44, 104—5, 133, 158—9). Пеукиновъ, которыхъ Плиній, повидимому, причисляетъ къ бастарнамъ (IV, 14, 100; сл. Tac. Germ. 46: Peucini, quos quidam Bastarnas vocant), никто изъ древнихъ не помнитъ на материкѣ, Птолемей знаетъ ихъ на дельтѣ Дуная (стр. 106—7) и на сѣверныхъ склонахъ Карпатъ выше бастарновъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ пользовался болѣе раннимъ источникомъ, относившимъ тотъ и другой народъ къ Сарматіи (стр. 107). Пеукины на дунайской дельтѣ и въ Сарматіи принадлежатъ двумъ разновременнымъ показаніямъ или картамъ.

Между бастарнами и готами на правомъ берегу Вислы помѣщались скиры; такъ можно судить по свидѣтельству Плинія и умолчанію Птолемея, который навѣрно назвалъ бы ихъ, еслибъ они жили на лѣвомъ берегу, т. е. въ области, хорошо ему извѣстной (стр. 118—119). Скиры — германцы, только подъ ручательствомъ двухъ личныхъ именъ (стр. 117) и ихъ этническаго названія, указывающаго на германское *skīrōz (готск. skeirs): чистые, блестящіе (стр. 103); можетъ быть, свѣтлые, бѣлые (сл. роксолановъ), въ отличіе одной группы отъ другой въ составѣ той-же народности; какой, мы не знаемъ. Какимъ образомъ очутились они во II в. до Р. Х. (если Протогеновъ псефизмъ относится къ этому именно вѣку, сл. стр. 102 прим. 1) на югѣ Россіи въ обществѣ галатовъ, съ которыми они намѣревались напасть на Ольвію? Ихъ принадлежность къ сѣвернымъ скирамъ принимаютъ Мюлленгофъ, Латышевъ и авторъ, и нѣтъ, повидимому, причины искать въ нихъ другой народности, хотя бы алановъ, какъ полагалъ Zeuss. Согласно съ нимъ авторъ раз-

личаетъ въ моментъ гуннскаго нашествія двѣ группы скировъ: одна, сидѣвшая сначала на средней Вислѣ, передвинулась за тѣмъ на средній Дунай; другую, юговосточную, слѣдуетъ искать въ Приазовьѣ, въ сосѣдствѣ съ аланами. Послѣ гуннскаго погрома ихъ силы были сломлены, а когда въ 409 году распалась держава Аттилы, они переселились вмѣстѣ съ аланами и садагаріями въ малую Скиѳію (Добруджа) и нижнюю Мезію (сл. стр. 122 слѣд.). Этихъ-то скировъ авторъ склоненъ отождествить съ ангискирами гуннскаго войска, явившагося на помощь паннонскимъ Sadagis (Jord. 53; сл. стр. 242); можетъ быть, садагаріямъ предыдущаго свидѣтельства (стр. 124). Не имѣются-ли ввиду саудараты Протогенова псефизма? Авторъ указываетъ на осет. sau — черный и daras — одежда; можетъ быть, тѣже аланы, не меланхлены, увлеченные сарматами (стр. 90).

Раздвоеніе скировъ совершилось за 6—7 вѣковъ до гунновъ, если скиры, готовившіеся напасть на Ольвію, были приазовскіе. Причину этого раздвоенія авторъ видитъ въ великомъ движеніи бастарновъ во II вѣкѣ до Р. Х. (стр. 125).

Гдѣ источники для изображенія этого «движенія»? Бастарны являются на югѣ во II вѣкѣ до Р. Х., когда по вызову Филиппа Македонскаго они вторглись во Ѳракію; пораженные ѳракійцами они вернулись за Дунай, послѣдніе ихъ отряды послѣдовали въ 175 г. до Р. Х. Въ 168 г. они обѣщали Персею вспомогательное войска противъ римлянъ, но все кончилось переговорами; въ 83—4 годахъ они на сѣверномъ берегу Понта въ числѣ союзныхъ народовъ Митридата (стр. 100; сл. Müllenhoff, l. c. II, 104—7). Авторъ полагаетъ, что на нижнемъ Дунаѣ они очутились въ самомъ началѣ III вѣка, но это построено на догадкѣ Мюлленгофа, которая и отмѣчается, какъ сомнительная (стр. 101); колеблющимся, если не сомнительнымъ, является и хронологическое пріуроченіе Протогенова псефизма, который акад. Латышевъ относитъ къ III-му, авторъ ко II вѣку (стр. 102, прим. 1); сомнѣніе вызываетъ и толкованіе ольвійской надписи. Она говоритъ о скирахъ и галатахъ. Въ по-

слѣднихъ нѣмецкіе изслѣдователи, отъ Цейса до Мюлленгофа, видѣли бастарновъ (стр. 101—2): мы уже знаемъ, что у древнихъ авторовъ послѣдніе ходили подъ именемъ первыхъ (сл. выше, стр. 12). Авторъ спасаетъ галатовъ, только признаетъ въ нихъ не ѳракійскихъ кельтовъ (Шмидтъ, Латышевъ) и не скордисковъ между Савой и Дравой (Boeckh), а дунайскихъ бритолаговъ (стр. 129—130, 164); но изъ-за бритолаговъ-галатовъ явились у него и бастарны: именно ихъ движеніе увлекло за собою скировъ и жившихъ въ лѣсныхъ Карпатахъ бритолаговъ (стр. 164, 148), которыхъ авторъ считаетъ кельтами, Бремеръ кельтами, либо даками (l. c. стр. 781).

Движеніе это дважды характеризуется. На первый разъ кратко (стр. 106): изъ Галиціи на югъ въ началѣ II до Р. Хр.; достигнувъ нижняго Дуная, бастарны вступили въ переговоры съ Филиппомъ Македонскимъ (стр. 160—1: авторъ соединяетъ съ этимъ нашествіемъ пораженіе бастарнами гетовъ) и по его приглашенію, переправившись черезъ рѣку, пошли на Ѳракію. Когда ѳракійцы ихъ разбили, бо́льшая ихъ часть вернулась домой, за ними и послѣдніе 30,000, дошедшіе было до Дарданіи. При этомъ отступленіи часть народа осталась, однако, на нижнемъ Дунаѣ, занявъ островъ Πεύκη на дельтѣ этой рѣки.

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 119—20) этотъ маршрутъ разработанъ подробнѣе: часть скировъ и подкарпатскихъ кельтовъ-бритолаговъ двинулась на югъ по слѣдамъ бастарновъ; въ то время, какъ главная масса, обойдя Карпаты, пошла на Ѳракію, скиры вмѣстѣ съ галатами отдѣлились отъ бастарновъ и направились на югъ. Послѣ неудачнаго нападенія на Ольвію галаты, повидимому (?), снова хотѣли примкнуть къ бастарнамъ, теперь же, или на обратномъ пути (бастарновъ — на родину?), но застряли, вмѣстѣ съ пеукинами, на нижнемъ Дунаѣ, гдѣ мы ихъ и находимъ впослѣдствіи подъ именемъ бритолаговъ. Что сталось со скирами — мы не знаемъ; можетъ быть, они также послѣдовали за бастарнами и вернулись въ первоначальныя поселья на

Вислу, откуда главная масса скировъ еще не тронулась; ея передвиженіе на Дунай относится уже къ V в. по Р. Х.

Иначе пытается согласить Плиніевыхъ скировъ на Вислѣ со скирами на Днѣстрѣ въ III в. до Р. Х. акад. Латышевъ: скиры движутся съ юга къ Вислѣ, по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ обратно къ Дунаю (Изслѣдованія объ исторіи Ольвіи, стр. 92).

Итинерарій бастарновъ и скировъ, надъ которымъ авторъ, очевидно, много поработалъ, грѣшитъ нѣкоторою дѣланностью; у Мюлленгофа тѣ-же матерьялы и та-же идея «движенія» (бастарны-галаты увлекаютъ скировъ къ берегамъ Понта), но систематизаціи меньше. Въ извѣстномъ смыслѣ Бремеръ былъ правѣе другихъ, когда замѣнилъ галатовъ бастарнами, ибо призналъ въ послѣднихъ кельтизованныхъ германцевъ, но у него проблематическое движеніе обратилось уже въ господство и протекторатъ, между прочимъ, надъ славянами. Высказывается предположеніе, что бастарны тронулись съ своихъ мѣстъ, быть можетъ, подъ давленіемъ готовъ, занявшихъ западную Польшу; они не населили всего пространства отъ Судетъ до Чернаго моря и Валахіи (?), а были здѣсь, какъ позднѣе готы, господствующимъ народомъ, подчинившимъ себѣ остатки кельтовъ и славянскія народности (l. c., стр. 791; сл. стр. 823: бастарны сидятъ отъ истоковъ Вислы въ Галиціи до устьевъ Дуная). Лишь со времени бастарнскаго движенія славяне пришли въ соприкосновеніе съ германцами, — если не предположить, что̀ кажется автору невѣроятнымъ, что прародиной славянъ было небольшое сравнительно пространство между Полѣсьемъ и средней Вислой, а не область на среднемъ Днѣпрѣ. Я не понимаю этого ограниченія и совершенно присоединяюсь къ мнѣнію автора о невѣроятности другой, имъ-же выставленной гипотезы: будто славяне могли когда то жить на лѣвомъ берегу Вислы, откуда въ концѣ III вѣка ихъ могли оттѣснить или гдѣ ихъ поработили германцы (l. c., стр. 782).

Вернемся къ южно-русскимъ степямъ. Бастарны здѣсь воз-

становлены гипотезой; скиры подъ Ольвіей не предполагаютъ необходимо товарищество съ бастарнами; южныхъ скировъ мы знаемъ и позже въ сосѣдствѣ съ кельтами въ общемъ движеніи на западъ до Добруджи. Авторъ (стр. 124, прим. 2) переводитъ Angisciri (см. выше, стр. 17)—малые скиры, въ связи съ готск. aggwus, древненѣм. angi, engi; можетъ быть—угловые скиры (отъ *ank, *onk; сл. готск.—agga въ halsagga=затылокъ, лат. uncus, греч. ἄγχος—долина, ущелье, скр. añka—излучина, лука), какъ наши уличи, улучи, сидѣвшіе не въ Буджакѣ (=уголъ), какъ полагалъ Надеждинъ, а на лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ *углѣ*, образуемомъ нижнимъ теченіемъ этой рѣки и западнымъ берегомъ Азовскаго моря, въ мѣстности, за которой и позже осталось названіе Ungul, Onkul, отъ чего не отдѣлить Ингула, Ингульца= Ангульца (Брунъ, Черноморье I, 177 слѣд.). Этимъ ангискирамъ-угличамъ не далеко было до Ольвіи, какъ и галатамъ, если признать въ нихъ не придунайскихъ и подкарпатскихъ бритолаговъ, какъ полагаетъ авторъ, а кельтовъ теурисковъ, Τευρίστας καὶ Ταυρίσκους καὶ τούτους Γαλάτας (Strabon. VII, 293), жившихъ въ Лѣсныхъ Карпатахъ и Татрѣ (стр. 152). Послѣдніе отвѣтили бы и этимологически тиверцамъ, сидѣвшимъ за угличами по Днѣстру и по морю до Дуная. Мы знаемъ кельтскій Карродунонъ на Днѣстрѣ, пріуроченный авторомъ къ мѣстности Каменецъ-Подольска (стр. 172, 206 слѣд.); смѣшеніе кельтскаго элемента съ аланскимъ представляется вѣроятнымъ: аланское собственное имя Eochar носитъ иранскій обликъ (сл. стр. 97: «дѣлающій яснымъ»; Вс. Миллеръ, Осет. этюды III, стр. 96, объясняетъ его изъ осетинскаго: просо ѣдящій), но у него есть и кельтскія параллели (Браунъ, стр. 370, прим. 97).—Именно угличей и тиверцевъ (толковины лѣтописи, поганыя толковины Слова о П. Иг.) долго не могли сломить русскіе князья.

IV.

Готское движеніе, которымъ авторъ занимается въ настоящей части своего изслѣдованія, почти ничего не даетъ для гото-славянскихъ отношеній и лишь указываетъ на ихъ возможность въ будущемъ. Движеніе совершается съ юга на сѣверъ, гдѣ въ концѣ II вѣка по Р. Х. мы застаемъ готовъ на нижней Вислѣ (стр. 25); съ этой поры центръ тяжести готской силы переносится на югъ (стр. 341), гдѣ къ началу III в. уже сосредоточены главныя силы народа (стр. 335) и начинается второй періодъ его исторіи.

Авторъ, считавшій возможнымъ въ началѣ своего изслѣдованія (стр. 29) опредѣлить границы сѣвернаго поселья готовъ, послѣдовательно отказывался отъ этого мнѣнія: въ началѣ онъ помѣщалъ ихъ въ восточномъ углу западной Пруссіи до Вислы на западѣ, на югѣ приблизительно до Буга (стр. 29); въ другомъ мѣстѣ (стр. 284), опредѣляя границы айстовъ при Птолемеѣ, онъ поселяетъ готовъ на западъ отъ Прегеля, выражая увѣренность, что ихъ господство простиралось и далѣе на востокъ, и лишь намѣчая вопросъ объ остзейскихъ готахъ (стр. 254—5 прим. 1). Послѣднее рѣшеніе такое (стр. 335): готы между Вислой, Нѣманомъ и Бугомъ едва-ли достигли полной осѣдлости; эта область служила лишь исходнымъ пунктомъ ихъ дальнѣйшихъ передвиженій по направленію къ сѣверо- и юго-востоку.

Этимъ объясняется, почему они такъ легко снялись съ мѣста, объяснимо было-бы и «широкое политическое и культурное воздѣйствіе ихъ на весь славяно-балтійскій и финскій міръ». Мнѣ кажется, что о широкомъ воздѣйствіи нельзя говорить, когда дѣло идетъ о привислянскихъ готахъ, на которыхъ авторъ какъ-бы переноситъ культурно-историческую оцѣнку той-же народности во второй періодъ ея исторіи (стр. 341). Перечень готскихъ, или предполагаемыхъ готскихъ словъ, перешедшихъ въ

финскія нарѣчія (Thomsen, l. c. стр. 106) въ сравненіи съ болѣе древними иранскими заимствованіями, которыя сгруппировалъ проф. Сетеле (l. с., стр. 20—1) этого не оправдываетъ. Относительно готскаго mēki (финское miekka, стр. 266) укажу на замѣтку Облака (у Ляпунова, Изслѣдованіе о языкѣ Синодальнаго списка 1-й Новгородской лѣтописи. Вып. I. Спб. 1899, стр. 70), что это германское слово перешло къ славянамъ въ двоякой формѣ: мечь = гот. mēkja- и мьчь = сербск. мач, млр. міч. Крымско-готское mycha (мечь)=*mika- рядомъ съ mēkja- распредѣляются хронологически, какъ mēr, mir въ суффиксахъ личныхъ именъ; міч, мач указываютъ на болѣе поздній фазисъ готской фонетики.

О политической роли готовъ въ привислянскую пору исторія молчитъ; очень вѣроятно, что указаніе Іордана на Чудь между Ладожскимъ и Онежскимъ озеромъ, будто-бы входившую въ составъ царства Эрманариха, принадлежитъ воспоминанію о древней порѣ, перенесенному къ концу второй, южной (стр. 255). Послѣдней принадлежитъ и градъ Днѣпра въ рѣчной странѣ (см. выше стр. 13).

Исторію перваго готскаго движенія авторъ разсказываетъ на стр. 331, дополняя недоборъ первыхъ страницъ своей книги, введшей насъ in medias res, къ готамъ на нижней Вислѣ. Первый писатель, упоминающій о нихъ, Страбонъ († 23 по Р. Хр.), знаетъ ихъ еще близъ верховьевъ рѣки, въ сосѣдствѣ съ Богеміей; авторъ предполагаетъ (стр. 328—330), что они входили въ составъ государства Меробода, читая Γούτωνας вм. Βούτωνας; когда сила Меробода была сломлена (въ 19 г. по Р. Х.), они первые отложились отъ него. Двинувшись на сѣверъ, они прокладываютъ себѣ дорогу черезъ земли другихъ лугійцевъ: воспоминаніе объ этомъ сохранилось въ готскихъ пѣсняхъ(?) въ формѣ преданія о побѣдѣ надъ вандалами, которыхъ авторъ отождествляетъ въ одномъ мѣстѣ съ аздингами — виктовалами, помѣщая ихъ между Одеромъ и Вислой, или Одеромъ и Судетами, отъ силинговъ до буровъ; въ другомъ (стр. 47, 173, 53)

они—тѣ-же силинги и ихъ мѣсто въ Силезіи. О готскихъ пѣсняхъ мы скажемъ далѣе; о побѣдѣ надъ вандалами говоритъ Іорданъ, но она пріурочена къ низовьямъ Вислы. Авторъ (стр. 313) оставляетъ на первый разъ открытымъ вопросъ, относитъ ли Іорданъ эту побѣду ко времени до окончательнаго занятія готами низовьевъ Вислы, или непосредственно послѣ него; позже (стр. 328—331) онъ склоняется къ первому рѣшенію, ибо переноситъ это столкновеніе ко времени готскаго движенія на сѣверъ. Тогда неправъ Іорданъ, говорящій именно о низовьяхъ Вислы.

Между тѣмъ готы еще двигаются къ сѣверу: Плиній старшій, закончившій свою «Естественную исторію» въ 70-хъ годахъ І-го вѣка, застаетъ ихъ все еще на лѣвомъ берегу Вислы; тамъ знаетъ ихъ, повидимому, и Тацитъ въ самомъ концѣ І-го вѣка по Р. Х. Первый писатель, свидѣтельствующій о совершившемся уже переходѣ готовъ черезъ Вислу—Птолемей, ІІ-го вѣка по Р. Х. Готы, стало быть, не ранѣе второй половины предыдущаго столѣтія достигли морского берега. Отсюда пошло ихъ выселеніе на Готландъ (стр. 303) и въ южную Швецію: жители перваго зовутъ себя gutar, южношведскіе гауты встрѣчаются уже у Птолемея (стр. 277), и авторъ пытается опредѣлить эти формы, какъ параллельныя, догерманскія, фонетическое различіе которыхъ можетъ быть объяснено смѣною акцента въ зависимости отъ падежнаго ударенія (стр. 279). Это, впрочемъ, лишь попытка объясненія: можетъ быть, между *gaúta и gután нѣтъ ничего общаго, говоритъ онъ, предоставляя спеціальному изслѣдованію вопросъ о значеніи Gaut'a-Geáta скандинавскихъ и англосаксонскихъ королевскихъ генеалогій и Gauta-Одина Эдды, въ которомъ, можетъ быть, мы имѣемъ «исходный пунктъ этническаго имени гаутовъ» (стр. 280—1 и прим.). Вопросъ остается открытымъ, какъ и другой, поднятый авторомъ въ своемъ вступленіи: о hrôd—и hreiþ въ прозвищѣ готовъ (стр. 13—14).

Ихъ движеніе отъ юга къ низовьямъ Вислы, услѣдимое по историческимъ памятникамъ, устраняетъ мнѣніе, навѣянное легендой Іордана и до сихъ поръ держащееся въ наукѣ: о выходѣ

готовъ на материкъ съ сѣвера, изъ Скандинавіи. Подготовивъ историческую почву для рѣшенія вопроса въ обратномъ смыслѣ, авторъ подходитъ къ нему съ лингвистической стороны (стр. 256 слѣд.), главнымъ образомъ разборомъ труда одного изъ новѣйшихъ представителей старой теоріи, Коссинны, еще недавно доказывавшаго, что вся восточная Германія заселена была выходцами изъ Скандинавіи (стр. 265); оттуда, стало быть, выселились и готы въ числѣ другихъ вандильцевъ-лугіевъ. Таково мнѣніе и Loewe, работа котораго вышла одновременно съ разбираемой нами (Loewe, Die ethnische und sprachliche Gliederung der Germanen, 1899). Авторъ протестуетъ противъ этого взгляда: уже въ I или II вѣкѣ до Р. X. вандильцы выдѣлились изъ другихъ германскихъ народностей въ особую лингвистическую семью (стр. 265—268), а такое выдѣленіе возможно лишь при совмѣстномъ сожительствѣ и нѣкоторой замкнутости — условіяхъ равномѣрнаго развитія. Скандинавія, гдѣ германскій элементъ къ концу бронзоваго періода достигалъ къ сѣверу лишь до Дальельфа, гдѣ рядомъ съ предполагаемыми вандильцами жили могущественные шведы, такихъ условій не представляла, особенно если представить себѣ, что вандильскія народности, игравшія выдающуюся роль въ исторіи Европы III—IV вѣковъ, являлись значительными этническими единицами. Если въ Скандинавіи онѣ не сомкнулись въ сплошное географическое цѣлое, а жили врозь, не достигнувъ сознанія своей цѣльности, то какъ объяснить себѣ, что всѣ эти переселенцы съ разныхъ пунктовъ скандинавскаго сѣвера сошлись именно на нижней Вислѣ, гдѣ ихъ застаетъ исторія? (стр. 268—279). Здѣсь они и могли выработать тѣ фонетическія особенности, которыя позволяютъ обособить ихъ въ самостоятельную группу (сл. стр. 290, 337 слѣд.); обособленіе это совпадаетъ съ переходомъ готовъ за Вислу (стр. 338); особенности вандильскаго вокализма, и спеціально готскаго, развились подъ вліяніемъ айстовъ (стр. 340—1); готскія теченія сказываются въ специфической окраскѣ гласной системы вандальскаго языка (стр. 337), на западѣ онѣ слабѣютъ, и бур-

гундскій языкъ представляетъ уже переходную ступень къ западно-германскому типу (стр. 338). Этотъ типъ авторъ склоненъ рѣзко отдѣлить отъ вандильскаго: разбирая группировки германскихъ нарѣчій, существующія въ наукѣ (не упомянуты Бремеръ и Лёве, работы которыхъ явились позже), онъ склоняется къ рѣшенію Я. Гримма, являясь сторонникомъ гипотезы о ближайшемъ родствѣ скандинавовъ съ западными германцами (стр. 275—6, прим. 1), и кончаетъ свой походъ противъ скандинавистовъ анализомъ фонетики гутскаго діалекта на Готландѣ, насколько то дозволило незначительное количество древнихъ памятниковъ и отсутствіе словаря современнаго говора (стр. 282—303). Скандинавскіе ученые видѣли въ немъ своеобразно развившееся нарѣчіе шведскаго языка (стр. 289); сродство гутскаго съ готскимъ и позднее вліяніе шведскаго на первый заподозрилъ Лёве; авторъ предварилъ его обстоятельнымъ изслѣдованіемъ, приводящимъ къ заключенію, что исторической жизни гутскаго языка предшествовалъ періодъ, когда, по крайней мѣрѣ въ области вокализма, онъ развивался въ направленіи, противоположномъ скандинавскому и совпадающемъ съ вандильскимъ (стр. 302—305); а такъ какъ особенности послѣдняго могли выясниться только на материкѣ, то на почвѣ языка доказывается конечный актъ того движенія готовъ съ юга на сѣверъ, о которомъ свидѣтельствуетъ исторія.

Бремеръ также ищетъ прежней осѣдлости готовъ по обѣимъ сторонамъ верхней Вислы (стр. 826); отъ Вислы пошло и выселеніе германцевъ въ область между средней и нижней Эльбой и Одеромъ (стр. 786); когда въ III-мъ вѣкѣ до Р. Х. восточные германцы — готы отодвинулись къ востоку отъ Эльбы, скандинавы уже успѣли отъ нихъ отдѣлиться (стр. 785—6, 789—90).

V.

Въ виду совпаденія историческихъ и лингвистическихъ данныхъ, разработаннаго, какъ мнѣ кажется, достаточно прочно, теряетъ какую бы то ни было доказательность легенда Іордана о выселеніи готовъ изъ Скандинавіи, поддержанная сходнымъ преданіемъ о лангобардахъ и разсказамъ поздней Гутасаги о такомъ же выселеніи гутовъ изъ Готланда. Другіе варьянты того-же преданія, съ именами другихъ народностей, я не беру въ разчетъ, какъ отраженныя.

Авторъ видитъ въ легендѣ историческій фактъ на изнанку (стр. 326), въ лангобардскомъ преданіи—повтореніе схемы готскаго, сохранившагося, будто-бы, у остготовъ въ Италіи и здѣсь перешедшаго къ лангобардамъ (стр. 324). Мнѣ кажется, можно усомниться въ томъ и другомъ толкованіи.

Начнемъ съ готскаго преданія (стр. 256—7). У Іордана готы выселяются изъ Scandza insula на трехъ корабляхъ къ устью Вислы; на третьемъ кораблѣ была та часть переселенцевъ, которую прозвали гепидами, отъ готск. gepanta — лѣнивый; они и пристали послѣдними. Въ устьѣ Вислы жили островные руги, вытѣсненные теперь новыми пришельцами; гепиды заняли устье рѣки, готы поселились на востокъ отъ нихъ, ихъ область получила названіе Gothiscandza; отсюда они и двинулись на югъ.

Лангобардское преданіе, восходящее къ утраченной «Origo gentis Langobardorum» VII в., сохранилось въ трехъ редакціяхъ (стр. 308 слѣд.). Редакція В, по крайней мѣрѣ въ первой главѣ, наиболѣе важной для нашего вопроса, въ точности передаетъ первоначальный текстъ «Origo»; «изъ-за латинской фразы еще вполнѣ ясно просвѣчиваютъ формулы и аллитераціонные стихи древней пѣсни» (стр. 309). Эту пѣсню авторъ и имѣлъ въ виду, когда выше говорилъ о столкновеніи готовъ съ вандалами (стр. 22); вмѣсто готовъ лангобардское преданіе механически подставило лангобардовъ, тогда какъ вандалы въ Силезіи нахо-

дились за горизонтомъ лангобардской земли (стр. 313), а готы могли съ ними столкнуться на пути къ сѣверу (см. выше стр. 23). Если легенда виновна въ такой неисторической перестановкѣ, то остается заключить, что B, отражающій первоначальный текстъ Origo, еще дальше отошелъ отъ исторіи, заставляя лангобардовъ биться съ вандалами на ихъ прародинѣ, въ Скандинавіи; редакція A знаетъ о такомъ столкновеніи на берегу материка. Между тѣмъ объ эпизодѣ борьбы въ B авторъ говоритъ, что онъ разсказанъ здѣсь подробнѣе и лучше, т. е. ближе къ источнику, (готской) пѣснѣ (стр. 311).

Вторая редакція A принадлежитъ Павлу Діакону: онъ внесъ въ свою исторію содержаніе Origo, разбивъ его на части, парафразируя древній текстъ, придавъ ему болѣе изящную латинскую форму, снабдивъ его объяснительными вставками (стр. 308—9). Тѣмъ не менѣе онъ полнѣе передаетъ содержаніе Origo, хотя по формѣ сильнѣе отступаетъ отъ него, чѣмъ B (стр. 311); но онъ—«наиболѣе надежный источникъ» (стр. 315).

Наконецъ третья редакція, C, самостоятельная работа, составленная между 807—810 гг. и доведенная до паденія лангобардскаго царства. Изъ интересующей насъ части Origo она взяла лишь немногое (стр. 309), за то она пользовалась спеціально лангобардскимъ преданіемъ, изъ котораго Павелъ Діаконъ взялъ нѣсколько эпизодовъ, перенеся въ разсказъ Origo столкновеніе съ вандалами (стр. 318: между Скандинавіей и Голандомъ; вѣрнѣе: между Скорингой и Маурингой, стр. 310).

Для критики редакцій Origo, въ виду вопросовъ, возбужденныхъ авторомъ, полезно будетъ сопоставить схемы разсказовъ. Въ A и B прародиной лангобардовъ является Скандинавія; первоначальное имя народа—Winnili; въ C они жили на Vindilicus amnis и оттуда перебрались въ Scatenauge (Scadanau), Albiae fluvii ripa. Я миную сказку у Павла Діакона о томъ, почему виннилы назвались впослѣдствіи лангобардами.

A. 1. Выходъ изъ Скандинавіи вслѣдствіе умноженія населенія. По жребію выселяется третья часть народа, выбравъ вождями двухъ братьевъ, Ibor и Aio; у нихъ мать, мудрая Гамбара.	B. 1. Уже въ Скандинавіи надъ винилами господствуютъ Ibor и Aio, сыновья Гамбары; здѣсь же происходитъ битва съ вандалами. Сл. A 2.	C. 1 Выходъ изъ прародины на Vindilicus amnis, изъ-за змѣй, по совѣту Гамбары; нѣтъ юношей предводителей, нѣтъ эпизода съ вандалами ни въ 1, ни въ 2.
2. Переселенцы достигаютъ прибрежной страны Scoringa (arc. score=ripa), гдѣ бьются съ вандалами.		3. Пристаютъ къ Scatenauge, Albiae fluvii ripa.
3. Mauringa; лангобарды бьются съ какими-то Assipitti.		
4. Golanda Anthaib Banthaib Vurgundhaib.	Golaida Anthaib Bainaib Burgundaib.	
Выбравъ царемъ Агельмунда, движутся на востокъ: Amazones — Bulgares.		Saxoniae patria (выборъ Агельмунда); страна народа Beowinidi.

5. Въ A B C достигаютъ Rugiland'а (въ B: при Агельмундѣ); въ 487 г. лангобарды дѣйствительно заняли на Дунаѣ и March'ѣ земли, покинутыя ругіями.

Г. Браунъ основываетъ свое предположеніе о готскомъ источникѣ лангобардской легенды а) на извѣстномъ намъ эпизодѣ вандаловъ, котораго не пріурочить къ лангобардской исторіи, и в) на § 4 въ А и В, который Мюлленгофъ (D. A. II, стр. 98 и прим. *) не затруднился приписать лангобардскому преданію, протестуя противъ объясненія Цейса: Antaib=Antarum pagus, тогда какъ авторъ, по слѣдамъ Цейса и Шафарика, видитъ въ Golanda=Голядь, въ Anthaib — область антовъ, т. е. юговосточныхъ славянъ, въ Banthaib, которое онъ исправляетъ въ Wanthaib, ибо такимъ образомъ возстанавливается аллитерація съ слѣдующимъ Wurgundaib (мы уже знаемъ, что въ числѣ источниковъ Origo была народная пѣсня) — область венедовъ — вятичей, тогда какъ Вуругунды объявляются Уругундами, тюркскимъ народомъ близъ Меотиды, съ которымъ сталкивались готы (стр. 314—15). Всѣ эти народности входили въ районъ готскаго, не лангобардскаго историческаго движенія: голядь, анты, вятичи, уругунды, слѣдующіе другъ за другомъ въ строгомъ географическомъ порядкѣ, «по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что онъ начинается съ голяди въ восточной Пруссіи и кончается вуругундами около Мэотиды» (стр. 316). О строгомъ географическомъ порядкѣ говорить не приходится, да его и трудно было бы согласить съ требованіями предполагаемой пѣсенной аллитераціи. Заключеніе (ib.) такое: «передъ нами отзвукъ готской пѣсни, пѣвшей о побѣдахъ готовъ надъ вандалами, голядью, антами, вятичами, вуругундами, амазонками, болгарами»; лангобарды взяли эти этническія имена «изъ готскаго преданія», т. е. пѣсни. Вѣрнѣе было бы сказать: не лангобарды, а оригиналъ АВ, и не изъ пѣсни, а изъ какого-нибудь перечня народностей, versus memoriales, вродѣ включенныхъ въ Видсидъ, въ аллитераціонной формѣ или нѣтъ, перечня, готскія отношенія котораго кажутся и мнѣ вѣроятными, но который къ VII вѣку могъ стать формулой, служившей цѣлямъ литературнаго преувеличенія и впечатлѣнію дали. Я говорю о вѣроятности — относительной: Burgundaib можетъ отвѣтить бургундамъ Птолемея на западъ отъ Вислы

выше лугіевъ, его же Φρουγουνδιόνες живутъ на востокъ отъ той же рѣки. Это ближе къ Голади и венедамъ, и южная окраска теряется вмѣстѣ съ готской пѣсней.

Но авторъ продолжаетъ обобщать: первымъ источникомъ A и B онъ считаетъ готское преданіе, откуда въ лангобардскую легенду перешли Скандинавія, Голадь, земли антовъ и т. д.; вторымъ: лангобардское преданіе, сохранившее память о фактической ихъ родинѣ на Эльбѣ (стр. 318); изъ него-то, мы видѣли, черпалъ редакторъ C, имъ воспользовался эпизодически и Павелъ Діаконъ. Страннымъ является, что, говоря о происхожденіи именно лангобардовъ, онъ такъ мало удѣлилъ мѣста источнику C, позволивъ себя заполонить готской пѣснѣ. Отмѣтимъ и еще одно противорѣчіе автора: намъ сказали, что Скандинавію Origo взяла изъ готской саги; между тѣмъ оказывается, что родиной этого представленія могъ быть Шлезвигъ: нѣмецкое преданіе о происхожденіи свевовъ заставляетъ ихъ выселиться изъ за-моря in loco Sleswic (стр. 321—2); англосаксонская генеалогія говоритъ о какомъ-то Sceáf'ѣ, приставшемъ на кораблѣ безъ руля къ Скандинавіи; впослѣдствіи онъ сталъ царемъ Slaswich'а (стр. 327). «Здѣсь въ Шлезвигѣ, слѣдуетъ, кажется, искать исходный путь этого преданія, общаго лангобардамъ и саксамъ и слившагося впослѣдствіи (?) съ мотивомъ о выходѣ всего народа изъ Скандинавіи. Оно, можетъ быть, и дало поводъ къ введенію готскаго мотива въ лангобардскую пѣсню». Двоякое упоминаніе Шлезвига не перевѣшиваетъ разности фактовъ: въ одномъ случаѣ туда переселяются изъ-за моря, въ другомъ путь обратный: въ Скандію и затѣмъ въ Шлезвигъ. Но если согласиться съ авторомъ, то окажется, что Скандинавія, какъ точка отправленія, знакома была сакскому — и лангобардскому преданію, въ послѣднемъ случаѣ независимо отъ готской легенды. Что послѣ того останется отъ нея въ Origo? Борьба съ вандалами, можетъ быть, ошибочно занесенная, и перечень народовъ, лежавшихъ на историческомъ пути готовъ, но перечень, производящій впечатлѣніе формулы.

Происхожденіе легенды о прибытіи народа или народовъ изъ-за моря, откуда они никогда не приходили, но вблизи котораго нѣкоторое время жили, я объясняю себѣ такимъ образомъ: легенда должна была сложиться у людей, давно отошедшихъ отъ береговой линіи, осѣвшихся гдѣ-нибудь на материкѣ, съ историческими цѣлями на югѣ; когда у нихъ явится желаніе создать себѣ историческое прошлое, отвѣтить на вопросъ, откуда они пришли, они не укажутъ на югъ, куда пути имъ вѣдомы: они пришли издалека, изъ-за моря, храбрые (=виннилы), завоевавшіе себѣ новыя поселья путемъ побѣдъ. Формула троичности (три корабля у Іордана, три брата въ Гутасагѣ) принадлежитъ къ поэтикѣ такого рода сказаній; роль мудрой матери,—древняя черта въ исторіи семейнаго уклада; причиной выселенія будетъ умноженіе народа, голодъ, змѣи. Рядомъ съ такой формулой могли существовать и другія, иныя изъ нихъ и распространяться отъ одного народа къ другому, устнымъ или литературнымъ путемъ, какъ то случилось съ лангобардской (сл. 320 слѣд.). Оставалось развить ее въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ маршрутомъ историческаго, нерѣдко и фантастическаго характера. Переселенцы, разумѣется, пристанутъ къ *берегу*: *Scoringa* въ А, чему Albiae fluvii *ripa* въ С отвѣчаетъ развѣ словомъ ripa; С отнесло сюда и баснославную Scatenauge= Scandza, откуда по А В выселяются лангобарды, тогда какъ по С они пришли съ *Vindilicus* amnis, въ чемъ я усматриваю не смѣшеніе лангобардовъ—винниловъ съ вандалами (сл. стр. 309, 310 прим. 2), а, можетъ быть, память о древней лангобардской области на средней Эльбѣ, въ Люнебургѣ и *Вендландѣ*.—Далѣе слѣдуетъ въ А загадочная *Mauringa*, которую равеннскій географъ соединяетъ съ Эльбой: patria quae Albis *Maurungani* certissime antiquitus dicebatur. Что такое Mauringa — Maurungania? Авторъ разумѣетъ подъ нею центральную часть Германіи на правомъ берегу средней Эльбы, вѣроятнѣе, болотистую область (въ связи съ mōr=palus) на Гавелѣ и Шпрее; Мюлленгофъ видитъ въ ней, согласно съ равеннскимъ географомъ,

всю восточную Германію отъ Эльбы до Вислы и отъ Дуная до нѣмецкаго моря (D. A. II, стр. 379), что̀ приблизительно отвѣчало-бы представленію Видсида, пѣвца миргинговъ, если они тождественны съ маурингами: отъ Дуная до Эйдера (l. c. стр. 99), тогда какъ Тенъ-Бринкъ ограничиваетъ ее средней и восточной Гольштиніей (Paul's Grundriss II B., 1 Abth., 5-e Lief., стр. 544). Я отношу Mauringa къ области полуфантастической географіи; Мюлленгофъ (l. c., 97 прим. *) устраняетъ этимологію môr, равно какъ и другую отъ maur, môr = Maurus, Aithiops, и предлагаетъ свою: старосѣв., исл., шведск. maur — муравей, староверхнен. marawi, muruwi (см. староболг. мравий, √ морвъ; финнск. muurainen, muurahainen, эстонск. murelane, mureline). Maurunga—Mauringa означало бы страну съ избыткомъ населенія, муравейникъ; Maurung былъ-бы—мирмидонъ; Mўrginga Видсида пришлось-бы устранить отъ сравненія, если вѣрно замѣчаніе Шаде, что въ основѣ лежало индоевр. w, не гортанная velaris (сл. Bruckner, Die Sprache der Langobarden, стр. 106, прим. 2). — Извѣстно, какое значеніе получили мирмидоны, обобщившись изъ узко-этническаго имени: въ Virtutes Andreae такъ называются черноморскіе скиѳы, среди которыхъ проповѣдовалъ апостолъ, тамъ лежитъ и городъ человѣкоядцовъ, Myrmidon или Myrmidona, Mermedonia англосаксонской поэмы Andreas; византійцы называли племена, поочередно являвшіяся на югѣ Россіи — мирмидонами *). Страна маурунговъ, маурунганъ, въ имени которыхъ проф. Гейнцель заподозрилъ славянскій суффиксъ, могла отвѣчать такому же общему географическому представленію, безъ опредѣленныхъ границъ на югѣ. Тамъ могли жить и фантастическіе, по крайней мѣрѣ для насъ, Assipitti (A).

Переселенцы двинулись на югъ, въ Мауринигію — Маурунганію. Далѣе формула наростаетъ: вторгаются versus memoriales съ перечнемъ Anthaib и т. д.; либо C ведетъ лангобардовъ отъ Albiae fluvii ripa въ *Saxoniae patria* и къ народу *Beowinidi*.

*) Сл. Мелкія Замѣтки къ былинамъ. XV, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. CCLXVIII, отд. 2, стр. 22 слѣд.

Cл. последовательность у равенскаго географа: *patria quae Albis Maurungani*.... dicebatur, на югъ отъ Daniae patria quae nominatur *Saxonia*, сѣвернѣе обѣихъ Панноній; montuosa per longum quasi ad orientem multum extenditur, cuius aliqua pars *Baias* dicitur (Müllenhoff, l. c., стр. 315).

Готское преданіе, насколько оно сохранилось у Іордана, не знаетъ, въ эпизодѣ выселенія, подробностей лангобардскаго. Сократилъ-ли онъ ихъ, или у готовъ вообще не было лангобардской формулы? Легенда о выселеніи гутовъ изъ Готланда, сохранившаяся въ Гутасагѣ (въ рк. пап. ок. 1350 г.), не даетъ повода вмѣнять древне-готской легендѣ тѣ лишнія черты, которыя лангобардская уже успѣла сдѣлать популярными на сѣверѣ. Разсказъ Гутасаги интересенъ развѣ съ точки зрѣнія методологической: онъ подтверждаетъ косвенно наши соображенія объ основахъ и постепенномъ видоизмѣненіи разсказа о выселеніи. Лангобарды выселились по нуждѣ, пристаютъ къ берегу; далѣе Mauringa открываетъ путь на югъ, и эти пути разнообразятся. Такъ и въ Гутасагѣ (стр. 305—7): первымъ на островѣ поселился Haƒþi съ женой Huitastierna (Бѣлая Звѣзда); въ первую же ночь, которую они провели вмѣстѣ, женѣ приснился сонъ, будто три змѣи свились въ ея груди и, казалось, выползли изъ нея. Haƒþi истолковываетъ этотъ сонъ такъ, что у него родятся три сына. Отецъ даетъ имъ имена: Гути, Грайпъ и Гуннфіаннъ; каждый изъ нихъ получилъ по трети острова. Отъ нихъ пошелъ народъ и такъ умножился, что земля не могла ихъ прокормить. Тогда назначили по жребію выселиться изъ страны каждому третьему человѣку; выѣхали они хотя — нехотя, прибыли въ Торсбургъ, на восточномъ берегу острова, но земляки не захотѣли ихъ терпѣть и прогнали; переѣхали они на Faroy (нынѣ Fårö, островокъ на сѣверъ отъ Готланда), но здѣсь нечѣмъ было прокормиться. Тогда они поселились на островѣ Dagaiþi (нынѣ Dagö) около Айстланда-Эстландіи и соорудили тамъ городъ, который еще видать. Не удержавшись и здѣсь, они поѣхали вверхъ по Двинѣ (Дуна) въ Ryzaland.—Далѣе путь на югъ въ Gricland

(Грецію), гдѣ гуты просятъ императора дозволить имъ остаться «отъ новолунія до ущерба луны»; тотъ разрѣшилъ, но когда мѣсяцъ прошелъ, переселенцы остались и долѣе, доказывая, что отъ новолунія до ущерба луны — вѣчность. Между ними и конунгомъ возникаетъ споръ, который царица рѣшаетъ въ пользу пришельцевъ. «Такъ поселились они тамъ и еще живутъ и еще говорятъ на языкѣ, схожемъ съ нашимъ».

Это путь «въ греки», въ легендѣ, напоминающей формулу лангобардскаго преданія и всѣхъ, отъ него пошедшихъ. Византійской царицѣ отвѣчаетъ, быть можетъ, Фрея въ разсказѣ Павла Діакона (стр. 310); Ryzaland естественно и созвучно подставилась вмѣсто Rugiland — конечной цѣли лангобардскаго пути; Aistland — это берегъ гутовъ, «гочкый» берегъ лѣтописи; три брата напоминаютъ двухъ братьевъ лангобардской легенды и трехъ братьевъ нашей, варяжской; три змѣи сновидѣнія, истолкованныя нѣсколько книжно («все кольцами связано»?), принадлежатъ, вѣроятно, къ мотивамъ народнаго суевѣрія о змѣяхъ — пенатахъ. Такихъ суевѣрій много среди эстовъ; въ одной эстонской сказкѣ, неловко прилаженной къ именамъ нашей варяжской легенды, говорится о крестьянинѣ, нашедшемъ въ лѣсу спнюю змѣю, которую онъ приручилъ; она играла съ его тремя сыновьями, которымъ нарекла имена; впослѣдствіи они пошли на войну, стали старшинами и, въ далекой странѣ, царями.

По пути «въ греки» ходили скандинавы, могли ходить и гуты: въ Новгородѣ гъты, гты упоминаются уже въ XI вѣкѣ; на Двинѣ они могли очутиться ранѣе, чѣмъ объявились тамъ нѣмцы (1159 г.). Здѣсь «уголокъ русскаго эпоса, вдвинутый въ сагу о Дитрихѣ Бернскомъ» *).

---

*) Сл. Мелкія замѣтки къ былинамъ № XVIII, Журн. Мин. Нар. Просв. 1896, № 8, стр. 254—6; Славяно-германскіе отрывки, ib. ч. CCLXIV, отд. 2, стр. 4—5.

Кончая мой отчетъ о книгѣ г. Брауна я долженъ сознаться, что не коснулся многихъ существеныхъ ея сторонъ, подлежащихъ вѣдѣнію другихъ специалистовъ; всякій возметъ свое. Вопросы, поставленные авторомъ, требовали привлеченія разнообразнаго матерьяла, которымъ не каждому дано орудовать совмѣстно; такъ только можно было углубить фундаментъ для будущаго зданія, на прочность котораго можно надѣяться.

Александръ Веселовскій.

Новыя записи былинъ въ Якутской области.

[II].

Когда въ 1897 г. въ XXIX книжкѣ «Этнографическаго Обозрѣнія» я издалъ подъ этимъ заглавіемъ три вновь записанныя былины изъ Якутской области, я не думалъ, что мнѣ придется къ нему снова вернуться. Но въ послѣдніе годы поиски былинъ на крайнемъ сѣверѣ были особенно удачны: недавнія поѣздки членовъ Этнографическаго Отдѣла гг. Маркова и Григорьева въ Архангельскую губернію принесли намъ болѣе сотни былинъ съ Бѣлаго моря, которыя составятъ обширный, изготовляемый къ печати сборникъ. Почти одновременно съ европейскимъ сѣверомъ Россіи откликнулась снова былинами «сибирская украйна», Колымскій округъ Якутской области. Тотъ же изслѣдователь сѣверо-восточныхъ частей Сибири, В. Г. Богоразъ, который записалъ три изданныя мною Якутскія былины [1]), прислалъ недавно въ Этнографическій отдѣлъ еще восемь былинъ изъ тѣхъ же Колымскихъ мѣстъ. Напомнимъ, что раньше изданныя былины были записаны г. Богоразомъ со словъ мѣщанина Соковикова, по прозвищу Кулдаря, въ области Нижней

1) О Михаилѣ Даниловичѣ, о Добрынѣ Микитьевичѣ, объ Алешѣ Поповичѣ.

Колымы. Отъ того же хранителя русской эпической старины, занесенной на крайній сѣверъ Сибири, удалось г. Богоразу записать еще пять былинъ: 1, О Дюкѣ Степановичѣ; 2, Объ Ильѣ и Идолищѣ; 3, О Потопѣ Михайловичѣ (= Иванѣ Годиновичѣ); 4, Объ Иванѣ Кулаковѣ (= Иванѣ Гостиномъ сынѣ); 5, О Садкѣ богатомъ купцѣ. Шестая былина «О Добрынѣ и Маринѣ» восходитъ къ тому же Кулдарю, такъ какъ записана отъ его дочери. Седьмую, представляющую зачинъ былины о Батыѣ, сказывала также женщина — старуха казачка Марья Егорова. Наконецъ, восьмая — о Соколѣ караблѣ — была записана г. Богоразомъ отъ слѣпца Кривогорницына.

I.

Дюкъ Степановичъ.

Ахъ ты Дюкъ, ты Дюкъ, Дюкъ Степановичъ!
Онъ охочь булъ ѣздить за охотою,
Онъ охочь булъ стрѣлять гусей, лебедей,
Перелетныхъ сѣрыхъ, малыхъ уточекъ.
Онъ въ полдень стрѣлятъ, а въ полуночь сбиратъ:
Гдѣ стрѣла стоитъ, какъ свѣча горитъ,
Какъ свѣча горитъ воску яраго.
Ахъ верешки були строганы
Изъ того же дерева изъ парсундрова [1]),
Какъ желѣзки були кованы
Изъ того же желѣза изъ булатнаго.
Не по томъ-то були стрѣлки дороги,
Не по томъ-то були стрѣлки хороши:
По ушкамъ-то були стрѣлки обвиты
Аравийскимъ чистымъ краснымъ золотомъ;

---

1) Можетъ быть, искажено изъ *палисандрова*.

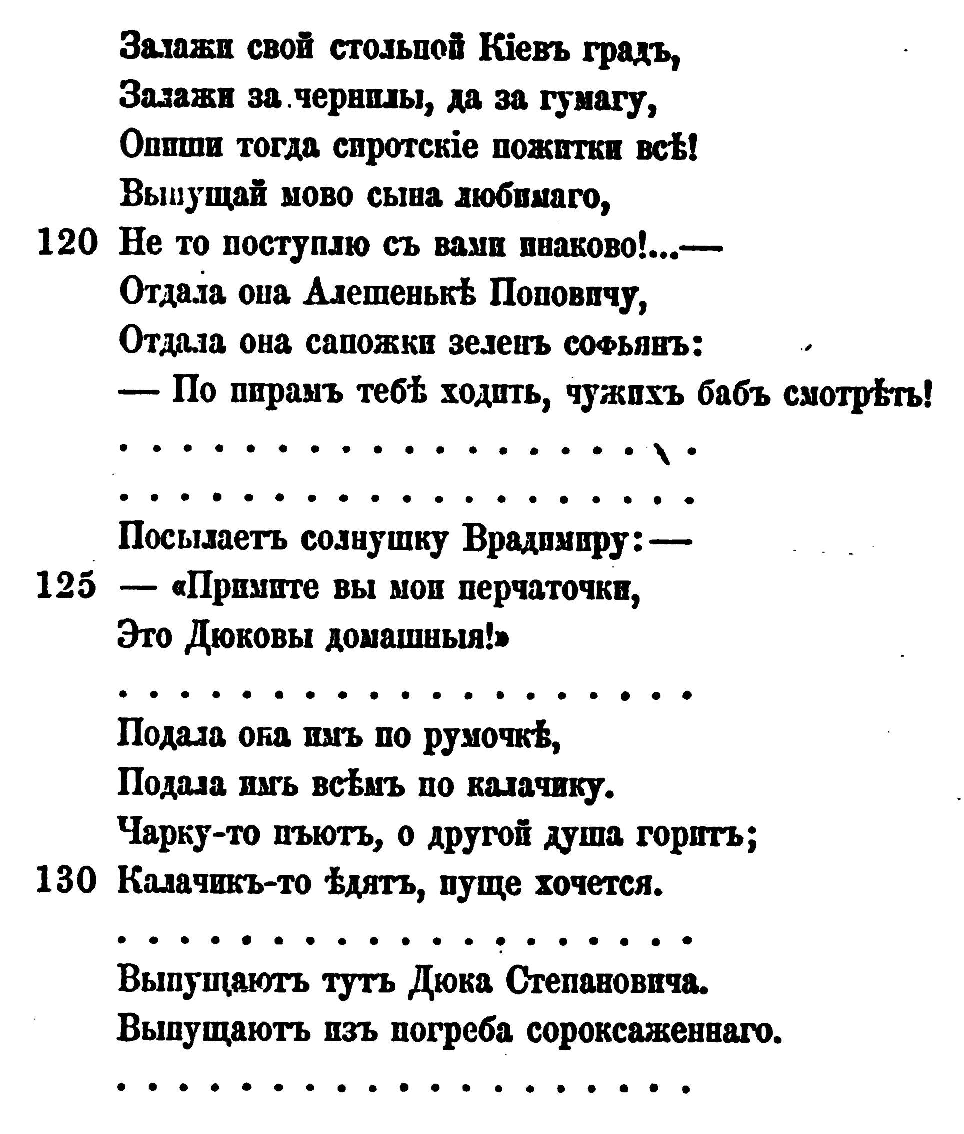
Не по томъ-то були стрѣлки дороги,
Не по томъ-то були стрѣлки хороши:
Еще перушки були орлиныя,
Не това Орла Орловича,
Не това, что летатъ по чисту полю:
Онъ вьетъ гнѣздо на сыромъ дубу,
Онъ ропяетъ перья на чисто поле;
А товá орла, птицы ханская [1]),
Что летатъ, летатъ по синю мору
И вьетъ гнѣздо середи мора,
И вьетъ гнѣздо на камушкѣ,
На камушкѣ вьетъ гнѣздо, на Алатырѣ,
Онъ роняетъ перья во сине моро.
Тутъ и бѣгаютъ гости карабельщики,
Вывозятъ перья на святую Русь,
Продаютъ тѣ перья дорогой цѣной.
Еще первое-то перушко во пятьсотъ рублей,
Второе вотъ перушко во тысячу,
Третьему перу цѣны не сказано.
По тому-то стрѣлки були дороги,
По тому-то стрѣлки були хороши.
Тутъ спроговорилъ Дюкъ, Дюкъ Степановичъ:
«Ахъ не честь моя хвала молодецкая,
«Да не выслуга моя богатырская!
«Не бувалъ я во стольномъ градѣ во Кіевѣ,
«Не видалъ я солнушка Врадимира,
«Не видалъ я душечку Королевишну!»
Пріѣзжаетъ Дюкъ во стольной Кіевъ градъ,
Ко тому ко солнушку ко Врадимиру;
Онъ крестъ-то кладетъ по ученому, —
Онъ поклонъ отдаетъ по писанному.
Принимали Дюка съ честью съ радостью,

---

1) Искажено изъ *Камскія* (сравн. у Кирши Данилова).

Посадили Дюка вопередъ за столъ,
Вопередъ его за столъ хлѣба кушати.
Подносили ему по румочкѣ;
Онъ румку принялъ, назадъ выплюнулъ;
Подносили Дюку по калачику;
Онъ калачикъ раскусилъ, назадъ выплюнулъ.
—«У моёй-то родной матушкѣ
«У ней чарочки були золочены.
«Чарку выпьешь, о другой душа горитъ,
«А калачикъ съѣшь, пуще хочется.»
Тутъ Чурило Дюка оговариватъ:
—«Ахъ прямая ты дура деревеншина!
«Не буватъ вамъ во стольномъ градѣ, во Кіевѣ,
«Не видать вамъ душечку Королевишну!...»
Засадили Дюка въ погребъ сороксаженной.
Тутъ спроговорилъ солнушко Врадимиръ князь;
Отправляетъ онъ Дюковой родной матушкѣ
Описать Дюковы пожитки всѣ.
Посылаетъ онъ Добрынюшку Микитьевича,
Посылаетъ онъ Алешеньку Поповича
И того же владыку Черниговска
Описать Дюковы пожитки всѣ.
Пріѣзжаютъ они (къ) Дюковой родной матушкѣ
И воходятъ они изъ сѣней во горенку.
«Здравствуй, Дюкова родна матушка!»—
—Я не Дюкова родна матушка,
А я Дюкова чулошница!—
И проходятъ они изъ горенкѣ во горенку
«Здравствуй Дюкова родна матушка!»
—Я не Дюкова родна матушка,
А я Дюкова портошница!—
И проходятъ они изъ горенкѣ во горенку:
«Здравствуй, Дюкова родна матушка!»
— Я не Дюкова родна матушка,

— А я Дюкова перчатошница!—
И проходять они изъ горенкѣ во горенку:
«Здравствуй, Дюкова родна матушка»!
— Я не Дюкова родна матушка,
А я Дюкова рубашечница! —
И проходять они изъ горенкѣ во горенку:
«Здравствуй, Дюкова родна матушка!»
— Я не Дюкова родна матушка,
А я Дюкова калашница!
Дюкова-то родна матушка
Ушла во Божью церкву
Ушла Богу-то молится. —
Ну пошли они во Божью церкву,
Ну выходять люди изъ Божьей церквѣ.
Устеленные мостички калиновы,
Разстеленныя сукны багрецевыя,
По бокамъ було изнавѣшано,
По праву руку було изнавѣшано,
Изнавѣшано лисицами бурнастыми,
По лѣву руку было изнавѣшано,
Изнавѣшано соболями заморскими.
Увидали Дюкову родну матушку:
Попередь іи идуть онѣ сорокъ вдовъ,
Позадѣ іи идуть тоже сорокъ вдовъ,
По бокамъ іи идуть по двáдцати.
Несуть надъ ней надсолнечники,
Позадѣ іи надмѣсячники,
По бокамъ-то несуть отъ частыхъ звѣздочекъ.
«Здравствуй, Дюкова родна матушка!»
— Здравствуйте, удалы добры молодцы!—
Проводила она ихъ ко себѣ во дворъ...
«Мы посланы къ вамъ за Дюкова пожитками!»
Говорить имъ Дюкова родна матушка:
— Кланяйтеся солнушку Врадимиру:



Залажи свой стольпой Кіевъ градъ,
Залажи за чернилы, да за гумагу,
Опиши тогда спротскіе пожитки всѣ!
Выпущай мово сына любимаго,
Не то поступлю съ вами инаково!...—
Отдала она Алешенькѣ Поповичу,
Отдала она сапожки зеленъ софьянъ:
— По пирамъ тебѣ ходить, чужихъ бабъ смотрѣть!
. . . .
. . . .
Посылаетъ солнушку Врадимиру:—
— «Примите вы мои перчаточки,
Это Дюковы домашныя!»
. . . .
Подала она имъ по румочкѣ,
Подала имъ всѣмъ по калачику.
Чарку-то пьютъ, о другой душа горитъ;
Калачикъ-то ѣдятъ, пуще хочется.
. . . .
Выпущаютъ тутъ Дюка Степановича.
Выпущаютъ изъ погреба сороксаженнаго.
. . . .

Записано въ деревнѣ Коретовой отъ мѣщанина Михайла Соковикова, прозвищемъ Кулдаря, весною 1895 года.

Былины о Дюкѣ Степановичѣ такъ многочисленны и разнообразны, что сличепіе извѣстныхъ доселѣ варіантовъ не даетъ возможности установить одну основную редакцію. Однѣ былины начинаются описаніемъ охоты Дюка за лебедями, причемъ останавливаются то подробно [1]), то вскользь на его чудныхъ стрѣ-

1) Напр. Гильфердингъ №№ 225, 230; Рыбниковъ III, 29; IV, 9.

лахъ. Другія, минуя выѣзды Дюка, прямо переносятъ насъ въ Кіевъ на пиръ кн. Владимира и приводятъ хвастовство Дюка его богатствами. Въ однѣхъ Дюкъ испрашиваетъ у матери благословенія ѣхать въ Кіевъ и выслушиваетъ ея совѣтъ не хвастать на пиру Владимира. Въ другихъ Дюкова матушка является во всемъ своемъ великолѣпіи только во второй половинѣ, когда принимаетъ у себя пословъ князя. Въ однѣхъ описываются заставы, встрѣченныя Дюкомъ на пути въ Кіевъ и его знакомство съ Ильей Муромцемъ. Другія ничего не говорятъ о похожденіяхъ Дюка на этомъ пути. Въ однѣхъ развивается подробно разсказъ о соперничествѣ Чурилы Пленковича съ Дюкомъ въ щегольствѣ и конской скачкѣ. Другимъ этотъ эпизодъ неизвѣстенъ и т. п. Ожидать отъ колымскаго варіанта полноты и выдержанности, конечно, нельзя, въ виду сдѣланнаго г. Богоразомъ заявленія, что «въ настоящее время старины (на Колымѣ) почти совершенно утрачены изъ народной памяти, и отъ нихъ сохранились только нѣкоторые безпорядочные отрывки» [1]). Тѣмъ не менѣе колымскій варіантъ содержитъ довольно связный, хотя и сокращенный, пересказъ основного сюжета былины и представляетъ спеціальный интересъ для вопроса объ ея сибирскомъ изводѣ. Первая часть колымскаго варіанта — до пріѣзда Дюка въ Кіевъ,—лучше сохранившаяся, чѣмъ вторая (хвастанье Дюка на пиру богатствомъ) и третья (повѣрка словъ Дюка у него на дому посольствомъ князя), довольно близка къ варіанту Кирши Данилова, который выгодно отличается отъ прочихъ намъ извѣстныхъ полнотою описанія выѣзда Дюка. Конечно, варіантъ К. Данилова гораздо обстоятельнѣе колымскаго: онъ знаетъ, что Дюкъ выѣзжаетъ изъ Волынца красна Галичья, что̀ давно забыто на крайнемъ сѣверѣ Сибири, онъ описываетъ Дюкова коня, его доспѣхи — куякъ и панцырь чиста серебра, кольчугу красна золота, тугой лукъ, колчанъ—и затѣмъ только доходитъ до описанія стрѣлъ. Колым-

1) См. мои Очерки, стр. 415.

скій варіантъ упомнилъ только чудесныя стрѣлы Дюка, но въ описаніи ихъ не менѣе подробенъ, чѣмъ варіантъ К. Данилова [1]), хотя нѣкоторыя географическія указанія, малопонятныя въ Колымскомъ округѣ, либо опущены, либо искажены. Такъ въ немъ нѣтъ упоминанія, что стрѣлы Дюковы строганы въ Новгородѣ, а орелъ, птица камская,—

Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
А тоя-то Камы за синимъ моремъ,—

названъ болѣе понятнымъ именемъ — птицей ханской. Сходны оба сравниваемые варіанта и въ томъ, что въ обоихъ нѣтъ упоминанія о совѣтахъ матери Дюка передъ его отъѣздомъ въ Кіевъ. Во 2-ой и 3-ей части сходства между обоими варіантами значительно меньше, но здѣсь, кажется, бо̀льшая вѣрность преданію на сторонѣ колымскаго варіанта. У Кирши Данилова, въ противорѣчіе съ большинствомъ другихъ записей былины, хвастовство Дюка не влечетъ за собою посаженія его въ погребъ и отправки посольства Владиміромъ для провѣрки хвастовства пріѣзжаго богатыря. Напротивъ самъ князь вмѣстѣ съ нимъ ѣдетъ къ нему на родину. Колымскій варіантъ сохранилъ обычное посольство, хотя въ число посланныхъ княземъ лицъ неожиданно включилъ владыку Черниговскаго, не упоминаемаго въ этомъ сюжетѣ въ изводѣ Кирши Данилова. По прихоти народной памяти, былина, записанная на крайнемъ сѣверовостокѣ Сибири, сохранила, хотя и некстати, эпическое имя, едва-ли что нибудь говорившее воображенію сильно объякутившагося населенія береговъ Колымы. Нетрудно догадаться, откуда явился владыка Черниговскій въ варіантѣ г. Богораза. Припомнимъ, что въ олонецкомъ варіантѣ (Гильферд. № 153), разсказывающемъ о состязаніи Дюка съ Чурилой въ щегольствѣ, за перваго является поручителемъ—

1) У К. Данилова описаніе стрѣлъ занимаетъ 30 стиховъ; въ Колымскомъ варіантѣ—32 стиха.

Тотъ владыка Черниговскій
И тотъ крестовый его батюшка [1]).

Весьма вѣроятно поэтому, что въ болѣе выдержанномъ изводѣ, предшествовавшемъ колымскому варіанту, владыка Черниговскій упоминался въ этой роли поручителя за Дюка.

Колымскій варіантъ значительно полнѣе другого сибирскаго (К. Данилова) и въ описаніи великолѣпія Дюковой матушки. Былина К. Данилова совсѣмъ утратила, сохраненный другими варіантами, пышный выходъ матерой вдовы изъ церкви. Новый варіантъ сохранилъ въ этомъ эпизодѣ нѣкоторыя архаическія черты, хотя изъ желанія придать выходу больше великолѣпія къ традиціоннымъ подсолнечникамъ или надсолнечникамъ (т. е. балдахинамъ) прибавилъ некстати «надмѣсячники» и какіе-то навѣсы «отъ частыхъ звѣздочекъ».

Интересна сохранившаяся въ концѣ былины подробность— дары Дюковой матушки. Забывъ о двухъ другихъ послахъ Владимира—Добрынѣ Микитьевичѣ и некстати приплетенномъ владыкѣ Черниговскомъ,—матера вдова надѣляетъ Алешу Поповича сафьяновыми сапожками, иронически прибавляя:

«По пирамъ тебѣ ходить, чужихъ бабъ смотрѣть!»—и посылаетъ князю Владимиру въ даръ, также не безъ ироніи, «Дюковы домашнія перчаточки».

Замѣтимъ въ заключеніе, что, несмотря на скомканность, колымскій варіантъ нѣкоторыми своими чертами указываетъ на хорошій источникъ, на болѣе полный изводъ, въ которомъ былина о Дюкѣ была когда-то занесена русскими поселенцами въ Якутскую область, и съ этой стороны представляетъ несомнѣнный интересъ.

---

1) Столб. 781.

II.

Илья и Идолище.

Ну скажу вамъ старину стародавную:
На гору старъ идетъ, какъ соколъ летитъ,
Подъ гору старъ идетъ, колесомъ катитъ.
На встрѣчу ему калига перехожая,
Перехожая калига переѣзжая.
Тутъ спроговорилъ Илюшенька Ивановичъ:
— «Ахъ калига ты, калига перехожая,
«Да откуда ты идешь и куда пошелъ,
«Да откуда ты пошелъ и куды идешь?»
— Я иду, иду изъ Нова-города,
Ну пошелъ я калига ко Чернигову!
«Еще кто у васъ во Новѣ-городѣ на большинѣ?
Еще кто у васъ во Новѣ-городѣ намѣстникомъ?»
— На большинѣ Идолище поганое,
Намѣстникомъ Шампамуринъ Константиновичъ!—
«Ну скидавай ты свое платье калицкое,
«Надѣвай ты мое платье богатырское,
«Дожидай меня, калига, во Черниговѣ!»
Доходилъ онъ до Новаго до города,
Помалешеньку подходилъ подъ окошечко,
Попросилъ-то Илюша святу милостынку. —
Со церквей всѣ кресты приклонилися,
Съ потолковъ всѣ верхи прираскрылися.
Принимаютъ калигу съ честью съ радостью,
Провели они калигу во свѣтлу гриню,
Посадили то калигу впередъ за столъ,
Впередъ его за столъ хлѣба кушати.
Тутъ спроговорилъ то Идолище поганое,
Еще тотъ же Шампамуринъ Константиновичъ:

— «Не видалъ ли, не слыхалъ ли про Илюшеньку,
Про Илюшеньку про Ивановича?»
— А мы носимъ цвѣтно платье съ однаго плеча!—
«Ху-ху-ху, братцы, хо-хо, расхохонюшки!
«Гдѣ сказали про Илюшу, будто онъ больной,
«Гдѣ сказали про Ивановича, будто онъ страшной?
«На ладонь бу посадилъ, да другой бу придавилъ!»
Не случился у Илюшѣ его доброй конь,
Не случилась у Илюшѣ шабля вострая,
Случилася одна шляпа черномуровка.
Тутъ-то Илюшѣ за бѣду стало,
Не за малаю досаду показалося.
Ну хваталъ онъ свою шляпу Черномуровку,
Ну стрѣлялъ-то во Идолища поганаго,
Еще такъ сильно стрѣлилъ, стѣной вывалилъ.

Записана отъ Михайла Кулдаря одновременно съ предыдущей.

Былина очень кратко передаетъ содержаніе сюжета, но не лишена интереса по нѣкоторымъ подробностямъ, поднимая вопросы по сложенію былины, напр. вопросъ объ ея основномъ типѣ.

Въ другихъ варіантахъ извѣстно двоякое прикрѣпленіе Идолища; въ большинствѣ этотъ насильникъ появляется въ Кіевѣ, при дворѣ кн. Владимира [1]). Въ меньшинствѣ записей онъ насильничаетъ въ Царьградѣ у царя Константина Боголюбовича [2]). Въ Сказаніи о семи русскихъ богатыряхъ Идолище Жидовское также въ Царьградѣ, но состоитъ, какъ богатырь, на службѣ царя Константина, такъ же какъ Тугаринъ Зміевичъ [3]). Новый варіантъ показываетъ, что въ былевомъ эпосѣ существовало и третье прикрѣпленіе Идолища — къ Новгороду. Трудно думать,

1) Напр. Гильфердингъ №№ 178, 186, 245, 144 (=Рыбн. III, 7), 106, 22, 4.

2) Гильфердингъ №№ 48 (=Рыбник. I, 47), 196. Тихонравовъ-Миллеръ II, № 13.

3) Тихонравовъ-Миллеръ I, стр. 49, 50.

чтобъ это прикрѣпленіе было недавнее, происшедшее уже въ Якутской области. Вѣроятнѣе, что былина принесла съ собою Новгородъ въ Сибирскую украину, такъ какъ едва ли эпическій городъ Кіевъ, столь извѣстный даже на Колымѣ, еслибъ онъ дѣйствительно упоминался въ старинномъ изводѣ, былъ бы замѣненъ Новгородомъ, благодаря какимъ нибудь намъ неизвѣстнымъ соображеніямъ. Самыя выраженія о Новгородѣ въ колымскомъ варіантѣ, какъ будто, отзываются стариною: Идолище является тамъ на большинѣ, намѣстникомъ, да и имя города сохранило свою старинную форму (въ Новѣ-городѣ, а не въ Новгородѣ, какъ было бы при недавнемъ внесеніи этого названія). Поэтому, можетъ быть поставленъ вопросъ, которое изъ трехъ [1]) извѣстныхъ намъ прикрѣпленій было въ древнѣйшемъ или основномъ типѣ былины. Вопросъ долженъ быть поставленъ, но положительныхъ данныхъ для его рѣшенія я пока еще не вижу. Только въ видѣ догадки высказываю предположеніе, что наиболѣе распространенное въ варіантахъ прикрѣпленіе Идолища къ Кіеву, быть можетъ, наиболѣе позднее. Повидимому, на подробности разсказа о подвигѣ Ильи — убіеніи Идолища въ Кіевѣ — повліялъ давно прикрѣпленный къ Кіеву подвигъ Алеши Поповича, его бой съ Тугариномъ Зміевичемъ. Припомнимъ, что, при видѣ обжорства Тугарина, Алеша угрожаетъ ему участью обжорливой коровы, принадлежавшей Алешину отцу, Попу Левонтію Ростовскому и лопнувшей отъ обжорства. Этой насмѣшкой онъ такъ уязвляетъ Тугарина, что тотъ бросаетъ въ него ножомъ. Тоже самое находимъ въ былинахъ объ Ильѣ и Идолищѣ: здѣсь также Илья, при похвальбѣ Идолища своимъ обжорствомъ, упоминаетъ корову то попа Левонтія [2]) (т. е. Алешина отца), то своего отца [3]), и разъяренный Идолище бросаетъ въ него ножомъ. Намъ кажется, что этотъ

1) Говорю о 3-хъ прикрѣпленіяхъ въ виду того, что встрѣчающійся въ одномъ варіантѣ вмѣсто Царьграда—Іерусалимъ, смѣшивается съ первымъ. См. Кирѣев. IV, № 5.

2) Напр. Гильфердингъ № 484 (=Рыбн. I, 47).

3) Гильфердингъ №№ 245, 186, 178.

эпизодъ принадлежалъ искони былинамъ объ Алешѣ и впослѣдствіи, по сходству между Тугариномъ и Идолищемъ былъ внесенъ въ былины о послѣднемъ. Въ силу замѣтнаго въ эпосѣ стремленія пріурочивать подвиги богатырей къ Кіеву, быть можетъ, и столкновеніе Ильи съ Идолищемъ, происходившее раньше не въ Кіевѣ, было перенесено въ нашъ эпическій центръ подъ ближайшимъ вліяніемъ кіевскаго подвига Алеши Поповича. Объ архаичности прикрѣпленія Идолища къ Царьграду свидѣтельствуетъ «Сказаніе о семи кіевскихъ богатыряхъ», дошедшее до насъ въ записи XVII в., но сложенное, быть можетъ, еще въ XVI столѣтіи. Кромѣ этого внѣшняго свидѣтельства, въ пользу архаичности прикрѣпленія подвига Ильи къ Царьграду можно, кажется, привести и слѣдующія соображенія. Существенной подробностью былины объ Ильѣ и Идолищѣ является то, что Илья узнаетъ о насильничаніи Идолища отъ встрѣченнаго имъ случайно калики (Иванища) и беретъ у него его круту каличью, чтобы въ видѣ калики пойти въ городъ, гдѣ насильничаетъ Идолище. Если мы припомнимъ, что обычная цѣль хожденія нашихъ каликъ Іерусалимъ и Царьградъ, то такое переодѣваніе Ильи каликой, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что въ одеждѣ калики ему всего удобнѣе скрыть себя въ такомъ городѣ, гдѣ пришлые съ разныхъ сторонъ калики составляли обычное явленіе. Самая идея выставить любимаго русскаго богатыря освободителемъ Царьграда и царя Константина Боголюбовича отъ басурманскаго насильника, который запрещаетъ звонъ колоколовъ и подаваніе милостыни «спасеныя» странникамъ, могла, какъ мнѣ кажется, возникнуть у русскаго народа послѣ взятія Царьграда турками въ связи со слухами о притѣсненіяхъ, творимыхъ басурманами надъ православными. Илья, постоянно отражающій побѣдоносно отъ стѣнъ Кіева стариннаго заклятаго врага Руси Татаръ, долженъ былъ, въ народномъ сознаніи, очистить отъ такихъ же басурманъ православный Царьградъ, представлявшійся русскимъ почти роднымъ городомъ, благодаря своему церковному ореолу.

Труднѣе объяснить мотивъ освобожденія Новгорода отъ Идолища Ильей, нашедшійся въ восточно-сибирскомъ изводѣ былины. Можетъ быть, здѣсь механическая замѣна одного города другимъ, — Царьграда Новгородомъ — только благодаря звуковому сходству второй части обоихъ названій; но въ такомъ случаѣ странно, что сказитель, сдѣлавшій эту замѣну, позабылъ эпическаго цареградскаго царя Константина Боголюбовича. Не беру на себя уяснить отношеніе между Царьградомъ нѣкоторыхъ варіантовъ и Новымъ городомъ восточно-сибирскаго. Но упомяну кстати, что въ одной Олонецкой былинѣ объ Ильѣ и Идолищѣ [1]), гдѣ Идолище насильничаетъ въ Царьградѣ, въ этомъ городѣ оказывается рѣка Волховъ. Когда Илья убилъ Идолище,

«Покатилась головище, какъ пивной котелъ,
Полетѣли глазища быдто селезни,
И поплыли по Волхову,
Понесло его тушу сѣнную, несмѣтную».

Изъ другихъ подробностей колымскаго варіанта можно отмѣтить, что въ немъ Илья не названъ Муромцемъ. Это опять поднимаетъ вопросъ, случайно ли выпалъ обычный эпитетъ Ильи, или богатырь въ былинахъ, занесенныхъ въ восточную Сибирь, еще не назывался Муромцемъ. Но для рѣшенія и этого вопроса, въ виду отсутствія упоминаній объ Ильѣ въ другихъ доселѣ извѣстныхъ восточно-сибирскихъ былинахъ, мы не имѣемъ данныхъ. Въ русской сказкѣ объ Ильѣ, записанной у Якутовъ, Илья носитъ свое обычное прозвище Муромца [1]). Но сказка былинѣ не указка.

---

1) Прихода Кулгала Филимоновской волости, Каргопольскаго уѣзда, изданной въ «Памятникахъ народнаго творчества Олонецкой губерніи» Е. Барсова, стр. 29—34.

1) См. Верхоянскій сборникъ,—Иркутскъ, 1890, стр. 254—268.

III.

Потопъ Михайловичъ (=Иванъ Годиновичъ).

Не черенъ-то воронъ въ поле вылетувать,
Не ясенъ-то соколъ выпархивать,
Выѣзжаетъ-то Суханъ, сынъ Домантьевичъ.
Подъ нимъ доброй-отъ конь, аки лютой звѣрь,
На конѣ то онъ сидитъ, какъ сизой орэлъ.
Его ясныя очи, какъ у сокола,
Его черныя брови, какъ два соболя,
Его буйная глава, какъ пивной котелъ.
Пріѣзжаетъ то Суханъ въ стольной Кіевъ градъ,
Перескакиватъ заплотъ онъ, желѣзной тынъ,
Ни къ чему-то онъ коня не привязыватъ,
Никому-то онъ коня не приказыватъ.
Приворотникамъ Суханъ не сказывалъ,
У придверниковъ Суханъ, братцы, не спрашивалъ.
Открываетъ онъ у грини двери на пяту,
Закрываетъ то у грини двери накрѣпко.
Онъ крестъ-отъ кладетъ по ученому,
Онъ поклонъ отдаетъ по писанному,
Онъ кланяется на всѣ четыре стороны,
Онъ князю со княгинею на особицу.
Принимали-то Сухана съ честью съ радостью,
Ну садили Сухана-то вопередъ за столъ,
Ну впередъ его за столъ хлѣба кушати.
Тутъ спроговорилъ нашъ солнушко Врадимиръ князь:
— Гдѣ ты, Суханъ, былъ, еще гдѣ ты побувалъ? —
«Еще булъ я во далечѣ во чистомъ полѣ,
«Еще далѣе того за сине море,
«Еще булъ я у Захара у Макарьевича,
«Еще видѣлъ я душечку Лебедушку Захарьевну,

«На бѣло она бѣла, какъ и бѣлой снѣгъ,
«Ея ясныя очи, какъ у сокола,
«Ее черныя брови, какъ два соболя,
«Ее черныя рѣстницы до полубѣла лица!»
Тутъ сидѣлъ-отъ нашъ Потопъ сынъ Михайловичъ,
Изъ-за дубова стола онъ повыскочилъ.
И сталъ онъ на рѣзвыя на ноженьки,
И на тѣже на сапожки на зеленъ софьянъ,
И кланятся онъ солнушку Врадимиру:
— «Ахъ ты гей еси, солнушко Врадимиръ князь!
«Ахъ ты былъ-то мнѣ родной дяденька,
«А теперь-отъ будь мнѣ родной батюшка!
«Ты позволь мнѣ споженитися,
«На душечкѣ Лебедушкѣ Захарьевнѣ!»
Тутъ спроговорилъ солнушко Врадимиръ князь:
— Ты возьми моихъ сто стрѣльцовъ,
— Ты возьми моихъ сто кулачныхъ бойцовъ!—
— «А не надобѣ твоихъ сто стрѣльцовъ,
«А не надо твоихъ сто кулачныхъ бойцовъ!
«А вы дайте мнѣ Добрынюшку Микитьевича,
«А вы дайте Сухана сына Домантьевича,
«А вы дайте Алешеньку Поповича!»
Еще долго богатыри не думали,
Ну поѣздку-то держали во чисто поле.
На (в)стрѣчу имъ калига перехожая
Перехожая калига, переѣзжая.
Тутъ спроговорилъ Добрыня Микитьевичъ:
— «Ахъ калига ты, калига перехожая,
«Перехожая ты калига, переѣзжая!
«Скидавай ты свое платьице калицкое,
«Надѣвай ты мое платье богатырское!»
А въ ту пору калига заспиралася.
Соскакувалъ Добрыня со добра коня,
Хваталъ-ту калигу за честны кудри,

Бросалъ-то калигу объ сыру землю.
Еще тутъ-то калига не пошатнулася.
Ну хватала-те калига Добрынюшку,
Ну бросала-то Добрыню о сыру землю,
Еще всѣ костье суставчики повыставила.
Тутъ спроговорилъ Суханъ сынъ Домантьевичъ:
— «Скидавай свое ты платьице калицкое,
«Надѣвай мое платье богатырское!»
Соскакувалъ Суханъ со добра коня,
Хваталъ-то калигу за честны кудри,
Бросалъ-то калигу объ сыру землю.
Еще въ ту пору калига не пошатнулася,
Хватала-то калига Сухана то она,
Хватала-то Сухана на круту бедру,
Бросала Сухана объ сыру землю,
Еще всѣ костье суставчики повыставила.
Тутъ соскакувалъ Потопъ-отъ Михайловичъ,
Хваталъ-то калигу за честны кудри,
Бросалъ-то калигу объ сыру землю,
Ужъ такъ ні разболокъ, какъ и мать родила...
. . . .
Ну долго богатыри не думали,
Поѣздку держали во чисто поле,
Пріѣзжаютъ они Захарью Макарьевичу,
Разоставили шатры-тѣ бѣлы-полотняны.
Тутъ спроговорилъ-то Потопъ Михайловичъ,
Посылаетъ онъ Добрыню Микитьевича,
Посылаетъ онъ Сухана сына Домантьевича,
Посылаетъ онъ Алешеньку Поповича,
На душечкѣ Лебедушкѣ-то свататься.
Тутъ спроговорилъ Захаръ Макарьевичъ:
— «Моя душечка Лебедушка просватана,
«За того же за Кошеля [1]) за Трепѣтаго!»

1) Кошель—Кощей.

Тутъ спроговорилъ Алешенька Поповичъ младъ:
— «А ты честно не дашь, мы не честно возьмемъ!—
Ну хваталъ-то Алеша за праву руку,
Ну хваталъ-то Добрыня за лѣву руку,
Отступаетъ-то Захаръ сынъ Макарьевичъ.
Ну долго богатыри не думали,
Поѣздку держали во чисто поле.

. . . .

Поѣхали. На далико (?) стало ихъ мѣсто, онъ останавливатся.

Посылаетъ онъ Добрыню Микитьевича,
Посылаетъ онъ Сухана сына Домантьевича,
Посылаетъ онъ Алешеньку Поповича:
— «По утру меня встрѣчали бу съ невѣстою!»
Налетѣлъ тутъ Кошель Трепѣтой

На Потопа на соннаго налетѣлъ, а невѣста тоже богатырица; Потопа, его одолили, приковали чумбурами желѣзными.

Вынималъ Кошель Трепѣтой его тугой лукъ.
Накладуватъ-то онъ калену стрѣлу,
И стрѣляетъ-то въ Потопа Михайловича.
Тутъ сказала-то душечка Лебедушка,
Душечка Лебедушка Захарьевна:
— «Не стрѣляй ты Потопа Михайловича,
«Богатырская стрѣла не путемъ идетъ!»
Не послушался Кошель душечку Лебедушку,
Ну стрѣлялъ-то онъ въ Потопа Михайловича,
Обрубалъ-то всѣ чумбуры желѣзные.

Тотъ опростался.

Поималъ онъ свою саблю, саблю вострую,
Изрубилъ-то онъ Кошеля Трепѣтаго

и ін (в)мѣстѣ.

И пріѣзжаетъ онъ одинъ безъ невѣстѣ.

Тутъ спроговорилъ то Алешенька Поповичъ младъ;
— «Здорово-ли вамъ жениться, только не съ кѣмъ
стать!» [1])

Записана отъ Михайла Кулдаря одновременно съ предыдущей.

Въ своей рукописи г. Богоразъ назвалъ эту былину «Суханъ сынъ Домантьевичъ». Прочитавъ это названіе, я надѣялся найти въ былинѣ варіантъ, соотвѣтствующій заглавію, тѣмъ болѣе цѣнный, что Суханъ—лицо сравнительно мало извѣстное въ нашемъ эпосѣ. Однако, пришлось немедленно разочароваться. Въ былинѣ Суханъ—второстепенное лицо: ея содержаніе ничего не имѣетъ общаго съ обычнымъ сюжетомъ былинъ о Суханѣ. Сюжетъ колымской былины—неудачная женитьба Ивана Годиновича, который, по смѣшенію, названъ Потопомъ (т. е. Потокомъ) Михайловичемъ. Смѣшеніе обоихъ богатырей можно объяснить себѣ нѣкоторымъ сходствомъ между ними по отношенію къ женщинамъ. Оба были неудачны въ женитьбѣ: у обоихъ жены-красавицы оказались коварными, у обоихъ соперникомъ является Кощей, оба наказываютъ соблазнителя жены и расправляются съ измѣнницей.

Колымская былина для развитія главнаго сюжета — увоза невѣсты богатыремъ, преслѣдованія его Кощеемъ, ихъ борьбы и проч. — не представляетъ ничего оригинальнаго. Притомъ сказитель (Кулдарь) плохо помнилъ эту часть былины. Интереснѣе ея первая половина, значительно отличающаяся отъ обычнаго начала былинъ про женитьбу Ивана Годиновича. Припомнимъ, что въ послѣднихъ обыкновенно зачинъ составляетъ пиръ у Владимира въ Кіевѣ. На пиру сидитъ невеселъ одинъ Иванъ Годиновичъ и на вопросъ князя о причинѣ его тоски, сообщаетъ ему свое намѣреніе жениться и имя намѣченной имъ невѣсты. Владимиръ предлагаетъ племяннику свою рать, чтобы ѣхать свататься. Но Иванъ Годиновичъ проситъ у князя себѣ

1) Слѣдуетъ: *спать*.

въ товарищи только трехъ богатырей, съ которыми и отправляется къ отцу облюбованной имъ дѣвицы. Колымскій варіантъ въ отличіе отъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ имѣетъ зачиномъ выѣздъ въ поле богатыря Сухана Домантьевича и пріѣздъ его къ князю Владиміру. Пріѣздъ Сухана по смыслу былины понадобился только для того, чтобъ богатырь могъ сообщить, что видѣлъ Лебедушку Захарьевну и описаніемъ ея красоты побудить Потопа Михайловича, княжого племянника, къ поѣздкѣ за нею. Спрашивается, почему Суханъ, этотъ рѣдкій гость нашихъ былинъ, попалъ здѣсь въ число лицъ (въ родѣ Мишатки Путятича, гостя Василія и проч.), указывающихъ на пиру Владиміра видѣнную ими красавицу. Можетъ быть, просто по смутному припоминанію какой то черты былины о Суханѣ. Припомнимъ, что въ двухъ олонецкихъ былинахъ объ этомъ богатырѣ [1]) (а о немъ вообще дошло до насъ только три былины) онъ на пиру Владиміра обѣщаетъ привезти князю живьемъ лебедь бѣлую. Здѣсь рѣчь идетъ о настоящей птицѣ; но Лебедь бѣлая извѣстное прозвище, въ другихъ былинахъ, невѣсты Потока (Авдотьи Лиховидовны). Такъ была вѣроятно осмыслена лебедь бѣлая какимъ нибудь сказителемъ и въ былинѣ о Суханѣ. Поэтому не труденъ былъ и дальнѣйшій шагъ по пути искаженія: Суханъ въ колымскомъ варіантѣ говоритъ уже не о лебедѣ-птицѣ, а о дѣвицѣ-душечкѣ-лебедушкѣ Захарьевнѣ.

Внесенный въ былину, какъ указатель невѣсты, Суханъ далѣе пригодился какъ спутникъ жениха вмѣстѣ съ Добрыней и Алешей. Ихъ троихъ Потопъ Михайловичъ предпочитаетъ сотнѣ стрѣльцовъ (черта XVII столѣтія), предлагаемыхъ ему княземъ въ спутники. Похожденіе жениха и его спутниковъ на пути къ отцу Захарьевны не имѣетъ ничего соотвѣтствующаго въ извѣстныхъ доселѣ былинахъ объ Иванѣ Годиновичѣ, ничего не знающихъ о встрѣчѣ богатырей съ каликой перехожей. Но вставка калики въ колымской былинѣ объясняется сплошнымъ

---

1) Рыбниковъ I № 6; Гильфердингъ № 63.

недоразумѣніемъ. Припомнивъ калику перехожую, напр. въ былинѣ объ Ильѣ и Идолищѣ, одинъ изъ сказителей некстати внесъ его въ другой сюжетъ, не подумавъ о томъ, что отправляющемуся за невѣстой богатырю незачѣмъ домогаться одежды каличьей. Другой сказитель пошелъ еще дальше по пути искаженія: не понявъ, чтò за личность калика, онъ принялъ его за богатыршу-женщину и постоянно говоритъ о немъ въ женскомъ родѣ. Припоминая смутно богатыршъ въ былинахъ, какую нибудь бабищу Латыгорку, онъ сдѣлалъ калигу сильнѣе спутниковъ Потопа — Добрыни и Сухана (объ Алешѣ онъ позабылъ), и только самъ Потопъ справился съ калигой,

«Бросалъ-то калигу объ сыру землю,
Ужъ такъ іи разболокъ, какъ мать родила».

Для чего нужна была эта встрѣча съ калигой сказитель не разъяснилъ, потому что даже одеждой его Потопъ не воспользовался.

Вторая половина былины частью выпала изъ памяти сказителя и досказана иногда прозою, такъ что не представляетъ никакого интереса.

IV.

Объ Иванѣ Кулаковѣ.

Бился, рубился Иванъ Кулаковъ,
Онъ много полонилъ киселя съ молокомъ,
Чашки и ложки онъ подъ медъ склонилъ,
Шаньги, пироги во полонъ полонилъ.
А у нашего у солнышка, у Врадимира,
Было столованье, почестенъ столъ,
Было пированье, почестенъ пиръ

Собирались святорусскіе могучіе богатыри
И вся поленица удалая.
Тутъ спроговорилъ нашъ батюшка Врадимиръ князь:
— «Всѣ вы святорусскіе, могучіе богатыри,
«И вся поленица удалая!
«Кто со мной бьется объ великъ закладъ?»
Сталъ онъ на рѣзвыя на поженьки,
На тѣже на сапожки, на зеленъ софьянъ,
На тѣже каблучки на верейчатые,
На тѣже на гвоздочки на серебряные:
— «Кто со мной бьется о великъ закладъ,
«Да не о сто рублей, не о тысячу,
«О своей онъ о буйной о головушкѣ,
«Или объ моей любимой о племянницѣ,
«А по имени Марфѣ Сеславьевнѣ,
«Чтобы сбѣгать отъ Кіева до Чернигова
«Два девяноста умѣрныхъ верстъ
«Между заутреней и обѣднею?»
Большой-отъ хоронится за средняго,
Середній хоронится за младшаго,
А отъ младшаго, братцы, отвѣта нѣтъ!
Ну спроговорилъ, спроговорилъ Иванъ Кулаковъ,
Изъ-за дубова стола онъ колесомъ пошелъ:
— «Я съ тобой бьюсь объ великъ закладъ,
«Не о двѣсти рублей, не о тысячу,
«О своей я о буйной о головушкѣ,
«О твоей о любимой о племянницѣ,
«Чтобы сбѣгать отъ Кіева до Чернигова
«Между заутреней и обѣднею
«Два девяноста умѣрныхъ верстъ!»
Поклонъ онъ отдалъ, самъ и вонъ пошелъ,
Кирпищатой полъ по колѣнъ ступалъ.
На встрѣчу ему его доброй конь
Его бурочка, сивогривочка,

Троетравочка, троелѣточка:
— «Ахъ хозяинъ мой, хозяинъ ты мой ласковой,
«Ну, хозяинъ мой, хозяинъ ты привѣтливой!
«Какъ на пиръ пошелъ, о чомъ веселъ булъ?
«А ты съ пиру ту идешь, чомъ не веселъ сталъ?»
— Ахъ ты бурочка, сивогривочка,
«Троетравочка, троелѣточка!
«Пьянскимъ я дѣломъ призахвастался,
«Бился съ княземъ о великъ закладъ,
«Чтобы сбѣгать отъ Кіева до Чернигова!»
Ну какъ стала съ Иваномъ поигравати,
Начала Ивана за шубочку подергивати,
По два соболя выдергивати.
— «Ну, ставъ меня на холсты на бѣлые,
«Ну, корми ты меня пшеною бѣлоярою,
«Ну тогда теба, хозяинъ, я повыручу!
«Есть у цара сивогривой жеребецъ,
«Есть у цара говорливой жеребецъ,
«Есть у цара вороной-боропой!
«То и есть мой большой-то братъ;
«А я въ жа́ру-то войду, и ему не уступлю!»
Поскакали отъ Кіева до Чернигова.

Съ часъ полчаса мѣста Иванъ Кулаковъ оставилъ, въ полслужбѣ пріѣхалъ Кіевъ и взялъ племянницу.

Записана отъ Михайла Кулдаря одновременно съ предыдущей.

Въ виду того, что былинъ объ Иванѣ Гостиномъ дошло до насъ мало (не болѣе семи), новый варіантъ объ этомъ молодцѣ, названномъ здѣсь Иваномъ Кулаковымъ, является особенно цѣннымъ. Интересно припомнить, что въ богатомъ былинномъ инвентарѣ Олонецкой губерніи записано не болѣе пяти

варіантовъ объ Иванѣ Гостиномъ и притомъ отъ сказителей довольно посредственныхъ. Лучшіе знатоки былинъ не внесли этой былины въ свой репертуаръ. Болѣе посчастливилось Ивану Гостиному въ Сибири. Помимо хорошаго варіанта Кирши Данилова мы находимъ цѣнный варіантъ въ записи С. Гуляева въ Барнаульскомъ округѣ Томской губерніи и узнаемъ изъ колымскаго варіанта, что похожденіе Ивана при дворѣ Владиміра дошло и до крайняго сѣверо-востока Сибири.

Любопытно далѣе, что при общемъ захуданіи былевого эпоса въ восточной Сибири былина въ своемъ запѣвѣ сохранила скоморошью традицію, повидимому, съ нѣкоторою сибирской окраской (шаньги). Имя Кулаковъ Иванъ получилъ также въ Сибири, такъ какъ этого фамильнаго имени Иванъ нигдѣ болѣе не носитъ. О томъ, что зачину былины предшествовалъ запѣвъ, въ большинствѣ варіантовъ утраченный, свидѣтельствуетъ барнаульскій варіантъ, хотя въ немъ запѣвъ не носитъ юмористическаго характера:

«Доброму, братцы, вездѣ добро,
Хорошему, братцы, вездѣ хорошо,
Удалому доброму молодцу погибели нѣтъ!»

Скоморошій запѣвъ при этой былинѣ сохранилъ и совершенно скомканный варіантъ ея, записанный въ Валдайскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи [1]):

«Нашему хозяину честь бы была,
Намъ бы, ребятамъ, ведро пива было̀;
Самъ бы испилъ, да и намъ бы поднёсъ.
Мы, малы ребята, станемъ сказывати,
А вы, старички, вы послушайте»...

Начало колымской былины сохранилось на столько полно,

1) См. Кирѣевскій — В. III, № 1.

что можно было бы ожидать такой же полноты въ окончаніи. Но, къ сожалѣнію, память и въ этомъ случаѣ измѣнила Кулдарю: ему пришлось досказать былину «своими словами» и окончить ее несогласно съ обычнымъ исходомъ.

Изъ отдѣльныхъ подробностей варіанта стоитъ отмѣтить лишь немногія.

Такъ, въ немъ сохранилось то же цифровое обозначеніе разстоянія отъ Кіева до Чернигова, какое мы находимъ у Кирши Данилова. Въ соотвѣтствіи со стихами:

Что бы сбѣгать отъ Кіева до Чернигова
Два девяноста умѣрныхъ верстъ
Между заутреней и обѣднею...

мы читаемъ у Кирши Данилова:

Изъ Кіева бѣжать до Чернигова
Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
Промежъ обѣдней и заутренею [1]).

Новымъ, но едва ли согласнымъ съ традиціей, является въ нашемъ варіантѣ дополненіе, что ставкой бѣга князь Владиміръ назначаетъ руку своей племянницы. Но имя этой племянницы—Марѳа Сеславьевна—отзывается эпической стариной: это имя женщинъ близкихъ къ князю Владиміру: такъ, въ Феноновской былинѣ [2]) о змѣеборствѣ Добрыни княжеская дочь, выученная богатыремъ отъ змѣя, называется Марфидой Всеславьевной (вм. Владиміровной), а въ былинѣ Кирши Данилова о Волхѣ Всеславьевичѣ (племянникѣ Владиміра) его мать княжна носитъ имя Марѳы Всеславьевны [3]).

1) Въ варіантахъ: Гильфердингъ № 133 показано 300 верстъ; № 135—303 версты; Рыбниковъ III, № 34—333 версты; Тихонравовъ-Миллеръ № 55—тридевяносто верстъ.

2) Гильфердингъ № 59.

3) Такъ какъ князь Владиміръ называется въ былинахъ Сеславичемъ, то это отчество очевидно искажено изъ Святославича.

Во второй части былины можно отмѣтить нѣкоторыя искаженія, указывающія, впрочемъ, на болѣе ранній хорошій изводъ. Припомнимъ, что въ варіантѣ Кирши Данилова конь Ивана Гостинаго, чтобъ своими пріемами произвести эффектъ на князя Владимира и его бояръ, даетъ ему такой совѣтъ:

«Не сѣдлай ты меня, Иванъ, добра коня,
Только берись за шелковъ поводокъ,
Поведешь по двору княженецкому,
Вздѣнь на себя шубу соболиную,
Да котора шуба въ три тысячи,
Пуговки въ пять тысячей,
Поведешь по двору княженецкому;
А стану-де я, бурка, передомъ ходить,
Копытами за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
На всѣ стороны побрасывати.—
Князи, бояра подивуются,
И ты будешь живъ—шубу наживешь,
А не будешь живъ, будто нашивалъ».

На Колымѣ эта подробность стала безцѣльной и убыточной для Ивана шуткой его коня, которому почему-то вздумалось поиграть съ хозяиномъ:

Ну какъ стала съ Иваномъ поигрывати,
Начала Ивана за шубочку подергивати,
По два соболя выдергивати.

Дальнѣйшая путаница произошла съ эпитетами коней Владимира, который въ концѣ варіанта даже названъ царемъ, хотя въ первой половинѣ еще называется княземъ. Второй его конь оказывается говорливымъ жеребцомъ, въ чемъ нетрудно признать искаженіе эпитета кологривый (какъ онъ называется у Кирши Данилова). Третій конь князя не только вороной,

какъ въ другихъ варіантахъ, но еще и бороной. Интересно бы знать, какъ понималъ этотъ эпитетъ сказитель Кулдарь, если онъ, вообще, понималъ его.

Наконецъ, какъ извѣстно изъ варіантовъ, до настоящаго бѣга коней—Иванова и княжескихъ—между Кіевомъ и Черниговымъ дѣло не доходитъ. Конь Ивана уже на княжескомъ дворѣ разгоняетъ всѣхъ трехъ жеребцовъ Владимира и производитъ такой переполохъ среди князей и бояръ, что состязаніе не можетъ состояться. Кулдарь словами досказалъ, будто Иванъ Кулаковъ съѣздилъ въ Черниговъ, вернулся въ полслужбѣ (т. е. до окончанія обѣдни) въ Кіевъ и взялъ княжую племянницу. Если это не личное измышленіе сказителя, то во всякомъ случаѣ подробность, внесенная въ былину уже на почвѣ восточной Сибири.

V.

Садко богатый купецъ.

Ай по мору, мору, мору синему,
Туды бѣгали ровно тридцать кораблей,
Тридцать кораблей со корабликомъ.
Какъ изъ нихъ одинъ попередь бѣжитъ
Попередь бѣжитъ, какъ соколъ летитъ.
Ну вставалъ, братцы, корабликъ вдругъ на якори,
Никуды корабликъ не пошатнется.
Тутъ спроговорилъ, братцы, Садко, богатъ купецъ:
«Ахъ вы братья мои, сотоваришши!
«Какъ давно мы синя мора мы не даривали,
«Какъ давно мы синя мора не жаловали!
«Ну бросайте въ моро злота и серебра!»
Бросили они злота и серебра,
Никуды корабликъ не пошатнется.

Тутъ спроговоритъ Садко, богатъ купецъ:
— «Ну доспѣемте, братцы, всѣ по жеребью!
«Ай кому изъ насъ идти ко морскому цару!»
Ну доспѣли они всѣ по жеребью
Изъ того же изъ бѣлаго серебра,
И бросали они во сине моро.
Еще всѣ эти жеребьи заплавали,
Какъ бѣлые лебеди на заводи.
Садкинъ жеребей, какъ ключъ, ко дну.
— «Ну, доспѣемте, братцы, всѣ по жеребью
«Изъ того же изъ чистаго золота
«Еще спустимте, братцы, въ синее моро!»
И бросали они во сине моро.
Еще всѣ эти жеребьи ко дну пошли,
Садковъ жеребей поверхъ плаваетъ.
— «Ну братцы, мои сотоварищи,
«Мнѣ ка идти ко морскому цару!
«Вы давайте бумажку скорописчатую,
«Вы чернилишко дайте со перушкомъ!
«Опишите вы, братья, мои пожитки всѣ!»
Которое онъ пишетъ къ отцу матери,
Которое онъ пишетъ къ молодой женѣ,
Которое онъ пишетъ къ малымъ дѣтушкамъ,
Которое онъ пишетъ ко Божьей церквѣ,
И такъ скоро писали, прошли три года.
«Вы подайте плаху бѣлодубову,
«Еще тѣже гусельцы не играны,
«Положите мя на плаху бѣлодубову,
«Опустите мя во сине моро!»
Взялъ онъ съ собой звончаты гусли
И плаваетъ на плахѣ бѣлодубовой
И играетъ онъ во звончаты гусли.

Корабли убѣжали, онъ остался одинъ.

И во снѣ онъ видитъ сновидѣніе—
«Что дойдешь ты ко морскому цару,
«Станетъ тебя женить морской-отъ царь.
«Не бери ты дѣвицу бѣляницу,
«А бери ты дѣвицу чернавицу!»
Привелъ морской царъ двѣнадцать дѣвушекъ,
Всѣ онѣ бѣлыя, красивыя.
Одна дѣвица похуже всѣхъ,
Одна дѣвица почернѣе всѣхъ.
Не взялъ онъ дѣвицу бѣляницу,
А взялъ онъ дѣвицу чернавицу,
За правую вывелъ за рученьку.
. . . .

Записана отъ Михайла Куддаря одновременно съ предыдущей.

Большинство былинъ о Садкѣ представляютъ болѣе или менѣе связный разсказъ объ его чудесномъ обогащеніи, состязаніи богатствомъ съ Новгородомъ и затѣмъ переходятъ къ его морскому приключенію. Колымскій варіантъ разсказываетъ только о послѣднемъ и этимъ напоминаетъ по плану былину Кирши Данилова (№ 44), носящую заглавіе: «Садковъ корабль сталъ на морѣ». Въ эпизодъ метанія жеребьевъ внесена нѣкоторая путаница: обыкновенно Садковъ жеребей не изъ того матеріала, изъ какого сдѣланы жеребья его сотоварищей; по его расчету, онъ долженъ плавать по поверхности, когда другіе должны потонуть, или наоборотъ, согласно съ условіемъ, которое должно содѣйствовать Садку уклониться отъ спуска въ море. Колымская былина сдѣлала всѣ жеребья одинаковыми— сначала серебряными, потомъ золотыми—и не уяснила, почему хотя золотые жеребья Садковыхъ товарищей пошли ко дну, а его такой же жеребей плаваетъ поверхъ воды, Садко выводитъ

отсюда, что ему должно итти къ морскому царю. Не совсѣмъ осмысливъ эпизодъ гаданья, колымскій варіантъ за то сохранилъ одну подробность, утраченную большинствомъ другихъ, именно составленіе Садкомъ завѣщанья передъ тѣмъ какъ ему быть спущеннымъ въ море. Мы знаемъ эту, повидимому, старинную подробность только изъ одной хорошей олонецкой былины Сорокина, записанной отъ него сначала Рыбниковымъ, затѣмъ Гильфердингомъ [1]).

Похожденіе Садка у Морского царя,—его игру на гусляхъ и пляску царя—Кулдарь забылъ довольно основательно, такъ что вторая половина былины лишена интереса.

VI.

О Добрынѣ и Маринѣ.

По три года Добрынюшка стольничалъ,
По три года Добрыня приворотничалъ,
По три года корабли снастилъ.
Миновалося тому ровно девять лѣтъ,
На девятой годъ Добрынюшка гулять пошелъ,
Не за той ли онъ пошелъ за охотою,
За своей молодецкою заботою:
Погулять, поискать красныхъ дѣвушекъ.
Не нашелъ Добрыня красныхъ дѣвушекъ,
Выходилъ онъ на широкую улицу,
Ко тому-то ко терему Маринину.
Выпускала тутъ Маринка товá голуба,
Ужъ какъ голуба со голубушкою.
Они крылушками обнимаются,
Они ноженьками оплетаются,

1) Рыбниковъ, I, 64 = Гильфердингъ № 70.

Сахарными устами тутъ цѣлуются.
Покажися то Добрынѣ за досадушку,
За досадушку, да за великой гнѣвъ.
Онъ выдергувалъ изъ налучня свой тугой лукъ,
Вынималъ онъ изъ тулу-те калиную стрѣлу,
Онъ стрѣлялъ во голуба со голубкою.
Богатырская стрѣла то не путемъ пошла,
Не путемъ пошла, колесомъ (в)звела,
Не попала во голуба со голубкою,
Поподала то Маринѣ во косящато окно,
Вотыкалася стрѣла во кирпищатъ полъ.
Выходила тутъ Маринка по плечъ въ окно:
— «Ты пошто, Добрыня, самъ на самъ не сваташься,
«Посылаешь ко мнѣ свата калину стрѣлу?
«Калина твоя стрѣла не умѣтъ говорить!»
Подходилъ-то Добрыня ко косящату окну,
Еще била його Марина по бѣлому лицу,
По той же Добрыню по румяной по щекѣ,
Обернула его сивымъ турымъ волкомъ,
Отпустила Добрыню во чисто поле,
Приковала-то Добрынѣ золоты рога,
Поставила его на большинѣ всѣмъ.
По утру-то Маринка собирала пиръ,
Еще всѣхъ своихъ собрала подруженьковъ.
На ту пору Маринка прирасхвасталась:
«У меня-то у Маринки было девять мужевьевъ,
«Какъ десятой-то Добрыня Микитьичъ младъ!»

Случилася тутъ Добрынѣ крестова сестра,
Изъ-за дубова стола вонъ повыскочила,
Еще била тутъ Маринку по бѣлу по лицу,
По той ли, Маринку, по румяной по щекѣ,
Изъ-д-румяной-то щекѣ кровь пробрызгуватъ:
— «Ахъ ты, сука б...., Маринка, ты зельница,

«Ты зельница, бездѣльница, чародѣйница!
«Ты не знаешь ли меня, Мароу Сеславьевну?
«Разверни мово брата Микитьевича!
«Еще хошь ли, Маринка, я кобулой оберну,
«За тобой я за Маринкой жеребцовъ спущу?
«Еще хошь ли, Маринка, я те сукой оберну,
«За тобой я за Маринкой кобелей пущу?
«Еще хошь ли ты, Маринка, я синичкой оберну?»
Еще тутъ же ей Маринка увзмолилася:
«Разверну твоего брата Микитьевича!
«Ты не бей меня, Маринку, по бѣлу по лицу!
«Ужъ на бѣлое лицо синивицы подошли!»
Оттого-то ужъ Мароа разгнѣвалася,
Обернула Маринку сорокою.

Записана отъ Арины Четвериковой, дочери Кулдаря, въ г. Нижнеколымскѣ лѣтомъ 1896 г.

Первые два стиха колымскаго варіанта сохранили довольно точно обычный зачинъ былины о похожденіи Добрыни съ Мариной:

«По три годы Добрынюшка стольничалъ,
По три годы Добрыня приворотничалъ»...

читаемъ мы, напримѣръ, въ былинѣ Гильфердинга (№ 227); но въ третьемъ родѣ службы Добрыни явилась совершенно своеобразная подробность въ восточно-сибирскомъ изводѣ: Добрыня оказывается судоходомъ вродѣ новгородскаго купца Садка: онъ по три года корабли снастилъ. Это оснащиванье кораблей, конечно, не вяжется съ службой Добрыни при князѣ Владимирѣ, но колымскій варіантъ вовсе не упоминаетъ князя и не пріурочиваетъ похожденія Добрыни къ городу Кіеву, какъ большинство другихъ варіантовъ. Оснащиваніе кораблей, вѣро-

ятно мѣстная черта, находящаяся въ связи съ рыбнымъ промысломъ колымскаго населенія.

Запомнивъ въ главныхъ чертахъ содержаніе былины, дочь Кулдаря, или ея источникъ, значительно упростила и сократила ходъ разсказа. Забыта мать Добрыни, дающая ему совѣтъ не ходить на улицу Маринкину, забытъ любовникъ Марины змѣй Горынычъ, забыто колдовство ея, съ цѣлью приворожить къ себѣ Добрыню, который подъ вліяніемъ ея ворожбы идетъ къ ней вторично. Былина помнитъ только обращеніе Добрыни Мариною въ животный образъ, но и здѣсь древне-русскій туръ былъ осмысленъ, какъ сивый турый волкъ. Чтò представляла себѣ сказительница въ эпитетѣ волка турый трудно догадаться. Можетъ быть, онъ понимался ею въ связи съ глаголомъ турѝть, туря̀ть — гнать, туркій — проворный, быстрый, ту́ровый (влг. новгор.) — прыткій, бойкій. Какъ бы то ни было, традиція помнила, что у Добрыни въ животномъ образѣ были рога; но такъ какъ у волка, хотя бы у тураго, роговъ не полагается, то Маринѣ пришлось приковать Добрынѣ золоты рога.— Въ оправданіе восточно-сибирскаго непониманія тура можно привести, что и былины европейской Россіи этого стариннаго звѣря плохо помнятъ: фантазія сказителей награждаетъ тура золотыми рогами, серебряными ногами, шерстью рыта бархата и даже даетъ ему (Гильфердингъ № 316) эпитетъ «морского», т. е. заморскаго. Да и постоянный эпитетъ тура «гнѣдой», несоотвѣтствующій, какъ указалъ проф. Сумцовъ, дѣйствительной окраскѣ шерсти тура, который былъ чернаго цвѣта, перенесенъ на него съ зубра [1]).

Неровности въ традиціи замѣтны и въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа послѣ обращенія Добрыни въ тураго волка. Колымскій варіантъ еще помнитъ, что заступницей за Добрыню является его крестовая сестра и очень ярко изображаетъ ея

---

1) См. мои Очерки, стр. 154.

стычку съ Маринной на пиру [1]). Онъ даетъ сестрѣ богатыря старинное эпическое имя Мароы Сеславьевны, которое мы выше встрѣтили въ прикрѣпленіи къ дочери кн. Владиміра. Но въ немъ эта заступница Добрыни слишкомъ рано обращаетъ Марину сорокою, раньше чѣмъ она возвратила богатырю человѣческій видъ, такъ что объ этомъ вторичномъ обращеніи Добрыни изъ животнаго въ богатыря нѣтъ рѣчи, такъ же какъ о казни, обычно совершаемой Добрыней надъ Маринной. Вообще, какъ во всѣхъ другихъ колымскихъ былинахъ, окончаніе и здѣсь сильно скомкано.

VII.

Зачинъ былины о нашествіи Батыги *).

Ахъ вы, два тура, братцы златорогіе,
Два братца, вѣрно, родимые,
Мати у нихъ турица златорогая.
[Отплывали отъ бережка отъ прикрутого,
Приплывали ко песку ко сыпучему.]
Вышла, выходила иха матушка,
Брала она ихъ за руки за бѣлыя,
Ну за тѣ за перстни за злаченые,
Приводила ихъ она въ нову горенку,
Посадила за столики дубовые.
«Ахъ вы два, вы два тура златорогіе!
«Гдѣ вы були, гдѣ вы побули,
«И чего вы видѣли, чего слышали?
— «Ахъ мы були во Шаховѣ, да во Яковѣ,
«Польскую землю въ полночь прошли,

1) Сестра Добрыни въ этой роли упоминается въ былинахъ Гильфердинга №№ 163, 316 и Кирѣевскаго II, стр. 40 и 45.

*) Въ рукописи г. Богораза дано заглавіе: Шальма (духовный стихъ).

«Въ стольной Кіевъ градъ на зарѣ пришли,
«На той же зорѣ ранной, зорѣ утренной,
«И въ ту же заутрэпу благовѣщенску.
«Зашли мы во Божью церкву Богу помолитися:
«Этакое диво мы, матушка, не видѣли,
«Этакое чудо мы, родная, не слышали:
«Изъ права алтара вышла красна дѣвица,
«У ней русая коса до пояса,
«У ней очи ясны, какъ у сокола,
«Черны брови у ней, какъ два соболя,
«Лицомъ бѣла, щеки, какъ двѣ маковицы.
«Во рукахъ держитъ книжку, Евангеліе,
«Она чтетъ Евангеліе, какъ рѣка, текотъ.
[«И сама она плачетъ, какъ рѣка, текотъ,
«Возрыдаетъ она, какъ погода бьетъ.]
— «Ахъ вы дѣти мои родимыя,
«То вышла не дѣвица не красная,
«А то сама мать Пресвятая Богородица,
«Она слышитъ надъ Кіевомъ не(в)згодушку,
«Ну не(в)згодушку то она знаетъ немаленькую.

. . . .

Подымаетъ идолища четырнадцать головъ,
Хочетъ сбить, спалить стольной Кіевъ градъ,
Пресвятую Богородицу на огонь спустить.

. . . .

«Ахъ вы дѣти мои, дѣти милыя,
«Заступите вы за стольной Кіевъ градъ,
«И за мать Пресвятую Богородицу!

. . . .

Записано отъ восьмидесятилѣтней казачьей вдовы Марьи Егоровой на урочищѣ Стадухино лѣтомъ 1896 года. Вставки записаны отъ Кулдаря.

Среди процесса захуданія, естественно постигшаго нашъ былевой эпосъ въ отдаленной сибирской Украйнѣ, уцѣлѣлъ въ видѣ обломка старинный зачинъ о турахъ и турицѣ, этотъ пісит нашего эпоса, чудесная легенда, прикрѣпленная къ былинѣ о нашествіи на Кіевъ Батыги и о подвигѣ Василія пьяницы. Въ моей статьѣ объ этой былинѣ я старался доказать полное несоотвѣтствіе зачина съ содержаніемъ ея, рѣзкую противоположность между печальнымъ тономъ легенды и скоморошьимъ, кабацкимъ пошибомъ самого разсказа, прикрѣпленнаго, какъ я думаю, въ позднее время къ древнему зачалу, нѣкогда предшествовавшему печальной повѣсти о разгромѣ матери городовъ русскихъ Батыемъ. Колымская запись поднимаетъ, но, къ сожалѣнію, не рѣшаетъ интересный вопросъ. Имѣемъ ли мы здѣсь легенду о турахъ еще не прикрѣпленною къ былинѣ о Василіи пьяницѣ, весьма пошлой работы, или отсутствіе былины объясняется только случайностью, тѣмъ, что сказительница, казачка Марья Егорова, ее не помнила. Въ пользу перваго предположенія, т. е. что колымская запись представляетъ нѣчто болѣе или менѣе законченное, говоритъ, повидимому, то обстоятельство, что она называется *шальмою* (т. е. псальмою, духовнымъ стихомъ). Но считать это положительнымъ доказательствомъ цѣльности и самостоятельности я еще не рѣшаюсь. Какъ бы то ни было колымская запись по своимъ деталямъ представляетъ значительный интересъ. Разсказъ о турахъ и турицѣ въ ней полнѣе, чѣмъ во многихъ олонецкихъ варіантахъ, и хотя не свободенъ отъ искаженій, указываетъ на нѣкоторыя своеобразныя черты сибирскаго извода. Обыкновенно туры, гуляя въ чистомъ полѣ, идутъ мимо Кіева и видятъ чудо чудное, какъ дѣвица ходитъ по стѣнѣ города, читаетъ Евангеліе и льетъ надъ нимъ слезы. Здѣсь же, въ соотвѣтствіи съ варіантомъ, записаннымъ С. Гуляевымъ въ Барнаульскомъ округѣ, Томской губерніи[1]), туры сначала переплываютъ какое то водное пространство

1) Тихонравовъ-Миллеръ, II, № 39.

Отплывали отъ бережка прикрутаго,
Приплывали ко песку ко сыпучему [1]).

Въ соотвѣтствіи съ этимъ варіантъ Гуляева начинается стихами:

Плавятся, переплавляются черезъ сине море
Два тура однорогіе, златорогіе,
Златорогіе, одношерстные.

Не представляя себѣ ясно, что̀ за существа эти туры, надѣленные даромъ слова, колымская сказительница допустила смѣшную несообразность, заставивъ ихъ мать привѣтствовать ихъ тѣмъ обычнымъ способомъ, какой полагается былиннымъ этикетомъ. Матушка беретъ туровъ за бѣлыя руки, за злаченые перстни, приводитъ въ нову горенку и сажаетъ за столы дубовые. Не достаетъ только обычной детали этой эпической картинки: цѣлованія въ уста сахарныя. Однако эта яркая оплошность сказительницы не лишаетъ интереса дальнѣйшихъ подробностей, описанія турами видѣннаго ими чуда. Разсказъ объ этомъ снова напоминаетъ барнаульскую былину. Туры говорятъ, что были въ какихъ то (повидимому городахъ) Шаховѣ да Яковѣ, и Польскую землю въ полночь прошли, прежде чѣмъ притти въ городъ Кіевъ. Въ олонецкихъ былинахъ нѣтъ никакихъ подобныхъ городовъ. Но въ барнаульской, соотвѣтственные стихи даютъ также названія двухъ городовъ, хотя довольно сомнительныхъ:

Были мы въ Ахтѣ [2]) городѣ и въ Араховѣ [3]),
Во стольномъ городѣ Кіевѣ.
У той было у церкви у соборныя [4]).

1) Вставка Кулдаря.

2) Можетъ быть, Охтѣ?

3) Можетъ быть, Орѣховѣ?

4) Въ видѣ попытки къ уясненію обоихъ загадочныхъ названій мѣстностей, считаемъ возможнымъ привести слѣдующую догадку г. А. Маркова: «Въ отрывкѣ былины, записанномъ въ Терской области (Соболевскій,

Но колымскіе туры, по недомыслію сказительницы, оказались благочестивѣе барнаульскихъ. Они не только остановились у церкви, но вошли въ нее «Богу помолитися» и видѣли, какъ изъ праваго алтаря вышла красна дѣвица съ Евангеліемъ. Въ этой подробности колымскій варіантъ стоитъ особнякомъ среди другихъ, въ которыхъ дѣвица съ Евангеліемъ представляется идущей по стѣнѣ городовой. Въ барнаульской, болѣе

Великор. нар. пѣсни, I, 571), названія мѣстъ, гдѣ были туры, читаются ближе къ колымскому пересказу:

«Да мы были, матушка, во Шахарѣ,
Мы гуляли, родная, во Яхерѣ;
Мы Русскую землю сквозь прошли».

Въ колымской былинѣ рядомъ съ загадочными названіями упоминается, вмѣсто Русской—Польская земля; это даетъ право объяснить странныя созвучныя названія искаженіемъ двухъ также созвучныхъ именъ, весьма употребительныхъ рядомъ: чахи и ляхи. Въ записанной мною былинѣ о Дунаѣ, съ Терскаго берега (на Бѣломъ морѣ), богатырь говоритъ Владиміру:

«Я вѣдь знаю, князь Владиміръ, тебѣ красну дѣвицю,
Я во томъ знаю во Ця́хови, во Ля́хови
У того-ли короля все Ляхоми́ньского».

Въ той же былинѣ, записанной А. Д. Григорьевымъ въ Поморьѣ, Дунай находитъ невѣсту князю

«Да во той-ли земли да Шеховинскія
У того-ли короля у Леховинского».

Затѣмъ Дунай приходитъ «къ королю въ Литву» и кричитъ ему:

«Ужъ ты гой еси, король да Шаховинскій,
Шаховинскій да и король Ляховинскій!»

Чахи и ляхи (или чахове и ляхове) постоянно встрѣчаются рядомъ: въ старыхъ памятникахъ русской письменности, въ сѣверно-русской пословицѣ («между чахи и ляхи») и въ пословицѣ лужицкихъ сербовъ («то су мое чехи а лехи». См. лѣтопись подъ гг. 1019, 1111, 1219 и др.; Ждановъ, Русскій былевой эпосъ», 95 и примѣч.; Забѣлинъ, Исторія русской жизни, II, 451—2; Подвысоцкій, Словарь областного архангельскаго нарѣчія, 89). Если мы вспомнимъ, что туръ обычно носитъ эпитетъ гнѣдого, указывающій на смѣшеніе этого животнаго съ зубромъ, до сихъ поръ сохранившимся въ прежней Литовской землѣ, и что въ одной былинѣ онъ называется прямо литовскимъ (Рыбниковъ, I, 318), то въ словахъ туровъ колымской былины можно съ достаточной вѣроятностью видѣть указаніе на западныя страны: туры были у чеховъ, у ляховъ и прошли всю Польскую землю.»

близкой къ колымской, дѣвица выходитъ наружу изъ церкви соборной. Оба сибирскіе варіанта словами турицы прямо поясняютъ, что красна-дѣвица съ Евангеліемъ—Мать пресвятая Богородица, оплакивающая угрожающую Кіеву невзгоду. Въ прочихъ варіантахъ, за исключеніемъ одного у Гильфердинга (№ 231), плачетъ мать стѣна городовая, олицетворенная дѣвицей. Наконецъ, дальнѣйшее сходство обѣихъ сибирскихъ былинъ въ томъ, что мать туровъ убѣждаетъ ихъ заступиться за стольный Кіевъ градъ, и за мать Пресвятую Богородицу. Въ Барнаульской соотвѣтственные стихи читаются такъ:

«О вы дѣтушки родимыя,
Постойте за стольной Кіевъ градъ,
За домъ Пресвятыя Богородицы
За ту ли церковь соборную».

Такого обращенія турицы къ турамъ нѣтъ въ другихъ варіантахъ, и я склоненъ думать, что, быть можетъ, въ этой подробности сибирскій изводъ былины, представленный барнаульскимъ и колымскимъ варіантами, сохранилъ черту старины. Впрочемъ, еслибъ эта подробность была и добавлена, она въ связи съ другими чертами, сближающими оба варіанта, позволяетъ говорить о сибирскомъ изводѣ своеобразной легенды о турахъ, остающейся еще до сихъ поръ не разъясненной. Мы все еще не въ состояніи уяснить, откуда явилась въ нашемъ эпосѣ странная картина этихъ туровъ и турицы, надѣленныхъ разумомъ и рѣчью и соболѣзнующихъ о судьбѣ Кіева.

VIII.

О Соколѣ кораблѣ.

Ай по морю же по синему Хвалынскому
Туды бѣгалъ то Соколъ корабль по тридцать лѣтъ,
Онъ по три года на якорѣ не стаивалъ,
Ко крутому бережечку не приплачивался,
[Ко морскимъ желтымъ песочкамъ не присачивался]
Краю желтаго песочка (въ) глазахъ не видалъ.
Еще всѣмъ то Соколъ корабль изукрашенъ былъ,
Еще носъ ли корма по турпному,
Ну бока были взведены по лашпному (sic).
Ну на Соколѣ на караблѣ немного людей,
И только три удалы добры молодцы.
Ну что носомъ то владалъ младъ Полканъ богатырь,
Ну кормою то владалъ младъ Алеша Поповъ,
На середочкѣ сидѣлъ Илья Муромецъ,
На середочкѣ сидитъ, всѣмъ онъ кораблемъ владатъ.
На Полканѣ то шапка желѣзная,
На Алешенькѣ сапожки зеленъ софьянъ,
На Илюшенькѣ кофтанчикъ рудожелтой комкѣ,
На кафтанѣ те петельки шелковыя,
Во петелькахъ пуговки золочены,
Во каждой во пуговкѣ по камушку,
Ну по дорогу по камушку по яхонту,
Во каждомъ во камушкѣ по льву звѣру.
Нападали на Соколъ корабль черны вороны,
Ну крымскіе татара со колмыгами,
Ну хотѣли то Соколъ корабль разбить, разгромить,
Ну разбить, разгромить и живкомъ задавить.
Тутъ Илюшенька по кораблю похаживаетъ,
Онъ тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ.
Ну во пуговкахъ камушки разгоралися,

Его лютые звѣри разсержалися,
И что крымскіе татара испужалися,
А калмыги въ сине моро побросалися,
А удалы добры молодцы оставалися,
Отъ Кіева до Чернигова добиралися...
[Припѣвъ послѣ каждой строки:
Сдудина ты, сдудина! Сдудина ты, сдудина!]

Записано отъ слѣпого шестидесятилѣтняго старика Митрофана Кривогорницына въ д. Походской лѣтомъ 1896 года.

Пѣсня объ Ильѣ на Соколѣ каораблѣ, записанная въ губерніи Саратовской, на Уралѣ, въ Сибири, но неизвѣстная олонецкимъ сказителямъ, повидимому, продуктъ волжскихъ разбойниковъ. Въ нѣкоторыхъ версіяхъ Илья замѣненъ Стенькой Разинымъ, котораго корабль назывался Соколомъ. Популярность пѣсни засвидѣтельствована тѣмъ, что она попала въ Пѣсенникъ начала XIX-го вѣка (1805 г.). Версія, записанная г. Богоразомъ, всего болѣе приближается къ варіанту, записанному С. П. Шевыревымъ въ Саратовской губерніи [1]; но сличеніе показываетъ, что на Колымѣ пѣсня сохранилась въ болѣе полномъ видѣ, чѣмъ въ Европейской Россіи. Вмѣсто двухъ богатырей (Полканъ и Илья, Святогоръ и Илья), упоминаемыхъ въ европейскихъ варіантахъ, колымскій, держась эпическаго числа *три* и трехъ частей корабля (корма, носъ и середка), помѣстилъ на Соколѣ третьяго богатыря Алешу Попова, сохранившаго въ Сибири вполнѣ свой древній богатырскій обликъ, значительно потускнѣвшій въ Россіи. Прежніе варіанты описываютъ только кафтанъ рудожелтой камки, надѣтый на Ильѣ: колымскій упоминаетъ о шапкѣ желѣзной Полкана и зе-

---

1) См. Кирѣевскій, вып. I, стр. 22.

леныхъ сафьяновыхъ сапожкахъ Алеши. Позднѣйшую и неудачную прибавку представляютъ два послѣдніе стиха:

А удалы добры молодцы оставалися,
Отъ Кіева до Чернигова добиралися.

Этихъ стиховъ нѣтъ въ доселѣ извѣстныхъ варіантахъ и прибавившій ихъ сибирякъ едва ли представлялъ себѣ, какимъ путемъ могли «добры молодцы» съ Хвалынскаго (Каспійскаго) моря добраться до Чернигова. Не считая этой надставки, колымскій варіантъ можетъ считаться самымъ полнымъ между всѣми варіантами этой пѣсни.

Подводя итоги колымскимъ былинамъ, доставленнымъ г. Богоразомъ въ настоящее время и раньше, мы видимъ, что въ этомъ негостепріимномъ захолустьѣ полуобъякутившіеся потомки русскихъ колонистовъ все еще держатъ въ памяти часть того былиннаго преданія, которое ихъ предки занесли съ собою на новыя мѣста поселенія. Они помнятъ трехъ главныхъ богатырей нашего эпоса Илью, Добрыню и Алешу Поповича, причемъ послѣдній сохранилъ въ восточной Сибири свой древній богатырскій характеръ лучше, чѣмъ въ Олонецкой губерніи. Они знаютъ похожденія Ивана Годиновича и Ивана Гостинаго, хотя перваго переименовали въ Потопа Михайловича, а второму дали фамильное имя Кулакова; помнятъ пріѣзжаго въ Кіевъ богатыря Дюка Степановича, хотя забыли о его галицкой родинѣ; помнятъ морское приключеніе Садка богатаго и старинную легенду о турахъ и турицѣ; наконецъ, не забыли двѣнадцатилѣтка богатыря Михаила Даниловича, полузабытаго въ Европейской Россіи. Если еще на нашихъ дняхъ на Колымѣ можно было собрать эти цѣнные остатки былиннаго репертуара, то, нѣтъ сомнѣнія, что въ прошломъ столѣтіи могъ бы быть въ восточной Сибири составленъ не менѣе обильный сборникъ бы-

линъ, чѣмъ въ западной (сборникъ Кирши Данилова). Поэтому, наблюдая географическое распространеніе былинъ, невольно приходишь къ мысли о высокомъ національномъ значеніи нашего народнаго богатырскаго эпоса. Оставляя въ сторонѣ его художественную цѣнность, мы смѣло можемъ сказать, что ни одинъ эпосъ міра не имѣлъ такого обширнаго географическаго распространенія среди создавшаго его народа. Роскошный эпосъ Эллиновъ только путемъ школьнаго обученія въ теченіе тысячелѣтій сталъ міровымъ достояніемъ образованныхъ классовъ, совершилъ кругосвѣтное путешествіе; но, когда жилъ въ устахъ грековъ, былъ извѣстенъ лишь въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ греческой рѣчи. Нашъ эпосъ путемъ устной традиціи живетъ еще въ наши дни на огромномъ пространствѣ Европы и Азіи, отъ Бѣлаго моря до Колымы, отъ Ледовитаго океана до подножья Кавказскаго хребта. Наши старинныя эпическія пѣсни съ кіевскими богатырями и новгородскими удальцами сопровождали нѣкогда сибирскихъ піонеровъ въ ихъ послѣдовательномъ движеніи, достигшемъ Берингова пролива; ихъ разносило съ собою наше казачество на Уралъ и на Терекъ. Примѣняясь къ условіямъ новой почвы и климата, ведя борьбу съ природой и людьми, принимая инородческіе обычаи и одежду, научаясь для сношеній языку инородческихъ сосѣдей, измѣняясь даже въ своемъ физическомъ обликѣ чрезъ смѣшанные браки, русскіе поселенцы на ряду съ православіемъ хранили, на сколько могли, поэтическое наслѣдіе исторической старины, замѣнявшее имъ историческое знаніе, и почерпали въ немъ, какъ и въ унаслѣдованномъ языкѣ, сознаніе своего единства со всѣмъ великорусскимъ племенемъ, въ какія бы захолустья ихъ ни заносила судьба.

Всев. Миллеръ.

«МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ»:

иностранная журналистика и литература.

«Московскій журнализмъ убьетъ петербургскій», писалъ Пушкинъ въ своихъ «возраженіяхъ на книгу Радищева». «Московская критика съ честью отличается отъ петербургской. Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе написали нѣсколько опытовъ, достойныхъ стать наряду съ лучшими статьями англійскихъ Reviews». Переходя далѣе къ «Московскому Телеграфу», Пушкинъ, не всегда относившійся безпристрастно къ этому журналу, или вѣрнѣе его редактору, хотя и признаетъ его «предпріятіемъ чисто-торговымъ», но въ то же время невольно восклицаетъ: «какая смышленость въ выборѣ переводныхъ статей! какая оборотливость въ сужденіяхъ!» и т. д.

Признаніе превосходства московскаго журнализма, похвальный отзывъ объ англійскихъ Reviews, упоминаніе о «смышленыхъ» переводахъ «Московскаго Телеграфа» — все это вѣрныя, мѣткія мысли, находившія себѣ подтвержденіе въ дѣйствительности. Достоинство московской журналистики, въ частности «Московскаго Телеграфа», поддерживалось, какъ участіемъ и сотрудничествомъ нашихъ первоклассныхъ литературныхъ талантовъ, такъ и вліяніемъ иностранной журналистики и литературы. Перейдемъ къ выясненію этого вліянія.

Родоначальницей «обозрѣній» является Англія: здѣсь этотъ журнальный типъ получаетъ свое развитіе и начинаетъ привлекать вниманіе журналистовъ и литераторовъ другихъ странъ.

«Извѣстны двѣ партіи, давно раздѣляющія политиковъ Англіи на Виговъ и Тори; сіи партіи находятъ себѣ поборниковъ въ разныхъ журналахъ, жарко спорятъ и пишутъ. Нѣсколько журналовъ держатъ нейтралитетъ; есть и другія частныя измѣненія. Политическое направленіе отзывается въ литературномъ духѣ почти каждаго англійскаго журнала... Изъ всѣхъ заслужившихъ болѣе другихъ славы и уваженія должно почесть первымъ извѣстное «Эдинбургское Обозрѣніе» [1]) (The Edinburgh Review). Оно выходитъ въ Эдинбургѣ, черезъ три мѣсяца, книжками листовъ въ 15. Его началъ Джеффери [2]) съ товарищами въ 1804 г. Въ 1817 году расходились его 12.000 экземпляровъ; теперь расходится болѣе 15.000. Въ обществѣ, издающемъ журналъ сей, всегда участвовали главнѣйшіе виги, и нынѣ участвуютъ (т. е. въ 1827 г.) въ немъ Брумъ, Макинтошъ и многіе славные писатели Англіи. Книжки состоятъ изъ большихъ рецензій и, рѣдко, статей о политикѣ, политической экономіи и т. п. — Книгъ въ рецензіи входитъ немного, но разнообразіе выбора и особенный образъ критики, особенный способъ писать статьи о книгахъ, раздвигая объемъ воззрѣнія на сущность предмета и удаляя подробности, даетъ журналу великую важность. Полное собраніе «Эдинбургскаго обозрѣнія» драгоцѣнно, и первые годы его донынѣ нѣсколько разъ были перепечатаны. Журналъ страшенъ своимъ ученымъ критическимъ трибуналомъ, и его не могло уронить даже грозное перо Байрона [3]), когда издатели отозвались невыгодно о первыхъ сочине-

---

1) Журналъ возникъ въ 1773 г., подъ названіемъ: «Edinburgh Magazine and Review»; первый номеръ собственно «Edinburgh Review» вышелъ 10 октября 1802 г. (Histoire de la presse en Angleterre etc., par Cucheval-Clarigny. P. 1857).

2) Францисъ Джеффри былъ редакторомъ «Review» въ теченіе 27 лѣтъ.

3) Разумѣется знаменитая сатира: «Англійскіе барды и шотландскіе обозрѣватели». О составѣ сотрудниковъ Клариньи говоритъ, что никогда не было такого соединенія талантовъ, посвятившихъ себя одному дѣлу (стр. 281).

ніяхъ поэта. Направленіе «Эдинбургскаго Обозрѣнія» обращено было прежде явно къ сторонѣ виговъ или конституціонной; но со времени принятія должности главнаго редактора Макъ-Колокомъ, извѣстнымъ сочиненіями своими о политической экономіи, журналъ въ политикѣ сдѣлался умѣреннѣе.

«Джефферп, человѣкъ неуступчивый, вспыльчивый, самъ былъ причиною появленія сильнаго литературно-политическаго противника. «The Quarterly Review» составился въ 1812 году, когда одинъ изъ сотрудниковъ Edinburgh Review Джиффордъ поссорился съ Эдинбургскою редакціею и рѣшился основать отдѣльный журналъ, совершенно предавшійся партіи тори, или аристократической [1]). Сей журналъ съ тѣхъ поръ выходитъ въ Лондонѣ, огромными книжками, также четыре раза въ годъ, и вообще въ расположеніи и образѣ статей совершенно сходенъ съ своимъ родоначальникомъ «Обозрѣніемъ Эдинбургскимъ»: однѣ рецензіи составляютъ и здѣсь всю сущность [2]). Джиффорда смѣнилъ въ редакціи Колериджъ, извѣстный врагъ Байрона и странный поэтъ. Нынѣ главный редакторъ, зять В. Скотта, Локкардъ. Вмѣстѣ съ нимъ работаютъ придворный поэтъ Сутей, Крокеръ, Мильмансъ и многіе другіе извѣстные люди. Критика и голосъ сего изданія уважаются въ Англіи, хотя иногда аристократизмъ дѣйствуетъ сильно на издателей [3]). Все старое, все феодальное

1) Основаніе «Quarterly Review» было вызвано едва ли не ссорой В. Скотта съ редакціей «Эдинбургскаго обозрѣнія». Знаменитый романистъ былъ склоненъ думать, что подобный журнальный органъ можетъ вредно вліять на умы и что необходимо основать журналъ по тому же плану, но съ прямо противоположнымъ направленіемъ. Журналъ въ духѣ тори было предрѣшено издавать еще въ 1808 г. В. Скоттъ отклонилъ отъ себя предложенное ему редакторство, но предложивъ все съ своей стороны возможное для содѣйствія новому журналу. Бывшій сотрудникъ «Эдинбургскаго обозрѣнія» становится сотрудникомъ «Трехмѣсячнаго Обозрѣнія». (Тамъ же, стр. 291—292).

2) Главное мѣсто между статьями принадлежитъ критикѣ литературной.

3) Антагонизмъ «Эдинбургскаго» и «Трехмѣсячнаго обозрѣній», призывавшій подъ то или другое знамя всѣхъ выдающихся писателей, сообразно ихъ взглядамъ, долженъ былъ подорвать всѣ періодическія изданія того же рода, ибо публика сдѣлалась къ послѣднимъ равнодушна. Оба обозрѣнія такимъ образомъ одни владычествовали въ тогдашней журналистикѣ (Кларины, 305).

находитъ себѣ сильную защиту въ «Quarterly Review», для котораго слова: иностранное и новое — синонимы худого и негоднаго.

«На такомъ же точно планѣ и расположеніи, какъ «Эдинбургское» и «Лондонское» обозрѣнія, основалось въ 1824 году, по всѣмъ догадкамъ подъ покровительствомъ Каннинга, совершенный противникъ того и другого журнала, «Вестминстерское обозрѣніе» (Westminster Review), къ которому присовокупились сильные реформаторы англійской политики и литературы: Бентамъ, Милль, Боурингъ, Пласъ и проч. Самъ Каннингъ писалъ по нѣскольку статей въ годъ для сего журнала, и потому статьи политическаго содержанія въ семъ журналѣ почитались англичанами почти полуоффиціальными»[1]). Громадная популярность англійской прессы не могла пройти безслѣдно для прессы обще-европейской. Увлеченные типомъ Review нѣмецкіе и французскіе журналисты стараются подражать англійскимъ.

«Стараніе подражать англійскимъ обозрѣніямъ оказалось въ Германіи уже за нѣсколько лѣтъ. Такимъ образомъ давно (и также по четыре книжки въ годъ) издаются «Вѣнскія лѣтописи литературы» и «Лейпцигскій Гермесъ». Во Франціи титулъ: обозрѣніе (Revue=Review) давно уже сдѣлался весьма употребительнымъ; такъ, напримѣръ, въ Парижѣ издаются: «Американское обозрѣніе», «Британское обозрѣніе», «Протестантское обозрѣніе», «Энциклопедическое обозрѣніе»; въ первомъ заключа-

1) Редакція журнала была вручена Боурингу, который обладалъ энциклопедическими свѣдѣніями и отличался неистощимой плодовитостью; кромѣ того Боурингъ былъ замѣчательный популяризаторъ. Направленіе «Вестминстерскаго Обозрѣнія» было либеральное. Такъ, «Обозрѣніе» возставало противъ права первородства, требовало равноправности католиковъ и евреевъ, провозглашало уничтоженіе податей и т. д. Одно время были прекращены публикаціи объ его выходѣ, такъ какъ его направленіе противорѣчило господствующимъ понятіямъ. Впрочемъ это длилось лишь нѣсколько мѣсяцевъ. «Вестминстерское Обозрѣніе», послѣ ухода Боуринга, присоединилось къ журналу: «Foreign Quarterly Review» и выходило подъ двумя заглавіями. Впослѣдствіи оно получило вновь свое старое имя.

ются единственно статьи объ Америкѣ[1]); во второмъ единственно выборъ статей изъ англійскихъ журналовъ и книгъ[2]). «Энциклопедическое обозрѣніе» (Revue encyclopédique) очень извѣстно въ Россіи, и мы не почитаемъ нужнымъ объяснять, что оно только по названью походитъ на обозрѣнія англійскія. Но появленіе журналовъ французскихъ, которые были бы образованы совершенно по образцу англійскихъ Обозрѣній, должно отнести рѣшительно къ нынѣшнему только году» (1828). Такими обозрѣніями являются: Revue trimestrielle и Revue française. «Если можно судить по оглавленію, то, кажется, что въ «Обозрѣніи французскомъ» [3]) преимущественное мѣсто займетъ политика: важные вопросы современные, о которыхъ говорятъ издатели въ программѣ, разумѣется, суть тѣ вопросы, которыми заняты теперь всѣ умы во Франціи. Статья: Состояніе Франціи, была перепечатана въ «Журналѣ преній»: это не что иное, какъ грозное нападеніе публициста Гизо на бывшаго тогда министра Вилеля. Другія статьи относятся къ современной исторіи Греціи, Франціи и Англіи. Въ «Трехъ-мѣсячномъ обозрѣніи»[4]) разно-

---

1) Такихъ журналовъ въ Германіи, сколько намъ извѣстно, издается два: Columbus, Amerikanische Miscellen, изд. Редингъ, въ Гамбургѣ. Atlantis изд. Ривинусъ, тамъ же. Примѣч. изд. М. Телеграфа.

2) Въ Германіи такихъ выборовъ нѣсколько. Лучшіе суть: British Chronicle, изд. Мейеръ, и Britania, oder neue englischen Miscellen, изд. Гермесъ; оба въ Стутгартѣ. Прим. издателя Московскаго Т.

3) Основателями «Revue française» (1828—1830) были: Гизо, Ремюза, де-Брогли и др. Журналъ былъ посвященъ вопросамъ философіи, исторіи, литературной критики и изслѣдованіямъ научнымъ; сотрудники его, хотя и указывали на свое отличіе отъ людей 1789 г., были продолжателями ихъ дѣла; они задумали привести общество къ сознанью болѣе возвышенныхъ принциповъ, болѣе возвышенныхъ чувствъ и необходимости болѣе прочныхъ основъ. «Revue française» тѣсно соединено съ «le Globe»: у нихъ одна цѣль, одна точка отправленія, однѣ идеи и часто одни и тѣже сотрудники. Значеніе этого органа было чрезвычайно важно для своего времени, какъ по талантамъ, такъ по авторитету редакторовъ. Hatin, Bibliographie de la presse française, P. 1866, (стр. 363).

4) «Трехъ-мѣсячное Обозрѣніе», или «Revue Trimestrielle» было основано по плану англійскаго «Quarterly-Review». О немъ упоминается въ «Bibliographie de la presse» Гатена: «Revue «Trimestrielle», 1829, 4 vol., in. 8⁰.

образія гораздо болѣе, и хотя «Журналъ преній», расхваливъ «Французское обозрѣніе», ни слова не сказалъ донынѣ о «Трехъ-мѣсячномъ», но причины этого довольно понятны, и потому можно надѣяться, что если первое изъ нихъ болѣе важно и занимательно будетъ для французовъ, то второе, вѣроятно, болѣе представитъ общей занимательности и важности».

Приведенный очеркъ развитія журнальнаго типа «обозрѣній» заимствованъ изъ статей, посвященныхъ тому же вопросу и помѣщенныхъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 и 1828 годовъ[1]). Эти статьи указываютъ на то вниманіе, съ которымъ слѣдилъ русскій журналъ за европейскими періодическими изданіями, и даютъ сразу чувствовать, что должна существовать связь между «Телеграфомъ» и иностранной прессой. И дѣйствительно, по внимательномъ изученіи журнала Полевого, становится яснымъ вліяніе на него, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны, сначала французскихъ, а затѣмъ англійскихъ «обозрѣній», и другихъ газетъ и журналовъ.

Представляя въ первомъ номерѣ «Московскаго Телеграфа» за 1825 г. подписчикамъ планъ своего изданія, Полевой писалъ: «мы избираемъ лучшія французскія и нѣмецкія періодическія изданія: Revue encyclopédique, Bulletin universel, Journal des débats, Allgemeines Repertorium, Галльскія, Іенскія, Гёттингенскія и Лейпцигскія Ученыя Вѣдомости, Изиду, и проч. и проч.»[2]).

Изъ этого перечня видно, что Полевой въ началѣ изданія «Телеграфа» еще не былъ знакомъ съ англійской журналистикой и что прежде всего онъ упоминаетъ о «Revue encyclopédique». «Revue encyclopédique», писалъ Бѣлинскій, «служила для него и

1) М. Т. 1827, № 17, 55; 1828, № 7, 374—381.
2) М. Т. 1825, № 1, 90.

сокровищницею новыхъ идей и нерѣдко снабжала его статьями, которыя ему стоило передѣлывать и было ему нужно»[1]). Слова критика были справедливы: «Московскій Телеграфъ» напоминалъ указанное «обозрѣніе» и по внѣшней формѣ, и по содержанію статей.

«Revue encyclopédique» — журналъ, издававшійся извѣстнымъ публицистомъ и политикомъ Жюльеномъ[2]) съ 1819 по 1833 г. и посвященный главнымъ образомъ критикѣ лучшихъ произведеній литературы, науки и искусства. Какъ говоритъ само заглавіе, «Revue» отличалось большой разносторонностью содержанія и заключало въ себѣ извѣстія о всѣхъ только-что вышедшихъ новинкахъ: на ряду съ критическими этюдами, въ немъ помѣщались и стихотворенія, и извѣстія о книгахъ, французскихъ и не французскихъ, и извѣстія о замѣчательныхъ событіяхъ европейской общественной жизни. «Revue encyclopédique» пользовалось заслуженнымъ уваженіемъ, ибо въ числѣ редакторовъ его были выдающіеся современные писатели; оно стало приходить въ нѣкоторый упадокъ только послѣ 1830 года, когда сенсимонизмъ охватилъ умы его новыхъ заправилъ.

Въ подтвержденіе приведенныхъ выше словъ Бѣлинскаго сопоставимъ содержаніе двухъ наудачу выбранныхъ номеровъ «Энциклопедическаго Обозрѣнія» (за май 1827 г.) и «Московскаго Телеграфа» (за первую половину сентября 1825 г.).

Указанная книжка «Обозрѣнія», какъ и каждый номеръ этого журнала, распадается на четыре части. Въ первой, озаглавленной «Mémoires, notices, lettres et mélanges» помѣщены статьи о положеніи Греціи въ началѣ 1827 года, извѣстіе о морскомъ департаментѣ и стихотвореніе — элегія. Вторая часть

1) Собр. соч., т. 3, 107.

2) Жюльенъ (Jullien de Paris, 1775—1848) во время директоріи редактировалъ «L'Orateur plébeien», газету чисто республиканскую; Бонапартъ поручилъ ему редактированіе органа: «Le Courrier de l'armée d'Italie»; онъ, вмѣстѣ съ другими, основалъ L'Indépendant» (La Grande Encyclopédie, t. 21, 295). Сотрудниками его по «Энциклопедическому Обозрѣнью» были между прочимъ: Дежерандо, Ласепедъ, Лемерсье, Нодье и др.

«analyses d'ouvrages» заключаетъ въ себѣ разборы произведеній по отдѣламъ наукъ физическихъ, нравственныхъ и политическихъ и по отдѣлу литературному. Здѣсь встрѣчаются разборы записокъ о путяхъ сообщенія, желѣзныхъ дорогахъ и каналахъ; далѣе разборъ «философіи войны» маркиза де Шамбрэ, отчетъ объ уголовномъ судопроизводствѣ во Франціи за 1825 г.; краткое содержаніе исторіи итальянской литературы профессора Сальфи и критика китайскаго романа: «Двѣ двоюродныхъ сестры» въ переводѣ Абеля Ремюза. Въ отдѣлѣ «Bulletin bibliographique» напечатаны извѣстія о вновь вышедшихъ книгахъ: американскихъ, азіатскихъ, европейскихъ, въ частности: русскихъ, шведскихъ, датскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ. Затѣмъ дѣлаются сообщенія о французскихъ книгахъ, относящихся къ физикѣ, нравственности, литературѣ и искусству. Въ послѣднемъ отдѣлѣ: «Nouvelles scientifiques et littéraires» излагаются американскія и европейскія новости о театрахъ, новыхъ обществахъ, академіяхъ, общественномъ устройствѣ. 17-ая книжка «Московскаго Телеграфа» также подраздѣлена на четыре части. Въ первой: «Науки и искусства» говорится о переходѣ Наполеона черезъ С. Бернардъ, о путешествіи Бюллока въ Мексику, о торговлѣ ганзеатическихъ городовъ съ Востокомъ черезъ Россію въ XIII вѣкѣ. Во второй: Изящная словесность напечатаны письмо Гёте, стихи Пушкина: «Если жизнь тебя обманетъ», стихи Волкова («Къ Москвѣ») и басня С. Нечаева («Ссора»). Третья часть: Критика и библіографія — содержитъ статью: «О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ Крылова» (Пушкина), рецензію Шези о Шлегелевомъ переводѣ «Бхагаватъ-Гиты», библіографію русскую и иностранную (датскую и французскую) и французскія извѣстія о русской литературѣ. Въ четвертой части: Извѣстія и смѣсь, трактуется о Геттингенскомъ университетѣ и объ изданіи Гиландера «Ибнъ-Эль-Варди».

Нельзя не замѣтить сходства въ характерѣ этихъ двухъ журналовъ. На это сходство было указано въ самомъ «Revue

encyclopédique». Помѣщаемъ здѣсь отрывокъ изъ «Revue» въ переводѣ «Московскаго Телеграфа» (1827, № 4, смѣсь) [1]).

«Московскій Телеграфъ» началъ свое поприще съ 1825 года, и, кажется, ему назначено быть однимъ изъ лучшихъ русскихъ журналовъ. Бѣглый обзоръ двухъ послѣднихъ книжекъ онаго, полученныхъ въ Парижѣ и за сообщеніе которыхъ мы обязаны Дирекціи «Всеобщаго Бюллетеня Наукъ», покажетъ занимательность и разнообразіе, замѣчаемыя въ семъ журналѣ. Онъ раздѣляется на четыре части: науки и искусства, изящную словесность, критику и библіографію, новости и смѣсь. Первая и вторая части походятъ на наше отдѣленіе: Записки и извѣстія; въ нихъ заключаются оригинальныя статьи о наукахъ, литературѣ и искусствахъ. Нѣсколько страницъ второй части исключительно посвящаются поэзіи. Третья представляетъ, въ меньшемъ объемѣ, наши два отдѣленія: Разборы и Библіографическій бюллетень: въ ней помѣщаются критическія и основательныя извѣстія о нѣсколькихъ сочиненіяхъ русскихъ и иностранныхъ. Четвертая часть соотвѣтствуетъ нашему отдѣленію Ученыхъ и литературныхъ новостей; впрочемъ въ ней желательно видѣть расположеніе и выборъ болѣе строгіе, болѣе удовлетворительные [2]).

Слова главнаго сотрудника «Revue encyclopédique» только подтверждаютъ тотъ выводъ, который можно сдѣлать на основаніи сопоставленія приведенныхъ выше оглавленій. Общая часть двухъ журналовъ еще болѣе расширилась, когда отдѣлъ «Критика и библіографія», распадающійся на два отдѣла въ «Revue», былъ и въ «Телеграфѣ» подраздѣленъ на двѣ особыя части: критику, представляющую подобіе analyses d'ouvrages, и библіографію, помѣщаемую съ 1826 года отдѣльно и сходную съ «Bulletin bibliographique».

---

1) Ср. «Revue encyclopédique», t. 32, 118 (1826, octobre).

2) Статья написана Е. Геро, котораго, при посредничествѣ А. И. Тургенева, князь П. Вяземскій хотѣлъ привлечь къ сотрудничеству въ М. Телеграфѣ. (Сообщеніе В. И. Саитова).

Правда, было и различіе между «Телеграфомъ» и «Revue»: въ первомъ былъ большой отдѣлъ беллетристики, чего не было въ послѣднемъ. Но причины подобнаго явленія заключаются въ тѣхъ историческихъ условіяхъ жизни, благодаря которымъ умственные интересы тогдашняго общества не стояли на высокой ступени развитія. «Публика требуетъ отъ журналистовъ», писалъ Полевой: «пестроты, разнообразія газетнаго, антикритики, сказокъ, стиховъ, мѣлочей. Она хочетъ играть журнальными книжками, а не читать ихъ» [1]).

Статьи, выбираемыя для «Московскаго Телеграфа» изъ «Revue encyclopédique», не имѣютъ строго опредѣленнаго содержанія. Онѣ касаются всевозможныхъ вопросовъ, относятся къ разнымъ отраслямъ науки, искусства, иногда даже представляютъ изъ себя просто извѣстія о положеніи той или другой страны, того или другого учрежденія. Если въ нихъ можно найти чисто литературныя критики, какъ «Замѣчанія о хорошихъ и дурныхъ нововведеніяхъ въ драматическую поэзію» или «Сужденіе классика о романахъ В. Гюго», то, съ другой стороны, здѣсь же помѣщаются «Взгляды на событія въ Греціи», обозрѣнія различныхъ путешествій, трактаты «О сущности политической экономіи» [2]).

Талантливыя мысли, разсыпанныя въ изобиліи въ произведеніяхъ знатоковъ своего дѣла, знакомили подписчиковъ «Московскаго Телеграфа» съ развитіемъ западно-европейскаго просвѣщенія.

Кромѣ «Revue encyclopédique», во Франціи существовало еще другое «Revue», о которомъ сказано выше — «Revue fran-

1) М. Т. 1828, № 6, 251—4.

2) На особенное значеніе «Revue encyclopédique» для Полевого указывалъ кромѣ Бѣлинскаго, еще Булгаринъ. «Н. А. Полевой взялъ за образецъ «Revue encyclopédique» — писалъ онъ: «но не могъ исполнить своего предпріятія» въ такомъ видѣ и объемѣ, потому что не имѣлъ ни матерьяльныхъ средствъ французскаго журнала, ни такихъ сотрудниковъ» («Сѣверная Пчела», 1840, № 65).

çaise». Изъ него также выбирались подходящія вещи для журнала Полевого. Такимъ образомъ были переведены статьи подъ заглавіями: «Histoire de Russie et de Pierre le Grand, par M. comte de Ségur», «Histoire de la conquête de Granade», «Записки маршала Сенъ-Спра» и т. д. Благодаря этому журналу появились критическіе и историко-литературные этюды, дававшіе отпоръ ложно-классическимъ пріемамъ и распространявшіе новыя, романтическія идеи. Разборъ: «Отелло Шекспира и Дюсиса» давалъ наглядное представленіе о преимуществѣ Шекспировской драмы, а разсужденіе де-Брогли [1]): «Нынѣшнее состояніе драматическаго искусства во Франціи», написанное по поводу перевода «Отелло» А. де-Виньи, заключало въ себѣ новые взгляды на драматическія произведенія. Это разсужденіе было впослѣдствіи помѣщено Гизо въ его сборникѣ: «Shakespeare et son temps» [2]).

Хотя въ двухъ-трехъ мѣстахъ «Московскаго Телеграфа» за два первые года его изданія и встрѣчаются ссылки на англійскіе журналы [3]), однако съ большой вѣроятностью можно предположить, что непосредственное знакомство съ ними Полевого относится не ранѣе, какъ къ 1827-му году, когда и стали появляться переводы статей изъ различныхъ «Reviews». Съ англійской же прессой Полевой познакомился черезъ «Revue britannique», журналъ, въ которомъ помѣщались избранныя статьи изъ

1) Де-Брогли (A. C. duc de Broglie) жилъ съ 1785—по 1870 г.

2) У насъ подъ руками находится книга Гизо, изданная въ 1852 г. Изъ нея мы узнали о принадлежности упомянутой статьи де-Брогли. Гизо говоритъ: «Вслѣдъ за этюдомъ о жизни и сочиненіяхъ Шекспира я помѣщаю въ этомъ томѣ мои примѣчанія къ главнымъ его произведеніямъ и одинъ этюдъ «объ Отелло и драматическомъ искусствѣ во Франціи въ 1830 г.», который де-Брогли помѣстилъ въ это время во «Французскомъ обозрѣніи» и который онъ уполномочилъ меня воспроизвести здѣсь». (IV).

3) См. «М. Телеграфъ», № 1: «Смерть лорда Байрона» (яко бы изъ «Westminster Review» непосредственно); № 22: «Статистическія замѣчанія касательно англійской торговли и т. д.».

лучшихъ англійскихъ и американскихъ періодическихъ изданій, а также и нѣкоторыя оригинальныя сочиненія[1]). Объ этомъ говоритъ самъ издатель «Телеграфа»: «Таково наше небреженіе къ литературамъ нѣмецкой, англійской и другимъ, кромѣ французской. Пока французы не показали намъ Кузена, философія германская была удѣломъ весьма немногихъ; пока «Revue britannique» не стало знакомить насъ съ англійскими Reviews, мы не знали знаменитыхъ англійскихъ журналовъ; безъ Дефоконпре долго бы еще не видать намъ В. Скотта, безъ Пишо долго бы не знать намъ Байрона. Что дѣлать! Такова сила привычки, таковы слѣдствія направленія, которое, почти съ начала прошлаго вѣка, впрягло насъ въ торжественную колесницу французскихъ литературъ, модъ и проч.»[2]).

Изъ самаго «Revue britannique» почерпались разнородныя статьи, трактовавшія то о Лондонѣ, Парижѣ и Эдинбургѣ[3]), то объ обществахъ страхованія жизни[4]) и т. д. Не смотря на такое разнообразіе, всѣ указанные очерки и замѣтки отличались занимательностью содержанія и вносили жизнь въ «Московскій Телеграфъ». Еще больше занимательности и жизни внесли въ журналъ сами «Reviews». Важное значеніе послѣднихъ не ускользнуло отъ вниманія Полевого. «Ни французскіе, ни нѣмецкіе журналы», пишетъ онъ, «не могутъ быть такими хорошими источниками для русскаго журналиста, какъ англійскіе журналы». «Теперь вездѣ оказывается англоманія; неужели мы ограничимся только модами англійскими, и откажемся отъ пользъ, какія пристрастіе ко всему англійскому можетъ намъ доставить? Ученыя занятія англичанъ, литература, критика англійская могутъ пода-

---

1) Съ 1840 года редакторомъ «Британскаго обозрѣнія» является извѣстный знатокъ англійской литературы, лично посѣтившій Англію, авторъ книги «Voyage en Angleterre»—Амедей Пишо. См. Hatin, Bibliogr. de la presse, p. 568; Grand dictionnaire universel, P. Larousse, t. 12 (945).

2) М. Т. 1829, № 17, 89.

3) Тамъ же. 1832, № 17, 18.

4) Тамъ же. 1828, № 9.

рить читателей нашихъ сокровищами, которыхъ не найдемъ мы ни въ Германіи, ни во Франціи»[1]).

Полевой указываетъ въ той же статьѣ, что вліяніе англійскихъ журналовъ настолько же сильно, насколько сильно вліяніе поэзіи Байрона и романовъ Вальтеръ Скотта, что французы и нѣмцы стали подражать Англіи изданіями своихъ «обозрѣній», перенимая иногда даже наружную форму англійскихъ книгъ и газетъ; Полевой приглашаетъ и другихъ журналистовъ русскихъ знакомить публику съ «богатствомъ литературы англійской» и пишетъ слѣдующія глубокознаменательныя строки: «Будемъ же менѣе сочинять, когда еще можемъ находить что-нибудь такое для перевода, чего не можемъ сочинить сами: правило это, не касаясь изящныхъ искусствъ, можетъ быть полезно для положительныхъ свѣдѣній»[2]).

Вліяніе англійскихъ «обозрѣній», какъ это было съ другими иностранными журналами, отразилось и на внѣшней, и на внутренней сторонѣ «Московскаго Телеграфа». Что касается внѣшней стороны, то вліяніе выразилось въ оглавленіи статей на верху каждой страницы, чему примѣръ подало «Edinburgh Review». «На верху страницъ (Edinb. Review) означается»—читаемъ въ только-что цитованномъ отрывкѣ: «въ чемъ состоитъ сущность каждой статьи (этотъ порядокъ, облегчающій вниманіе читателя, мы завели съ новаго (1828) года и въ Телеграфѣ)»[3]).

Содержаніе переведенныхъ съ англійскаго статей двояко: это или критическія статьи собственно литературныя, или статьи, касающіяся разныхъ практическихъ вопросовъ по государственному и частному хозяйству: торговлѣ, промышленности и т. д. «Правда, политическіе современные вопросы входятъ въ число существенныхъ принадлежностей (англійскихъ обозрѣній); правда, что въ Англіи политическія партіи сражаются между собою

1) М. Т. 1828, № 6 (251—254).
2) Тамъ же.
3) Тамъ же, 1828, № 6.

въ извѣстныхъ направленіяхъ, хотя и съ одною цѣлью, въ журналахъ; но тотъ ошибется, кто станетъ думать, что одна борьба политическихъ мнѣній составляетъ душу англійскаго Review»[1]).

Критическія статьи Reviews имѣютъ свои характерныя особенности.

«Англійскія «обозрѣнія» состоятъ только изъ критическихъ разборовъ книгъ. Образъ и расположеніе разборовъ сихъ доставляетъ рецензентамъ средства излагать свои мысли, представлять соображенія предметовъ такъ, что собственно разборъ книгъ составляетъ самую малую часть ихъ статей. Исключивъ изъ статьи «обозрѣнія», что говорится о разбираемой книгѣ собственно, вы найдете превосходную диссертацію о какомъ-нибудь любопытномъ, занимательномъ предметѣ»[2]).

Къ числу собственно литературныхъ очерковъ, заимствованныхъ изъ «Reviews» принадлежатъ такіе, какъ очеркъ жизни и сочиненій Жанъ Поля Рихтера или разборъ сочиненій Макіавеля. Какъ первый, такъ особенно послѣдній написаны не только съ знаніемъ дѣла, но и съ сохраненіемъ изящнаго, увлекательнаго стиля[3]). Этюдъ о Макіавелѣ былъ приписанъ издателемъ «Московскаго Телеграфа» извѣстному англійскому историку Вилльяму Роско (W. Roscoe)[4]), автору біографій Медичи[5]), хотя былъ написанъ знаменитымъ Маколеемъ. Рецензія на римскую исторію Нибура, помѣщенная въ «Foreign-Quarterly Review» даетъ оцѣнку знаменитаго труда, столь интересовавшаго какъ ученыхъ, такъ и вообще образованный классъ[6]). Оцѣнивая статьи, посвященныя политической экономіи, торговлѣ и промышленности, Полевой говоритъ: «Практическая жизнь общества начинаетъ у насъ быстро развиваться, а ни въ одной

1) М. Т. 1828, № 6.

2) Тамъ же.

3) Тамъ же. 1828, № 14; 1828, № 5 и 6.

4) Роско жилъ съ 1753 по 1831 г.

5) Изъ «Reviews» же былъ заимствованъ разборъ книги К. Горста: «О демонологіи и вѣдьмахъ В. Скотта» М. Т. 1830, № 19, 20.

6) Тамъ же. 1829, № 8, 9.

землѣ практическая жизнь не доведена до такого совершенства, какъ въ Англіи. Обращаясь къ журналамъ, скажемъ, что отвлеченныя изслѣдованія германцевъ, блестящее разнообразіе французовъ не могутъ намъ быть, въ настоящемъ положеніи нашемъ, полезнѣе практическихъ свѣдѣній, какія найдемъ у англичанъ» [1]).

Подобныя статьи трактовали о производствѣ тонкой шерсти въ Европѣ, о бумажныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ, о послѣднихъ переломахъ въ англійской торговлѣ и промышленности, объ уменьшеніи золота и серебра въ то время, о положеніи финансовъ во Франціи; иной разъ дѣлались сравненія промышленности Англіи съ промышленностью Франціи [2]), иной разъ попадались такія статьи, какъ статья: «Объ огнедышащихъ горахъ» [3]).

Полевой очень увлекался англійской прессой: онъ называлъ ее «непочатымъ рудникомъ», хотѣлъ почерпать матерьялы для своего журнала «преимущественно» въ англійской литературѣ, излагалъ содержаніе «Edinburgh Review» и отмѣчалъ курсивомъ заглавія тѣхъ очерковъ, которые заслуживали, по его мнѣнію, перевода на русскій языкъ.

Кромѣ «обозрѣній» можно насчитать значительное число западно-европейскихъ журналовъ, которые были извѣстны издателю «Московскаго Телеграфа» и изъ которыхъ онъ почерпалъ самыя разнородныя свѣдѣнія.

Литературныя статьи, критическіе очерки, извѣстія и оцѣнка новыхъ произведеній Французской романтической школы заимствовались преимущественно изъ «le Globe» и «le Catholique».

---

1) М. Т. 1828, № 6 (251—254).

2) Изъ Quarterly Review», «Foreign-Quarterly Review», «Edinburgh Review», см. М. Т. 1827, № 21, 23; № 20; 1830, № 11, 12, 13; 1828, № 12, 16, 18; 1831, № 5 и т. д.

3) «Westminster Review», см. М. Т. 1828, № 3, 4.

«Le Globe»[1]) — одинъ изъ видныхъ органовъ новой школы въ борьбѣ съ ложно-классическими теоріями, касался вопросовъ литературы и философіи и съ большимъ жаромъ проводилъ свои излюбленныя романтическія идеи. Съ теченіемъ времени, впрочемъ, «le Globe» затронулъ область политики и сталъ проводникомъ и распространителемъ сенсимонизма.

Помѣщавшіеся въ «Московскомъ Телеграфѣ» отзывы о «парижскихъ театрахъ» съ помѣткой: «съ франц.» были переводы рецензій «le Globe». Здѣсь разбирались пьесы Виктора Гюго, Александра Дюма[2]) и обоихъ Арно[3]), разбирались остроумно и талантливо; такъ что читающая русская публика могла ознакомиться и съ содержаніемъ произведеній новѣйшихъ драматурговъ, и съ пріемами новѣйшей критики. Попадались въ «le Globe» и описанія путешествій, которыя привлекали вниманіе Полевого. Къ нимъ относятся: «письма изъ Корсики», «обозрѣніе Африки» и др.[4]). Наконецъ, изъ «le Globe» же переведено Полевымъ такое обстоятельное изслѣдованіе, какъ: «Ulysse-Homère, ou du véritable auteur de l'Iliade»[5]).

«Le Catholique[6]) снабжалъ «Московскій Телеграфъ» статьями

1) «Le Globe» издавался съ 1824 по 1831. Основателями его были П. Леру и М. Дюбуа; въ числѣ сотрудниковъ насчитываютъ: Жуффруа, Дамирона, Вите, Дюшателя, Ремюза, Ампера и др.

2) Разобраны пьесы В. Гюго: «Гернани», «Лукреція Боргіа»; А. Дюма: «Стокгольмъ, Парижъ и Фонтенебло», «Генрихъ III и его дворъ»; Люсьена Арно: «Густавъ-Адольфъ», «Катерина Медичи»; Арно-отца: «Пертинаксъ, или преторіане».

3) Оба Арно, отецъ и сынъ, писали драматическія произведенія. Отецъ (Antoine-Vincent Arnault) жилъ съ 1766 по 1834 г. Лучшей его трагедіей считается «les Vénitiens» (1798), гдѣ находятъ и драматическія положенія, и сильныя мысли, и хорошій стиль (Larousse, P. Dictionnaire). Арно сынъ (Emile-Lucien) жилъ съ 1787 по 1863; его пьесы, часто приписываемыя его отцу, имѣли большой успѣхъ, благодаря талантливому выполненію Тальмы (La grande Encyclopédie).

4) М. Т. 1827, № 16; 1830, № 19.

5) Тамъ же. 1831, № 4, 5.

6) «Le Catholique» издавался періодически съ 1826 по 1830 годъ и касался всѣхъ отраслей знанія.

своего издателя барона Экштейна. Баронъ[1]), пылкій полемистъ, обладающій живымъ умомъ и многочисленными и многосторонними знаніями, представлялъ изъ себя скорѣе не самостоятельнаго работника, а популяризатора. Свой идеалъ онъ видѣлъ, повидимому, въ братьяхъ Шлегеляхъ: подобно имъ онъ занимался драмой, подобно имъ интересовался Востокомъ. Его, хотя и популярные этюды не были безполезны для образованія нашего общества, ибо въ нихъ отчетливо указывались достоинства Шекспировой драмы, разбирались трагедіи Гете, сообщались теоретическія свѣдѣнія о драмѣ древнихъ и новыхъ народовъ и отмѣчались особенности арабской и индійской литературъ[2]). Все это было ново, свѣжо, изложено въ легкой формѣ, что особенно способствовало быстрому усвоенію тѣхъ литературныхъ воззрѣній, которыя были бы, пожалуй, слишкомъ затруднительны для русскаго читателя того времени, будучи изложены въ болѣе научномъ видѣ.

Изъ другихъ французскихъ журналовъ, обращавшихъ на себя вниманіе Полевого, можно назвать: «Bulletin des sciences historiques», «Bibliothèque universelle», «Journal des Débats», «Journal des savants», «Journal asiatique», «Gazette de France», «Le National», «La Quotidienne» и «Journal grammatical». Это были лучшія періодическія изданія, которыя пользовались заслуженными успѣхомъ и популярностью въ Западной Европѣ, но которыя, къ сожалѣнію, до временъ Полевого, кажется, едва были извѣстны русскимъ и по наслышкѣ.

Содержаніе переведенныхъ изъ нихъ статей было чрезвычайно разнообразно, хотя съ преобладаніемъ литературныхъ произведеній. Послѣ «Revue encyclopédique» наиболѣе другихъ

1) Баронъ Фердинандъ Экштейнъ былъ послѣдователь теорій Бональда и де-Местра, сводилъ все къ католицизму, что и отразилось на заглавіи его журнала. Онъ жилъ съ 1790 по 1861 г., участвовалъ во многихъ изданіяхъ и оставилъ книгу: «De l'Espagne, considérations sur son passé, son présent et son avenir».

2) М. Т. 1828, № 7, 11; 1829, № 7, 9, 12; 1831, № 13 и 14; 1831, № 19, 20, 21, 24.

интересовалъ Полевого «Bulletin», изданіе Ферюссака. «Долго R. E.» — читаемъ въ «Московскомъ Телеграфѣ — «былъ одинъ въ своемъ родѣ; но теперь, и славу, и вліяніе, и прибыль отбиваетъ у него «Bulletin universel» [1]), издаваемый Ферюссакомъ. Планъ сего послѣдняго журнала еще обширнѣе; онъ назначается или обѣщаетъ быть полною энциклопедіею всѣхъ наукъ, и даже мнѣній [2]). Изъ него переведены: «Мнѣнія Наполеона о воспитаніи и должностяхъ исторіографа и придворнаго поэта» и «Замѣчанія Шампольіона на сочиненіе г. Гульянова» [3]). «Женевская всеобщая библіотека» [4]), по словамъ Полевого, почти вся составляется изъ журналовъ англійскихъ»; она «очень занимательна» и «принесла много пользы Европѣ». Такое разсужденіе, какъ: «Классицизмъ и романтизмъ» А. Пиктета [5]), гдѣ дается опредѣленіе романтизма и устанавливаются соотношенія между идеей и формой, оправдываетъ вполнѣ мнѣніе издателя Телеграфа.

«Journal des savants» и «Journal des débats» считались лучшими изданіями во Франціи. Первый отличался своей разносторонностью, чистотою стиля, точностью и глубиною изысканій, онъ поддерживалъ въ обществѣ хорошій вкусъ. Находясь подъ покровительствомъ правительства, имѣя въ числѣ сотрудниковъ

---

1) «Bulletin universel des sciences et de l'industrie», 1824—1831. Онъ имѣлъ восемь отдѣловъ: математическій, естественный, медицинскій, технологическій, земледѣльческій и экономическій, географическій, историческій и военный. Hatin, Bibliogr. 575.

2) М. Т. 1831, № 21, 17.

3) Тамъ же. 1831, № 16; 1827, № 4.

4) Изданіе съ 1816 года носило заглавіе: «Bibliothèque universelle des sciences, belles-lettres et arts». Въ немъ три отдѣла: литература, науки и искусство, земледѣліе. Такъ какъ это изданіе было впослѣдствіи чисто литературнымъ, то таже редакція стала издавать «Archives des sciences physiques et naturelles». «Она была начата», говоритъ Полевой: «единственно для того, чтобы знакомить съ англійскими журналами, и съ 1796 по 1816 годъ состояла рѣшительно изъ однихъ переводовъ съ англійскаго, называясь «Британскою Библіотекою». Съ 1815 года, въ ней стали помѣщать переводы съ нѣмецкаго и проч. Но едва ли это улучшило сей журналъ, хотя названіе дано ему и громче прежняго—«Bibliothèque universelle». М. Т. 1828, № 6, 251—254.

5) М. Т. 1828, № 17 и 24.

лучшихъ писателей своей эпохи, «Journal des savants» обнималъ всѣ отрасли знанія, за исключеніемъ политики и слишкомъ современныхъ вопросовъ [1]). Переведенныя изъ него въ «Московскомъ Телеграфѣ» статьи касаются восточной и классической литературъ. Особенно любопытными представляются: «Филебъ, или разговоръ Платона о высочайшемъ благѣ», разсужденіе де-Саси «О древнѣйшей арабской рукописи» и «Hoa-Tsian, chinese court-ship»—статья Абель—Ремюза [2]).

«Journal des débats» — историческій по преимуществу. Серьезность его редакторовъ завоевала ему одно изъ первыхъ мѣстъ среди органовъ французской прессы [3]). Помѣщенный въ журналѣ Полевого разборъ сочиненія Вальтера Скотта «жизнь Наполеона Бонапарта» представляетъ интересный и занимательный очеркъ [4]).

Свѣдѣнія о востокѣ и восточной литературѣ, свѣдѣнія, которыя побудили Полевого впослѣдствіи заинтересоваться азіатскими народностями, онъ могъ получать въ трудахъ Шлегелей, Экштейна, Ремюза [5]) и Клапрота [6]). Кромѣ того, въ Парижѣ

1) «Journal des savants» (1665—1864 и д.) новой серіей сталъ выходить съ 1816 г. Въ немъ три отдѣла: 1) критика французскихъ и иностранныхъ произведеній, 2) разсужденія и мемуары по литературнымъ вопросамъ и научнымъ открытіямъ, 3) литературныя новости. Его редакторами числились: Дано, Рейнаръ, Абель Ремюза, Жюльенъ, Рошетъ, Кузенъ, Сильвестръ де-Саси и др.

2) М. Т. 1826, № 1 и 2; 1826, № 18.

3) «Journal des débats et décrets», или «Journal des débats politiques et littéraires» носилъ одно время названіе «Journal de l'empire» (1814—15 г.) и издавался съ 1814 года. Редакторы его: Шатобріанъ, Вильменъ, Нодье; позднѣе де-Саси, Жирарденъ, Жюль Жаненъ и др.

4) М. Т. 1827, № 14, 16; 1828, № 3 и 4. Очеркъ о сочиненіи В. Скотта взятъ изъ «Journal des débats».

5) Ремюза (Жанъ-Пьеръ-Абель, 1788 — 1832), знаменитый оріенталистъ, профессоръ «Collège de France» (1814), членъ академіи (1816), вмѣстѣ съ Клапротомъ, былъ однимъ изъ основателей Азіатскаго Общества (1822), а затѣмъ его президентомъ (1829).

6) Клапротъ Генрихъ, Юлій (1783—1835) — оріенталистъ, нѣмецъ по происхожденію, былъ въ Петербургѣ, участвовалъ въ Головкинской экспедиціи въ Китай, ѣздилъ на Кавказъ; затѣмъ онъ жилъ во Франціи, а впослѣдствіи профессорствовалъ въ Берлинѣ. Изъ русскихъ оріенталистовъ назовемъ Іакинеа Бичурина, много писавшаго въ «Телеграфѣ».

издавался еще спеціальный «Journal asiatique» [1]), изъ него заимствованы статьи: «Штатъ индійскаго идола», «Историческія изслѣдованія о законодательствѣ Мугамеда» [2]) и др. Кажется, до времени «Телеграфа» восточная литература, уже достаточно разрабатываемая на западѣ, была вполнѣ невѣдомой областью для русскихъ читателей, — и, какъ бы ни смѣялись надъ увлеченіемъ Полевого санскритомъ, въ этомъ отношеніи заслуга его едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Извѣстія о новостяхъ политическихъ, научныхъ и литературныхъ получались редакторомъ «Телеграфа» еще изъ многихъ органовъ западно-европейской прессы, кромѣ приведенныхъ выше; но заимствованія изъ нихъ носятъ болѣе случайный характеръ, хотя и свидѣтельствуютъ о знакомствѣ съ ними Полевого. Къ такимъ органамъ изъ англійскихъ журналовъ принадлежатъ «The Monthly Magazine» и «Blackwood's Magazine».

Характеристики политическаго положенія какой-либо страны, общественной жизни и развитія наукъ—вотъ каковы статьи изъ перваго журнала, изъ котораго въ письмахъ графа Пеккіо публика узнавала о тогдашнемъ состояніи Греціи, а въ письмахъ англичанина—о парижскихъ обществахъ и новой французской литературѣ [3]). «Обозрѣніе Молдавіи и Валахіи»—очеркъ, взятый изъ второго «Магазина», пользовавшагося и въ Англіи солидной репутаціей [4]).

---

1) Journal asiatique, ou recueil de mémoires, d'extraits et de notices relatifs á l'histoire, à la philosophie, aux langues et à la littérature des peuples orientaux. 1822.

2) М. Т. 1825, № 3; 1832, № 1.

3) Мы полагаемъ, что полное заглавіе этого журнала было «New Monthly Magazine», который появился въ свѣтъ впервые въ 1820 году и издателемъ котораго былъ неистощимый романистъ тогдашняго времени Гаррисонъ Энсвортъ (Harrison Ainsworth). (См. М. Т. 1827, № 16 и № 10, 1828, № 16).

4) «Blackwood's Magazine» основанъ въ 1817. Основателемъ его былъ книгоиздатель, умный и талантливый критикъ Блеквудъ, сторонникъ тори. Онъ, вмѣстѣ съ Вальтеромъ Скоттомъ, Локкартомъ, Симомъ и другими, выступилъ противъ «Edinburgh Review». Борьба двухъ журналовъ привлекала всеобщее вниманіе. (Кларинья, 252—253). См. М. Т. 1828, № 14, 515.

«Gazette de France»[1]), запрещенная во времена имперіи и получившая право голоса во времена реставраціи, когда она выступила сторонницей королевской партіи; «Journal général de la littérature étrangère»[2]), извѣщавшій о множествѣ новыхъ появившихся трудовъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ присоединеніемъ короткой, но точной ихъ оцѣнки; «Le National»[3]) провозвѣстникъ политическихъ новостей и перемѣнъ; наконецъ, «La Quotidienne»[4]), «le Furet» (1830, № 13) и даже «Journal grammatical et didactique de la langue francaise»[5]), своимъ названіемъ указывающій на характеръ своего содержанія,—даютъ ясное понятіе о томъ живомъ, разностороннемъ интересѣ, съ какимъ Полевой слѣдилъ за французской наукой, литературой, политикой.

Такъ изъ этихъ періодическихъ изданій заимствована статья: «Мысли Байрона о самомъ себѣ»[6]), затѣмъ довольно подробныя и мѣткія характеристики политическихъ дѣятелей: Гизо, Тьера, Бертена-де-Во, Дюпена-старшаго[7]) и др.

Переводя на русскій языкъ различныя статьи и упоминая о разныхъ журналахъ, Полевой часто дѣлаетъ и оцѣнку тѣхъ и другихъ. «Le National», по его мнѣнію, «отличается рѣзкою правдою во всѣхъ важныхъ случаяхъ и умѣетъ высказывать ее умно и благородно. Арманъ Каррель, главный редакторъ сего журнала, человѣкъ съ необыкновенными дарованіями»[8]). Изданіе грамматическаго журнала во Франціи наводитъ Полевого

---

1) Gazette de France изд. съ 1797—1848 г., съ нѣкоторыми измѣненіями въ направленіи.

2) Этотъ журналъ издавался съ 1801 по 1830.

3) «Le National» имѣлъ редакторами Тьера, Минье и Карреля; онъ издавался съ 1830 по 1851 г. и во времена Луи Филиппа былъ наиболѣе виднымъ органомъ антидинастической оппозиціи. Впослѣдствіи, по смерти Карреля, въ него проникъ республиканскій духъ.

4) Издавался съ 1815 по 1847; направленіе королевской партіи.

5) «Journal grammatical» издавался М. Марлемъ съ 1826 по 1840 г.

6) М. Т. 1826, № 10 (Gazette de France).

7) М. Т. 1833, № 4.

8) Тамъ же, 1833, № 4.

на мысль завести подобный же журналъ въ Россіи. «Право, не худо бы и у насъ на Руси издавать журналъ подобнаго содержанія. Богъ знаетъ, полюбитъ ли и поддержитъ ли его публика, и на вопросъ такого рода, кажется, скорѣе можно отвѣчать: нѣтъ. Но если для французовъ грамматическій журналъ надобенъ, то для насъ онъ былъ бы вдесятеро полезнѣе». Но, совѣтуя завести журналъ на подобіе журнала Марля, Полевой совѣтуетъ русскимъ изслѣдователямъ итти другой дорогой, такъ какъ «философическія воззрѣнія» Марля на грамматику кажутся ему уморой [1]).

Нѣмецкая журналистика, повидимому, наименѣе коснулась «Московскаго Телеграфа» [2]). Особенно популярнымъ журнальнымъ типомъ во времена Полевого былъ типъ ученыхъ и литературныхъ «вѣдомостей», или «Anzeigen», издававшихся въ разныхъ городахъ Германіи. Существовали «вѣдомости» Геттингенскія, Іенскія, Лейпцигскія, Гальскія и др. Многія изъ нихъ стали издаваться еще съ половины восемнадцатаго столѣтія. На нихъ-то, какъ на свои источники въ области иностранной литературы, указывалъ между прочимъ Полевой въ первой выпущенной имъ книжкѣ журнала [3]). Ссылки на «вѣдомости» въ довольно обильномъ количествѣ попадаются на страницахъ «Телеграфа» за первые два года, причемъ чаще всего упоминаются такъ называемыя «Геттингенскія ученыя вѣдомости» и «Лейпцигскія», носящія еще другое наименованіе: «Лейпцигская литературная газета». Иногда проскользнетъ ссылка и на «Гальскія вѣдомости» или какое-либо другое періодическое изданіе — но послѣднее является довольно рѣдкимъ фактомъ. Заимствованныя изъ этихъ изданій статьи заключаютъ въ себѣ критическіе

1) М. Т. 1828. № 4.

2) Этотъ странный фактъ можетъ быть объясненъ тѣмъ обстоятельствомъ, что во французскихъ и англійскихъ періодическихъ изданіяхъ Полевой находилъ болѣе подходящаго матеріала для своего журнала.

3) См. М. Т. 1825, № 1, 90.

очерки на литературные и научные труды, разнаго рода извѣстія, географическія, археологическія и иныя сообщенія. Въ «Геттингенскихъ вѣдомостяхъ» [1]) говорилось и о «датскомъ переводѣ Семундовой Эдды» и объ «исторіи монголовъ со времени Чингизъ хана», и о «географическихъ и этнографическихъ свѣдѣніяхъ, пріобрѣтенныхъ во время путешествія Росса, Парри и Франклина въ полярныя страны», и о «важныхъ наблюденіяхъ касательно появленія кометъ» [2]). «Извѣстіе г. Френа о словарѣ сирійскаго языка», очеркъ Зейфарта, посвященный египетскимъ древностямъ въ Римѣ» и др. — вотъ предметы статей, взятыхъ изъ «Лейпцигской газеты» [3]). Въ «Московскомъ Телеграфѣ» за 1826 г. (№ 4) находимъ также довольно большую статью о грамматическихъ и лингвистическихъ вопросахъ и ссылку на «Гальскія ученыя вѣдомости» [4]).

При изданіи «Московскаго Вѣстника», Пушкинъ ставилъ Погодину въ ошибку слишкомъ серьезное направленіе журнала; для избѣжанія подобнаго недостатка онъ считалъ необходимымъ расширить отдѣлъ беллетристики. «Въ немъ (Московскомъ Вѣстникѣ) слишкомъ мало вздору», писалъ поэтъ: «Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для «Ураніи»? Давайте ее въ «Вѣстникъ». Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непремѣнно существенной частію журнала, какъ моды у «Телеграфа». У насъ не то, что въ Европѣ—повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ» [5]).

Важное значеніе беллетристики въ русскомъ журналѣ сознавалъ и Полевой, помѣстившій въ «Московскомъ Телеграфѣ» не мало романовъ, повѣстей, стиховъ. Но при этомъ онъ руковод-

1) «Goettingische Anzeigen der gelehrten Sachen» встрѣчаются съ 1753 г. (по экз. Имп. Пуб. Библ.).

2) М. Т. 1825, № 15; 12; 5, 6; 1826, № 7.

3) «Leipziger Literatur-Zeitung» встрѣчается съ 1735 г. М. Т. 1826, № 7 и 24.

4) «Anzeigen, Wöchentliche Hallische», встрѣчаются съ 1736 г.

5) Письмо М. П. Погодину, отъ 31 авг. 1827.

ствовался еще особыми соображеніями, которыя были высказаны въ слѣдующей формѣ: «У насъ, едва начавшихъ писать и учиться, дѣтей въ литературѣ, возможно ли это (помѣщеніе исключительно русскихъ произведеній)? И вмѣсто того, чтобы предположивъ изданіе изъ одного русскаго, наполнять его по большей части ученическою прозою и поэзіею, не лучше ли сдѣлать рамы обширнѣе и передавать читателямъ не одно Русское, но просто — все, что изящнаго, пріятнаго и полезнаго найдется и въ отечественной и во всѣхъ древнихъ и новыхъ литературахъ? Сколько еще намъ неизвѣстнаго, любопытнаго, такого, что̀ необходимо знать должно Европейскому человѣку! Литературы: англинская, испанская, итальянская, восточная, знакомы намъ почти столько же, какъ языкъ ирокезцевъ — и нѣмецкая вполнѣ ли намъ извѣстна?» [1])

Большинство беллетристическихъ произведеній, помѣщенныхъ въ «Московскомъ Телеграфѣ», принадлежало французскимъ авторамъ; второе мѣсто занимали литературы англійская и нѣмецкая, и изрѣдка попадались вещи изъ литературъ: польской, классической, наконецъ восточной. Итальянской и испанской—посвящены только нѣсколько критическихъ статей.

«Телеграфъ» былъ проповѣдникомъ романтизма; представителемъ его во Франціи былъ Викторъ Гюго — слѣдовательно онъ и тѣ писатели, которые группируются вокругъ него, а отчасти и тѣ, которые подготовили эту школу, и должны явиться излюбленными писателями Полевого, со свойственной ему чуткостью присматривавшагося къ литературному движенію на Западѣ.

Едва вышелъ въ Парижѣ знаменитый романъ Гюго «Notre Dame de Paris», какъ онъ былъ признанъ «выходящимъ изъ ряда обыкновеннаго», и «отрывки» изъ него были предложены въ русскомъ переводѣ читателямъ «Телеграфа» [2]). Въ этихъ

1) М. Т. 1825, № 1: письмо къ N. N.
2) М. Т. 1831.

отрывкахъ были изображены сцены, гдѣ центральной фигурой является Людовикъ XI. Извѣстно, на основаніи словъ Панаева, какое впечатлѣніе произвели эти отрывки.

Повѣсти Альфреда де Виньи [1]), Бенжамена Констана [2]), Шарля Нодье [3]), Проспера Мериме [4]), Евгенія Сю [5]), Бальзака [6]) и другихъ представителей романтической партіи находили мѣсто на страницахъ журнала Полевого. Въ этихъ повѣстяхъ раскрывался новый, еще невѣдомый міръ для русскаго человѣка; въ нихъ представлялось широкое поприще для работы ума и чувства, и онѣ имѣли, несомнѣнно, большое воспитательное вліяніе на тогдашнее общество.

Изъ писателей періода до-романтическаго попадается имя Жанлисъ [7]), изъ Шатобріана переведено не беллетристическое произведеніе [8]); изъ авторовъ менѣе крупныхъ, хотя и примкнувшихъ къ романтической школѣ, назовемъ Юлія Жанена [9]) и Виктора Дюканжа [10]).

Не одни романы и повѣсти помѣщались въ «Московскомъ Телеграфѣ»; издатель его интересовался еще драмой и лирикой, съ которыми хотѣлъ знакомить своихъ подписчиковъ.

Если Полевой и не переводилъ лучшихъ драмъ В. Гюго, А. де Виньи и А. Дюма, то, какъ мы уже отмѣтили выше, старался изложить ихъ содержаніе и сдѣлать имъ надлежащую оцѣнку. И такъ какъ въ сужденіяхъ своихъ Полевой намѣренъ былъ (что онъ высказалъ въ первой выпущенной имъ книжкѣ журнала) «руководствоваться совѣтами почтенныхъ особъ, знающихъ основательно свое дѣло», онъ и прибѣгалъ къ содѣйствію

---

1) Повѣсти изъ романа «Стелло». (1832, 1833). 2) «Адольфъ», (1831), 3) «Серафина», (1833). 4) «Взятіе Редута», (1830). 5) «Наваринская битва», (1833). 6) Отрывокъ изъ романа «Médecin de campagne, (1833).

7) «Замокъ Коппетъ въ 1807 г.», повѣсть, (1831). (Говорится о Сталь).

8) «Мысли Шатобріана объ исторіи и историкахъ», М. Т. 1831.

9) «Гофманъ и Паганини», «Литературныя Признанія», «Фантазіи» (1833, 1834).

10) «Парижская Дѣвушка 1832 г». (1833).

театральныхъ критиковъ «Le Globe» и «Revue encyclopedique». «Разборы взятые изъ Глобуса» — объ Омировой Иліадѣ, о театральныхъ пьесахъ В. Гюго[1]), Арно[2]), Дюсиса[3]), о Веберовомъ Оберонѣ» — читаемъ въ «Московскомъ Телеграфѣ»[4]).

Что касается лирическихъ стихотвореній, то выборъ останавливался преимущественно на лирикѣ Ламартина[5]); въ одномъ мѣстѣ есть упоминаніе о Шенье[6]), хотя переводовъ изъ него, повидимому, не встрѣчается.

Замѣтивъ, что въ «Московскомъ Телеграфѣ», кромѣ упомянутыхъ выше писателей, есть замѣтки о Полѣ Лакруа, Скрибѣ, Барбье, Пикарѣ, Непомюсенѣ Лемерсье, и отрывки изъ ихъ произведеній, можно прійти къ заключенію о разнообразіи того литературнаго матерьяла, какой впервые явился въ русскомъ журналѣ.

Имена трехъ англійскихъ поэтовъ гремѣли въ Англіи въ началѣ нынѣшняго вѣка; на нихъ обратила свое вниманіе вся Европа, ихъ вліянію подчинились многіе литературные таланты, не говорить о нихъ, разъ разговоръ шелъ о литературѣ, казалось невозможнымъ — и о нихъ говорили какъ издатель, такъ и сотрудники «Московскаго Телеграфа». Эти три писателя: Шекспиръ, Байронъ и Вальтеръ Скоттъ.

Взглядъ на драму измѣнился съ господствомъ новой романтической школы; Шекспиръ былъ признанъ не «невѣжественнымъ дикаремъ», а геніальнымъ драматургомъ, произведенія котораго

---

1) «Гернани». Тамъ-же 1830, № 17, 18. 1833, № 4.

2) Тамъ же 1830, № 14, 20.

3) Объ «Отелло» Дюсиса писалъ баронъ Экштейнъ (1828).

4) М. Т. 1833, № 1, 163. Кромѣ упомянутыхъ произведеній разобраны еще такія, какъ «Царь Димитрій» Леона Галеви (М. Т. 1830), комедіямъ Скриба посвящена цѣлая статья (1828), о введеніи къ переводу «Отелло» А. Виньи. См. М. Т. 1830, № 24.

5) Переведены: «Вечеръ» (1825), «Уныніе» (1826), «Счастливецъ» (1826), «Байскій заливъ», «Элегія» (1826), «Озеро», «къ Эльвирѣ» (1825).

6) М. Т. 1829, № 2.

представляли собою верхъ искусства. Особенно родственные Полевому французы откликнулись на запросы современности: Гюго упоминалъ о Шекспирѣ въ своемъ знаменитомъ «préface de Cromwel», Виньи перевелъ его драму: «Отелло».

Извѣстно, что Полевой перевелъ «Гамлета» и относился съ благоговѣніемъ къ памяти англійскаго генія; это отразилось и на его журналѣ. Лучшимъ переводчикомъ, или вѣрнѣе, однимъ изъ лучшихъ былъ Врончепко[1]), переводившій для «Телеграфа» отрывки изъ «Гамлета», «Макбета» и «Лира»[2]). \

О значеніи Шекспира много говорили различные литературные критики, которые писали о драмѣ и статьи которыхъ помѣщались въ «Телеграфѣ».

Байронъ, кумиръ двадцатыхъ годовъ, увлекшій за собою современное ему поколѣніе и тѣсно связанный съ лучшими моментами въ жизни русской литературы, изъ-за вліянія котораго на Пушкина много спорилъ Полевой съ Веневитиновымъ и другими, былъ непремѣннымъ поэтомъ, котораго переводили въ журналѣ Полевого. Отрывки изъ «Манфреда», «Донъ-Жуана», «Абидосской невѣсты», переводы «Ночи въ Венеціи» и «Сна» постоянно помѣщались въ отдѣлѣ стиховъ и художественной прозы[3]).

Мѣсто Байрона въ исторіи литературы хорошо выясняется въ разборахъ Нодье и англичанина Газлитта, напечатанныхъ Полевымъ еще въ 1828 г. («Московскій Телеграфъ» № 19, 20).

Романы же Вальтеръ Скотта, въ духѣ которыхъ писалъ По-

---

1) М. П. Врончепко (1801—1855), военный по службѣ, переводилъ Шекспира, Байрона и Гете.

2) М. Т. 1827, 1833 и 1832. Кромѣ того «Макбетъ» былъ переводимъ и А. Ротчевымъ 1829, № 16. Ротчевъ, А. Г. († 1873), литераторъ, переводилъ Шекспира, Шиллера и Гюго (Германи).

3) Переводы М. Врончепка: Изъ «Манфреда» (1827), 14-ая пѣсня «Донъ Жуана» (1829 ?), «Сонъ» (1827); переводы Н. Маркевича: отрывокъ изъ поэмы Байрона «Донъ Жуанъ» (1829), «Ночь въ Венеціи» (1828).

Н. А. Маркевичъ (1804—1860) писалъ стихотворенія: эротическія и изъ «украинскихъ мелодій», составлялъ разнородныя статьи и занимался переводами.

Переводъ Ив. Козлова: «Абидосская невѣста» (1825, № 19).

левой, не могли также не заинтересовать его, такъ какъ онъ слѣдилъ за развитіемъ историческаго романа во Франціи, Германіи и Италіи. Отдѣльныя мѣста изъ «Вудстока», «Клоринды» [1]) и др., въ русскомъ переводѣ, какъ любопытныя новинки, предлагались читающему и любознательному классу русскаго общества. Вальтеръ Скоттъ казался настолько занимателенъ, что переводили выдержки изъ «Исторіи Наполеона» и даже его трактаты о землеводствѣ и лѣсоводствѣ [2]).

Оцѣнку этого писателя пытался сдѣлать между прочимъ самъ Полевой въ статьѣ: «О романахъ В. Гюго и вообще о новѣйшихъ» [3]); на ту же тему помѣщена была статья: «Вальтеръ Скоттъ и его сочиненія» [4]) и многія другія.

Кромѣ этихъ трехъ поэтовъ, всецѣло принадлежащихъ обще романтическому движенью, Полевой не забывалъ и другихъ, какъ болѣе старыхъ, такъ и новѣйшихъ.

Изъ «Мильтона» переводится начало первой пѣсни «Потеряннаго Рая» [5]); возвышенно-лирическія, полныя меланхоліи «Ночныя думы» (Night thought) Юнга были едва ли не въ первый разъ хорошо переложены на русскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Ночныя мысли о жизни, смерти и безсмертіи» [6]); произведенія Гораса Смита и Фенимора Купера завлекали, какъ произведенія послѣдователей Вальтера Скотта [7]); не менѣе плѣнительными являлись такія вещи, какъ поэма Томаса Мура «The loves of the Angels», замѣчательная по восточному колориту и

1) Тамъ-же. 1826, 1829. Также: 1825 (Эдинбургская темница); 1829, 1830 и др.

2) Исторія Наполеона (1827, 1828); «О пользѣ обрабатыванія безплодныхъ земель» и др. (1829, 1833).

3) Тамъ же, 1832, № 1—3.

4) 1826, № 19, см. также 1829, № 14.

5) М. Т. 1831 (пер. М. Врончeнка).

6) 1829 (пер. Врончeнка).

7) Г. Смитъ: Отрывокъ изъ романа «Brambletge House» (1828), «Кораблекрушеніе» (1828).

Ф. Куперъ: «Пѣнитель моря» (1831), «Прогулка по берегамъ Рейна» (1833); также М. Т. 1832, № 24.

живописи картинъ [1]), и романы Вашингтона Ирвинга [2]). Изрѣдка, на страницахъ «Телеграфа» можно замѣтить имена Кэмбеля, Сутея (Роберта) и другихъ болѣе или менѣе крупныхъ представителей англійской литературы [3]).

Нѣмецкой литературѣ отведено также не малое мѣсто въ «Московскомъ Телеграфѣ». Прежде всего и тѣснѣе всего, примыкаютъ къ французской романтической литературѣ произведенія Шиллера и Гете, которые не ограничивали своего вліянія предѣлами отечества. Драмы Шиллера переводились Барантомъ; Бенжаменъ Констанъ писалъ размышленія по поводу «Валленштейна»; «Фаустъ» Гёте не разъ былъ переведенъ на французскій языкъ. Естественно, что и Полевой сталъ печатать переводы и переложенія изъ обоихъ поэтовъ.

Отдѣльныя дѣйствія и монологи изъ «Вильгельма Телля», «Мессинской Невѣсты», «Донъ-Карлоса», «Ифигеніи въ Тавридѣ»; лирическія стихотворенія, въ родѣ: «Стонъ Церéры», «Рыбакъ» и др. знакомили съ лучшими нѣмецкими писателями далеко не развитое общество [4]). Жанъ Поль [5]), которому посвя-

---

1) 1828, № 17; разборъ «Эпикурейца» Мура, помѣщенный въ М. Т. 1833, № 13, принадлежитъ извѣстному Вильмену; «Гимнъ Богу» Мура—въ № 22, 1827 (Н. Борозды).

Н. П. Бороздна (1803—1858) печаталъ въ разныхъ журналахъ и альманахахъ разныя стихотворенія.

2) «Вольферъ-Вебберъ» (1826); «Безголовый мертвецъ» (1826); «Заколдованный домъ» (1827); «Аннета Деларбръ» (1828); «Принцъ Ахмедъ» (1832).

3) 1828, № 1 и др.

4) Переводы Колачевскаго († 1888): «Два первыя дѣйствія изъ «Донъ-Карлоса» (М. Т. 1829), «Стонъ Цереры» (1829); Переводъ Ротчева: «Монологъ изъ трилогіи «Вильгельмъ Телль» (1829); переводъ Батюшкова: Отрывокъ изъ «Мессинской невѣсты» (1828). Переводъ М. М. Лихонина † 1864: «Монологъ изъ трагедіи «Ифигенія въ Тавридѣ» (1829).

Изъ Шиллера еще переведены: «Закрытый истуканъ» и др. стих. (1826) и изъ Гете: «Безвѣтріе» (1831) и «Рыбакъ» (1831).

5) Напечатаны: «Полиметры» (1827), «На кончину» (1827) и «Уничтоженіе» (видѣніе) (1829).

щена довольно большая статья изъ англійскаго «обозрѣнія», Гофманъ [1]), интересовавшій своими сказочными и фантастичными разсказами и повѣстями о художникахъ и позднѣйшее поколѣніе, Тикъ [2]), примыкавшій къ нѣмецкимъ романтикамъ времени Шлегелей, наконецъ сами Шлегели [3]) — вотъ авторы, сочиненія которыхъ и критику которыхъ можно встрѣтить въ разбираемомъ нами журналѣ.

Не были забыты Полевымъ и романисты-историки: Цшокке, Фанъ-деръ-Фельде и Блюменгагенъ [4]). Ихъ повѣсти разбросаны въ разныхъ мѣстахъ «Московскаго Телеграфа», за разные годы.

Отрывочные очерки разсматриваютъ дѣятельность Гердера, Шеллинга, Новалиса, Борнса и другихъ.

Изъ другихъ литературъ небольшіе этюды касаются греческихъ и римскихъ писателей, польскихъ, шведскихъ, итальянскихъ, испанскихъ и отчасти восточныхъ произведеній.

Оды Горація, элегіи Проперція и Тибулла [5]) отчего-то полюбились Полевому. Не менѣе ихъ занималъ его и Мицкевичъ: переведены «Аккерманскія степи», «Курганъ Марили», «Повѣсть

---

1) Напечатаны: «Бѣлое привидѣніе» (1825), «Ботаникъ» (1826), «Очарованный бумажникъ» (1829), «Домовой песочникъ» (1830), «Майоратъ» (1830), «Золотой горшокъ» (1831), «Черты изъ жизни Кота Мурра» (1831), «Жизнь трехъ друзей» (1832).

2) «Примѣчательная и музыкальная жизнь художника Іосифа Берлингера» (пер. С. Шевырева, 1826, № 9).

3) А. В. Шлегель: «О драматической поэзіи и теоріи изящнаго», 1826, № 3—4; «Отрывки изъ курса теоріи и исторіи изящныхъ художествъ, 1831, № 12.—Фр. Шлегель—1830, № 15 и др.

4) Цшокке: «Разбитая кружка» (М. Т. 1825), «Флоретта, или первая любовь Генриха IV» (1827), «Будинскій паша» (1829), «Повѣсть Іосифа Бонапарте» (1826). Фанъ-деръ-Фельде: «Патриційі» (1830). Блюменгагенъ «Графъ Такельбергъ, или рыцарь съ серпомъ» (1828 и д.). Во многихъ мѣстахъ встрѣчаются рецензіи на произведенія этихъ авторовъ, (Тамъ же 1833, 1830).

5) Горацій: «Къ Эрмію», «Къ Помпею Вару», «Примиреніе», «Къ кораблю» (1826, 1829, 1830) — переводы В. Орлова († 1860); Проперцій: «Къ Цинтіи» (1826); Тибуллъ: «Къ Неэрѣ» (1829).

Вайделота», «Фарисъ», а также критическая статья къ полному собранію сочиненій[1]).

Переводныя рецензіи, помѣщаемыя Полевымъ, говорятъ и о Тегнеровой «Фритгіофъ сагѣ», и о «Божественной комедіи» Данта, и о Камоэнсѣ, и о переводѣ Магабхараты[2]).

Подробный перечень и анализъ критическихъ статей, разсѣянныхъ въ «Московскомъ Телеграфѣ», не входилъ въ нашу задачу, такъ какъ этотъ вопросъ будетъ поднятъ при опредѣленіи первоисточниковъ, которые отразились на критическихъ воззрѣніяхъ Полевого. Здѣсь же коснемся еще историческихъ очерковъ, принадлежащихъ иностраннымъ знатокамъ, и рецензій на выдающіяся сочиненія по этому предмету.

Помѣщаются выдержки изъ историческихъ сочиненій Шиллера[3]), Баранта[4]), Кине[5]), Геерена[6]), Мишле[7]); есть критическіе этюды о Нибурѣ[8]) и Мишо[9]). Кромѣ того переводятся для «Телеграфа» главы изъ «исторіи Шотландіи» и Вальтера Скотта[10]); дается отчетъ объ «Обозрѣніи исторіи Египта» Шампольона младшаго[11]).

Любя и разработывая исторію, Полевой хотѣлъ дать возможность русскимъ читателямъ, хотя въ переводѣ, и въ отрывкахъ, прочитать сочиненія наиболѣе талантливыхъ и выдающихся европейскихъ историковъ.

---

1) 1828, № 3—«Аккерм. степи», пер. Ив. Козлова; см. также 1828, 1829 и др;

2) «Die Frithiofs Saga», 1828, № 20; «Divina comedia» Данта, 1828, № 21. «Камоэнсъ»,—1831, № 21; «Магабхарата», 1831, № 24 (ст. Экштейна).

3) «Осада Антверпена» (1833).

4) «Изъ исторіи герцоговъ Бургундскихъ» (1825).

5) «О природѣ и исторіи и т. д.» (Изъ «De la Grèce moderne, тамъ же 1832).

6) «О торговлѣ и сношеніяхъ народовъ» (Изъ «Ideen über die Politik etc. тамъ же 1826).

7) «Взглядъ на римскую исторію» (1832).

8) 1829. 9) 1831. (Histoire des Croisades). 10) 1828. 11) 1834.

Приведенное описаніе литературнаго матерьяла «Московскаго Телеграфа» имѣетъ цѣлью наглядно показать, что давало русской публикѣ это періодическое изданіе и какое громадное значеніе оно должно было имѣть для той эпохи, когда русское журнальное дѣло едва зарождалось и не представляло изъ себя рѣшительно ничего выдающагося. Чѣмъ скуднѣе и бѣднѣе пресса двадцатыхъ годовъ, тѣмъ ярче и рельефнѣе на тускломъ и блѣдномъ фонѣ выдѣляется журналъ Полевого. «Московскій Телеграфъ» былъ въ тоже время и своеобразнымъ вѣстникомъ Европы, разнося по Россіи живыя и оригинальныя идеи Запада и благотворно вліяя на развитіе общественнаго чувства и ума.

Для лучшаго выясненія отношеній «Московскаго Телеграфа» къ западно-европейской прессѣ, надо привести отзывы о журналѣ Полевого французскихъ и нѣмецкихъ органовъ печати; эти отзывы тѣмъ любопытнѣе, что у себя на родинѣ, какъ самъ Полевой, такъ и его журналъ подвергались сплошному огульному осужденію, вызванному оскорбленнымъ самолюбіемъ и завистью тогдашнихъ литераторовъ и журналистовъ, которые не могли спокойно смотрѣть на блестящій, вполнѣ заслуженный успѣхъ «Московскаго Телеграфа» [1]).

Личныя симпатіи и антипатіи, дружба и вражда часто играютъ и въ настоящее время видную роль при произнесеніи литературныхъ приговоровъ; еще большее значеніе имѣли они въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Даже въ отзывахъ о «Телеграфѣ» иностранцевъ можно, съ достаточной вѣроятностью, видѣть отраженіе отношеній къ Полевому его соотечественниковъ.

Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы французъ или нѣмецъ, живущіе за тысячи верстъ отъ Россіи и часто занятые

---

1) Стоитъ вспомнить: Вѣнокъ, сплетенный Бригадиршею для издателя «Московскаго Телеграфа», помѣщенный Воейковымъ въ «Славянинѣ». (1829).

исключительно своимъ дѣломъ, имѣли возможность внимательно приглядываться къ только что зарождавшейся тогда русской журналистикѣ; даже при сильномъ интересѣ иноземцевъ къ Россіи, естественно думать, что всѣ свѣдѣнія о болѣе или менѣе крупныхъ русскихъ литературныхъ явленіяхъ доставлялись заграницу самими же русскими.

«Мы, жители сѣвера», говорится въ «Московскомъ Телеграфѣ» [1]): «сосѣди Азіи и посредники Европы въ исторіи, статистикѣ и географіи полусвѣта; отъ насъ ждутъ ученые люди точныхъ и правильныхъ свѣдѣній о сѣверной литературѣ и исторіи—и ждутъ нетерпѣливо. Посмотрите, какъ недостаточны понятія ихъ, даже объ насъ самихъ, и какъ они вызываютъ насъ на трудъ полезный и славный. Недавно Шатобріанъ просилъ Московское Общество исторіи и древностей о мнѣнѣ свѣдѣній; издатель «Всеобщаго бюллетеня» Ферюссакъ приглашалъ русскихъ ученыхъ къ участію въ его обширномъ предпріятіи; академіи и ученыя общества французскія и нѣмецкія задаютъ вопросы касательно Россіи и Сѣвера; а ученые перепечатываютъ наши книги. Русскій журналистъ, не связанный однообразіемъ журнала, можетъ выполнять требованія иностранцевъ, представляя имъ результаты ученыхъ трудовъ и изысканій нашихъ, указывая имъ ошибки, наводя ихъ на путь истинный, которымъ пойдетъ трудолюбіе нѣмца и догадливость француза».

Такими посредниками между русской и французской журналистикой могли быть Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій [2]) и Яковъ Николаевичъ Толстой [3]), изъ которыхъ первый былъ въ

1) М. Т. 1825, № 1: Письмо къ N.N.

2) С. Полторацкій (1803—1884) пользовался въ Парижѣ большой популярностью. Такъ о немъ вышла особая брошюра: «Notice sur M-r Serge Poltoratzky, bibliophile et bibliographe Russe» etc. (P. 1854). Въ «Revue encycl.» встрѣчаются статьи о русской и франц. литер. съ подписью: «S. P. de Moscou». (Библ. Зап. 1892, № 1).

3) Толстой (ум. 1867), бывшій гвардіи штабсъ-капитанъ, а затѣмъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, былъ агентомъ въ Парижѣ. Его статьи въ М. Т. 1827, № 18; 1828, № 5; 1831, № 21 (кажется, ему принадлежатъ: «Отрывки

хорошихъ сношеніяхъ съ редакторами «Revue encyclopédique», а второй, живя въ Парижѣ, доставлялъ въ «Московскій Телеграфъ» статьи о новостяхъ французской общественной жизни и литературы.

Изъ отзывовъ о «Телеграфѣ» французовъ намъ извѣстенъ чрезвычайно благопріятный отзывъ «Revue encyclopédique». Защищаясь противъ нападокъ со стороны своихъ соотечественниковъ, Полевой перевелъ одну рецензію «Revue», посвященную характеристикѣ его журнала, отрывки изъ которой приведены выше и выдержки изъ которой теперь продолжимъ. Въ 18 № «Московскаго Телеграфа» 1825 г. былъ помѣщенъ разборъ русскихъ басенъ И. А. Крылова[1]), заимствованный изъ «Revue». Благодаря за переводъ статьи, сотрудникъ «Revue» пишетъ: «Здѣсь мы прямо отъ своего лица должны благодарить издателя за переводъ нашего разбора русскихъ басенъ Крылова, помѣщеннаго въ іюньской книжкѣ «Revue encyclopédique» 1825 года: переводъ явился черезъ два мѣсяца послѣ выхода подлинника. Но, если должно вѣрить нѣкоторымъ другимъ русскимъ журналамъ, эта поспѣшность, столь лестная для насъ, не позволила переводчику довольно позаботиться о слогѣ своего перевода.

«Сѣверная Пчела»[2]), издаваемая Г. Булгаринымъ, даже посвятила цѣлую колонну своего 125 № для указанія на одну ошибку, незначительную, гдѣ слово «сто» замѣнено словомъ «пять», въ слѣдующемъ цитатѣ изъ Лафонтена: «une ample

---

изъ записокъ русскаго въ Парижѣ»). О немъ см. «Родословный Сборникъ Руммеля», т. II, 511 (1887 г.); также «Библ. для Чт.» 1834, I, 159 (письмо Греча). О немъ также см. «Рус. Старину» 1899, № 9, 10.

Кромѣ нихъ, сношенія съ иностранцами могъ имѣть хорошій знакомый Пушкина, С. А. Соболевскій.

1) Статья Ф. Сальфи о Крыловѣ при изданіи басенъ Крылова во французскомъ переводѣ въ Парижѣ, при участіи графа Орлова.

2) Въ приведенномъ № «Сѣв. пчелы» помѣщенъ слѣдующій разсказъ по поводу опечатки «Телеграфа», изъ-за которой слово «cent» было переведено словомъ: «пять». Одинъ купецъ, платя по векселю, писанному по-французски, хотѣлъ вмѣсто должныхъ ста рублей заплатить пять. Онъ упорно путалъ слова «cent» и «cinq» и въ доказательство своей правоты ссылался на переводъ слова «cent» въ 18 № «Московскаго Телеграфа».

comédie à cent actes divers», а не «en cent actes divers», какъ въ свою очередь пишутъ издатели «Пчелы». Чтобы они впрочемъ ни заключали о сихъ литературныхъ небрежностяхъ или, можетъ быть, типографическихъ опечаткахъ, издатель «Московскаго Телеграфа» достойнымъ образомъ выполнилъ обязанность журналиста, представивъ своимъ читателямъ важнѣйшія сочиненія, относящіяся къ иностранному изданію басенъ Крылова, которое должно возбуждать живое участіе народной славы. Онъ обѣщаетъ намъ (и мы ожидаемъ съ большимъ нетерпѣніемъ) собственное свое сужденіе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ авторитетъ русскихъ критиковъ не можетъ не придавать много вѣсу». «Revue» вполнѣ безпристрастно относилось и къ обличеніямъ своихъ соотечественниковъ, если послѣдніе, дѣйствительно, не были правы. «Двѣ послѣднія страницы сего второго отдѣленія посвящены, также какъ и въ предыдущей книжкѣ, показанію нѣкоторыхъ ошибокъ французскихъ журналистовъ[1]) въ ихъ статьяхъ о Россіи. Подобные упреки, безпрестанно возобновляющіеся у иностранцевъ противъ насъ, должны были бы послужить къ предостереженію нашихъ писателей отъ этой довѣрчивости и легкости, которая заставляетъ ихъ, безъ всякихъ пособій, судить о предметахъ, недовольно ими обдуманныхъ. Сношенія между народами и средства повѣрки сдѣлались столь незатруднительны, что читатели не могутъ уже почитать удовлетворительными извѣстія неполныя, которыми, за неимѣніемъ лучшаго, довольствовались впродолженіи столѣтій. Пора также, очень пора авторамъ и критикамъ оставить нелѣпыя требованія на всеобъемлющую ученость и заняться, съ большею пользою, частностями. Хорошо знаютъ только то, что хорошо изучали; а въ наше время, какое знаніе не требуетъ цѣлой жизни и всѣхъ размышленій человѣка».

Заключая свои сужденія о «Московскомъ Телеграфѣ», «Revue» дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія.

1) М. Т. 1825, № 17 «Извѣстія о Россіи и Русской литературѣ, помѣщаемыя во французскихъ журналахъ».

«При быстромъ и постепенномъ ходѣ наукъ съ нѣсколькихъ годовъ, періодическія сочиненія уже оказали великія заслуги; но они могутъ оказать оныя еще болѣе, замѣтивъ точку, отъ которой начнутъ свой путь, и направляя наши изслѣдованія къ цѣли, какую дѣйствительно должно предполагать себѣ. Если изящная словесность и науки не могутъ процвѣтать вмѣстѣ, ограничимся однимъ полезнымъ и не станемъ на бездѣлки тратить времени, котораго не достаетъ намъ на досуги болѣе возвышенные. Смотря съ этой точки зрѣнія, мы упрекнемъ издателей «Телеграфа» за то, что четвертное отдѣленіе и прибавленіе они занимаютъ пересказами, дневною хроникою или старыми анекдотами: тутъ приличнѣе могли бы помѣщаться обрисы нравовъ или новости, благопріятныя для успѣховъ наукъ и промышленности. Что касается до полемическихъ статей, къ которымъ они обѣщали, было, остаться чуждыми, мы отсылаемъ авторовъ оныхъ къ баснѣ[1]),

---

1) Приводимъ эту басню, подписанную буквами «С. Н.»(ечаевъ).

Ссоры.

У шавки съ пуделемъ дошло до драки,—
Добро бъ за кость, а такъ, изъ пустяковъ;
Но въ наши времена, не только что собаки,
И человѣкъ за вздоръ поссориться готовъ:
Дивиться нечему!.. Косматыхъ два героя
Терзались до того, что выбились изъ силъ;
И каждый, наконецъ, на миръ согласенъ былъ;
Но зрители ихъ боя,
Дворняшки подлыя, до мировой
Никакъ бойцовъ не допускали,
И веселясь чужой бѣдой,
На раны новыя ихъ визгомъ подстрекали.
Титаны нѣкогда съ Олимпомъ воевали
Безъ отдыха три дня:
Не мало продолжалась
И нашихъ рыцарей задорная война.
Не вѣдаю, за кѣмъ побѣды честь осталась;
Одно дошло по слухамъ до меня,
Что безпримѣрная отвага
Съ обѣихъ пролилась сторонъ;
Однако жъ по суду всего ареопага
Явился наравнѣ смѣшонъ

помѣщенной въ № 17 и правоученіе которой мы позволили себѣ нѣсколько развить. «Не сомнѣваемся, что пространство мѣста, посвящаемое нами извѣстію о «Московскомъ Телеграфѣ», показывая участіе, какое принимаемъ мы въ семъ новомъ литературномъ предпріятіи, побудитъ издателей принять съ благой стороны наши замѣчанія. Мы желали бы войти съ ними въ сношенія обмѣномъ изданія ихъ на наше; это дало бы намъ возможность съ своей стороны дѣлать у нихъ выгодные займы для пополненія нашихъ картинъ сравнительнаго просвѣщенія» [1]).

Въ другомъ № «Revue encyclopédique» и за другой годъ встрѣчаются также похвальные отзывы о «Московскомъ Телеграфѣ». По мнѣнію «Revue», прежніе русскіе журналы постепенно теряютъ свое значеніе, которое они пріобрѣли, было, благодаря содѣйствію такихъ лицъ, какъ покойный Карамзинъ, а «Московскій Телеграфъ» оспариваетъ у нихъ вліяніе, и послѣднее перейдетъ непремѣнно къ нему, если другія періодическія изданія, оставивъ попытки разрабатывать вообще область наукъ и литературы, не ограничатъ свою дѣятельность какой-

---

И тотъ, кто побѣдилъ, и тотъ, кто побѣжденъ.
Затѣйники бумажныхъ преній!
    Вы не бываете умнѣй,
    Когда въ пылу такихъ сраженій
    Не видите, что вы съ бранчивостью своей
    Потѣхой для однихъ безсмысленныхъ судей.

Еще до этого, въ № 17, «Московскаго Телеграфа» читаемъ слѣдующее заявленіе Полевого, на которое намекаетъ «Revue», говоря о желаніи издателя «Телеграфа» остаться чуждымъ полемикѣ: «Въ самомъ началѣ «Телеграфа» я изложилъ мои мысли о критикѣ. Я сказалъ, что истинный критикъ, чувствующій собственное свое достоинство, трудящійся для пользы литературы, не для забавы охотниковъ до журнальныхъ ссоръ, не долженъ вмѣшиваться въ мелочныя аппелляціи страстей авторскихъ; что довольно нѣсколькихъ словъ и правота его заяснѣетъ во мракѣ чужого пустословія: сказалъ—и такъ поступилъ». «Лучше время, убиваемое литературною перекличкою, употребить на усовершенствованіе журнала. Пусть тотъ, у кого антикритики необходимы для наполненія тощихъ листовъ, дорожитъ ими. Я отъ нихъ отказываюсь рѣшительно» (Еще особенное прибавленіе къ «Московскому Телеграфу»).

1) Revue encyclopédique, t. 32, 118 (1826, octobre).

нибудь спеціальностью. Организованный въ большей мѣрѣ по плану «Revue» «Телеграфъ»—первый изъ русскихъ журналовъ и привлекаетъ разнообразіемъ содержанія вниманіе публики; ему, также какъ «Revue» во Франціи, предстоитъ блестящая будущность въ Россіи, и соперничающіе журналы уступятъ ему первенство. Любопытство читателей должно быть возбуждено занимательностью статей «Телеграфа», который будетъ пользоваться все возрастающимъ успѣхомъ, въ особенности, если перестанетъ полемизировать съ другими изданіями[1]).

«Московскій Телеграфъ», въ свою очередь, откликался съ благодарностью на радушный пріемъ французовъ. Помѣстивъ въ переводѣ первую изъ приведенныхъ статей «Revue», Полевой могъ съ полнымъ правомъ сказать: «Положимъ, что иностранный критикъ и ошибается; но все же издателю «Телеграфа» позволено радоваться своей удачѣ, сравнивая того, кто его хвалитъ, съ тѣмъ, кто его бранитъ. Впрочемъ, тутъ не одно дѣло личности, а дѣло общаго участія для русской литературы. Ею занимаются въ чужихъ краяхъ не по однимъ блестящимъ отраслямъ поэзіи, но слѣдуютъ за нею во всѣхъ явленіяхъ ея: вотъ главное и что заслуживаетъ вниманіе. Издатель «Телеграфа» благодаритъ г-на Геро за предложеніе, заключающее его обозрѣніе: съ своей стороны онъ радъ будетъ содѣйствовать по возможности сближенью сношеній, желаемыхъ французскимъ журналистомъ, и надѣется, что они болѣе и болѣе распространятся, и собственно не единственно для его выгоды, но и для общей пользы. Журналы — ближайшіе и вѣрнѣйшіе сводчики литературные: изъ статьи, здѣсь приведенной, видно, что «Сѣверная Пчела» извѣстна редакціи «Revue encyclopédique»; желательно, чтобы и другія русскія повременныя изданія доходили до нея и чтобы такимъ образомъ получили они, а съ ними и наша словесность, право гражданства въ общей литературѣ просвѣщеннаго міра»[2]).

1) Revue encyclopédique, t. 34, 419 (1827, mai).
2) М. Т. 1827, № 4.

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: «Для всякаго просвѣщеннаго и любящаго свое отечество россіанина пріятно видѣть, съ какою ревностью иностранцы начинаютъ заниматься пріобрѣтеніемъ точныхъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ и стараются познакомиться съ нашею литературою. Многіе иностранные журналы постоянно посвящаютъ сему предмету особенныя отдѣленія въ изданіяхъ своихъ.—Изъ числа таковыхъ «Revue encyclopédique», одно изъ лучшихъ періодическихъ изданій въ Европѣ, отличается болѣе прочихъ, въ общемъ смыслѣ, удовлетворительными свѣдѣніями, точными сужденіями и отсутствіемъ предубѣжденій въ статьяхъ своихъ о Россіи, ибо считаетъ въ числѣ сотрудниковъ людей, которымъ отечество и литература наша извѣстны по достовѣрнымъ источникамъ, а не по наслышкѣ, или изъ сочиненій, наполненныхъ грубыми и невѣжественными ошибками и извѣстіями, чрезъ посредство коихъ единственно Европа долгое время знакомилась съ Россіей»[1]).

Но если во Франціи «Телеграфу» былъ оказанъ очень хорошій пріемъ, то не такъ обстояло дѣло въ Германіи. Отголосокъ ли ожесточенныхъ нападокъ на «Телеграфъ» русскихъ журналовъ перелетѣлъ за предѣлы Россіи или какой-нибудь изъ русскихъ литераторовъ, озлобленныхъ противъ Полевого (въ родѣ Воейкова, кстати и жившаго одно время въ Дерптѣ) тиснулъ статейку въ нѣмецкой газетѣ, но только въ «Wiener Zeitschrift für Kunst, Litteratur, Theater und Mode» (№ 21, 1829)[2]) былъ помѣщенъ далеко не безпристрастный и не благопріятный отзывъ о Полевомъ и его журналѣ. Необходимость существованія посредниковъ между нѣмецкой и русской прессой, а также раздраженный характеръ рецензіи заставляютъ предполагать въ авторѣ русскаго. Къ такому выводу склонялся, повидимому, и

1) Тамъ же 1827, № 19, 182.

2) Этой газеты нѣтъ въ столичныхъ библіотекахъ, почему выдержку заимствуемъ изъ «Галатеи» 1829, № 11.

самъ Полевой. «Литературные лазутчики говорятъ,—читаемъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» [1]),—что будто одна рука писала и нѣмецкій оригиналъ статьи о Телеграфѣ, за которую съ такою жалостливою поспѣшностью уцѣпилась Галатея (гдѣ впервые она была напечатана), и Русскій переводъ сей статейки. Можетъ быть! Мало ли есть людей, которые сочиняютъ чужія мазурки и кропаютъ въ то же время статейки для Русскихъ и нѣмецкихъ журналовъ» [2]).

Изъ «Галатеи» рецензія была перепечатана въ 10 № Славянина (1829), употреблявшаго всѣ усилія, чтобы хоть чѣмъ-нибудь подорвать кредитъ Полевого въ глазахъ его соотечественниковъ. Любопытно то, что похвальныя статьи о «Телеграфѣ», написанныя Геро, прошли безслѣдно, тогда какъ бранчивая статья нѣмецкаго изданія удостоилась помѣщенія въ нѣсколькихъ журналахъ. Оправдались слова Полевого, сказанныя имъ, при переводѣ первой статьи изъ «Revue»: «Издателю «Московскаго Телеграфа» можно и должно было бы ожидать помѣщенія сей статьи (Геро) въ постороннемъ изданіи, но—таить нечего, ожиданіе было бы тщетное; неблагопріятный отзывъ иностранца о Телеграфѣ, вѣроятно, нашолъ бы себѣ эхо многократное, но одобрительный пропалъ бы безъ вѣсти» [3]).

Приводимъ отзывъ «Zeitschrift» въ переводѣ издателя «Галатеи» [4]).

«Уже объявлено о двухъ новыхъ литературныхъ журналахъ на 1829 годъ. Одинъ изъ нихъ будетъ издаваться въ С.-Петер-

1) М. Т. 1829, № 9, 144—5.

2) Однимъ изъ посредниковъ между русской и заграничной журналистикой былъ нѣкто Н. И. Борхардтъ, но только не онъ писалъ упомянутую рецензію. На это есть указаніе въ самомъ «Телеграфѣ» (1829, № 9): «Н. И. Борхардтъ, будучи корреспондентомъ многихъ нѣмецкихъ газетъ и журналовъ, просилъ насъ извѣстить публику, что статья о «Телеграфѣ», переведенная въ «Галатею» изъ «Вѣнскаго Моднаго журнала», писана не имъ, но доставлена къ издателю упомянутаго нѣмецкаго журнала изъ Москвы отъ посторонней особы».

3) М. Т. 1827, № 4, 159.

4) «Галатея», 1829, № 11.

бургѣ Г. Олинымъ, довольно извѣстнымъ поэтомъ и переводчикомъ. Каждые 14 дней предположено выдавать по книжкѣ отъ 5 до 6 листовъ. О другомъ, подъ названіемъ: «Галатея», объявилъ Г. Раичъ, переводчикъ «Торквата Тасса». Онъ будетъ появляться еженедѣльно книжками въ 3 листа и заключать въ себѣ, подобно «Вѣнской газетѣ», статьи по части изящныхъ искусствъ, литературы, театра и модъ».

«Оба сіи журнала для Г. Полевого, издателя «Телеграфа», какъ «бѣльмо на глазу», потому что при нихъ также будутъ прилагаемы модныя картинки. Но особенно раздраженъ онъ на Г. Олина, ибо сей имѣлъ дерзость объявить, что будетъ выдавать модныя картинки ранѣе всѣхъ русскихъ журналовъ и слѣдовательно ранѣе «Телеграфа»,—дерзость, тѣмъ менѣе простительную въ глазахъ «Телеграфа», что онъ самъ, въ противоположность всѣмъ настоящимъ телеграфамъ, запаздываетъ обыкновенно съ своими извѣстіями и книжками двумя и тремя мѣсяцами; такъ, напримѣръ, случается не рѣдко, что книжка, которой слѣдовало бы выйти въ маѣ, проглядываетъ у него на свѣтъ Божій не прежде августа. Отъ этого-то излилъ онъ всю желчь своего негодованія на объявленіе о семъ журналѣ и старался, какъ бы литературою, умертвить его еще до вступленія на поприще міра и, какъ говоритъ Шиллеръ, въ враждебную жизнь. Жаль только, что при всемъ остроуміи, употребленномъ г. Полевымъ къ осмѣянію сего журнала, въ самомъ его объявленіи всякій безпристрастный могъ замѣтить, отъ чего собственно illae lacrimae. Удивительно, какъ еще до сихъ поръ такъ мало голосовъ явилось противъ ежедневно возвышающейся заносчивости и очевиднаго пристрастія въ критикахъ сего журналиста, который, не принадлежа собственно къ ученому званію, обо всемъ берется знать лучше другихъ, обо всемъ судитъ и рядитъ, а самъ между тѣмъ часто дѣлаетъ грубѣйшія ошибки, особливо противъ логики и хронологіи, а иные утверждаютъ, даже противъ грамматики. Вотъ почему недавно издатель «Русскаго Инвалида» обнаружилъ съ своей стороны

подозрѣніе: не промоталъ ли г. Полевой (напечатавшій предъ тѣмъ рѣчь о невещественномъ капиталѣ) свой собственный невещественный капиталъ».

Помѣстивъ подобную статью на страницахъ своего журнала, Раичъ не удержался, чтобы не присоединить своихъ замѣчаній къ отзывамъ «Zeitschrift».

«Добился, или дописался, наконецъ, издатель «Московскаго Телеграфа»—читаемъ въ «Галатеѣ»—до Геростратовской славы въ ученомъ мірѣ. Молва объ его журнальныхъ подвигахъ откликнулась за рубежемъ Россіи, и теперь, къ сожалѣнію, не только у насъ, но и вездѣ знаютъ уже, что такое Г. Полевой въ литературѣ и къ какимъ созвѣздіямъ слѣдуетъ отнести его «Московскій Телеграфъ», блуждающій по горизонту русской словесности». «Такой отзывъ иностраннаго журнала не дѣлаетъ чести г. издателю «Московскаго Телеграфа»; но онъ не дѣлаетъ чести и русской литературѣ, потому что «Телеграфъ» есть журналъ русскій, а Г. Полевой — человѣкъ русскій. Въ слѣдствіи (sic) сего мы долгомъ считаемъ снова обратиться къ «Московскому Телеграфу», но не съ упрекомъ, а съ просьбой и увѣщаніемъ. Мы просимъ его, ради возстановленія доброй славы нашей журналистики, перемѣнить свое предосудительное литературное поведеніе, отказаться отъ неприличной журнальной назойливости, предпочитать общую пользу нашего просвѣщенія жалкимъ выгодамъ мелочного эгоизма; просимъ его быть скромнѣе и безпристрастнѣе въ своихъ критическихъ толкованіяхъ и пересудахъ, а болѣе всего помнить, что въ глазахъ мыслящаго: перстъ указательный и рѣшительная отвага всегда суть болѣе отрицательные, чѣмъ положительные признаки премудрости».

Дерзкая выходка «Галатеи» вызвала рѣзкій отвѣтъ Полевого, не смотря на его искреннее желаніе не вступать въ полемическія распри.

«Знаете ли вы, Г. Раичъ-Амфитеатровъ», писалъ онъ [1]): «что

---

1) М. Т. 1829, № 12, 586—7.

вы ошиблись въ разсчетѣ, безъ толку, безъ познаній, при одномъ невѣжествѣ и желаніи браниться, начавъ войну съ другими журналами? Васъ обличаютъ и будутъ обличать на каждомъ шагу, ибо съ такими литераторами, какъ вы и ваши сотрудники, правда, стыдно состязаться, но побѣждать васъ такъ же легко, какъ пугать индѣйскаго пѣтуха. Замѣчу вамъ еще, что литературная война занимательна тогда только, когда въ обѣихъ воюющихъ сторонахъ видѣнъ умъ, острота и благонамѣренность. Вы же не смыслите сказать ни одного остраго слова, спотыкаетесь на каждомъ шагу, безпрестанно оказываете полное, всяческое незнаніе, и смѣшите людей единственно на свой счетъ. Неужели вамъ пріятно играть столь жалкую роль? Уймитесь! Издатели «Дамскаго Журнала» и «Славянина» могутъ служить вамъ примѣромъ, что безсмысленная брань не возвышаетъ, а роняетъ журналъ. Впрочемъ, попытайте еще силъ своихъ, если вамъ хочется получить нѣсколько новыхъ уроковъ.

До новой галиматейной клеветы, прощайте».

Излишняя неумѣренность въ словахъ Полевого вполнѣ объясняется выше изложенными нападками нѣмецкаго журнала на «Московскій Телеграфъ», который вполнѣ незаслуженно сдѣлался мишенью для всевозможныхъ нареканій. Будучи первымъ журналомъ своей эпохи, имѣя талантливыхъ русскихъ сотрудниковъ и сообщая наиболѣе интересные факты изъ европейской науки и литературы, за чѣмъ онъ зорко слѣдилъ, «Московскій Телеграфъ» заслуживалъ полной признательности своихъ современниковъ, и потому съ большимъ удовольствіемъ изслѣдователь литературы останавливается на справедливомъ отзывѣ «Revue encyclopédique», теряющемся среди злобныхъ нападеній на Полевого русскихъ журналистовъ, подстрекаемыхъ часто некрасивыми страстями: корыстью и завистью.

Потомство справедливѣе отнеслось къ замѣчательному періодическому изданію двадцатыхъ годовъ; когда замолкли партійные счеты, отчетливѣе и яснѣе должна была сдѣлаться оцѣнка.

«Въ немъ (Московскомъ Телеграфѣ) было много силы, энергіи, жару, стремленія, безпокойства, тревожности, онъ неусыпно слѣдилъ за всѣми движеніями умственнаго развитія въ Европѣ и тотчасъ передавалъ ихъ такъ, какъ они отражались въ его понятіи; но вмѣстѣ съ тѣмъ все въ немъ было неопредѣленно, часто смутно, а иногда и противорѣчиво. Это давало полную возможность придираться къ нему людямъ, стоявшимъ внѣ умственнаго движенія своей эпохи. И они не шутя считали себя неизмѣримо выше Полевого, и съ важностью ловили и высчитывали его обмолвки, промахи, ошибки, не понимая, что ихъ преимущество надъ нимъ состояло только въ томъ, что они спали, а онъ жилъ и дѣйствовалъ: кто спитъ, тотъ, разумѣется, не грѣшитъ, особенно если спитъ такъ крѣпко, что и во снѣ ничего не видитъ»[1])...

Слова эти сказаны однимъ изъ чуткихъ русскихъ критиковъ, который призналъ за «Московскимъ Телеграфомъ» право на званіе «рѣшительно лучшаго журнала въ Россіи отъ начала журналистики».

Н. Козминъ.

---

1) Соч. Бѣлинскаго, XII т. (1862), 178.

Слухи и толки о патріархѣ Никонѣ

въ литературной обработкѣ писателей XVII—XVIII вв.

I.

Воззрѣнія изслѣдователей на причины, вызвавшія расколъ, взволновавшій русскую церковь и общество въ концѣ XVII в.— весьма разнообразны и несходны. Одни считаютъ его явленіемъ чисто церковной жизни, другіе видятъ въ немъ проявленіе рѣшительнаго протеста консервативныхъ элементовъ противъ вторгающейся болѣе и болѣе съ конца XVI вѣка новизны; третьи усматриваютъ въ печальныхъ московскихъ событіяхъ конца XVII в. какъ бы протестъ земли противъ узкаго самодержавія; четвертые выдвигаютъ на первый планъ условія экономической жизни Россіи, пятые — наименѣе дальновидные, пытаются построить первоначальную картину зарожденія раскола на различныхъ несогласіяхъ и раздорахъ на почвѣ раздраженнаго самолюбія нѣкоторыхъ членовъ вліятельнаго въ церковныхъ дѣлахъ кружка царскаго духовника, Вонифатьева. Чаще же всего — пытаются скомбинировать нѣсколько изъ указанныхъ причинъ, причемъ одна изъ нихъ, наиболѣе важная отходитъ на второй планъ.

Наиболѣе основательной, хотя и нѣсколько односторонней, кажется намъ точка зрѣнія П. С. Смирнова. Этотъ изслѣдователь, не пускаясь въ область рискованныхъ гипотезъ опирается

исключительно на данныя источниковъ, относящихся ко времени появленія раскола. Эти источники «показываютъ, что въ основѣ раскола лежали стремленія исключительно религіозныя» [1]), при полномъ отсутствіи какого бы то ни было протеста противъ жизни государственной; не было «ни одного намека на тяжесть соціальнаго строя, ни одного вздоха о порядкахъ экономическихъ» [2]).

Несомнѣнно, расколъ выросъ на почвѣ неразрѣшенныхъ религіозныхъ недоумѣній, но былъ въ значительной степени подготовленъ факторами какъ экономической и исторической жизни, такъ — и, мы думаемъ, еще въ значительнѣйшей степени—факторами литературными.

Весьма вѣроятно, что и церковныя нестроенія, и экономическіе и правовые недостатки московской жизни XVII столѣтія могли вызвать народное недовольство, броженіе умовъ и выразиться въ какомъ-либо, болѣе или менѣе рѣзкомъ проявленіи стихійной массовой ненависти — въ родѣ возстанія стрѣльцовъ и т. п. Но чтобы это недовольство, чисто матеріальными причинами вызванное, создало церковную революцію своего рода— для этого необходимы были духовные факторы, настолько сильно

1) П. С. Смирновъ, Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ. 1898, стр. CXXVIII.

2) Тамъ-же.—Однако исключительность такого мнѣнія показывается уже первыми строками «Исторіи о вѣрѣ и челомбитной о стрельцехъ»:

«Во ҁ҃ч году маія въ е҃і день по смерти государя царя Θеодора Алексіевича (Б) (П), попущеніемъ Святаго Бога восташа служивые люди на бояръ и убиша князя Юрья Долгорукова съ товарищи, а послѣ того смятенія въ г҃ день бысть промежъ ими дума и совѣтъ за едино, что въ царствующемъ градѣ Москвѣ старую православную христіанскую вѣру, въ коей россійской чудотворцы Богу угодили и прежнія великія князи и благовѣрныя цари и святѣйшія патріархи до настатія Никонова патріаршества. И поискавше у себя въ полку таковыхъ людей, чтобъ кто умѣлъ челобитную сложить и отвѣтъ дать патріарху и властемъ отъ божественныхъ писаній, за что они старыя книги, которые печатаны при благовѣрныхъ князехъ и царехъ въ пяти россійскихъ патріарховъ возненавидѣли и возлюбили новую латиноримскую вѣру по своей воли, а не по Божіи сотворенную»... Рукоп. Общ. Люб. Древн. Письм. (не описанная, куплена гр. С. Д. Шереметевымъ 9 февраля 1899), поморск. полууставъ нач. XIX в., л. 45 и обор.

овладѣвшіе движеніемъ, что никакая сила не могла его ни остановить, ни направить на соединеніе съ господствующей церковью.

Такимъ факторомъ была богатая эсхатологическая литература, породившая уже давно на Руси чаянія конца вѣка, обострившіяся къ концу XVII столѣтія съ особой силой подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, о коихъ рѣчь будетъ ниже.

Вторымъ, не меньшимъ факторомъ, повліявшимъ на своеобразный путь, которымъ направился расколъ — было прочно укоренившееся въ Московскомъ народѣ представленіе о наступленіи кончины міра въ восьмой тысячѣ лѣтъ отъ сотворенія міра.

Третій факторъ, также литературнаго происхожденія — незыблемое ходячее мнѣніе московскаго народа о роли Москвы— послѣдняго Рима, центра и прибѣжища истиннаго православія.

Эти представленія, сильно овладѣвшія умами русскихъ XVII столѣтія, зародились и поддерживались цѣлымъ рядомъ литературныхъ произведеній, большею частью распространявшихся въ рукописяхъ, но вліятельныхъ и очень популярныхъ.

Въ ряду ихъ особенно выдаются слѣдующія, которыя мы здѣсь и отмѣтимъ. Это—толкованіе Стефана Зизанія на 15 слово Кирилла Іерусалимскаго объ антихристѣ, вошедшее въ такъ называемую Кириллову книгу 1644 г. и повторенное въ Книгѣ о вѣрѣ 1648 г. Къ этому же времени распространяются въ громадномъ количествѣ списковъ: извѣстное «Слово Палладія мниха о второмъ пришествіи и объ антихристѣ», «О второмъ пришествіи» св. Ефрема Сирина, «Слово Ипполита объ антихристѣ», апокрифическое «Откровеніе Меѳодія Патарскаго», и др. Если сюда прибавить рядъ легендъ и сказаній о видѣніяхъ, о загробной жизни, о состояніи душъ, о мытарствахъ и проч., — то будетъ достаточно ясно, что старый русскій грамотникъ-начетчикъ располагалъ богатымъ запасомъ литературныхъ произведеній эсхатологическаго содержанія, облеченныхъ авторитетомъ

именъ авторовъ, которымъ они принадлежатъ или приписываются [1]).

Отсюда понятно то настроеніе, съ которымъ прислушивался народъ ко всякимъ толкамъ о концѣ міра, о страшномъ судѣ, и о появленіи антихриста.

Уже Московскому собору 1666—67 года извѣстно было, что въ народѣ ходятъ слухи о появленіи и водвореніи на царство антихриста. Патріархъ Іоасафъ II († 1672) пишетъ въ окружномъ посланіи: «уже бо антихриста въ Москвѣ родитися имущи глаголютъ, иніи же рожденна быти проповѣдаютъ» [2]).

Напряженное ожиданіе конца міра и пришествія антихриста, о которомъ говорили и въ домахъ и на улицахъ и площадяхъ, должно было чѣмъ-нибудь разрѣшиться и обрушиться на какое-нибудь лицо, подходящее по тѣмъ или инымъ причинамъ къ образу антихриста, созданному фантазіей, воспитанной эсхатологическою литературой.

Этимъ-то лицомъ оказался по волѣ исторіи патріархъ Никонъ. Цѣль ниже предлагаемаго обзора сказаній о патріархѣ Никонѣ— дать матеріалъ для характеристики настроенія этой, проникнутой ожиданіемъ конца міра, массы, руководимой такъ называемыми расколоучителями, а равно для характеристики воззрѣній на реформатора русской церкви таившихся по лѣсамъ и дебрямъ приверженцевъ «древляго благочестія» XVII в. Мы постараемся представить и посильно разъяснить генезисъ этихъ воззрѣній въ

1) Чтобы не быть голословнымъ укажу, какъ примѣръ, Сборникъ кн. П. Вяземскаго О. № VI, гдѣ на л. 162 об. и слѣд. собраны разнообразныя свидѣтельства объ антихристѣ: выписки изъ Меѳодія Патарскаго (рукоп.: Парскаго), Слова Ипполита, І. Златоустаго, Зиновія Мниха, Кн. Бытія, Царствъ, Ездры, Іисуса сына Сирахова, Іоанна Богослова, прор. Іезекіиля, Андрея Юродиваго, изъ Алфавита печатнаго и рукописнаго.

Что дѣйствительно предсказанія Слова Ипполита объ антихристѣ примѣнялись современниками патр. Никона къ нему именно, показываютъ отмѣтки на нѣкоторыхъ рукописяхъ, напр. въ рукоп. до 1682 г. противъ словъ: «и дастъ имъ знаменіе на руцѣ деснѣ и на челѣ»—приписка: «печать антихристова», т. е. троеперстное сложеніе; рукоп. собр. кн. Вяземск. О. № XLI, л. 370 об. и ниже, л. 374 об.—помѣтки, видимо, предназначались для справокъ.

2) Смирновъ, тамъ-же, стр. 1.

зависимости отъ того матеріала, который даетъ намъ старообрядческая литература, относящаяся къ концу XVII и началу XVIII в., когда патріархъ Никонъ могъ интересовать своихъ противниковъ, какъ личность, съ которой связывались извѣстныя эсхатологическія представленія.

Наша задача — не богословское изслѣдованіе, а чисто историко-литературное, отчасти психологическое, если такъ можно выразиться, имѣя въ виду изслѣдованіе настроеній народной массы и ея руководителей.

Приводимый ниже матеріалъ мы извлекаемъ по преимуществу изъ рукописей, малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ, что̀ даетъ намъ смѣлость дѣлать нѣсколько пространныя выписки. Къ тому же полагаемъ, что для характеристики эпохи и ея воззрѣній лучше всего можетъ служить собственный голосъ ея дѣятелей, чѣмъ даже порой искусный пересказъ; тѣмъ болѣе, что старообрядческая литература о патріархѣ Никонѣ еще не собрана вполнѣ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи насъ интересуютъ главнымъ образомъ два вопроса.

Во первыхъ — почему сторонники старины увидѣли въ патріархѣ Никонѣ сразу предтечу, а иные и самого антихриста, и была ли поводомъ къ такому отожествленію исключительно ненависть, одушевлявшая «страдальцевъ и мучениковъ» за древлее благочестіе? Не было ли какихъ-либо объективныхъ признаковъ, побудившихъ этихъ послѣднихъ отожествить ненавистнаго имъ нововводителя съ врагомъ Христа и Церкви?

Второй вопросъ — какъ повліяло такое отожествленіе на сознаніе старообрядческой общины и въ чемъ оно выразилось? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ служить обзоръ сказаній о Никонѣ, которыми старообрядцы пытались оправдать и подкрѣпить свое мнѣніе о патріархѣ-реформаторѣ.

II.

«По тысящи лѣтъ отъ воплощенія и страсти Господа Нашего Іисуса Христа развязанъ бысть змій древній, сатана на мало время, да льститъ народы, яко же глаголетъ во откровеніи богословли глава к҃а, и хоботомъ своимъ, папою римскимъ отторже третію часть звѣздъ небесныхъ; сирѣчь православныхъ христіанъ отъ вѣры церковнаго неба, и поверже ихъ на землю, сирѣчь на земное, плотское мудрованіе, еже есть вражда на Бога. И то сатана римское царство на западѣ, идѣ же престолъ его есть, учинилъ матерь и пріятелище всѣхъ ересей и источникъ всякаго нечестія... И въ наше пресвѣтлое русское царство до сихъ временъ многажды заглядывалъ вселукавый врагъ, мысля отъ вѣры правыя отторгнути насъ, но непопустившу Богу тогда, яко не у еще исполнися писаніе и число звѣрино 1666».

Далѣе авторъ перечисляетъ рядъ неудачныхъ попытокъ діавола посѣять римскую ересь на Руси, начиная съ св. кн. Александра Невскаго до Смутнаго времени. Несмотря на эти попытки «самъ лести мудрецъ сатана съ воинствомъ своимъ попранъ бысть и посрамлѣнъ и церковь наша святая россійская православная своею вѣрою по таковыхъ искушенія свѣтлѣе солнца показася, и миръ и тишина бысть велія — до наскоченія Никонова патріаршества. И егда убо исполнися писаніе и настоящее время по откровенію богословлю глава г҃і, по числу звѣря х҃ исполнися по римскомъ отступленіи, тогда малая Русь, Литва отступила отъ вѣры. И посемъ, егда пріиде и исполнися писаніе ҂ѯѕ лѣтъ, тогда, Богу попустившу, сатана свое дѣло соверши и великое россійское царство отторже сатана хоботомъ своимъ Никономъ» [1]).

1) Рукоп. собр. кн. Вяземскаго, О. № V, сборникъ старообрядческихъ сочиненій XVIII в., л. 61 об.—65.

Такъ начинается пространное «Сказаніе отчасти вѣдомости ради православнымъ о превращеніи богомерзкихъ новыхъ книгъ и ересехъ и плевелѣхъ насѣяно на погибель душамъ христіанскимъ, паче же на истребленіе православныя вѣры». Постепенно, сначала издалека, затѣмъ ближе и ближе приступалъ къ третьему и послѣднему Риму, т. е. къ Москвѣ, врагъ Христовъ и наконецъ довершилъ свой замыселъ съ помощью Никона.

Признаки антихриста и его времени были указаны въ старинной литературѣ довольно точно. Минуя общіе, остановимся на тѣхъ, которые имѣютъ отношеніе въ глазахъ старообрядцевъ непосредственно къ Никону.

Искавшіе этихъ признаковъ вообще въ знаменіяхъ времени и въ частности въ ближайшихъ ко времени Никона могли не безъ пользы для себя опираться прежде всего на указанія, собранныя въ Большомъ Катехизисѣ. Эти указанія мы нерѣдко встрѣчаемъ въ сборникахъ, какъ оправданіе того, что антихристово царство уже наступило. Пользуюсь такой выпиской изъ Катехизиса, сохранившейся въ рукописи XVIII в. [1]).

На вопросъ: «какова знаменіѧ бꙋдꙋтъ пре̑ пришествіемъ хр҇товымъ и пре̑ сꙋднымъ днемъ», слѣдуетъ сначала одинъ общій отвѣтъ:

«Различнаѧ и многа вѣщаю҇ намъ ст҇аѧ писаніѧ знаменіѧ же есть пред пришествіемъ христовымъ». Слѣдуетъ перечисленіе знаменій, при передачѣ которыхъ мы не слѣдуемъ порядку рукописи, выдвигая наиболѣе существенныя.

1) «Мнози востанутъ лжехристи и лжепророцы», — чѣмъ же, какъ не однимъ изъ таковыхъ могъ показаться разстроенному воображенію патр. Никонъ, исправлявшій книги и строившій Новый Іерусалимъ, въ коемъ, по предсказанію одного авторитетнаго въ то время лица, долженъ былъ явиться и новый богъ, т. е. антихристъ?

1) Рукоп. собр. Вяземскаго, О. № VI, л. 126 и обор.

2) «Востанетъ языкъ на языкъ» и «царство на царство». «Востануть рати.»—XVII вѣкъ не могъ похвалиться особымъ мирнымъ настроеніемъ и ознаменовался не одной войной.

3) «Глады», «тлетворныя вѣтры, рекше моры».— Голодовки въ теченіе XVII в. почти не прекращались, а страшный моръ, во время котораго патр. Никонъ спасалъ, пряча по лѣсамъ, царское семейство, — былъ у всѣхъ въ памяти.

4) «Оскудѣетъ вѣра во многихъ мѣстѣхъ», «будутъ человѣцы самолюбивы», «мнятся о себѣ быти разумны», «горделивіи и тщеславніи», «самовластніи», «нѣцыи отступятъ отъ вѣры».—Чѣмъ инымъ, какъ не гордостью и тщеславіемъ, должны, были казаться попытки исправить ошибки въ писаніяхъ, по коимъ столько святыхъ русскихъ спаслось? Съ точки зрѣнія приверженцевъ буквы — всякое отступленіе отъ нея казалось проявленіемъ преступнаго самомнѣнія и гордости.

5) Часть признаковъ касается семейной нравственности: «будѹтъ безстрашно и самовластно жити и бракъ возлюбятъ безчестный, яко же во время Ноя, прежде Потопа» и «родителемъ своимъ непокорніи и къ церквамъ божіимъ лѣнивіи.»— По поводу этихъ указаній, являющихся общимъ мѣстомъ въ старинной назидательной литературѣ, каждый могъ привести безъ сомнѣнія не мало примѣровъ, по несовершенству человѣческой природы и отдаленности ея отъ идеала нравственности.

Наконецъ прійдетъ антихристъ, возложитъ печать свою на тѣхъ, кто не крестится надлежащимъ образомъ: «идѣже бываетъ свѣта лишеніе, ту бываетъ тмѣ пришествіе», т. е. кто не охраняетъ чистоту старой вѣры, тѣмъ самымъ впадаетъ въ руки антихриста.

Еще одна подробность укрѣплявшая въ ревнителяхъ старины увѣренность въ наступленіе царства антихриста: «совокупятся бранию царие земстіи со антихристомъ на Бога нашего» [1]) —

1) Тамъ-же, л. 126 об.—127.

сторону патр. Никона въ дѣлѣ исправленія книгъ, какъ извѣстно, принялъ царь и большинство высшаго класса, несмотря на позже возникшую вражду, окончившуюся ссылкой смѣлаго реформатора.

Обратимся къ собственно литературнымъ памятникамъ.

«Откровеніе» Меѳодія Патарскаго давало несомнѣнно соотвѣтствовавшія современнымъ началу раскола лицамъ характеристики. Тишайшій царь Алексѣй Михайловичъ, позже оказавшійся въ писаніяхъ одного изъ старообрядцевъ «рогомъ антихриста»,—первоначально могъ совпасть съ представленіемъ апокалиптическаго кроткаго царя Михаила. Антихристъ, по этому «откровенію», зачатый черницей дѣвой отъ поющей въ саду птицы, приходитъ къ царю и дѣлается любимымъ слугой его. «Будетъ сперва окаянный антихристъ кротокъ и смиренъ, богобоязнивъ, нищелюбивъ, ненавидяй неправды, избавляй обидимыя, ненавидя мзды, идолослуженія отвращаяся, писанія любя, священникъ стыдяся, сѣдины почитая, блуда не пріемля, обидимыя сиротъ и вдовицъ заступая отъ всякаго насильства». Но позже, захвативъ власть, воцарившись, онъ круто измѣнится: «вознесется сердцемъ, на всякаго человѣка не точію же, но и на Бога хулная речетъ» и т. п. [1]).

Все это не могло не наводить мысли современниковъ на патріарха Никона, особенно тѣхъ, которые какъ протопопъ Аввакумъ, знали его отношенія къ кружку С. Вонифатьева, царскаго духовника,—сперва дружескія, позже круто измѣнившіяся къ худшему.

Почти такія же указанія находимъ у Петра Дамаскина, гдѣ съ опредѣленностью указывается, что антихристъ явится въ видѣ чернеца съ сѣвера:

«Чернéцъ нѣкїй ймать ѿ сѣвера востáти, й во'мѹтити в' мíрѣ сѹщимь й во бл҃гочéстїи, й взы́детъ на престóлъ, дменїемъ превысóко, въ цр҃твенныхъ же прїйскръ й содрѹ-

1) Н. С. Тихонравовъ, Памятники отреченной литер. II, стр. 262—264.

жёбенъ бꙋдетъ. и̓ ѿ тѣхъ покꙋситса ст҃а́а ст҃ы̑ создати. ѿ тꙋдꙋ же безсла́віе снидеть, а по немъ на пр҃тлѣ всекра́йнаго смиренїа го́рдость преоумножитса, свατителство кꙋпно и мꙋчи́телство. мéрзость запꙋстѣнїа, хꙋлы на мѣстѣ ст҃ѣмъ, оу̓коренάема и̓мать быти, мате́жи и̓ страхованїа, и̓ самогꙋбительства разли́чна помно́гꙋ. не́нависти, сва́ры, междоꙋсобїа, кꙋпно и̓ враго́ нашéствїа, гла҃ и̓ мо́ръ оу̓мно́жаютса, любительнаа* союзства вса́ во льсти заключена бꙋдꙋтъ» [1])...

Кромѣ того извѣстное предсказаніе, что антихристъ явится въ Римѣ, могло оправдываться отожествленіемъ Москвы съ истиннымъ православнымъ Римомъ, наслѣдницей котораго являлась она еще съ XVI в. въ глазахъ благочестивыхъ москвичей.

Подчеркнутое выше совпадаетъ, какъ говорятъ современныя извѣстія, съ тѣмъ, что̀ извѣстно о патріархѣ Никонѣ. Его гордость, дружба съ царемъ и близость къ царской семьѣ, безпощадность по отношенію къ противникамъ и ослушникамъ, его «мучительство», умножившіеся случаи самосожженія и уморенія голодомъ—все это совпадаетъ съ данными выше признаками наступившаго антихристова царства.

Неизвѣстный авторъ особенно рѣзко нападаетъ на патріарха Никона за его перемѣну по отношенію къ друзьямъ, которымъ онъ ранѣе казался истиннымъ другомъ древляго благочестія.

«Той же волкъ,—говоритъ авторъ «Сказанія»,—подкраде стадо христово, во овчей кожи пришедъ: и сперва ревнуя показася по благочестію и по истиннѣ и тѣмъ пронырствомъ своимъ и добрѣ воздѣланную ниву сердца тогда благочестиваго царя Алеѯія Михайловича злымъ терніемъ насѣя и плевелами, и окрадѣ святопомазанную его душу».

.....«Нача церковь Христову разоряти и догматы превращати и святыя и непорочныя и богодухновенныя книги опрометати, и

1) Рукоп. Церковно-Археол. Муз. при Кіевск. Дух. Акад. № 622 (Т. 344) л. 167. Сборн. начала XVIII в.

уставы и вся чины церковныя святыхъ отецъ премѣняти и все по своему прелагати. И возбраняющихъ ему о сихъ церковныхъ чадъ біл и муча и въ далныхъ странахъ заточая, и въ темницахъ уморяя, иныхъ безъ вѣсти сотворяя, яко же преосвященнаго епископа Павла Коломенскаго, добраго пастыря, полагающаго душу свою за Христово стадо, разбойнически ободра и никто же вѣсть, како его оконча; и прочихъ..... коихъ могій прельстити — прельсти, а иныхъ малоумныхъ и слабыхъ беззаконною клятвою своею устрашилъ» [1])...

Лукавство Никона особенно бросалось въ глаза его противникамъ: «а Никонъ егда на патріаршество вкрался, показуя человѣкомъ лукаву добродѣтель», говорится въ посланіи къ нѣкоему Іоанну [2]).

«Въ лѣто 7160 году.. по попущенію Божію,—пишетъ Аввакумъ,—вкрался на престолъ патріаршескій бывшій попъ Никита Минимчъ... являяся яко ангелъ, внутрь сый діаволъ» [3]).

Кстати вспомнили и какое-то пророченіе Іерусалимскаго патріарха Θеофана: «когда будетъ у васъ въ Россіи царь съ первыя литеры (А), при томъ царѣ премѣнятся вся чины уставы церковныя и новое послѣдованіе и новой Богъ будетъ и гоненіе веліе на церковь Христову» [4]).

Тоже почти и въ тѣхъ же словахъ приписываютъ и патріарху Іерусалимскому Паисію (?), который будто бы изрекъ: «когда патріархъ сѣверной Никонъ началъ строить новой Іерусалимъ, то скоро и новой Богъ будетъ на земли, сирѣчь антихристъ» [5]).

На Никона, какъ на антихриста указывалъ, по мнѣнію рас-

1) Рукоп. кн. Вяземскаго О. № V, л. 65—66.

2) Матер. по исторіи раскола, т. V, 224—30; по предположенію П. С. Смирнова принадлежитъ Аввакуму (Внутр. вопр., стр. LXIV, прим. 94).

3) Матер. по исторіи раскола, V, 261—2.

4) Рукоп. кн. Вяземскаго, О. № III, л. 11 и об.

5) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 401, л. 180 и обор.

колоучителей даже популярный Алфавитъ, гдѣ имя «звѣря» толковалось: «Никоноръ, Никополъ, Никодимъ, Никиѳоръ и просто рещи Никонъ — побѣда людская, побѣдитель людей»[1]).

Не безъ вліянія на созданіе легенды о Никонѣ-антихристѣ оказались и нѣкоторыя черты характера патріарха—его вспыльчивость и безпощадность къ противникамъ, считавшимъ себя носителями истины и единственными сосудами «древляго» благочестія.

Съ точки зрѣнія ревнителей старины крутой образъ дѣйствій Никона съ противниками былъ понятъ какъ «мучительство», о коемъ говоритъ Петръ Дамаскинъ.

Въ «Посланіи священно-протопопа Аввакума»[2]), послѣ описанія первыхъ отступленій Никона говорится: ...«начахомъ обличати еретика и предтечу антихристова; онъ же намучивъ много и разославъ в сылки всех, и рассѣяни быхомъ яко от скорби бывшиѧ при Стеѳане апостоли, тако отцевъ и братию мою разосла: епископа Павла Коломенскаго мѹчилъ и в новогородскихъ предѣлехъ огнемъ сожеглъ, Даніила костромскаго протопопа мѹчивъ много и въ Астрахани, в земляной тюрме заморилъ, Мѹромскаго протопопа Логина остригъ и мѹчивъ много в Мѹромъ сослалъ тут же и скончалсѧ въ морѹ, Гавріила священника въ Нижнемъ приказал головѹ отсещи, Михайла священника безвѣстно погѹбилъ, двѹхъ священниковъ вологжанъ безвѣстно же погѹбилъ, со мной сидѣли ҃з человѣкъ, и во всенощное взялъ мѹчилъ и билъ и проклинаѧ в тюрмѣ держалъ: маліи нынѣ въ живыхъ обрѣтаются, а мене въ Даурскую землю сослалъ — отъ Москвы, чаю, бѹдетъ съ десятъ тысещъ верстъ за Сибирь»— далѣе исчисляются побои палками и кнутомъ, понесенные Аввакумомъ и продолжается перечень жертвъ Никона: старцу Епиѳанію рѣзали языкъ двожды и держать нача въ заключеніи; тамъ же мучатся нагими попъ Лазорь и діаконъ Ѳеодоръ, и Ки-

---

1) Рукоп. собранія кн. Вяземскаго. О. № VI, л. 163.
2) Рукоп. кн. Вяземскаго. О. № VI, л. 230—232.

пріанъ; двухъ человѣкъ удавили на висѣлицѣ никоніяне еретики, на Москвѣ старца Аврамія и Исаія Салтыкова сожгли, старца Іону Казанца въ Вольскомъ острогѣ разсѣкли на пятеро, Іоанна юродиваго, Поліекта священника сожгли и съ нимъ 14 человѣкъ, въ Нижнемъ сожгли человѣка, въ Казани — 50 человѣкъ, въ Кіевѣ стрѣльца Иларіона сожгли, а на Волгѣ живущихъ во градѣхъ и селѣхъ и в деревняхъ тысящи тысящами положено»...

Даже если примемъ послѣднее выраженіе за риторическую гиперболу увлекшагося прот. Аввакума, то все-таки получается картина, достаточно говорящая въ пользу нашего предположенія. Если же добавимъ данныя о пострадавшихъ во время патріаршества Никона по другимъ источникамъ, напр. по рукописи собранія кн. Вяземскаго, О. № V, и по «Россійскому Вертограду» Денисова, то вполнѣ очевиднымъ станетъ взглядъ приверженцевъ старины на Никона, какъ на великаго мучителя.

Нѣсколько ниже въ томъ же посланіи[1]) Аввакумъ пишетъ такъ: ...«и до сего времени непрестанно жгутъ и палятъ исповѣдниковъ христовыхъ. Они миленкія ради пресвѣтлыя и честныя и страшныя Троицы несытно пущи въ глаза идутъ, въ слово яко комаръ или мшицы: елико ихъ больше подавляютъ, тогда болши въ глаза лѣзутъ; такъ же и русаки бѣдныя, мучителя дождавши, полками во огнь дерзаютъ за Христа Сына Божія...» Слѣдуетъ исчисленіе: въ Казани никоніяне 50 человѣкъ сожгли, въ Сибири столько же, во Владимірѣ 6 человѣкъ, въ Боровскѣ 14, «а въ Нижнемъ преславно бысть: овыхъ еретики пожигаху, а иніи, распалшеся любовію и плакавше о благовѣріи, не дождавше же еретическаго осужденія, сами во огнь дерзнувъше, да цело и непорочно [души] соблюдутъ».

Но это была борьба, а не одностороннее преслѣдованіе: Никонъ ссылалъ враговъ реформы и своихъ личныхъ недруговъ — они же, не имѣя силы явно съ успѣхомъ бороться противъ него, не брезговали всѣми средствами и «жалили его пяту»—

1) Рукоп. кн. Вяземскаго, О. № VI, л. 244.

мстили ему распространеніемъ невѣроятнѣйшихъ разсказовъ о немъ въ довѣрчивой и невѣжественной средѣ.

Всѣ подобныя розсказни не могли не дѣйствовать въ свою очередь на людей, проникнутыхъ мыслью о близости кончины міра и боязливо озиравшихся, откуда идетъ антихристъ.

Инокъ Авраамій, обращаясь къ Никону, прямо спрашивалъ: «Никоне, не ты ли еси грядый возмутити вселенную? или ты еси предходяй и предуготовляй путь послѣднему?»

Самъ Никонъ, можетъ быть безсознательно, подавалъ поводъ приверженцамъ старины создавать о себѣ легенды и истолковывать свои поступки въ желательномъ для нихъ смыслѣ. Таково его распоряженіе о написаніи съ себя портрета, который тотчасъ же поспѣшили отожествить съ «иконой звѣря». Таково его поведеніе во время моровой язвы, можетъ быть, спасшее царю его семью, но погубившее самого патріарха въ глазахъ старообрядческой партіи. Вотъ что пишетъ «сказаніе» объ этомъ послѣднемъ случаѣ.

Послѣ поставленія Никона патріархомъ, какъ бы въ наказаніе русской землѣ за таковое нечестіе, «да не мимо идетъ писаніе послѣднихъ прелестей, тогда же вскорѣ Господь Богъ гнѣвъ свой излія на русскую землю: посла смертоносную язву на человѣки, уцѣломудрити хотя насъ»...— а въ это время, вмѣсто того, чтобы обратиться къ милости Божіей и призвать народъ къ молитвѣ, «наемникъ (т. е. Никонъ), иже нѣсть пастырь, оставя овцы Христова стада и начатъ бѣгати отъ Божія суда по лѣсамъ и по блатомъ, по непроходнымъ мѣстамъ, мосты ставя и люди муча, и по манастырямъ крыяся, и царицу съ чады съ собою водя, лестію приступая, якобы хотя сохранити отъ суда Божія. Человѣкъ тлѣнный самъ и смертный, а не на Бога уповая (аще не онъ, создатель, сохранитъ, то кто отъ всевидящаго ока Его укрытися можетъ?). А онъ, отступникъ, волхвуя тогда древеса собирая мажжевель, и по странамъ пути полагати повелѣ и зажигати и сквозѣ той огнь самъ, богоотступникъ, проходя и всѣхъ людей окуряя; а по градомъ

грамоты разсылаше богопротивникъ Никонъ къ болящимъ и повелѣ священникомъ [не] ходити и святыхъ тайнъ не сподобляти ихъ А самъ многихъ въ весехъ людей Божіихъ въ храминахъ заваливая, а иныхъ заваливши огнемъ сожигая и живыхъ. И тако тогда многія христіяна по градомъ и селомъ бесъ покаянія и бесъ причащенія умираху».

Священники, причащавшіе вопреки приказу Никона, подпадали подъ запрещеніе. Таково было его «свирѣпство» и «волхвованіе». Авторъ вспоминаетъ другіе случаи, когда постигалъ Россію моръ: тогда пастыри посѣщали больныхъ, утѣшали ихъ и молитвой и милостыней утоляли праведный гнѣвъ Божій.

Никонъ же «оставя Творца своего и Создателя, а на тварь надѣясь на огнь и можжевель древо»: выводъ отсюда — далеко не къ чести и похвалѣ архипастыря[1]).

Приверженцы старины, однако, не всѣ и не сразу признали въ патріархѣ Никонѣ антихриста.

Болѣе образованные представители пытались провѣрить такое предположеніе по даннымъ Писанія — и это привело ихъ къ различнымъ выводамъ, сообразно настроенію и смыслу каждаго.

Инокъ Авраамій, твердо вѣруя, что, согласно словамъ ап. Павла, главнымъ признакомъ пришествія антихриста является отступленіе отъ вѣры, писалъ, что антихристово царство распространяется и самъ онъ скоро явится[2]).

Съ особенной увѣренностью, особенно опредѣленно настаиваетъ на мысли, что антихристу предназначено явиться на Руси, въ Москвѣ—инокъ Авраамій въ своемъ посланіи къ боярынѣ Морозовой[3]).

1) Рукоп. собр. Вяземскаго О. № V, л. 79—81.

2) Матеріалы, VI, стр. 14.

3) Полное названіе: «Слово інока Авраамія заключеннаго бывша в духовномъ Содомѣ и Египтѣ за слово Божіе и за свидѣтельство іс хво ко дщеремъ Федосіи и Евдокіи Прокопьевнымъ княгинямъ и прочимъ женамъ благочестивымъ», рукоп. Погодина № 1552, XVII в., л. 59—75.

«Мнози глаголютъ от невѣденія своего, яко быти антихристу во Иерусалимѣ сущему, иніи же глаголютъ на земли чювственнѣй и скоро зѣло быти преставленію свѣта сего. Иніи же глаголютъ на земли чювственнѣй пророкомъ Иліи и Еноху не быти. Ты же оувѣрися о семъ писаніемъ божественнымъ. Глаголетъ бо пророкъ яко от сѣвера лукавство сказуетъ намъ (пророкъ) явѣ, яко антихриста возвестилъ быти ему в сѣверной странѣ. И Афанасіи Великій Антіоху возвестилъ еже быти ему въ Скифополи, Скифопол'же сѣверная страна, наша руская земля. А святый Іоаннъ Златоустый разсуждаетъ в бесѣдахъ на посланіе апостола Павла и сказуетъ яко в Римѣ быти ему. Святый же Кириллъ во многихъ мѣстехъ воспоминаетъ во своей книге во знаменіяхъ, яко в Римѣ царство его будетъ, и сіе согласно же еже здѣ быти ему. И святый Селивестръ папа римскій егда съ небеси посланъ к Филофею патріарху Царяграда, нашу рускую землю благочестія ради исповѣдалъ свѣтлою Росіею, и третіи Римъ. Да и в Кормчей книге пишетъ третіимъ Римомъ рускую нашу землю. А греческое царство вторый Римъ именуется в писаніи. И глаголетъ святый Кирил о антихристѣ яко ни от царей, ни от царскаго рода будетъ. Преподобны же Петръ Дамаскинъ пишетъ о немъ, яко чернецъ имат востати в сѣверной странѣ и древнихъ еретиковъ всѣхъ ереси подъиметъ. И сіе согласно ѕѣло нынѣшнему времени. Избранный же сосудъ Павелъ апостолъ в посланіи своемъ пишетъ о немъ, яко аще не пріиде отступленіе вѣры прежде и открыется человѣкъ беззаконію сынъ погибели противникъ. Сіе толкуетъ святый Златоустъ, что есть отступленіе, и глаголетъ апостолъ, яко того самого антихриста отступленіе наричетъ яко отступленіе пріидетъ от вѣры. Онъ сам антихристъ открыется во благочестіи исперва, и благочестію онъ самъ оучинитъ отступленіе; сего ради и погибельный сынъ наричется, яко нечестіемъ своимъ многихъ душа погубити имать, аще не трезвятся, і избранныхъ могутъ прелстити. И потомъ сказуетъ от власти на без-

начальство нападетъ. И после себя приготовит, иныхъ да дѣлаютъ лютая. И по семъ согласно зѣло, яко люто воистинну дѣлаютъ оученицы его. И святый Иполитъ глаголетъ о немъ, оубо лстивнѣ пріемъ ложь беззаконный отречется славы своея; в синоѯаріи святіи отцы написали: и во Іерусалимѣ оуставится станомъ. И паки Ипполитъ глаголетъ, и храмъ каменемъ сотворишъ, иже в Іерусалимѣ. И Кирилъ святый пишетъ яко церковь древнюю Соломонову со инымъ богомолiемъ прелести ради создати покусится, совершенно же построити невозможетъ, и глаголетъ яко не мню ту верхи покрыты будутъ. Да во апокалиѱисах толковыхъ острожской печати пишетъ, яко антихристъ Христомъ себя образовати будетъ глаголя себѣ: воздвигъну скинію падшую Давидову и изриновенная ея паки воздвигну. И таковымъ дѣйствомъ во всемъ себя извѣститъ быти Христа. И писано о немъ, яко лстецъ во всемъ хощетъ быти подобенъ Христу. И зѣло подобится Никонъ пагубникъ, яко построилъ Іерусалимъ в сѣверной странѣ, и рѣку Истру Иорданомъ преименовал и церков такову, какова во Іерусалимѣ построилъ, и в томъ своемъ лстивомъ Іерусалимѣ станомъ оустанился, и около своего лстиваго Іерусалима селамъ и деревнямъ имена новые подавалъ проти сущаго Іерусалима, Назаретъ и Виолиемъ и прочимъ, а иная оу него есть Галилейская пустыня, а горамъ тако же новые имена давал: иная гора Голгоѳа и прочее и прочее преименовалъ; черницемъ молодымъ постригая имена давалъ херувимами и сераѳимами. И по семъ имеяй кто оумъ да разумѣетъ прелесть его: кому будеш в его новой преименованной рѣцѣ Иорданѣ креститися, да о семъ пишутъ святіи отцы: аще бы которой царь всею вселенною владѣлъ и ни единаго мѣста не нарекалъ Іерусалимомъ, яко единъ Іерусалимъ во всемъ свѣтѣ [1])...» Въ заключеніе — указаніе на значеніе числа 666 (1666 г.).

---

1) Рукоп. Погодина № 1552, л. 61—64.

Нельзя не согласиться, что здѣсь Авраамiемъ всѣ разрозненныя черты и знаменiя пришествiя антихриста примѣнительно къ патр. Никону подобраны послѣдовательно, въ историческомъ порядкѣ и даютъ достаточно яркую картину того состоянiя духа, которое господствовало среди ревнителей старины.

Подведемъ итоги разсужденiю Авраамiя объ антихристѣ.

Какъ указано было выше, онъ долженъ былъ прiйти отъ сѣверной страны: «глаголетъ пророкъ яко отъ сѣвера лукавство изыдетъ» [1]). На тоже указываетъ и Аѳанасiй Великiй. Слѣдовательно антихристъ явится въ Россiи. Но Iоаннъ Златоустъ и Кириллъ Iерусалимскiй говорятъ, что онъ явится въ Римѣ: и это справедливо, ибо Москва — третiй Римъ, первый же и второй давно во власти его. «Слово Ипполита» также указывало на Никона: «антихристъ исперва льстивно прiимъ ложь беззаконный отречется славы своея» и «возставитъ во Iерусалимѣ храмъ каменен»; Никонъ — также самъ удалился съ патрiаршаго престола, и «построилъ Iерусалимъ въ сѣверной странѣ, и рѣку Истру Iорданомъ прономеновалъ» и все устроилъ на подобiе его.

О Никонѣ, какъ объ явленномъ антихристѣ, проповѣдывалъ еще до 1667 г. монахъ Ефремъ Потемкинъ [2]), а позже около 1669 г. была пущена кѣмъ-то въ народъ тетрадка, въ которой дѣлалось сопоставленiе Никона съ антихристомъ: онъ, какъ указываетъ Писанiе, «премѣнитъ законъ и времена: сiя сотворилъ зломудренный Никонъ» [3]).

Iеродiаконъ Пименъ, жившiй временно при Софiйскомъ Новгородскомъ соборѣ, прiйдя изъ Соловецкаго монастыря, еще въ бытность Никона новгородскимъ митрополитомъ, якобы говорилъ иноку Корнилiю: «вѣси ли, яко Никонъ митрополитъ

---

1) Цитаты предположительно указаны П. С. Смирновымъ, тамъ-же, стр. 18, примѣч. 6.

2) Матер., VII, стр. 404. Смирновъ, стр. 22.

3) Тамъ-же.

антихристъ есть, ибо пятію персты, а не двоперстнымъ сложеніемъ благословляетъ люди»[1]). Центромъ такихъ взглядовъ былъ вѣроятнѣе всего Соловецкій монастырь, давшій не мало тенденціозныхъ разсказовъ о Никонѣ.

Въ Соловецкой челобитной по исчисленію пророчествъ о пришествіи антихриста Титина, число коего 666, авторы пишутъ: «то уже коего еще, Государь, паче сего искать намъ свидѣтельства, егда исполнися то шесточисліе временъ, еже 666 лѣтъ[2]).

Неизвѣстный старообрядецъ XVII в., въ посланіи изъ Далматскаго монастыря въ Тюмень «объ антихристѣ и тайномъ царствѣ его», сводитъ въ общую картину, что̀ выше было сказано объ антихристѣ и сопоставляетъ его съ Никономъ:

«А что глаголется во многихъ же божественныхъ писаніихъ о рожденіи его, Ипполитъ папа римскій и святый Ефремъ Сиринъ и иніи мнози: родитъ бо ся отъ жены скверныя и индѣ: отъ дѣвицы нечистыя жидовки сущія, исперва будетъ кротокъ, тихъ, любезенъ, благоговѣинъ, миротворивъ и прочее, и того такоже нарицаетъ антихристомъ; ....будетъ кротокъ и милостивъ: тако и бысть; и сотворитъ церковь Соломоню, якоже во Іерусалимѣ — тако и бысть. И то совершися на Никонѣ еретикѣ»[3])...

Другіе, болѣе умѣренные, какъ діаконъ Ѳеодоръ, протопопъ Аввакумъ, попъ Лазарь, архим. Спиридонъ Потемкинъ утверждали лишь, что Никонъ есть предтеча антихристовъ, посланный предуготовить путь своему господину[4]).

Это мнѣніе, какъ высказанное болѣе авторитетными учителями и какъ менѣе поколебленное послѣдующими событіями, прочнѣе укрѣпилось въ средѣ старообрядцевъ и было поддержано цѣлымъ рядомъ повѣстей и легендъ.

---

1) Рукоп. И. П. Б. Q. I, № 1058, л. 49 об.
2) Рукоп. Моск. Публ. и Румянц. Муз. № 252, л. 39 об.
3) Рукоп. Имп. Публ. библ. Q. I, № 489, напеч. П. Смирновымъ, стр. 025.
4) П. Смирновъ, стр. 6, 9, 12 24—27.

Какъ бы тамъ ни было, «знаменія многа совершишася, къ тому жъ и вѣрѣ христіанской повреждѣнія явишася; и сіе знаменитъ быти и кончинѣ вскорѣ міру всему» [1]).

Ревнитель старины чувствовалъ себя подавленнымъ всей массой нахлынувшихъ нововведеній и со страхомъ припоминалъ пророчество Симеона Дивногорца: «Сего ради въ нынѣшняя времена исполняется на насъ святого Симеона Дивногорца пророчество глаголющее (Прологъ, маия 13), яко отъ тмы человѣкъ, сирѣчь десяти тысящъ едва единей обрѣстися души въ нынѣшнихъ временехъ спасающейся» [2]).

Самое дорогое — вѣра была попорчена рукою врага: «Никонъ со ученики своими не худое нѣчто превратилъ въ церковныхъ дохматехъ, но всю истинную вѣру изгубилъ и всю вселенную превратилъ на нечестіе и велми возмутилъ» [3]).

...«Увы, увы, постиже насъ злая бѣда, вѣчная погибель!» восклицаетъ инокъ Авраамій. «Яже послѣдующи ученію ихъ, новымъ проповѣдникомъ, не имуть вѣдѣти живота вѣчнаго. Они же сами, елико болѣ правити (т. е. книги), толико глубѣе снидуть во дно адово» [4])...

Необходимо было предостеречь вѣрующихъ отъ злоухищреній антихриста, оберечь ихъ отъ его слугъ — проповѣдниковъ «новой вѣры». Но вышеприведенныя устрашенія видимо казались слишкомъ слабыми, не достигали цѣли: нужно было нѣчто болѣе дѣйствительное, способное повліять на воображеніе массы. Такимъ дѣйствительнымъ средствомъ явились легенды о патріархѣ Никонѣ, къ обзору которыхъ и перейдемъ.

---

1) Рукоп. Имп. Публ. Библ. О. I, № 209, л. 51.
2) Рукоп. кн. Вяземскаго О. VI, л. 293 и обор.
3) Рукоп. Погодина 1552, л. 60.
4) Тамъ-же л. 60 обор.

III.

Разъ сложилось такое представленіе о Никонѣ, какъ о предтечѣ антихриста, — естественно, народная молва, охотно ловящая и распространяющая самые невѣроятные слухи, не замедлила подхватить тѣ росказни о патріархѣ, которыя исходили главнымъ образомъ отъ лицъ, такъ или иначе обиженныхъ Никономъ или проникнутыхъ духомъ фанатической ненависти къ нему.

Вожди раскола, наиболѣе грамотные, охотно даютъ вѣру этимъ слухамъ и облекая ихъ въ литературную форму, пользуются ими какъ оружіемъ противъ ненавистнаго нововводителя. Почти всѣ эти разсказы о Никонѣ, представляя собой плодъ досужей, но злобно направленной фантазіи, слѣдятъ за всей жизнью Никона и сообщаютъ о немъ свѣдѣнія одно другого нелѣпѣе и невѣроятнѣе. Разъ легенда создалась, облеклась въ литературную форму и получила распространеніе въ народной средѣ, — тѣмъ самымъ она сдѣлалась историческимъ фактомъ, небезъинтереснымъ для характеристики настроенія дѣятелей и современниковъ перваго времени раскола.

Самое рожденіе Никона, въ мірѣ Никиты, необыкновенно: отецъ у него черемисинъ, а мать русалка, «Минка да Манька» говоритъ протопопъ Аввакумъ въ посланіи къ Іонѣ; а въ другомъ мѣстѣ пишетъ, что матерью Никона была едвали не татарка [1]). «Сказаніе о Никонѣ патріарсѣ» говоритъ: «не у во иноческая внѣде, отъ святыхъ отецъ предвидѣся, смутитель русскія земли многомятежный; о родѣ его: яко курмышанинъ бяше, і о благополучіи, яко убогъ и сирота бѣ; житіе Никоново въ мірѣ: яко острожелчивъ, яростивъ, и злопамятливъ; иже попомъ бяше, жену имяше піянчиву и оплазиву. Ея ради

1) Смирновъ, стр. 28.

ушедъ пострижеся во мнихи не въ монастыри коемъ, ниже въ пустыни, ниже въ повиновеніи живяше, но въ монастырстемъ дому отъ скитающихся іеромонахъ» [1]).

Таковы были первые шаги Никона въ старообрядческой легендѣ о немъ. Они еще не обличаютъ въ немъ сознанія своего будущаго отступничества; даже напротивъ—самъ Никонъ какъ бы не вѣритъ въ свое будущее. «Нѣкогда же поиде... во ину обитель, и случися имъ обнощевати у нѣкоего татарина, волхва суща, иже волшебствомъ своимъ сказоваше комуждо хотящая быти; волхвуя же скверною своею бѣсовскою книгою и палицею, сему Никитѣ рече, яко: «ты будеши государь великій». Онъ же, слышавъ, отиде, не надѣяся збытися прорицанію».

Слѣдующій баснословный разсказъ застаетъ Никона въ Анзерской обители. Вѣроятно здѣсь онъ былъ принятъ не особенно дружелюбно, такъ какъ изъ среды иноковъ этого и сосѣдняго, Соловецкаго, монастыря былъ пущенъ въ народъ такой слухъ о видѣніи старцу Елеазару: «Повѣдаше отецъ Корнилій, яко слыша(хъ) отъ соловецкихъ старецъ о Никонѣ. Некогда бывшу Никону въ церкви, нача чести святое евангеліе; божіимъ же изволеніемъ откровенно бысть игумену монастыря того, Елизару именемъ, о Никонѣ: егда нача чести евангеліе, видѣ около выи его обвился змій великій черный, пестръ и по плещама лежащь. Восплакася горко [Елиазаръ] и недоумѣнія исполнися, помышляше, что есть сей человѣкъ окаянный, и глагола къ братіи вслухъ всѣмъ: О братіе, аще бы кто сего старца убылъ, азъ бы грѣшный умолилъ Бога за него» [2]). Никонъ убѣжалъ отъ гнѣва старца, но не одинъ, а также и «соло-

1) Рукоп. кн. Вяземскаго О. № V, л. 221.

2) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 1058, л. 46 об.

3) Рукоп. кн. Вяземскаго О. № III, л. 41 об. — 42; тоже съ небольшими варіантами въ рукоп. Имп. Публ. библ. Q. I, № 401, л. 175. Въ нѣсколько иной редакціи: рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, 1058, л. 47 и кн. Вяземскаго О, № V, л. 221 об.; здѣсь Елеазаръ восклицаетъ: «О, какова смутителя и мятежника Россія въ себѣ пріятъ и питаетъ; сей смутитъ тоя предѣлы и многихъ трясеній и бѣдъ исполнитъ»...

вецкихъ двухъ старцовъ прельсти с собою въ бѣжанне»[1]). Тотъ же источникъ изъ котораго почерпнуты послѣднія строки, глухо упоминаетъ «крадение монастырскихъ припасовъ» и «злобное воздаяніе человѣкомъ за непревозъ чрезъ рѣку», и ссылку ихъ въ то время, когда Никонъ уже былъ во власти.

Далѣе біографъ-старообрядецъ передаетъ о томъ, какъ архіереи Афоний и Варлаамъ предчувствовали въ Никонѣ предтечу антихриста и въ чемъ выразилось это ихъ предчувствіе.

Митрополитъ новгородскій Афоній, впавшій въ старческую слабость и слѣпоту, долженъ былъ удалиться на покой, въ монастырь на Хутынѣ, «и ту безмолствуя позлащаше свою архіерейскую паству верхомъ добродѣтелей, смиреніемъ» (л. 48 об.). Никонъ, поставленный патріархомъ Іосифомъ на Новгородскую митрополію, прибылъ въ Новгородъ и, по выраженію повѣсти, «приходитъ той лукавый лисъ въ Хутынскую Спасову обитель посѣтити предивнаго святителя Авфонія. И пришедъ въ келію его, прошаше благословенія». Отвѣтивъ на вопросъ Афонія, кто онъ такой, Никонъ получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Авфоній же духомъ пророчествія предзря хотяще быти отъ Никона всему православію томительство, вельми отъ всея души воздохнувъ и рече: «пріиде же время, яко и Никонъ въ митрополитахъ! Но волѣ божіи оставляемъ о насъ полезная предусмотряти»... «Егда же приближися блаженный Авфоній митрополитъ къ концу жизни своея, заповѣда сущимъ при немъ, да призванъ будетъ архіерей отъ другія епархіи погребсти тѣло его, Никонъ же да не дерзнетъ погребсти его, зане рече, врагъ есть божій»[2]). «Сказаніе» передаетъ тотъ же случай нѣсколько короче, но называетъ имя архіерея, погребшаго митрополита Афонія: это былъ псковской архіепископъ[3]).

Разсказавъ о разныхъ нововведеніяхъ Никона въ бытность

1) Рукоп. кн. Вяземскаго О. № V, л. 222.

2) Имп. Публ. Библ. Q. I, 1058, л. 48 об. и сл. этотъ эпизодъ у Шушерина (Житіе п. Никона, стр. 17—18) разсказанъ совершенно иначе.

3) Рукоп. кн. Вяземскаго О. № V, л. 222 об.

его въ Новгородѣ, біографы переходятъ ко второму авторитетному въ ихъ глазахъ предсказанію высшаго духовнаго лица о Никонѣ.

Когда Никонъ возвращался изъ Соловецкой обители въ Москву съ мощами св. Филиппа, былъ въ Москвѣ митрополитъ ростовскій и ярославскій, «святый» Варлаамъ, который былъ «лѣты старъ зѣло и благодати святаго Духа исполненъ и пророческимъ даромъ сіяше».

Вмѣстѣ съ другими онъ выѣхалъ на встрѣчу и неминуемо долженъ былъ встрѣтиться съ Никономъ. Идя поддерживаемый ближними людьми (*вар.* архидіаконами), онъ молился: «Господи, не даждь мнѣ видѣти очима моима лютаго сего звѣря (сіесть Никона), хотящаго попрати всю вселенную»[1]). И Богъ услышалъ молитву старца: «егда доидоша мѣста другъ ко другу, яко быти единымъ точію камени верженіемъ, испроси святый Варлаамъ сѣсти въ кресла, и абие предаде духъ свой Господеви, его же возлюби». Авторъ «Сказанія» нѣсколько иначе изображаетъ смерть митрополита Варлаама: «абіе подломишася ему нозѣ и на рукахъ поддержащихъ свою душю Господеви предаде», тѣло же его,—добавляетъ для большей достовѣрности и внушенія страха читателю авторъ,—полгода лежало въ Москвѣ нетлѣнно и цѣло и отвезено такъ въ Ростовъ[2]).

Но, несмотря на такія грозныя предвѣщанія, Никонъ вступаетъ на патріаршій престолъ и энергично принимается за дальнѣйшія нововводительства. Къ этому-то времени и относится большая часть пасквильныхъ разсказовъ, вѣроятнѣе всего сложившихся если не во время патріаршества, то во время пребыванія Никона на покоѣ, когда враги его и его нововведеній подняли головы и начинали думать, что успѣхъ склоняется на

---

1) Такъ въ рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 1058, л. 50 об.; въ «Сказаніи—нѣсколько иначе: «Владыко всесвятый, не даждь ми видѣти сего многомятежника, всероссійскаго смутителя, хотящаго новымъ ученіемъ поколебати святую церковь. Но сотвори со мною знаменіе по велицѣй милости твоей, яко благословенъ еси во вѣки. Аминь». Рукоп. Вяземскаго О. № V, л. 224.

2) Рукоп. кн. Вяземскаго. О, № V, л. 224 об.

ихъ сторону, и потому не щадили архипастыря, распространяя о немъ невѣроятнѣйшія сплетни и слухи.

Прежде всего біографы-старообрядцы, чтобы внушить сугубое отвращеніе къ Никону, бросаютъ на врага обвиненіе въ постыдномъ порокѣ. Въ одномъ изъ сочиненій о Никонѣ, именно въ «Повѣсти о рожденіи, о воспитаніи» и т. д. лишь вскользь упоминается, что въ это время «богоотступная его святыхъ образовъ, Спасова и Пречистыя Богородицы, скверными его ногами попранія и гнусная содомская мужеложства послѣди показашася» [1]).

Приписки къ житію инока Корнилія подробнѣе сообщаютъ о послѣднемъ случаѣ, даже приводятъ свидѣтелей преступленія: «Повѣдаше намъ той же отецъ Корнилій, былъ у того Никона подьякъ меншей статьи, Иванъ, прозваніемъ Ладошка; повѣда другу Феодору, вышеименитому (въ «житіи»), подьяку же, иже послѣди во инокахъ нареченъ бысть Филиппъ, како той окаянный Никонъ его, Ивана Ладожку, подпоя осодомствова. Тотъ же подьякъ все повѣда о себѣ Феодору, како его осквѣрни. Увидавъ же сіе Никонъ, что дѣло его вслухъ вниде, тогда того безъ вѣсти сотвори» [2]).

Разсказъ о томъ, что Никонъ попиралъ образа Спаса и Пречистой, нося ихъ въ башмакахъ, былъ тонко расчитанъ на народное почитаніе образовъ. Этотъ разсказъ извѣстенъ какъ въ отдѣльномъ изложеніи, такъ и въ связи съ другими разсказами, какъ бы дополняя ихъ. Поэтому мы теперь на немъ останавливаться не будемъ, а перейдемъ къ слѣдующимъ разсказамъ, въ которыхъ особенно ярко выражается вѣрованіе въ существованіе тѣсной связи Никона съ діаволомъ-антихристомъ.

По прибытіи Никона въ Москву, было нѣкоему Симеону видѣніе, о которомъ съ нѣкоторыми отмѣнами разсказывается и

---

1) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 1058, л. 47 об.—48.
2) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 401, л. 174 об. и сл.

въ «Повѣсти душеполезнѣй о житіи преп. отца нашего Корнилія» и въ «Повѣсти о рожденіи п. Никона». Приводимъ сначала это видѣніе по первому источнику.

«Тогда въ Чюдовѣ монастырѣ нѣкоему старцу, святу мужу именемъ Симеону, яви Богъ въ нощи видѣніе сицево: Змій великъ пестрый и страшенъ зѣло обогнувся около царскихъ палатъ, главу и хоботъ имѣющь въ палатахъ царьскихъ и шепчющь во ухо царево. Егда же возбудися старецъ, повѣда соборной братіи; старцы же сего не положиша въ забвеніе, но испыташа извѣстно, что въ ту нощь бесѣдова царь съ Никономъ; обаче про то никтоже моглъ вѣдати, что глаголали. Старцы же повѣдоше и другимъ старцемъ; удивляхуся вси и недоумѣвахуся, что хощетъ збытися» [1]). Нѣкоторые же, вспомнивъ выше приведенное предсказаніе патр. Ѳеофана, ожидали гоненія на церковь Христову.

Позднѣйшая, успащенная риторическими отступленіями «Повѣсть», указываетъ, что означенное видѣніе было старцу Михайловскаго монастыря Симеону. Самое положеніе змѣя иное: «обогнувся около царскія грановитыя полаты, яже въ Кремлѣ и ужасную свою лютымъ ядомъ дышащую главу и грозно прегибающійся ошибъ вложивъ на прагъ тоя полаты лежаше». О предсказаніи патр. Ѳеофана — ни слова, а мысли старцевъ по поводу видѣнія излагаются такъ: «Видѣніе же змія того прежде помянутіи Чюдова монастыря старцы не просто быти вмѣняху, поминающе древняго змія въ Византіи съ орломъ сплетшася [2]) его же христіане убиша. И то убо зміево со орломъ сплетеніе преобразоваше впередъ быти хотящее турецкое христіаномъ насиліе. Подобно тому и въ Римѣ по ,а лѣтъ отъ Рождества Христова явивыйся на воздусѣ змій нѣкій страшный, иже явно указа антихристово со отступленіемъ въ Римъ пришествіе. И сіе поминающе бояхуся дабы и въ Россіи не возникло что новое» [3]).

1) Рукоп. кн. Вяземскаго, О. № III, л. 10 и слѣд.
2) На полѣ ссылка: «кнг[а] степ[енная]».
3) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 1088, л. 50—51.

Быть можетъ на возникновеніе такого представленія о царской палатѣ, окруженной зміемъ повліяло извѣстное сказаніе о Вавилонскомъ Царствѣ, съ его городомъ Вавилономъ, окруженнымъ гигантскимъ зміемъ, не пропускающимъ никого внутрь города. Такая невольная реминисценція возможна и потому, что по своему содержанію названная повѣсть должна была особенно нравиться ревнителямъ старины, сплетавшимъ новые разсказы на старой чисто литературной почвѣ.

Всѣ эти разсказы и ихъ толкованія являлись какъ бы подготовительными для признанія въ Никонѣ предтечи антихриста. Въ двухъ же разсказахъ: нѣкоего Димитрія о величаніи Никона бѣсами,—и о сошествіи Никона во адъ, мы видимъ уже какъ бы попытку наглядно подтвердить мнѣніе о таковомъ назначеніи Никона.

Повѣсть о Димитріи, едва не удавленномъ отъ бѣсовъ, извѣстна намъ въ двухъ спискахъ. Пользуемся первымъ изъ нихъ, болѣе новымъ, но сохранившимъ болѣе простой складъ, неукрашенный слогъ, хотя оба списка очень сходны и разнятся лишь въ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

«О томъ же Никонѣ хощу вамъ братія сицеву вещь повѣдати», начинаетъ авторъ свой разказъ, слышанный имъ «отъ соловецкихъ старцевъ и страдалецъ христовыхъ иже скончашася въ Палеостровскомъ монастырѣ»...

«Бысть нѣкто христіанинъ именемъ Димитрій, жительствомъ съ Волги, откуду же и той самъ Никонъ изыде, сосѣдъ бо ему бяше. Некогда Димитрій уловивъ рыбу осетра и восхотѣ тое царю явлена сотворити; вземъ ю и привезѣ къ Москвѣ и помысливъ себѣ не явити царю, но [рече] есть знаемый мнѣ сосѣдъ, патріархъ Никонъ, ему поклонюся. Тако совѣщахъ въ себѣ, и глаголахъ добрѣе быти; иде къ нему и сказа. Онъ же по премногу возлюби и благослови его и повелѣ ему у себе въ полатѣ пребывати, и напоивъ его питіемъ со удовольстіемъ, и въ другой полатѣ повелѣ ему опочивать. Минувшу нѣколико время проспася Димитрій и посмотрѣлъ скважнею въ двери и видѣ

его, окояннаго Никона въ большей полатѣ отъ множества бѣсовъ почитаема, и любезно лобызаема, и на престолѣ посаждаема, и яко царя величающа (*вар.* величаема) и вси поклоняхуся ему глаголюще: «всѣмъ воистину любезный ты намъ другъ есть и наибольшій братъ намъ, яко ты намъ поможе крестъ Маріина Сына изгнати и низложити и одолѣти. Точію се неладно сотворилъ: чесо ради человѣка пустилъ еси къ себѣ спать, видитъ бо вся наша дѣйства. Иди, удави его». Онъ же глаголаша къ нимъ: «другъ ми есть любезной, сосѣдъ ближній». — Паки глаголаша: «иди, удави».— Онъ же отвѣща: «азъ шедъ искушу его». И пришедъ къ нему нача его побуждати. Той же претворися весма, аки спя и ничтоже свѣдуща. Никонъ приближися къ нему и нача иглою копать пяты ногъ спящаго, и не единократно искушая его. Спящій, почювъ болѣзнь, и весма отъ великія нужды укрѣпися и нача роптать всячески, глаголя: «азъ отцу моему Никону объявлю!» — обаче паки нача спать. Никонъ же отыде и возгрохота. И егда Никонъ пойде въ соборъ, мене же остави, аки спяща; азъ же востахъ, истрезвихся и ощутивъ болѣзнь въ пятахъ моихъ и едва возмогъ ходить, и такъ воспріяхъ ужасъ». Но этимъ не кончились страхи Димитрія. Особенно убѣдило его въ дѣйствительности видѣннаго обстоятельство, описанное Кирикомъ въ особомъ разсказѣ: это образъ и крестъ въ туфляхъ Никона. «И шедшу ми», разсказываетъ Димитрій: «въ ложницу, и видѣвъ у мѣста ступни чернаго бархата, и посмотрихъ внутрь и выняхъ стелки добраго сукна и начахъ згибати и ощути въ нихъ нѣчто; и мало разрѣзахъ и видѣхъ у окояннаго врага божія во единой стелки образъ пресвятыя Богородицы изъ тонкаго сребра, во другой — крестъ трисоставный, такъ же исъ тонкаго сребра. И паче велми устрашися и въ большее недоумѣніе и страхъ впадахъ, помышляя, како отъ друга своего избыть. И егда пріиде изъ собора и вопроси мя, како или видѣлъ что, и глагола ему: «ничтоже не помню, владыко святый, токмо пяты болятъ и опохмелиться хотятъ». И той нача смѣятися, и опохмеливъ мя

довольно и благословивъ, отпусти мя съ миромъ; и пріидохъ во своя и вся случившаяся многимъ повѣдахъ» [1]).

Человѣку, угостившемуся и притомъ «со удовольствіемъ», конечно, могло привидѣться многое подобное тому, что̀ видѣлъ Димитрій, и объяснить появленіе приведеннаго только-что разсказа — не представляетъ ничего затруднительнаго.

Гораздо сложнѣе по составу и вмѣстѣ съ тѣмъ проще по своей формѣ, литературно необработанной, является найденная нами въ рукописи Кіевской Духовной Академіи повѣсть о схожденіи души Никона въ адъ, въ то время, какъ тѣло его лежало въ келіи «аки мертво». Мы сообщаемъ эту повѣсть полностью (лишь измѣняя знаки препинанія и раскрывая титла), такъ какъ до сихъ поръ она была неизвѣстна въ печати: даже въ трудѣ П. С. Смирнова, богатомъ данными, извлеченными изъ рукописей, о ней нѣтъ упоминаній.

«Повѣсть о ерархѣ нашемъ Никонѣ чюдна зѣло, достойна слышанію сотворити, да познаютъ вси боящіися Господа и не надѣются на его дѣйствіе.

«Что сей ерархъ сынъ сопротивника діявола отца нижайшаго сатаны; скрыша бо въ сосудѣ свой лукавый сію же повѣсть, да не мнитъ нѣкто ничто же быти, но истинно бысть; но мы, смиреннiи иноцы, во объявленіе произведемъ, да не покровенно будетъ жало зміево смертоносное, наче же да познано будетъ и не утаено, тако бо Богу изволившу объявити и на среду извести; мы же нынѣ, иноцы, осуждены на смерть Бога ради и вѣры Его православныя и сѣдимъ въ оковахъ на лѣдникѣ, ожидаемъ съ часу на часъ смерти; и нынѣ, помянувше писаніе братьскаго паденія, паче своея души оплаковати отступленіе отъ вѣры и умершихъ вѣрныхъ безвѣріемъ (?). Нынѣ пришедшій братъ къ намъ, ближній слуга и вѣрный отъ страха нашего, (бѣ у него служаше усердно, паче иныхъ), повѣда намъ тайну сію; нынѣ же и онъ съ намъ во

1) Рукоп. кн. Вяземскаго О. № III, л. 35 об. и сл., и Имп. Публ. Библ. Q. I, № 401, л. 175—177.

узахъ связанъ бысть, смерти же ожидаетъ за вѣру Христову. Во дни сіи сказаше намъ сіе, како нашъ ерархъ чюдодѣйствитъ. Нѣкогда скидываетъ съ него сапоги и обрѣте оу него во единомъ сапозѣ крестъ животворящій под пятою, а у другія ноги положенъ образъ Богородицынъ, вышитый шелкомъ зѣло хитро и с подписаніемъ, и трость, и копіе. Онъ же веемъ, и зѣло убояся, и не смѣлъ его вынять, и печаленъ бысть зѣло и не возвѣсти никому же, помышляя в себѣ точію, что будетъ той антихристъ, сынъ преисподняго отца сатаны, погубитель вѣры православныя и всей вселеннѣй врагъ и томитель. Паки, мало время спустя, другое чюдо бысть. Во утріи отца своего ерарха оумерша и бездушна на одрѣ лежаща и покрыта яко бы скатертію зрю недвижима и безъ дыханія и безгласна лежаща; три часа ходилъ около его — мертвъ бывше, не смѣю коснутися: страхъ велій мя обдержитъ. поиде по обычаю на дворъ монастырской, повѣдати хощу прочимъ, что мертвъ лежитъ ерархъ нашъ Никанъ. Входящу ми на дворъ, и видѣ врата отворяюща, отецъ же ерархъ въ колесницѣ сѣдя и слуги многими обстоимъ. Азъ же видѣхъ его страхомъ яко мертвъ себѣ вмѣнихъ. И невѣмъ, что творити или глаголати; отложихъ мало по малу страхованіе и падохъ пред нимъ ницъ и повѣдохъ его под руки в кѣлію его. Егда затворихъ двери и видѣхъ его сѣдяща на стулѣ, а мертвеца не стало, — и тогда наиболѣ страхъ нападе на мя: стояти не могу, а спросити не смѣю. Онъ же видѣхъ мя оужастію объята рече ми: «что тако трепещеши чадо?» Мнѣ же ничтоже вѣщающа, токмо падохъ на землю. Онъ же паки рече ми: «что тако лице твое побледнѣ». Азъ же со страхомъ нача его вопрошати: «отче, како в вечеръ на одрѣ легъ, а в нощи путь шествова, а тѣло твое на одрѣ мертво лежало?» Онъ же, мало осклабився, и рече: «чадо, буди ми вѣренъ до конца, заклинаю тя отцомъ моимъ и Богомъ, что никому не возвѣсти; бывшее ми явлю ти нынѣ». Азъ же падохъ пред нимъ: «повѣдай ми отче, могу сію тайну носити». Онъ же нача подробну сказовати. «Слыши, чадо, и преже ты оувѣдѣ тайну

мою и никому не возвѣсти и тепѣрь слыши, гдѣ шествіе мое было. Былъ я во адѣ, кромѣ плоти моея; совѣтовали со отцемъ и со князи его: нынѣ время ему настало царствовати на земли[1]) разширися, что дѣ власть наша распространися, что мои дѣ предотечи оуготовали мѣсто сыну моему, и вся дѣ воля моего хотѣнія исполнися, и даю ти власть [да?] во всякой ихъ мнѣ работаютъ и служатъ души. И ты сотворилъ еси оугодное мнѣ— во всѣхъ пѸтехъ духовныхъ бразды шествіи моему пути, да иже ходящіи по пути сему ко мнѣ пріидутъ и славятъ мя.»

«Сынѣ мой и сосудѣ мой, оудобрю тя и возвеличю тя, яко ты любезно содѣла ми, превратилъ еси солнце на западъ, положи тму за кровъ свѣта, и горесть моя оусладися тобою, сынѣ и дѸше мой любимый. Токмо исполни мое хотѣніе любезно, да егда повелиши мыть, то мый, а имя мое нарицай, на главы не вѣшай оужасти моея[2]) на нитѣ; егда время есть человѣку ясти хлѣба,—тайнаго знаменія страшнаго не клади на немъ!»—

Я же к нему рекъ: «все оустроилъ по твоему хотѣнію и все обратихъ, яко ты повелѣваешь, но сего не могу сотворити, чтобы имя твое на помытіи бани именовати; но трижды помыти велю и трижды имя нареку тройческое существо, да покрыю ипостасно». Онъ же иже слыша свирѣпо на мя возрѣ, я же паки рече к нему: «Не бойся отче мой, оуже оустроено все на твое хотѣніе: токмо ради зрящихъ покрыю вышнимъ именемъ, да не всякъ нашу глубину вскорѣ познаетъ, ино иже мноѕи избранiи подъ нашимъ знаменіемъ оукровени будутъ, и ѕасимъ будетъ нашъ корень, а по корени и вѣтви: аще вѣтвіе и не наше, но корень нашъ. Не страшися отче мой, духъ небесный не пріидетъ к намъ и никоего помѣшательства не имать сотворити намъ, понеже въ молитвахъ твое имя въ кратцѣ под закономъ много свойствено тебѣ». И тогда отецъ скочи со престола, возложи вѣнецъ на главу мою. —«Радость ты моя, веселіе на престолѣ моемъ, яко Сынъ Маріинъ побѣди мое царьство, ты же,

1) Вѣроятно здѣсь, что-то опущено предъ словомъ—разширися.

2) Т. е. креста (послѣ крещенія).

отецъ, адъ полонъ сотвориши[1]) его». И нача многократно лобызати мя и повелѣ кровь святыхъ проливати».

«Той же оученикъ со слезами сіе повѣди при многихъ братіяхъ, сіе же отцы святіи слышавше страха и слезъ полны быша и сотворима, что которые преже паденія и настатія времени сего злаго быша христіяны отступившія от православныя вѣры к Никонову костѣлу, то тѣхъ повелѣваше пріимати подъ началъ. А которые родшася послѣ паденія — завѣтъ положиша паки крестити безъ сомнѣнія, понеже числити его ереси невозможно, что святое писаніе всѣхъ еретиковъ презлѣйше ,аχѮѕ (1666) будетъ, что намъ Господь рече отъ начатку созданія божія не быша таковое время. И паки пишетъ Петръ Дамаскинъ: «возстанетъ старецъ на сѣверной странѣ, всѣхъ еретикъ древнихъ ересьми превзыдетъ и вѣру Христову побѣдитъ и истинну попереть и возненавидитъ и лжу возлюбитъ» [2]).

Цѣль, съ какой была составлена эта повѣсть, обнаруживается изъ ея содержанія: это—желаніе оправдать и доказать необходимость перекрещиванія перешедшихъ въ расколъ «никоніанъ».

Все изложенное старцами со словъ слуги Никона,—вѣроятно того Кирика[3]), который не мало распускалъ слуховъ о своемъ бывшемъ господинѣ — не имѣя и тѣни исторической вѣроятности, отражаетъ въ себѣ народныя вѣрованія и представленія объ оборотняхъ, весьма распространенныя и нынѣ. Это происшествіе, разсказанное «при многихъ братіяхъ», о схожденіи патріарха Никона во адъ, могло получить тѣнь вѣроятія только при сильной увѣренности и разсказчика и слушателей въ томъ, что Никонъ дѣйствительно есть «предотеча» антихриста.

На участіе Кирика въ написаніи этой повѣсти указываетъ

1) Рукоп.: «сотвошиши».

2) Рукоп. Церковно-Археол. Музея при Кіевской Духовной Академіи, № 54 (Аа. 150), л. 61 об.—67.

3) А можетъ быть и Іоны, о коемъ ниже.

присутствіе здѣсь въ сокращеніи разсказа его о крестѣ въ туфляхъ патріарха. Соловецкіе же старцы — какъ видно изъ всего обзора повѣстей о Никонѣ—всегда принимали дѣятельное участіе въ распространеніи всяческихъ злобныхъ вѣстей о ненавистномъ имъ нововводителѣ.

Основываясь на началѣ повѣсти, можно догадываться о мѣстѣ написанія ея, а также и о времени. Кто были эти сидящіе въ оковахъ на ледникѣ, ожидая казни?

Нашу повѣсть, какъ кажется, можно поставить въ связь съ событіями 1676 г., когда по взятіи Соловецкаго монастыря десять человѣкъ было сослано въ Пустозерскъ; діаконъ Ѳеодоръ такъ говоритъ объ этомъ: «и того лѣта прислано къ намъ въ Пустозерье, въ ссылку Соловецкаго монастыря того десять человѣкъ трудниковъ» [1]).

Въ той же рукописи, изъ которой мы извлекли повѣсть, далѣе говорится: «той Никонъ злокозненный Аввакума прогопопа въ ссылку сослалъ и иныхъ (л. 72) съ нимъ священники пострадаша за вѣру Христову. И повелѣ Никонъ злый мучити непріемлющихъ его и потомъ къ намъ въ Соловецкой монастырь пріиде ученикъ его и слуга и повѣда намъ его злый замыслъ со Арсеніемъ (грекомъ) злымъ еретикомъ и со студитомъ зміемъ коварнаго врага Божія, совѣтника сатанина, Титина [2]) преисподняго».

Съ точки зрѣнія чисто литературной эта повѣсть не отличается достоинствами и имѣетъ видъ черноваго наброска или протокольной записи. Основной сюжетъ, какъ и подробности являются въ значительной степени отзвуками популярныхъ памятниковъ древнерусской литературы, особенно чтившихся ревнителями старины. Схему схожденія въ адъ могло дать чрезвычайно распространенное въ спискахъ XVII в. (извѣстно съ XII в.)

---

1) Матеріалы для ист. раск. VI, 94.

2) Титинъ есть «якоже Иполитъ рече о немъ: агнецъ неправедный, злый вождь, потрясетъ велми Титинъ, еже есть преисподній бѣсъ; то есть имя самое звѣрю и лѣта ҂ха҃з. годъ дондеже пріидетъ и воцарится въ третиемъ Римѣ»... Рукоп. кн. Вяземскаго О. № VI л. 168.

«слово Евсевія Самосатскаго о сошествіи во адъ Іоанна Предтечи», представляющее собой переработку Никодимова Евангелія. Нѣкоторыя частности объясняются тѣмъ же путемъ. Такъ въ эпизодѣ о чествованіи Никона мы имѣемъ повтореніе чисто эпическаго характера: въ повѣсти или «словѣ о сотвореніи злаго душепагубнаго хмельнаго питія» сатана, услышавъ объ изобрѣтеніи «пьянаго бѣса»—«воста с престола своего и з бѣсы поклонися ему до земли и воздаша ему хвалу и честь вѣлію: и посадиша его на кр҃тле своемъ и положꙋ (?) на главу его вѣнѣцъ, и облече его в порфирꙋ, и даде ему || скиепертъ цр҃кій и нарече имя емꙋ піʌный бѣсъ»[1]). Вѣроятно эта картина возникла не безъ вліянія подробностей Слова о чародѣѣ Меситѣ, читающагося въ прологѣ подъ 2 декабря, повліявшаго и на детали повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ.

Трудно сказать въ какой связи стоитъ разсказъ келейника объ обѣщаніи Никона говорить про себя молитву при крещеніи не Богу, но діаволу. Съ этимъ мѣстомъ можно сопоставить мѣсто изъ посланія протоп. Аввакума «...жаль мнѣ младенцевъ (крещенныхъ по новому): а воду святить аще и истинной крестъ погружаетъ, а молитву диявольскую говоритъ»[2]).

Формы народнаго языка, пробивающіяся сквозь условную церковно-славянскую манеру, подтверждаютъ предположеніе о происхожденіи этой записи сказанія гдѣ нибудь на сѣверѣ—можетъ быть въ самомъ Пустозерскѣ. Упоминаніе на л. 72: «страдалецъ Аввакумъ священный мужъ», а не «священномученикъ» или «священнопротопопъ», какъ именуется онъ въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ старообрядческой литературы, указываетъ, можетъ быть, на древнее происхожденіе нашего сказанія и позволяетъ отнести его къ концу XVII в.

Ненависть къ Никону, полная фанатизма, преслѣдовала его и въ заточеніи. И тамъ онъ казался предотечей антихриста, а инымъ—и самымъ антихристомъ, лишь временно удалившимся

1) Рукоп. Синод. Архива № 834, сборн. XIX в. 8° № 70 об.—71.
2) Рукоп. кн. Вяземскаго, О. № VI, л. 243.

отъ міра, чтобы снова явиться во всеоружіи губительной злобы.

Опираясь на слова монаха Іоны, жившаго при Никонѣ въ ссылкѣ, разсказывали о его чудесныхъ и таинственныхъ сношеніяхъ съ дьяволомъ.

Въ двухъ верстахъ отъ Ѳерапонтова монастыря на озерѣ, на каменномъ островѣ Никонъ водрузилъ крестъ и къ нему часто по захожденіи солнца подъѣзжалъ на лодкѣ и волшебными заклинаніями вызывалъ діавола обнималъ и цѣловалъ его, а потомъ обыкновенно распрашивалъ, что о немъ, Никонѣ, говорятъ въ народѣ.

«Живыи же в Ферапонтовѣ обители и еще дышаше лукавство лицемѣрія. ѡбрѣте бо мѣсто на езерѣ томъ идѣ<же> обитель стояше, в разстояніи от монастыря яко два поприща. И ту набра каменну луду или островъ, длиною дванадесяти, шириною же пяти саженъ, и ту водрузи крестъ [съ] надписаніемъ яко поставленъ бысть той крестъ никономъ <па>тріархомъ сущи въ заточеніи.

«И убо сій змій лжепророкъ являяся людемъ креста Господня усердный почитатель, а распятаго на томъ Христа и рождашія его богоматере святыхъ образовъ презлѣйшій тайный поругатель [1]). Ибо и сего креста поставленная козни, чесо ради устроена, слышите. Понеже убо сущу въ монастырѣ подъ присмотромъ архимандрита и головы [2]) трудно бяше ему богоотступно съ непріязненными духи бесѣдовати; того ради и умысли поставити сію луду [небяше бо удобна ему острова (л. 70 об.) на езерѣ томъ] и на ней крестъ водрузи, да подъ именемъ поклоненія и прогулу получитъ отъ хранящихъ его властей свободу, на ту состроенную имъ луду ѣздити. На той же островъ отъѣхавъ, часто по захожденіи солнца со своимъ ему единомудреннымъ воскресенскаго монастыря монахомъ Іѡною, хитрымъ рѣсчикомъ сущимъ и своими скверными волшебными

1) Рукоп.—«почитатель»—очевидно ошибочно.

2) Аггея Шепелева.

призываніями призываше діавола; той же исхождаше к нему во образѣ змія страшна и велика, его же Ніконъ объемъ цѣловаше скверными его усты, въ смертоносны и ядомъ кипящіе уста цѣловаше, и вопрошаше, что о немъ въ народѣ глаголютъ, и что гдѣ дѣется. Той же вся сказоваше ему и тако бесѣдуя съ непріязнію, яко съ возжелѣннымъ своимъ другомъ, возвращашеся во опредѣленное ему мѣсто» [1]).

Интересно то, что источникомъ подобнаго нелѣпаго разсказа былъ по словамъ автора «Повѣсти» — вышеупомянутый монахъ Воскресенскаго монастыря, Іона, соузникъ патріарха: «По учиненнымъ же отъ Никона тому монаху Іонѣ злобамъ, о вышепоказанномъ его Никоновѣ со зміемъ дружелюбіи и о прочихъ его богопротивныхъ дѣйствіяхъ, елика сотвори еще живый в Воскресенскомъ монастырѣ, и пребывая въ Ферапонтовѣ множае трехъ сотъ подозрѣній выше реченному головѣ Шепелеву писменно показа. Той же Шепелевъ представи о томъ великому Государю Царю Өеодору Алексѣевичю и патріарху Іоакиму».

Не менѣе куріознымъ представляется и то, что: «Они-же слышавше сія послаша въ Ферапонтовъ монастырь Чюдова монастыря архимандрита Павла да дворянина Ивана Желябоскаго для испытанія о томъ аще есть показуемое истинна. Они же пришедше (л. 71) испыташа опасно о дѣемыхъ Никономъ злобахъ и ясно показася во всѣхъ истинна. Того ради по указомъ Государеву и патріаршу въ лѣто ҂зр҃пд-е іюня во в҃ день посланъ бысть в заточеніе въ монастырь преподобнаго Кирила бѣлозерскаго» [2]).

Не знаемъ, сохранились ли документальныя свидѣтельства о такомъ посольствѣ изъ Москвы въ Ферапонтовъ монастырь, но самый слухъ этотъ косвенно указываетъ на систему доносовъ и шпіонства, которымъ былъ окруженъ развѣнчанный архипастырь.

---

1) Рукоп. Имп. Публ. Библ. Q. I, № 1058 л. 70 и обор.

2) Тамъ-же.

Если въ разсказѣ о житіи патр. Никона въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ составитель «Повѣсти» могъ пользоваться какимъ то неизвѣстнымъ намъ документомъ, то нижеслѣдующій эпизодъ, достойно завершающій рядъ нелѣпыхъ и оскорбительныхъ для патріарха толковъ, вѣроятнѣе всего почерпнутъ изъ устныхъ разсказовъ и едвали не сочиненъ самимъ авторомъ «Повѣсти». Это разсказъ о напрасной попыткѣ Никона, бывшаго уже въ Кирило-бѣлозерскомъ монастырѣ, исцѣлить слѣпоту.

«Случило ся нѣкоей боярыни, въ предѣлѣхъ бѣлозерскихъ сущей, на единѣмъ оцѣ бѣльмо имѣти. Той же скверный обѣщася ей бѣльмо то со ока согнати. Она (ркп. Он) же, желающи уврачеватися, предаде себѣ тому звѣрю на врачеваніе; юже онъ привяза крѣпко к скамьи лицемъ кверху развязавъ ея руцѣ и позѣ нестерпимыя ради ярости лекарства. Она же жестоко часъ доволенъ страдавши съ великимъ воплемъ, [по]томъ въ малую отвагу пріиде. Онъ же напоивъ ю виномъ [ради] лучшаго способу къ терпѣнію болѣзни, и потомъ тако связану сущю проблуди вмѣсто мзды врачемъ даемыя».

Въ заключеніе отмѣтимъ одно обстоятельство, которое, по мнѣнію приверженцевъ старины, обнаруживало діавольское происхожденіе Никона и его связь съ зміемъ, имѣющимъ въ последнее время прельстить человѣчество.

Въ 65-й статьѣ Соловецкой челобитной говорится о Никонѣ слѣдующее: «да онъ же Никонъ, бывшей патріархъ завелъ въ твоемъ государствѣ, россійскомъ царствіи самое худое дѣло и небогоугодное: вмѣста жезла св. Петра чудотворца доспѣлъ святительскіе жезлы съ проклятыми зміями погубльшаго прадѣда нашего и весь міръ, юже самъ Господь Богъ нашъ прокля отъ всѣхъ скотъ и звѣрей земныхъ, а нынѣ они тое проклятую змію освѣщаютъ, и почитаютъ ю паче всѣхъ звѣрей земныхъ и скотъ, внося во святилище Божіе и во олтарь и въ царскіе двери, аки нѣкое освященіе. И всю божественную съ тѣми жезлами, иже съ проклятыми зміями содѣянными, дѣйствуютъ и вездѣ, яко драгоцѣнное сокровище предъ лицемъ своимъ на

показаніе всему миру тѣхъ змій [1]) носити повелѣваютъ, ими же прообразуютъ погребеніе нашея святыя православныя вѣры христіанскія. И то онъ, Никонъ, завелъ не по преданію святыхъ отецъ, но своимъ злохитрымъ умышленіемъ» [2])...

Возраженія на эту выдумку со ссылкой на Увѣтъ Духовный патр. Іоакима, 1682 и на обычай греческой церкви приведены въ «Указателѣ Патріаршей ризницы» [3]).

Нашъ обзоръ конченъ. Быть можетъ, найдутся и еще повѣсти, сложенныя въ средѣ старообрядцевъ о патріархѣ Никонѣ, но онѣ едва ли много прибавятъ къ тому, что̀ извѣстно уже теперь. Большинство составителей обширныхъ повѣстей о патріархѣ Никонѣ только собираютъ и различно комбинируютъ одинъ общій всѣмъ матеріалъ. Въ «Повѣсти» конца XVIII в. мы не встрѣчаемъ новыхъ разсказовъ: позднѣйшіе сочинители, уже видимо охладѣвъ непосредственно къ личности Никона, не вдохновляемые злобою дня, даютъ лишь риторическій пересказъ ранѣе извѣстныхъ росказней.

---

1) Рукоп.: «зиніѣ».
2) Рукоп. Моск. Публ. и Рум. Музея № 252, л. 34 об. и мн. др.
3) Преосв. Савва, Указатель. 1863, стр. 33—34.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Изъ обзора содержанія разсказовъ о патр. Никонѣ становится очевидно, что первоначально они ходили особо въ тетрадкахъ или листахъ, и лишь позже были объединены въ особыхъ сказаніяхъ и повѣстяхъ о Никонѣ, или вошли въ составъ такихъ обличительно-историческихъ сочиненій, какъ Житіе инока Корнилія. Какъ матеріалъ историческій и историко-литературный, прилагаемъ къ нашему обзору нѣсколько текстовъ, извлеченныхъ изъ рукописей собранія кн. Вяземскаго и Императорской Публичной библіотеки.

I.

На первое мѣсто поставимъ рукопись Импер. Публ. библ. Q. I, № 401. Здѣсь помѣщено «Житіе Корнилія» (л. 151—174 об.), къ которому особо приписаны статьи о патр. Никонѣ (л. 174 об.—183 об.), списанныя, какъ гласитъ запись, въ Архангельскѣ: «списаны в Архангельскѣ марта в 6 день 1778 года». (л. 183).

Первая приписка — объ осодомствованіи Ивана Ладошки (см. выше).

Вторая — о видѣніи игуменомъ анзерскаго монастыря (имя не названо) змія на шеѣ Никона во время чтенія Евангелія (см. выше).

Третью (варіантъ разсказа о Димитріи съ Волги), четвертую и слѣдующія приводимъ вполнѣ.

л. 175. Хощу же вамъ братіе и сицеву вещь повѣдати о Никонѣ, прилучижеся сицева вещь, дивна зѣло, и ужаса исполнена, юже
об. л. 175. скрыти || не подобаетъ, но любящимъ и почитающимъ древнее благочестіе повѣдати полезно, яко же пишетъ, тайна царева добро есть таити, божія же чюдодѣйствія проповѣдати, еже отецъ Корнилій самъ слыша, и намъ повѣда, чадомъ своимъ. Слыша убо отъ соловецкихъ отецъ и страдальцевъ христовыхъ, иже скончашася въ Палеостровскомъ монастырѣ, имъ же приввиде отъ сицева случая, яже суть предлежитъ къ слушанію хотящихъ вѣдати о семь. Бысть нѣкто христіанинъ, именемъ Дмитрій, жительствомъ съ Волги, отнюду же и той самый Никонъ изыде, сосѣдъ бо ему бяше. Нѣкогда той Димитрій уловивъ рыбу осетра и восхотѣ тоя царю явленна сотворити, വземъ и привезъ къ Москвѣ, и помышляхъ въ себѣ, не явити царю: что де царю, явити, но есть знаемый мнѣ сосѣдъ, патріархъ Никонъ, ему поклонюся. Тако совѣщахъ въ себѣ и глаголахъ добрѣ быть, иде къ нему и сказа; онъ же по премногу возлюби и благослови его и повелѣ ему у себѣ въ полатѣ пре-
л. 176. бывати, напоивъ его питіями || съ удовольствіемъ, и въ другой каморѣ повелѣ спати. Минувшу нѣкому времени проспася Димитрій, посмотрѣ скважнею въ двери, видѣ сего окаяннаго Никона въ болшей полатѣ отъ множества бѣсовъ почитаема, и любезне лобзаема и яко царя величаема, и вси поклоняхуся ему, глаголющимъ всѣмъ: воистинну ты любезный намъ другъ есть, и болшій братъ нашъ, яко ты намъ поможе крестъ Маріина сына изгнати и низложить, и преодолѣти, точію се неладно сотвори: чесо ради пресна человѣка пустилъ еси къ себѣ спати, видить бо вся наша дѣйства; иди, удави его да не повѣсть сего». Онъ же глаголаше къ нимъ: «другъ ми есть достоиный и сосудъ ближній». Паки глаголюща: иди и удави. Онъ же отвѣща: азъ шедъ искушу его. И пришедъ къ нему, нача его побуждати, той же претворился весьма аки спя и ничтоже свѣдуща.

Никонъ приближися къ нему и нача его иглою колоти пяты
об. л. 176. ногъ спящаго, и не единократно искушая его || и спящій, почювъ

болезнь и весма отъ великія нужды укрѣпися и нача которати и ратити всячески и поносити творящаго надъ нимъ: Азъ другу моему отцу Никону объявлю, обаче паки нача хрыдати и спати. Никонъ же отиде возгрохота. И егда Никонъ поиде въ соборъ, мене же остави аки спяща. Азъ же востахъ и истрезвихся, ощутихъ болѣзнь въ пятахъ своихъ и едва возмогохъ ходити и тако воспріяхъ ужасъ, и шедшу ми въ ложницу и видѣхъ у мѣста ступни черного бархата, и посмотрѣхъ внутрь и выняхъ стелки добраго сукна и начахъ згибати и ощутихъ въ нихъ нѣчто, и мало подпорохъ и видѣхъ у оканнаго врага Божія во единой стельки образъ Пречистыя Богородицы ис тонкаго серебра, во другой — крестъ тричастный, такоже исъ тонкаго серебра и паче велми устрашихся и въ больше недоумѣніе и страхъ впадохъ, помышляя, како отъ друга своего избыти. И егда пріиде изъ собора, и вопроси мя, како или что видѣхъ. И отвѣщахъ: ничтоже, не помню, || владыко святый, токмо пяты болятъ и л. 177
опохмелиться хотятъ. И той нача смѣятися и опохмеливъ его довольно, благословивъ и отпусти съ миромъ и вся прилучшаяся ему многимъ повѣдахъ.

Паки о немъ же Никонѣ волцѣ и хищницѣ и богоотметникѣ достовѣрное свидѣтельство, иже пастырь бысть во овчей кожи предотеча антихристовъ. Христосъ Спаситель, Богъ нашъ, предвозвѣсти намъ святымъ евангеліемъ о безбожныхъ еретикохъ, глаголя сице: вънемлите себе отъ лживыхъ пророкъ иже приходятъ къ намъ во одежахъ овчихъ, внутрь же суть волцы и хищницы, ихъ же отъ плодовъ познавайте, сирѣчь отъ словесъ и отъ ученія ложна. Понеже въ прежнія времена мнози быша еретицы въ восточныхъ и прочихъ земляхъ ихже обличиша и прокляша вселенстіи и помѣстніи собори; въ нынѣшнее же послѣднее время явился сосудъ всякія горести и злобы, врагъ Божіи Никонъ, недостойны всякаго святительскаго названія, отъ плодовъ дѣлъ своихъ || Его же мнози боголюбивіи отцы от меншія четы ревностно обличаху враги божія и всякія правды. об. л. 177.
Но отъ болшихъ исцѣляемъ бысть, сиречь защищаемъ. Понеже

сами боляху язвою неисцѣльною же—нечестіемъ. Пораженныхъ отъ него Никона прежде его же нынѣ, аще испровергоша, но отъ проказы его очистити себе не возмогоша, понеже плотское мудрованіе вражда есть Богу и его закону не можетъ покоритися, якоже глаголетъ апостолъ. Плоды же Никоновы злыя явлени суть всей вселеннѣй яко церковь христову роздра и законы ея извѣстныя истреби и непотребны сотвори, и цареву душу возмути и весь сигклитъ его восколеба нечестіемъ своимъ и междоусобную брань во едновѣрныхъ сердцахъ положи и кровопролитія многа содѣла. Богоотметство же его сіе есть и кромѣ превращенія догматъ церковныхъ.

Егда же бывшу тому змію лукавому на патріаршествѣ, келейнику у него тогда взяту и нехотящу ему святу мужу, Соловецкаго монастыря болнищному келарю старцу Кирику именемъ
л. 178. немъ, пришедшу || ему тогда изъ Анзерскія пустыни монастырьскихъ ради нуждъ, и той Никонъ, врагъ креста Христова, зная его и прежде сего тамо старца Кирика, велико послушаніе стяжавша, и удержа его окаянный Никонъ въ патріархіи жити силою. Во единъ же отъ дней старецъ Кирикъ видѣ патріарши башмаки, бархатныя переды и восхотѣ въ нихъ позрѣти, чюдяся въ себѣ о семъ, понеже видѣ драгую вещь на ногахъ носиму, и позрѣ въ нихъ, и видѣ нашито на стельке крестъ тричастный Господа нашего Іисуса Христа, а на другой стелькѣ вышито воплощеніе Пречистыя Богородицы съ превѣчнымъ младенцемъ. И отъ страха сего старецъ Кирикъ возмятеся душею и вельми вострепета и лицемъ измѣнися. Богоотметнику же Никону страха ради не рече о семъ, да не потребленъ будетъ отъ него, и преста ясти и пити отъ страха. Врагъ же Христовъ Никонъ, вопрошая старца Кирика, чесо ради не яси; он же претворився въ
об. л. 178. болѣзнь тяжку и рече: немогу владыко зѣло || и нача притужно проситися у него на свое обещаніе, да тамъ гробу преданъ буду во своей обители. Отступникъ же Никонъ отпусти его скоро отъ себе, и грамоту даде ему ея же ради вины пріиде. Старецъ же Кирикъ, пришедъ въ монастырь и повѣда о томъ отцу сво-

ему духовному священноиноку Виталію, о томъ страшномъ и необычномъ дѣлѣ и отецъ его духовный весма накрѣпко истяза о семъ, той же паки исповѣда и при всей братіи, глаголя, яко Никонъ врагъ Божій и богоотметникъ есть, яко образъ воплощенія Пресвятыя Богородицы съ превѣчнымъ младенцемъ и крестъ распятаго за ны господа Іисуса Христа подъ стельками носитъ въ башмакахъ, и сей есть явный врагъ Божій и богоотметникъ Христовъ.

Еще же и вторый свидѣтель сему дѣлу, ученикъ его Никоновъ, именемъ Андреянъ старецъ, многи лѣто жилъ съ нимъ, еще и до патріаршества. И тотъ инокъ Андреянъ такожде видѣ у Никона, уже въ патріаршествѣ || бывшу ему врагу Божію, въ л. 179. сапозѣхъ его подъ стельками такожде крестъ Христовъ и подъ другою воплощеніе Пресвятыя Богородицы образъ, литый изъ мѣди тонцѣ; той ученикъ его Андреянъ страхъ Божій имѣя въ сердцѣ своемъ ужасеся сему зѣло, отъ того часа и возненавидя его и нача ему перековати во всемъ келейномъ послушаніи, обаче обличити его не смѣя, да не обезглавленъ будетъ отъ него. И многажды біяше его за пререканіе, и разъярися нанъ зѣло, и окова его нозѣ желѣзы тяжкими и оловомъ заливъ, и повеле заточити въ палеострожской монастырь па Онегу, въ немъже святый Зосима бѣ постриженъ. Той же инокъ Андреянъ самъ всѣмъ повѣда, отцу своему духовному, священноиноку Феодосію, и намъ же самъ сказа все поряду о предтечи и самомъ антихристѣ: «воистинну Богъ сему свидѣтель, яко не лгу на него, по страшномъ судѣ Божіи отъ вѣрныхъ бо и святыхъ мужей о семъ слышахъ и писахъ сія. Онъ же окаянный Никонъ, хульникъ святыхъ || отецъ нашихъ, лаялъ преподобнаго отца нашего Ефро- об. л. 179. сина Псковскаго, за трисвятую аллилуію, сице рекъ старцу Григорію Неронову. указавшему ему старцу Григорію на преподобнаго Ефросина, о аллилуіи, егда начали четверити аллилуію, и онъ врагъ божій Никонъ въ то время глагола про святаго Ефросина: «тотъ де дуракъ блядинъ сынъ былъ» и той старецъ самъ сказывалъ о семъ и самому царю вѣдомо было, при вла-

стяхъ въ соборной церкви, при всемъ соборѣ, да покрываетъ врага Божія во всякой неправдѣ. Аще и просившимъ праведнаго суда и хотящимъ его обличити, но не даетъ.

Онъ же Никонъ преподобнаго отца Іосифа Волоколамскаго злословилъ зѣло и поносилъ и ябедникомъ называлъ, такова богословца, и не поклонялся образу его святому. О семъ глаголаша ученицы его Никоновы.

Той же Никонъ, волкъ и отступникъ, грабя себѣ у святыхъ
л. 180. монастырей села и вотчины || и у князей меншихъ отъемля всяко, таяжде и къ своимъ прилагая и разширяя, яко князь міра сего, множествомъ рабъ и слугъ величался, меньшія житницы разоряя и большая созидая и множество брашенъ уготовляя на многая лѣта, чюжею кровію и потами веселяся на всякъ день міра сего красотами, а Христова словеса не помня, еже рече Спасъ къ хищнику оному: «безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже еси уготовалъ кому будутъ»; и таковымъ насиліемъ своимъ многія монастыри оскорбилъ и разорилъ, и помѣстныхъ князей ослезилъ, и маломощныхъ обидилъ, и земледѣльцевъ простыхъ христіянъ тяжкими труды умучилъ, созидаючи свой горкой Іерусалимъ, яко и оны фараонъ мучитель израильтянъ во Египтѣ отяготилъ древле.

Рекъ святѣйшій патріархъ Паисій іерусалимскій о Никонѣ сице: «Когда патріархъ сѣверной Никонъ началъ строить но-
об. л. 180. вой Иерусалимъ, то скоро и новой Богъ будетъ || на земли, сирѣчь антихристъ». О семъ сказа намъ канорхистъ Гроба Господня, грекъ родомъ, именемъ Павелъ, о семъ и самому царю свѣдомо было, и то все есть зло. Аще и изгнанъ Никонъ съ престола, но тлѣнныхъ ради и мимотекущихъ вещехъ, ими же души не враждаются, а въ догматехъ же нечестивыхъ пребывающіи враждающіи, враждаются вси и погибаютъ, ихъже Никонъ узаконоположилъ. А прельщени отъ него утвердишася, у нихъ же о томъ ни едино слово бысть съ нимъ, аще разбойникъ и не правъ, но дѣло его право стало отъ іудей неправедныхъ заглажено. Добрѣ глаголетъ исторія о египтянехъ, яко тамо во

Египтѣ татей не казнятъ, понеже сами вси крадутъ, и отъ кражденія Ермію, богу своему, приносятъ жертву, ибо Ермій самъ тать бысть, и тѣмъ его почитаютъ. Разумѣйте разумніи во владыкахъ, и буй нѣкогда умудрится. Насаждей ухо не слыши-ли неправды нашея, создавый око не сматряетъ ли || лукавства вашего, наказуяй языки не обличитъ ли васъ; Господь свѣсть помышленія человѣческа, яко суть суетно; аще Никонъ наставникъ вашъ правый путь вамъ обрѣте, то почто его изгнасте? Когда ученицы на учителя своего ратуютъ? Аще ли Никонъ врагъ Богу и Богородицы и святымъ его и вамъ, то почто его пестрыя законы держите и доколѣ храмлете на обое колѣна, когда Богу, а когда ваалу? Аще ли есть Богъ нашъ правъ со святыми его, прежними нашими пастыри, то идите за нимъ и за святыми его, святившими васъ и отецъ вашихъ. Аще ли новый Ваалъ, Никонъ богоотметникъ, правъ съ новыми его книгами, а со старыми ересми въ новыхъ положенныхъ догматѣхъ, то за нимъ идите и поклонитеся иконѣ его, написанной отъ него и самого его небезчестите изгнаньми, и не подобите себя Іюдѣ предателю; тѣмъ о слѣпоты, о лукавстви ихъ, гдѣ правда пастырская || гдѣ мужество и кто ихъ буести и нечестію не посмѣется, точію судія Христосъ Сынъ Божіи да судитъ!.. [1]) л. 181. об. л. 181.

И посему знатно отступника Никона: егда Богомъ изгнанъ изъ церкви скверный онъ являяся людемъ, тогда и прельщаяй, яко смиренія ради остави престолъ свой въ поученіе глаголя, и разъярився безчинно, не сверша литоргіи, свергъ съ себе весь санъ святительскій и облечеся въ простыя иноческія рубы и тако изыде исъ церкви, и недостойна себе отнюдъ сказа пастыремъ быти и клятся предъ всѣми глаголя: нехощу пастыремъ слышатися, просите себѣ у царя иного пастыря церкви святыя. И по семъ паки, послѣ клятвы своей и по отреченіи вся святительская пріятъ и ставлениковъ посвящалъ, и на престолъ патріаршескій наскочилъ и паки во едино время наскочилъ, незванъ пріиде во царствующій градъ и въ церковь, яко разбойникъ, но-

1) Кажется пропускъ въ рукописи.

щію вшедъ и всѣхъ устраши ту бывшихъ на всенощномъ въ
л. 182. недѣльный день. || Свѣдавъ же царь татя, пришедша въ церковь, и посла болярина своего изгнати ево волка «почто уже незванъ пріиде къ намъ, по отреченіи своемъ, иди вспять, отнюдуже пришелъ еси». Онъ же съ посрамленіемъ возвратися въспять въ горкіи и погибельный свой Іерусалимъ. Въ тоже время украде посохъ въ церкви съ патріарша мѣста святаго Петра митрополита. Увѣдавъ же о семъ царь посла за нимъ, яко за волкомъ пса скороходнаго, Павла митрополита Сарскаго съ воинствомъ царьскимъ, и повелѣ у него посохъ святаго Петра отъяти нуждею, и отъяша отъ него [1]). Святотатецъ же въ то время многихъ слугъ своихъ замучилъ, яко не поспѣша привести заводныхъ коней на пути, понеже не уѣде окаянный въ горкій свой Іерусалимъ; а до сего пса Павла митрополита облыгая царя государя и сказуя ему, яко бы царь умздилъ властей мздою и изгнавши мене, и повелѣ осудити мене, патріаршеска престола, но царь ево исперва умолялъ не оставлять патріаршества, онъ же недостоинъ ся творилъ, хотя царь покорити подъ ноги свои и въ послѣднюю погибель уловить; и во всемъ семъ царь до сего его, проклятаго змія, пронырства діяволя не узна, но вся его законоположенія и до нынѣ любовне держитъ, а отеческаго своего благочестія ненавидитъ и держащихся того гонитъ и томитъ всякимъ озлобленіемъ и смертемъ предаетъ непріемшимъ ихъ злочестія, прельщенъ бо зѣло отъ проклятаго діавола Никона, и учениκъ его, наипаче стыдящеся обратитися на прежнее свое правовѣріе. И не вѣдятъ бо что творятъ, едино бо токмо Никоново преданіе измѣнили въ хожденіи въ день, наутреи Богоявленія Господня по прежнему, А въ вечеръ по никоновой прелести, паче же рещи по латинской, и за то будетъ имъ милость отъ
л. 183. Христа Бога, и отъ святыхъ || его. А за новыя соблазны судитъ имъ Христосъ Богъ и за прочія вся неправды въ догматехъ.

---

1) О «наскоченіи» Никона на патріаршій престолъ и увозѣ посоха св. Петра митрополита см. Н. Гиббенетъ, Историческое изслѣдованіе дѣла патр. Никона, II, стр. 116 и слѣд.

Прочее слыши небо и внуши земле, глаголы рабовъ Христовыхъ, вамъ засвидѣтельствуемъ всяку правду и истинну, понеже праведнаго судіи на земли не обрѣтохомъ нынѣ, въ послѣдняя дни сего вѣка. Аминь.

Списана въ Архангельскѣ марта въ 6 день 1778-го года (ср. л. 189 и 261 об.)

II.

За симъ приводимъ уже связно изложенное «Сказаніе», предлагающее въ литературной обработкѣ нѣкоторые изъ приведенныхъ въ обзорѣ эпизодовъ, по рукописи собранія кн. Вяземскаго О. № V, л. 221—229, представляющей сборникъ различныхъ старообрядческихъ сочиненій, писанный полууставомъ XVIII в.

Сказаніе о Никонѣ патріарсѣ.

Глаголати о семъ недоумѣю, иже не у младенчества устрабися, великій Государь, не у во иноческая вниде; отъ святыхъ отецъ предвидѣся смутитель руския земли многомятежный. О родѣ его, яко курмышанинъ бяше, и о благополучіи, яко убогъ и сирота бѣ, житіи никоново в мирѣ, яко острожелчивъ, яростивъ и злопамятливъ; иже попомъ бяше, жену имяше піянчиву и оплазиву, ея ради ушедъ пострижеся во мнихи, не въ монастыри коемъ, ниже въ пустыни, ниже въ повиновеніи живяше, но в монастырстемъ дому отъ скитающихся іеромонахъ. Оставляю нынѣ (об.) писати продолженія ради, како во мнишество вниде и како скитаяся по мѣстомъ, невѣмъ кіими случаи великому старцу преподобному Елеазару анзерскому во ученичество вниде и съ нимъ анзерскомъ острогѣ отъ временъ нѣкое поживѣ, о немъ же прорече духопросвѣщенный старецъ таковая сице: О какова

смутителя и мятежника Россия въ себѣ пріятъ и питаетъ; сей смутитъ тоя предѣлы и многихъ трясеній и бѣдъ исполнитъ. Видѣ бо святый, егда бо Никону служащу литоргію, змія обвившися о выи его страшна же и зѣло черна. Оттуду старецъ нелюбляше Никона и тако напь (л. 222) гнѣвашеся, яко убѣжати Никону отъ него, не токмо единому, но и соловецкихъ двухъ старцовъ прельсти съ собою въ бѣжаніе. Прехожду прочее: краденіе монастырскихъ припасовъ, прехожду злобное воздаяніе человѣкомъ за непревозъ чрезъ рѣку и в сылку онѣхъ во время власти своея сосланіе; мимо прехожду пребываніе его во еже езерьстей обители игуменство и къ Москвѣ взятіе, архимандричество оного: вся сія продолженія ради оставляю. Сіе воспомянути хощу, еже на новогородское въ митрополиты Никоново возшествіе. Егда бо (об.) предивному новгородскому митрополиту Аффонію зѣло много добродѣтельну за старость и очесное зрѣніе невидѣніе съ престола въ Хутынскій монастырь отшедшу, тогда волею царскою и патріаршимъ благословеніемъ Никонъ на Новгородскую митрополію рукоположенъ въ Новъградъ пріѣхавъ и прибывъ прежде къ дивному отцу Аффонію на Хутыню ради благословенія поѣде; и въ келію пришедъ прошаше благословенія у святителя. Оному же вопросившу, кто есть пришедый и просящій благословенія: предстоящіи же рекоша: владыко святый, преосвященный Никонъ, митрополитъ новоруко (л. 223) положеный проситъ благословенія. Тогда дивный и памяти достойный Аффоній возопи: «прійде же время яко и Никонъ въ митрополитахъ. Воли Божіей оставимъ о насъ полезная предсматряти». И тако предивный онъ архіерей Никона не любляше, яко и по преставленіи своемъ Никону не повелѣ тѣла своего погребсти, но псковскій архіепископъ по приказу ему погребе его. И егда на митрополіи утвердися, тогда еже зачатъ во чревѣ прежде, роди болѣзнь, яко премногія бѣды и смущенія наносящую. Первое повелѣ написати образъ благовѣщенія Пресвятыя Богородицы необычнымъ (об.) писаніемъ, новымъ: Пречистую Дѣву Младенца имѣющу совершена въ нѣд-

рѣхъ. Второе — кіевское партесное пѣніе начать въ церковь вводити согласно мірскимъ гласоломательнымъ пѣніемъ, еже предвозвѣсти о немъ блаженный Елеазаръ Анзерскій и святый Аффоній Новогородскій и духопросвѣщенный митрополитъ Варлаамъ ростовскій и Ярославскій, еже предъ нѣкими лѣты Никанова властительства люди своя ученіемъ предъутвержая повѣдаше глаголя со слезами наитіе и мятежъ ущербленіе благочестія; которое прореченіе преставленіемъ своимъ утверди (л. 224). Егда бо Никонъ отъ царя на Соловки посланъ взять мощи святаго Филиппа митрополита, и егда грядущу Никону въ Москву, тогда изыде царь на срѣтеніе мощемъ святаго Филиппа и оный архіерей Варлаамъ, иже моляшеся Господеви, якоже достовѣрніи о немъ и ближніи повѣдаша иже глаголаше: «владыко всесвятый, не даждь ми видати сего многомятежника всероссійскаго смутителя, хотящаго новымъ ученіемъ поколебати Святую Церковь. Но сотвори со мною знаменіе по велицей милости твоей, яко благословенъ еси во вѣки. Аминь». Водиму чюдному сему архиерею двема архидіаконома на стрѣтеніе мощей и мало Никону недошедшу, елико въ видѣніи другъ друга, блаженому при (об.) лѣжно молящуся архіерею, и абіе подломишася ему нозѣ и на рукахъ поддержащихъ свою душю Господеви предаде. Тѣло же оного предивнаго архіерея полгодищное время на Москвѣ лежаше цѣло и нетлѣнно въ Ростовъ отвезено. Егда же Никонъ отнятъ отъ печатнаго двора прежде бывшія благовѣрныя справщики, и поставляетъ вмѣсто онѣхъ нѣкоего Арсенія монаха, грека, мужа толикаго лукавства и толикія злобы исполнена, толиким злодѣйствы кипящаго, елико и отъ прежде бывшаго патріарха въ ссылку сослася и въ темницу посаждена; глаголютъ же и отъ греческаго патріарха ко Іосифу патріарху (л. 225) Московскому того Арсенія написана бывша, и премножайшія злобы того и злодѣйствія, и соловецтіи отцы в прошеніи ко царю Алексію Михайловичю достаточне объявиша и трижды благочестія отступати того показаша и иныя злобы и мерзости непреподобнаго мнози отъ древнихъ отецъ объявляху, но Никону до-

стоинъ и добръ обрѣтеся, яко сосудъ ему потребный, злодѣйственный органъ того, прелестныхъ начало твореній; его же обрѣтъ зѣло возвеселися; глаголютъ же исъ темницы того свободити; егда въ соловецкомъ монастыри Никону ради (об.) мощей святаго Филиппа бывшу, того нѣкіимъ волхвованіемъ проувѣдѣвъ, патріархомъ Никона нарече; оного Арсенія на печатномъ дворѣ посадивъ предерзостно плевелы возсѣя. Увѣдѣвше тогда священніи отцы, преосвященный Павелъ епископъ Коломенскій и священніи протопопи: Аввакумъ, Даніилъ, Логинъ, Іоаннъ Нероновъ, начаша всеплачевно рыдати, яко пройде лѣто спасительнаго плодоносія, показася зима всемразная. Отъ нихъ же единому предстоящу предъ образомъ божіимъ, о нашествіи многосмущенныхъ (л. 226) новшествъ мятежа все рыдательно молящуся, гласъ слышашеся отъ образа вѣщающъ: «время приспѣ вамъ страдати неослабное страданіе». Таковый гласъ слышавъ предобрымъ совѣтникомъ своимъ возвѣщаетъ. И тако написаша челобитну на Никона, царю въ руцѣ подаша, но ничтоже оныхъ жалоба успѣваше: царь бо вѣру имяше Никону. Тогда протопопъ Іоаннъ начатъ часто въ соборную церковь ходити и не даяше трегубити аллилупа, и съ Никономъ спирашеся. Никонъ озлобити Іоанна несмѣяше, понеже мужъ отъ честныхъ и царю знаемъ. Егда же Никонъ соборъ собра, тогда (об.) архіереи страхомъ и неволею мнози подписашася, но, послѣди раскаявшися, зѣло печалію одержими, якоже митрополитъ новогородскій, зѣло сѣтоваше, яко и рукополагающихся священники укрѣпляше еже новинъ не пріимати. «Аще, рече, азъ и подписахся трепетомъ мученія объятъ, но вы крѣпко держитеся староцерковнаго благочестія» — и тако самъ служаше и благословляше, но яко исперва пріятъ, и во всемъ Новѣградѣ при оною бытности небѣ гоненія: по первому обычаю совершаху службы. Аще отъ Никона и во узѣхъ терпяше, но втай похваляше древнее (л. 227) благочестіе. Такожде и Маркелъ, архіепископъ, на соборѣ страхомъ подписался, но послѣди разкаявся вельми тужаше и во своемъ градѣ гоненія и насилія никому не творяше.

Такожде же Александръ, епископъ вяцкій на соборѣ страхомъ подписался, но послѣди плакаше и рыдаше, новинъ весма ненавидяше: свидѣтельствуютъ о семъ явственно того писаніе жалобное, къ государю подаваше на Никона во рѯа годѣ, въ немъ же Никоновы прегорчайшія плоды, како Никонъ печатныя книги издаде, мятежа и смущенія полны; служебники напечата ѕ҃ выходовъ, иже между собою согласія не имѣютъ; како (об.) убиваютъ вѣрныхъ души и нехотящихъ послѣдовати прелестному его мудрованію проклинаетъ; и понеже невозможе писаніями и доношеніями благо сотворити, во свою епархію возвратися, оставивъ престолъ епископскій, въ келію затворися и плачемъ и рыданіемъ скончавъ животъ свой. Сице убо Никона непреподобнаго безчиніе; тогда и священницы ревноваху Никанова смущенія и втайнѣ служаху по древле-церковному преданію. Тогда Никонъ со своими совѣтники злохитро умышляетъ, посылаетъ повсюду гонителя, темницы, мучительства, томленія нетерпимая:—

III.

Изъ той-же рукописи собранія кн. Вяземскаго O. № V (л. 87—94 об.) извлекаемъ статью характерную, какъ показатель тѣхъ возраженій и укоровъ, съ которыми приходилось сталкиваться патр. Никону. Въ ней съ особенной послѣдовательностью проводится мысль о томъ, что Никонъ — предтеча антихриста. Здѣсь опять встрѣчаемся съ монахами: келейникомъ Никона Кирикомъ, Андреяномъ и Наѳаномъ, щедро разсыпавшими самые невѣроятные слухи о патріархѣ.

(л. 87) О богоотметникѣ Никонѣ достовѣрно свидѣтельство, иже бысть пастырь во овчей кожи, предотеча антихристовъ; яко церковь Христову раздра и вселенную всю возмути и святыхъ оболга и возненавиде и кровопролитія много сотвори за истинную вѣру Христову.

Богоотметничество его сіе есть и кромѣ превра (об.) щенія церковныхъ догматъ. Егда бывшу тому змію лукавно на патріаршествѣ, келейнику же бывшу взяту у него, тогда понужди и нехотящу святу мужу, соловецкаго монастыря болничному келарю, старцу Кирику пришедшу ему изъ [а]нзерскія пустыни, и той врагъ креста Христова, Никонъ удержа его окаянный у себе жити въ патріархі[и]. Во единъ убо отъ дній видѣ старецъ Кирикъ патріарши башмаки, бархатныя переды. И позрѣ (л. 88) въ нихъ и видѣ нашитъ на стелки крестъ Господа нашего Іисуса Христа; на другой стелки вышито воплощеніе Пресвятыя Богородицы; и отъ страха того старецъ Кирикъ ужасенъ; и отъ того часа преста ясти и пити. Врагъ же Христовъ Никонъ вопрошая его: «чесо ради не яси и не піеши?» Онъ же претвори себе въ болѣзнь тяжку и отвѣща: «не могу, владыко, зельнѣ», и начатъ притужно проситися у него на обѣщанное мѣсто, да тамъ гробу преданъ будетъ. И отпусти его скоро отъ себе, примоту(? можетъ быть: и грамоту) даде ему; онъ же пришедъ въ монастырь и повѣда (об.) о томъ отцу своему духовному, священноиноку Виталію о томъ страшномъ дѣлѣ. А отецъ его Виталій и инымъ братіямъ духовнымъ сказа въ духовенствѣ о всемъ: како крестъ и воплощеніе въ башмакахъ носитъ, и сей есть врагъ Божій и богоотметникъ явной. И вторый свидѣтель сему дѣлу, ученикъ его Никоновъ, старецъ Андреянъ именемъ — живе съ нимъ и до патріаршества много лѣтъ; и видѣ тотъ старецъ у Никона въ сапогахъ крестъ Христовъ и воплощеніе Пречистыя Богородицы литы (л. 89) изъ мѣди тонцы. И той инокъ Андреянъ, страхъ Христовъ имѣя въ сердцы своемъ, и ужасеся зѣло, и возненавиде его, Никона, врага Божія. И начатъ ему пререковати во всемъ келейномъ послушаніи; о томъ же обличити его, врага, не смѣяше. И многажды біяше его за пререкованіе и разъярився нань и окова и повелѣ его заточити въ Палеостровской монастырь. Той же инокъ повѣда отцу своему духовному Θеодосію и инымъ многимъ и Аввакуму протопопу съ то(об.)варищи все по ряду. Онъ же Никонъ, сосудъ

лукаваго діявола, мучилъ священноинока Наѳана Кіевлянина, бывшаго у него уставщикомъ; и бывши у нихъ распри о святомъ крещеніи, како отрицаются христіяне отъ сатаны и плюютъ нань. Никонъ же, поборствуя по отцѣ своемъ сатанѣ, глаголя Наѳану: «не подобаетъ плевати на сатану; не знаючи то творятъ». Наѳанъ же рече: «подобаетъ плевати на сатану по отреченіи его: тако писано о семъ во святыхъ книгахъ». Никонъ же глагола: (л. 90) «не подобаетъ» — и много у нихъ о семъ бысть при. Наѳанъ же ревности исполнився по Христѣ, рече: «азъ плюю и на того, кто и за сатану стоитъ». Никонъ же повелѣ бити его плетьми и въ ссылку сосла его на Кій островъ. Онъ же сказа о семъ подробну, при многѣхъ. Онъ же Никонъ юродивыхъ святыхъ бѣшаными нарицалъ и на иконѣ ихъ лика и писати не велѣлъ (об.). Той же инокъ Наѳанъ свидѣтельствова о семъ; а иная нелѣпо про него и сказати. Онъ же хульникъ святыхъ отецъ нашихъ, преподобнаго отца Іосифа Волоколамскаго чюдотворца Никонъ врагъ Божій злословилъ и зѣло поносилъ и ябедникомъ нарицалъ такова богословца и не поклонялся ему. Преподобнаго Евфросина Псковскаго чюдотворца лаялъ за трисвятую аллилуію; указавшу старцу Григорію (л. 91) Неронову, егда началъ четверить, онъ же врагъ Божій Никонъ въ то время про святаго Евфросина о аллилуіи глагола: «тотъ-де дуракъ безумной былъ» — о семъ старецъ Григорій Нероновъ сказа, и царю вѣстно то дѣло было, въ соборной церкви, при властяхъ — да покрываетъ врага Божія во всякой неправдѣ, и въ томъ его судитъ Богъ. И многихъ святыхъ оболгалъ и исъ помяновенія въ литіи истребилъ (об.) и все наругаяся творилъ и порочилъ, самъ же дѣльнѣ опороченъ бысть и поруганъ отъ своихъ ласкателей и ученикъ; и яко пса изгнаша его земныхъ ради, а не духовныхъ, за землю и за вотчины, а не за Христа и за Церковь его. И вси бо они своихъ си ищутъ, а не яже Христа Ісуса по апостолу. Похищая бо той волкъ Никонъ, яко разбойникъ грабя себѣ у святыхъ монастырей села и вотчины у князей отъемля всяко (л. 92), таже къ своимъ прилагая. И многія

князи ослезилъ и монастыри оскорбилъ и разорилъ и простыхъ крестьянъ тяжкими труды умучилъ, созидаючи свой горкой Іерусалимъ. Добрѣ рекъ патріархъ Іерусалимскій о Никонѣ сице: «когда руской патріархъ началъ строити новой Іерусалимъ, то скоро и Богъ новой будетъ на земли» — сирѣчь антихристъ. О семъ сказа намъ грекъ (об.) именемъ Павелъ; и царю о семъ вѣстно было. Аще и песъ изгнанъ бысть, но блевотина его и до днесь сладцѣ полизоваема пребываетъ отъ любящихъ ту и невѣдящихъ. А иже узаконоположилъ Никонъ нечестивыя догматы превращеныя, а прельщенніи отъ него паче утвердиша, и держатся: аще разбойникъ неправъ, но дѣло его право стало! Господь свѣсть помышленія человѣческая, (л. 93) яко суть суетна. Аще Никонъ наставникъ правый путь вамъ показалъ и обрѣте вѣру,— почто его изгнасте? Когда ученицы на учителя ратуютъ? Аще Никонъ врагъ Богу и Богородицы и святымъ его и вамъ, то почто его прелестныя законы держите? И доколѣ храмлете на обѣ колѣна ваша? Аще есть Богъ нашъ правъ со святыми своими, прежними пастырми нашими, — идите (об.) за нимъ и за святыми его, святившими васъ и отецъ вашихъ прежнихъ. Аще же новый Ваалъ, Никонъ богоотметникъ, правъ съ новыми своими книгами, а старыми ересми въ новыхъ догматахъ,— то идите за нимъ, поклонитеся иконѣ его, написанной отъ его, и самого его не безчестите. О слѣпоты! О лукавства! Гдѣ правда пастырская, и кто ихъ буести и нечутія не посмѣется! И царь его не узна пронырства вражія: (л. 94) вся его законоположенія любовне держитъ, а отческаго своего благочестія гонитъ и томитъ всякимъ озлобленіемъ и мученіемъ: прельщенъ бо зѣло отъ проклятаго отступника Никона и отъ ученикъ его паче. Слыши небо и внуши глаголы рабъ Христовыхъ. Вамъ засвидѣтельствуетъ всяку правду и всяку истинну, понеже праведнаго судіи на земли не (об.) обрѣтохомъ въ человѣцѣхъ нынѣ, въ послѣдняя дни вѣка сего. Аминь.

IV.

Какъ примѣръ «украшеннаго» житія патріарха Никона, вышедшаго изъ рукъ старообрядческаго писателя, приводимъ начало часто цитированной нами выше «Повѣсти о рожденіи и воспитаніи»... по рукописи Имп. Публ. Библ. Q. I, № 1058, относящейся, сколько можно судить по почерку, къ концу XVIII в. По упоминанію о нежеланіи раскольниковъ быть подъ двойнымъ окладомъ П. С. Смирновъ (тамъ-же, стр. CXI) устанавливаетъ раннiй возможный срокъ ея составленія — 1716 г. Этотъ списокъ повѣсти особенно интересенъ потому, что авторъ вездѣ указываетъ—въ текстѣ и на поляхъ—тѣ источники, которыми онъ пользовался. Эти источники двухъ родовъ: устные и письменные, точнѣе — слухи о Никонѣ, ходившіе въ раскольничьей средѣ, и «Житіе», написанное иподіакономъ Іоанномъ Шушеринымъ. Авторъ упоминаетъ объ Игнатіи іеродіаконѣ, инокѣ Корниліи, Іоаннѣ Шушеринѣ, ссылается на Книгу о вѣрѣ, Степенную книгу и вообще «многія свидѣтельства». На поляхъ помѣчены части «Повѣсти»: «О рожденіи и воспитаніи Н.», «О приходѣ во островъ анзерскій», «О прореченіи Елеазара анзерскаго и др.». Къ сожалѣнію край листа обрѣзанъ и не всегда можно возстановить утраченное.

(л. 46) Повѣсть ѡ҆ рожденіи и воспитаніи, и ѡ҆ житіи, и ко҃чинѣ Нікѡна бывшагѡ Патріарха Московскаго и҆ всея Рѡссіи: Собранная ѿ многихъ достовѣрны҃ повѣствователей бывшихъ во дни отецъ нашихъ.

Понеже убо по древне церковнѣмъ отеческомъ благочестіи, аще и горячею жалостію снѣдаемъ есмь, и речуся приступити къ повѣсти о бывшемъ

искоренителѣ того православія, сказати хотяще и. Но къ лютости того томителя взирая, боюся бесѣдою моею с коварными его умышленіями сплестися. Ибо той единъ злобою своею и коварствомъ преодолѣ всю Рѡссію: яко препмущія сладкоувѣщательными бесѣдами, лестію помазанными: тако вельможныя, высокихъ честей и даровъ награжденіями: сице ничтожныя грозами и муками утомивъ побѣди и подобнымъ себѣ новолюбителемъ на вся хранители святоотеческихъ законовъ и обычаевъ врата хулы и томленія отверзе.

И что сотворити не вѣмъ; молчаніемъ ли желаемую многими слышати повѣсть покрыти, или преданную намъ отъ отецъ нашихъ бесѣду предъ очима чтущихъ и предъ ушима слышащихъ поставити. Обаче убо, надѣяся на молитвы пострадавшихъ за благочестіе ревнителей, (л. 46 об.) начинаю слово, путемъ повѣсти текущее.

Въ лѣто мірозданія ҂зрг҃і, отъ рождества же Ісусъ Христова ҂ахг҃і. индикта г҃-го маія к҃а-го, во вторый по недѣли день, в предѣлѣхъ Нижняго Новаграда, в веси нарицаемѣй Вельдемановѣ (или Курмышовѣ) родися сей Никонъ отъ убогихъ родителей, отца Мины и матере Маріи. Его же при крещеніи Никитою нарекоша. [о ро]ждені [и вос]пит [ник]оно

По умертвіи же матере его, взя его нѣкоторая жена Ѯенія именемъ и воспита его и грамотѣ извыче.

По времени же нѣкоемъ возраста своего отиде во обитель преподобнаго Макарія желтоводскаго и ту живя (?) содружна съ клириками тоя обители.

Нѣкогда же поиде съ ними во ину обитель и случися имъ обнощевати у нѣкоего татарина волхва суща: иже волшебствомъ своимъ сказоваше кому-

ждо хотящая быти; волхвуя же скверною своею бѣсовскою книгою и палицею, сему Никитѣ рече: яко ты будеши государь великій. Онъ же слышавъ отиде, не надѣяся збытися прорицанію.

И по смерти отца своего поятъ себѣ жену, яже бѣ піанчива и оплазива; с нею же живый в нѣкоемъ селѣ по избранію ту живущихъ іерей бысть. И для непостоянства своея жены бѣжа в Москву и на нѣкоемъ монастырскомъ подворье отъ нѣкоего скитающагося священноинока постриже́ся и преименованъ бысть Никонъ (л. 47).

И тако скитаяся пріиде на островъ анзерскія пустыни иже стоитъ на Бѣломъ морѣ, близъ отока соловецкаго. И тамо пребываше во ученичествѣ у началника тоя обители, старца богодухновенна и свята, именемъ Елеазара, иже соград скитъ той и жительство въ немъ состави. о пр[иходѣ] во ос[тровъ] анзе[рскій]

Чистаго же ради житія оный старецъ Елеазаръ пророческими дарованіями обогатився, о пребывающемъ у него в послушаніи Никонѣ семъ братіи своей прорицая глаголаше: О какова смутителя и мятежника Россія въ себѣ питаетъ! Сей убо смутитъ тоя предѣлы и многихъ трясеній и бѣдъ наполнитъ. Видѣ бо святый единою служащу Никону лгтургію (яко достовѣрніи анзерстіи жителіе рекоша), змія черна и зѣло велика, около выи его оплетшася, и вельми ужасеся. И отъ того времени возненавидѣ святый Никона и тяжко гнѣвашеся нань и сотвори его бѣжати. о про[реченіи] елеа[зара] анз[ерскаго]

И пріиде въ кожеозерскую пустыню, яже есть въ каргопольскихъ предѣлахъ, и по времени бысть тоя обители игуменъ. Идѣже пребывъ три лѣта, в ня же для исполненія монастырскихъ потребъ хождаше въ царствующій градъ Москву. И тамъ о пр[иходѣ] в кож[еезерскую] пѹст[ыню]

пребывая, невѣдомо чрезъ какія представленія, знаемъ бываетъ великому государю, царю Алексію Михаиловичю и святѣйшему патріарху Іосифу. И поставленъ бысть архимандритомъ в Спасовъ монастырь на новое (л. 47 об.)

И прибывая тамо, коварными своими лицемѣріями плѣни царскаго величества мысль якоже древніи савота варинъ, Ѳеодоръ злообразный волхвъ, царя Василія македонянина до толико прельсти, яко мняше его быти не к тому архимандрическу, но и великому пастырскому сану достойна. И того ради поручи ему в пятокъ каждыя недѣли подаваемыя отъ обиженныхъ прошеніи предлагать для разсужденія къ его царскому величеству. И сіе исполняя прославися предъ народомъ, яко истинный пастырь и отецъ обидимыхъ.

...^нанія
...ю
...но
...ръ
...со
...
...кі

Дивитися же и сему достойно, како таковый скверный сосудъ на толь высокія степени восходити начинаше. Понеже убо и первіе, не святый прозорливый мужъ, но волхвъ татаринъ, сѣдящимъ въ немъ пытливымъ діаволскимъ духомъ надхненъ, нарекл его быти великимъ государемъ. Потомъ преподобный Елеозаръ анзерскій в служеніи литургіи не голуба на немъ сѣдяща видѣ, якоже древле Флавіанъ патріархъ на Іоанновѣ главѣ Златоустаго: но ѕмія черна страшна и велика, около выи его обвившася. Хотящая ли впредь быти добродѣтели его и таковому великому его сану ждущія; но богоотступная его, святихъ образовъ Спасова и пречистыя Богородицы скверными его нагами попранія, и гнусная содомская мужеложства послѣди показашася*) (л.48) и отъ тѣхъ всѣхъ порочнаго житія его скверныхъ

*) Перечеркнуто. Сверху написанное — неразборчиво, ниже — «.... щіяся».

дѣлъ самый богопротивный волшебный волкъ зряшеся быти, а не пастырь. И мнитъ ми ся, яко чрезъ волхнованіе свое болше, его же лестію и лукавствомъ помаза, нежели чрезъ добродѣтели кія, таковаго высокаго сана достигнути желаше, яко-же римстіи папы: Келестинъ, иже во Христа вѣры отвергся и Селивестръ вторый, за справою волхвовъ, дѣйствомъ сатаниннымъ папежства достигоша. Или для исполненія числа х҃ѯ҃s-го, уготованный на то грядущаго по немъ звѣря лютый предтеча, нарицаемый по греческому діалекту Никитіосъ, якоже древній арменинъ, нарицаніемъ льва, покры зовомое прежде Кононово имя: сице и сей монашескимъ именемъ, яко лісъ ошибомъ, заглади данное ему по рожденіи знаменателно въ имени его лежащее х҃ѯ҃s-е число.

кн҃га [о] вѣрѣ [гл.] к҃з. лѝ

мно[гія] сви[дѣтельства]

Въ тоже время святый Авфоній митрополитъ великоновоградскій, старостію преклоньса и недугомъ очнаго изнеможенія, якоже древній Израиль отяготився, остави престолъ премудрости божія и пребываше во обители Святаго Спаса на Хутынѣ: и ту безмолвствуя позлащяше свою архіерейскую паству верхомъ добродѣтелей, смиреніемъ (л. 48 об.) Въ лѣто же ҂з҃р҃н҃з-е Господеви Богу попустившу за многія грѣхи людскія возведенъ бываетъ Никонъ святѣйшимъ Іосифомъ Патріархомъ Московскимъ на престолъ великоновогродскія митрополіи. Блюдомъ бо бяше издревле сонъмомъ суетныхъ на погибель христіанскаго народа коварный сей лжемонахъ, иже прежде поставленія помазанъ бяше татарскою волшебною блевотиною.

о пр[еподобнѣмъ] авф[оніи] мп҃р[ополитѣ]

[о по]став[леніи ми]тро[поли]то̑

По воспріятіи же престола великоновоградскаго приходитъ той лукавый лисъ, въ Хутынскую Спасову обитель посѣтити предивнаго святителя Авфонія. И

[о при]ход[к авф]онію

пришедъ въ келію его, прошаше благословенія. Той-же вопроси его рекій (небо уже очима видяше): кто ты и откуду, и како нарицаешися? Отвѣщавъ Никонъ глагола святителю: азъ есмь владыко Никонъ, митрополитъ новгородскій. Авфоній же духомъ пророчествія предзря хотящее быти отъ Никона всему православію томительство, вельми отъ всея души воздохнувъ и рече: «пріиде же время, яко и Никонъ въ митрополитахъ. Но воли божіи оставляемъ о насъ полезная предусмотряти».

Егда же приближися блаженный Авфоній митрополитъ къ концу жизни своея, заповѣда сущимъ при немъ да призванъ будетъ архіерей отъ другія епархіи погребсти тѣло его, Никонъ же да не дерзнетъ погребсти его, зане, (л. 49) рече, врагъ есть Божій. О семъ убо повѣда старожительный инокъ Корнилій, живый при упоминаемѣмъ Авфоніи митрополитѣ, иже трудами постничества своего тѣло свое удручивый, в выговской пустыни крыяся отъ новолюбителей преставися в лѣто ,зс҃г, имый отъ рожденія своего рг҃і лѣтъ, во иночествѣ же пребывъ, ч҃е лѣтъ.

По погребеніи же Авфоніевѣ, невѣдый той Корнилій крыющіяся в' Никоновомъ сердцѣ новолюбительныя на древлеотеческое благочестіе злобы, пріиде къ тому облеченному овчею кожею волку: знаемъ бо бяше ему и до возведенія его на митрополію, ибо того у Іосифа патріарха живый многажды видѣ. И яко простонравенъ сый старецъ, не воспомянувъ Авфоніева о немъ прореченія, пріимаше отъ Нікона благословеніе, яко отъ достойнаго пастыря.

Живущу же ему в великомъ Новѣградѣ при софійскомъ домѣ пріиде изъ соловецкія обители іеродіаконъ Пиминъ (иже послѣди за древлецерковныя

законы отъ нашедшихъ новолюбительныхъ гонителей в предѣлѣхъ града Олонца вмѣстѣ нарицаемѣмъ Березавъ наволокъ, съ тысящею двома стома православныхъ христіанъ въ лѣто ҂зрче-е августа ѳ дня огнемъ скончася). Той бо бяше искусенъ инокъ и вѣдый яко же мнитъ ми ся Елеазарово анзерскаго (л. 49 об.) о Никонѣ бывшее прореченіе, и глагола Корнилію: вѣси ли, яко Никонъ митрополитъ антихристъ есть, ибо пятію персты а не двоперстнымъ сложеніемъ благословляетъ люди. Корнилій же, слышавъ отъ Пимина таковая, пришедъ къ Нікону, видѣ его благословляюща пятію персты, якоже рече ему Пиминъ, и отиде паки въ Москву к патріарху Іосифу, емуже и прежде того знаемъ бяше.

Ніконъ же, сѣдя на престолѣ премудрости Божія, и первѣе повелѣ написати образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы Дѣвы, имѣющю в нѣдрѣхъ младенца всего совершенна. Такожъ и раздѣленорѣчное древнее знаменное пѣніе презирати нача, в мѣсто же того повелѣваше пѣти нарѣчное, и потомъ не убоялся вводити греческое и киевское партесное, много усугубляемое пѣніе.

Еже слышавъ святѣйшій Іосифъ патріархъ воспрещаше ему о томъ. Обаче Никонъ помогаемъ бываетъ самодержцемъ и духовникомъ его, благовѣщенскаго собора протопопомъ Стефаномъ Винфатіе[вы]мъ: и того ради не повиновашеся патріарху. [Іо]анъшу [ше]ринъ.

Въ лѣто же зрѯ-е повелѣніемъ великаго государя, царя Алексѣя Михайловича и благословеніемъ святѣйшаго Іосифа патріарха, посланъ бываетъ Ніконъ митрополитъ и с нимъ князь Иванъ Никитичь Хованской в соловецкую обитель для пренесенія честныхъ мощей святителя Филиппа митропо (л. 50)

лита Московскаго. Пришедшимъ же имъ въ чюдную чюдныхъ отецъ Зосимы и Савватія обитель, Никону же митрополиту посѣщающу въ темницахъ сущихъ и между прочими пріиде во узилище, идѣже сѣдяше сосланный отъ патріарха Іосифа въ заточеніе за нѣкоторыя Богу и закономъ противныя тяжкія вины, чернецъ нѣкій именемъ Арсеній, мужественный новинамъ и ересемъ защитникъ, иже прежде для внѣшнихъ ученій бывый иногда въ западныхъ странахъ, в разныхъ училищахъ, и угождая тамошнимъ латинскимъ учителемъ, трижды с клятвою отречеся восточнаго греческаго православія. Той убо, абіе сѣдящаго въ немъ пытливаго духа наставленіемъ подстрекаемъ, возопи глаголя: Святѣйшій патріархъ Никонъ, благослови! Никону же, похитившу его слово и для болшаго себѣ о бывшемъ ему прежде отъ волхва татарина прореченія извѣщенія, глаголаше Арсенію: всяко соблазнился еси о мнѣ, о человѣче, нарицая мене тако: нѣсмь бо патріархъ, но митрополитъ новоградскій. Тому же укрѣпляющуся и нарицающу его патріархомъ и молящуся, да егда будетъ возведенъ на патріаршій престолъ великія Россіи, да воспомянетъ его въ славѣ своей и изведетъ от мрачныя тоя темницы. Никонъ же обѣщеваяся ему глаголетъ: аще сія тако збудутся, то исполнено будетъ прошеніе твое. И тако Никонъ и кн҃зь (л. 50 об.) пребывше въ соловецтѣй обители мало дней, взяша мощи святителя Филиппа и поидоша въ Москву. игн[атій] іеро[діа]ко[нъ]

Въ тоже время бытія Никонова въ пути и въ соловецтѣй обители приснопамятный Іосифъ святѣйшій патріархъ оставивъ вѣка сего житіе преставися въ вѣчное блаженство, тогож ҂зр҃ѯ-го лѣта апреля е҃і дня. Бяше же тогда въ Москвѣ святый Варлаамъ

митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, иже чреду свою святительскую еще при Іосифѣ патріархѣ исполняти пріиде. Бяше бо той мужъ лѣты старъ зѣло и благодати святаго духа исполненъ и пророческимъ даромъ сіяше.

Егда же Никонъ съ мощьми святаго Филиппа пріиде близъ града Москвы, тогда царь съ сунклитомъ и преосвященный Варлаамъ митрополитъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ изыде на срѣтеніе мощей святаго. И егда быша близъ другъ друга, яко уже видѣти возила идущія съ ракою святаго. [кǒ]вчегомъ Тогда царь и святитель Варлаамъ изыдоша изъ колесницъ своихъ и идяху пѣши во срѣтеніе чюдотворныхъ мощей. Святый же Варлаамъ, идый под- ...ча": іеро- держимъ двѣма архидіакономa, моляшеся, Господеви [ді]аконъ Богу глаголя: «Господи не даждь мни видѣти очима моима лютаго сего звѣря (сіесть Никона) хотящаго попрати всю вселенную. И егда доидоша мѣста другъ ко другу, яко быти единымъ точію камени верженіемъ, испроси святый Варламъ сѣсти въ кре- [Іо]ан шу- сла (л. 51.) и абіе предаде духъ свой Господеви, [шеринъ] егоже возлюби. И тако возвращьшеся внидоша вси въ царствующій градъ Москву съ чюдотворными мощьми святителя Филиппа, ихъ же положиша въ соборнѣй Успенія пресвятыя Богородицы церкви, внутрь ѡдесную страну входа южныхъ вратъ.

Сущу же Никону в тыя дни в Москвѣ, старецъ нѣкій святъ живый во обители Чюда святаго архангела Михаила, именемъ Сумеонъ, видѣ въ нощи видѣніе страшно яко змій великъ, зѣло пестръ и страшенъ видѣніемъ, обогнувся около царскія грановитыя полаты яже въ Кремлѣ и ужасную свою лютымъ ядомъ дышащую главу, и грозно прегибающійся ошибъ вложивъ на прагъ тоя полаты лежаше.

Таковое видѣніе видя старецъ той отъ ужаса скоро воспряну и пристрашенъ бывъ зѣло на многъ часъ. Потомъ въ себѣ бывъ повѣда сіе видѣніе соборнымъ братіямъ. Тіи же ужасомъ одержими глаголаху: что сіе хощетъ быти? Потомъ же скоро увѣдаша, яко во всю нощь ону, въ нюже старецъ видѣніе видѣ, Никонъ митрополитъ во оной полатѣ с царемъ бесѣдоваста, а о чемъ разглаголство ихъ было, о томъ молчаніемъ покрыся.

Видѣніе же змія того прежде помянутіи Чюдова монастыря старцы не просто быти вмѣняху, поминающе древняго змія въ Византіи съ орломъ сплет- кн̃г[а]. шася, его же хри(л. 5 об.)стіане убиша. и то убо степ[енная] зміево со орломъ сплетеніе прообразоваше впрѣд ....ва быти хотящее турецкое христіаномъ насиліе. По- ....а̃ добно тому и въ Римѣ по ҂а лѣтъ отъ Рожества Хри- ....ру стова явивыйся на воздусѣ змій нѣкій страшный, иже ....и явно указа антихристово со отступленіемъ в Римъ ....то й̃ пришествіе. И сіе поминающе, бояхуся дабы и въ ...г.҂ае̃в. Россіи не возникло что новое.

Собрану же бывшу вскорѣ россійскихъ архіереовъ освященному собору, поставленъ бываетъ патріархомъ, увы мнѣ, лютый сей дивій инокъ на пояденіе винограда Христова, Никонъ, глаголю звѣрь и не пастырь, тогожъ ҂зрѯ-го лѣта іюля к̃е дня. И сый на престолѣ во рѯа-мъ году по седми тысящахъ лютѣ прикрываетъ своя звѣриныя острыя ногти овчія кротости кожею, и входитъ во всероссійское христіанское стадо отъ десныя страны подползающею лестію. Повелѣваетъ убо напечатати книги четія и служебныя со свидѣтельствомъ во описаніи ихъ, якобы согласно древнимъ греческимъ и харатейнымъ россійскимъ книгамъ, иже явишася старопечатнымъ московскимъ книгамъ при первыхъ пяти

[пос]тавле-[ніе Н]икона [патр]іархо̃м

патріарсѣхъ печатанымъ во всемъ согласны, исправою во ороографіи подобающыя доброты изрядно блистающія, яже и донынѣ по всей Россіи по мѣстамъ обрѣтаются. Еже видѣвше людіе (л. 52) мняху его пастыря быти истинна, а не волка.

И тако пребывая, испроси у государя мѣсто, зовомое Валдай, стоящее при езерѣ Валдай, еже длиною имѣется десять верстъ, и ту устрои монастырь во имя пресвятыя Богородицы, его же именова иверскій. И повелѣ новгородскому митрополиту Макарію пренести в той монастырь изъ Боровичь святаго и праведнаго Іакова боровицкаго мощи, еже и сотвори; самъ же взя части отъ мощей святыхъ Московскихъ Чудотворцевъ Петра Алексѣя Іоны и Филиппа и положи въ тойже церкви.

Потомъ повелѣ на Кіи островѣ, иже близь Онѣги рѣки впадающія в Бѣлое соловецкое море монастырь соградити и нарече его гречески ставросъ, руски же крестъ. Повелѣ же содѣлати крестъ изъ древа кипариснаго въ высоту и широту, во всемъ подобенъ кресту Христову, на немъ же за спасеніе міра распятъ бысть; и обложи его сребромъ и златомъ и драгоцѣннымъ каменіемъ и бисеры украси. И собравъ множество частей отъ мощей святыхъ греческихъ и рускихъ, и вложи я во онъ крестъ, каждую часть в особый ковчежецъ, и посла я во оный крестный монастырь. † три с[оста]вны[и]

Таже созда монастырь воскресенскій при Истрѣ рѣцѣ въ селѣ нѣкоемъ, именуемомъ отстоящемъ отъ Москвы за четыредесятъ поприщь, егоже именова новымъ Іерусалимомъ; И нача здати церковь Воскресенія Христова (*по образу іерусалимскія церкве) и нѣкая образованія святыхъ мѣстъ, яже (л. 52 об.) именоваше ово Назаретъ, ово Виѳліемъ,

а ино темница, ино же Голгофа. Сія же вся творяше, подлагая православному христіанству простому народу яко нѣкую сладкую снѣдь, на удицѣ новостей лежащую.

Но не можаше скверпаго змія смертоносный ядъ въ сердцы лютаго того волка надолзѣ крытися. Воспомяпувъ убо лжепророка своего ссылнаго черпца Арсенія, егоже отъ соловецкого лавприноа по обѣщанію своему испустити повелѣ, не яко отъ темницы узника, но яко видѣннаго Тайновидцемъ исходящаго изъ бездны на попраніе православія звѣря.

Егоже веземъ, устрои его быти на Печатномъ дворѣ справщикомъ. Тойже окаянный древнихъ лва савряпина и лжепророковъ его богоубійцъ жидовъ клевретъ, надхненный лютымъ латинскаго отступленія ядомъ, бысть богоотступнаго звѣря Никона подобоправное ему во всякой новолюбителной лжи и дерзости любимое чадо. Съ нимъ же согласився Никонъ, подстилаетъ лесть самодержцу глаголя: владыко царю, отъ многихъ убо в народѣ слышу на словенскія книги укоризненныя словеса, яко бы съ греческими и с россійскими древними харатейными книгами несогласуютъ; да повелитъ держава ваша о семъ собрати соборъ россійскихъ архіереовъ и всѣхъ освященныхъ церковныхъ служителей, и съ ними обще раз(л. 53)смотрѣвъ подобающая въ нихъ исправити со старыхъ греческихъ и россійскихъ харатейныхъ книгъ, и во всѣхъ словесѣхъ чинѣхъ и уставахъ съ греками согласити, да не будетъ порочна наша паства. К томужъ о недовѣдомыхъ нами вещехъ послати и вселенскому патріарху и прочимъ и во святыя горы афонскую и синайскую. Самодержецъ же, таковая слышавъ отъ патріарха, повелѣ сему тако быти.

Никонъ же, получивъ сіе царскаго величества о справѣ книгъ дозволеніе, и въ лѣто ҂зр҃ѯв-е собра соборъ всероссійскихъ архіереовъ, и предложи оному собору лукавства своего ядъ, яко бы некійся о справѣ книжной. Притомъ и царское дозволеніе о томъ имъ объяви; еже они слышавше мняху правдѣ быти согласно цареву дозволенію о справѣ книгъ подписаша.

По совершеніи же того собора повелѣваетъ изъ всѣхъ россійскихъ епархій изъ книгохранителницъ собрати древнія греческія и словенскія хоратейныя книги яко бы для свидѣтельства и согласія съ ними печатныхъ Московскихъ книгъ, въ мысли же своей имѣя лукавое пронырство: аще, рече, будутъ обраны отвсюду древнія книги, не откуду будетъ собрати обличенія на его просыпанныя новины.

Симъ же тако бывающіимъ, бысть у великаго государя съ полскимъ и литовскимъ королемъ брань. К томужъ божіимъ попущеніемъ (л. 53 об.) во ономъ ҂зр҃ѯв-мъ году явися смертоносная мороваго повѣтрія язва, въ нейже мало не вси изомроша. — ѡ вой[нѣ] с полш[ей]; [о м]орово[мъ] [пов]ѣтріи

Ніконъ же невзирая на таковую божія гнѣва ярость, едино точію въ разумѣ имѣя древнее отеческое благочестіе истребити, а инославное рімское нечестіе утвердити; и того ради посылаетъ о томъ посланіе к паѵсію патріарху александрійскому тѣми же латинскими новинами [якоже глаголетъ Проскинитарій] убѣжденному, съ Мануиломъ грекомъ, уже отторгшимся древняго греческаго благочестія: да возможетъ представити самодержцу, и всему россійскому освященному собору: яко не самъ собою сія новшества вводити начинаетъ, но по согласію вселенскаго патріарха. — [о по]слан[іи] п]аѵсію [пат]р:

Той же Александрійскій пардосъ посланіе Никоново, яко нѣкую сладчайшую поглотивъ снѣдь, [издавна бо желаше Россію отъ благочестія обнажити] и собираетъ свой соборъ, противный восточнѣй древней каѳолическѣй церкви, и составивъ соборное дѣяніе присылаетъ къ Никону въ лѣто ,зр꙯ѯг-е. И въ томъ своемъ посланіи крыетъ ножь отступленія медомъ именованія точію древности, а не самою истины вещію помазанъ. [о по]слан-[ія]паисія [ко Н]икону

В. Перетцъ.

Изъ исторіи старославянскаго аориста.

Въ числѣ немногихъ морфологическихъ примѣтъ языка древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ едва-ли не самую удивительную представляетъ употребленіе окончанія -тъ во 2 и 3 лицахъ аориста такихъ глаголовъ, какъ клати, жьрѣти и бити. Явленіе это обращаетъ на себя вниманіе прежде всего своею *исключительностью*. Кромѣ небольшой группы «архаическихъ» глаголовъ, стоящихъ въ системѣ славянскаго спряженія совершенно особнякомъ, остальные глаголы, какъ извѣстно, не сохранили въ этой категоріи и слѣда какой-либо флексіи. Только вышеупомянутая группа глаголовъ является въ этомъ отношеніи рѣзкой дисгармоніей.

Такую двойственность въ образованіи одной и той же формы обыкновенно объясняютъ вліяніемъ настоящаго времени, въ силу котораго рядомъ съ болѣе древними формами кла, жьрѣ и би явились по аналогіи образованія: клатъ, жьрѣтъ и битъ. Съ тѣхъ поръ какъ Шлейхеръ[1]) впервые привелъ основанія для этого психологическаго объясненія, послѣднее сдѣлалось до такой степени популярнымъ въ научной литературѣ, что въ настоящее время, кажется, не найдется ни одного ученаго, который бы

1) Formenlehre der Kirchenslav. Sprache, Bonn. 1852. S. 337—339.

сомнѣвался въ его правильности. Какъ положеніе, окончательно доказанное, оно вошло и въ «Handbuch der altbulgarischen Sprache» Лескина, какъ извѣстно, не очень щедраго на гипотезы[1]).

Не отрицая нѣкоторыхъ достоинствъ за такого рода объясненіемъ, мы должны, однако, сознаться, что эта популярность не оправдывается логичностью ея обоснованій. Начать съ того, что наиболѣе вѣскія, на первый взглядъ, доказательства оказываются при ближайшемъ разсмотрѣніи основанными на предвзятыхъ посылкахъ. Такъ напр., если для Шлейхера[2]), однимъ изъ важнѣйшихъ аргументовъ невозможности архаическаго происхожденія формъ клатъ и т. п. служитъ несоотвѣтствіе флексіи этихъ формъ ожидаемому окончанію *t историческихъ временъ, то этотъ фактъ имѣлъ бы для насъ доказательную силу лишь въ томъ случаѣ, если бы мы знали навѣрное, что праславянскія окончанія секундарныхъ образованій были *всегда* тождественны съ индоевропейскими. На такомъ же, въ сущности, «petitio principii» построено и другое доказательство, которымъ пользуются въ своихъ изслѣдованіяхъ Лескинъ[3]) и Ягичъ[4]). По мнѣнію послѣднихъ ученыхъ, формы клатъ, жрѣтъ и т. п. должны были бы звучать *кластъ, *жрѣстъ и пр., если бы онѣ были образованіями архаическими. Но что̀ принуждаетъ насъ видѣть въ этихъ формахъ именно сигматическій аористъ? Логически нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, чтобы наши формы были и образованіями *сильнаго аориста*, какъ именно и объяснялъ ихъ Миклошичъ, въ первомъ изданіи своей «Сравнительной Грамматики славянскихъ языковъ»[5]). Какъ на косвенное под-

---

1) S. 130 (3 изд.).

2) O. c. стр. 338.

3) Ueber der Dialect der russisch. Volkslieder des Gouvernement Olonec. Beitr. z. vergleich. Sprachg. B. VI, 185.

4) Маріинское четвероевангеліе. Спб. 1883, стр. 453, 454. Ср. также его «Четыре критико-палеографическія статьи». Спб. 1884, стр. 94.

5) Vrgl. Gr. B. III[1] (Wien 1852). S. 87 Впослѣдствіи Миклошичъ отказался отъ своего мнѣнія (ср. его «Beitr. zur altslov. Grammatik» въ Sitzungsb. Вѣнской Ак. Наукъ, B. LXXXI, S. 109.

твержденіе своей гипотезы, всѣ три лингвиста указываютъ на формы аористовъ первообразныхъ глаголовъ: бысть, дасть и ѩсть, заимствовавшихъ будто-бы свою флексію изъ соотвѣтствующаго лица настоящагѡ времени. Но не говоря уже о томъ, насколько безспорно положеніе о бо́льшей первоначальности формъ Остромирова Евангелія сравнительно съ глаголическими, намъ кажется въ высшей степени невѣроятнымъ, чтобы форма бысть представляла относительно бꙑ новообразованіе. Какъ извѣстно, первая изъ этихъ формъ встрѣчается въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ исключительно въ прямой рѣчи, а вторая исключительно — въ условныхъ періодахъ. Но кромѣ послѣдней формы въ тѣхъ же случаяхъ наши памятники знаютъ и другую форму вспомогательнаго глагола -би (отъ бимь). Не подлежитъ сомнѣнію, что такой дуализмъ въ образованіи условнаго наклоненія существовалъ не искони, но ведетъ свое начало изъ того сравнительно поздняго времени, когда формы аориста бимь почему-либо стали выходить изъ обихода рѣчи. Когда именно это произошло, мы не можемъ опредѣлить съ точностью; принимая во вниманіе, однако, такіе примѣры контаминаціи обоихъ образованій, какъ биҳомъ (вм. бимъ), биша (вм. бѫ), бисте (вм. *бите) или бꙑмъ (вм. бимь), бимъ бꙑҳъ и т. п., которые встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ глаголическихъ памятникахъ [1]), мы не ошибемся, если скажемъ, что борьба между двумя формами началась гораздо раньше того времени, къ которому относятся эти памятники [2]). Это обстоятельство дѣлаетъ въ свою очередь не невозможнымъ предположеніе, что и форма бꙑ произошла изъ бꙑстъ по аналогіи би, восходящей къ *bhu-ī-t [3]). А разъ это такъ, то 1) намъ сразу дѣлается понятнымъ, почему форма бꙑстъ встрѣчается въ памятникахъ только въ прямой рѣчи, а бꙑ —

1) O. Wiedemann, Beiträge zur altbulg. Conjug. SPb. 1886. S. 35—36. A. Leskien, тамъ же, стр. 122.

2) Данныя живыхъ славянскихъ языковъ указываютъ на то, что для большинства говоровъ общеславянскаго языка процессъ этотъ закончился еще до выдѣленія ихъ въ самостоятельныя нарѣчія.

3) O. Wiedemann, стр. 35.

только въ условной; 2) мы освобождаемся отъ необходимости конструировать для языка Кирилла и Меѳодія двѣ формы условнаго наклоненія.

Изъ приведенныхъ соображеній читатель могъ убѣдиться, что аргументація Шлейхера и его послѣдователей по меньшей мѣрѣ *недостаточна*. Но объясненіе Шлейхера не только недостаточно, но и *несостоятельно*, такъ какъ заключаетъ въ себѣ рядъ внутреннихъ противорѣчій. Въ самомъ дѣлѣ, если употребленіе окончанія -тъ въ 3 л. ед. аор. есть результатъ аналогіи, то вполнѣ законенъ и само собою напрашивается вопросъ, почему это явленіе ограничено предѣлами только трехъ строго опредѣленныхъ глагольныхъ категорій, а не распространилось на всѣ. «Группировка по аналогіи, говоритъ Г. Пауль, совершается тѣмъ легче и сопровождается тѣмъ прочнѣйшими результатами, съ одной стороны, чѣмъ больше согласія въ значеніи и звуковой формѣ, съ другой стороны, чѣмъ интенсивнѣе запечатлѣны въ памяти элементы, способные къ образованію аналогическихъ группъ»[1]). Не трудно видѣть, однако, что категорія глаголовъ, употребляющихъ въ аористѣ окончаніе -тъ, находится относительно этихъ условій аналогическаго образованія не только не въ болѣе, но скорѣе даже въ менѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ другіе классы и разряды глаголовъ. Это послѣднее наблюденіе особенно справедливо относительно матерьяльнаго сходства нашихъ формъ аор. съ соотвѣтствующими формами наст. вр.: нѣтъ сомнѣнія, что такія формы аор., какъ несе, люби гораздо больше напоминаютъ формы наст. вр. несетъ, любитъ, чѣмъ кла, пожрѣ—кланетъ, жьретъ; между тѣмъ первыя никогда не приставляютъ флексіи -тъ, въ то время какъ вторыя — постоянно. То же самое можно сказать и объ интенсивности формальнаго значенія нашей группы глаголовъ. Если послѣдняя, по словамъ того же ученаго[2]), пропорціональна количеству отдѣльныхъ словъ, принадлежащихъ къ извѣстной группѣ, то тѣ 30—40 глаголовъ,

1) «Principien der Sprachgeschichte» [2] Halle 1886. S. 88.

2) Тамъ же, стр. 88.

которымъ извѣстно окончаніе -тъ въ аор., и въ этомъ отношеніи должны уступить пальму первенства почти всѣмъ другимъ глагольнымъ разрядамъ. Такое привиллегированное положеніе одной маленькой группы глаголовъ среди всѣхъ другихъ пытаїись-было объяснить «незначительнымъ объемомъ и вслѣдствіе этого недостаточною выразительностью формъ нашей группы»[1]); но съ такимъ объясненіемъ не мирятся формы ста, гъна и т. п., никогда не употребляющія ок. -тъ, хотя числомъ своихъ слоговъ онѣ не превосходятъ формы вродѣ ꙗ, жьрѣ и пр.

Изъ этого краткаго разбора гипотезы Шлейхера, читатель видитъ, что послѣдняя не можетъ быть признана отвѣчающей современнымъ научнымъ требованіямъ. Такой результатъ, впрочемъ, и не покажется намъ удивительнымъ, если мы обратимъ вниманіе, *какъ* Шлейхеръ и его послѣдователи обосновывали *свою* теорію. И Шлейхеръ, и Лескинъ, и Ягичъ приходили къ мысли о невозможности архаическаго происхожденія ок. -тъ путемъ чисто внѣшняго сопоставленія переданныхъ намъ памятниками формъ клатъ, жьрѣтъ и т. д. съ предполагаемыми индо-европ. формами сигматич. аор. Но такой пріемъ былъ бы убѣдителенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы къ сравненію можно было привлечь тождественныя образованія и другихъ языковъ, — образованія, которыя могли бы послужить звеномъ, связывающимъ индоевроп. и слав. формы. Разъ послѣднее условіе не соблюдено, — всѣ выводы остаются in suspenso, такъ какъ ихъ самая главная предпосылка — непрерывность историческаго развитія указанныхъ формъ остается недоказанной.

Между тѣмъ, можно было бы легко избѣжать этой ошибки, если бы изслѣдователи, не предрѣшая вопроса объ абсолютной древности того или другого вида формы, занялись прежде всего опредѣленіемъ ихъ древности сравнительно съ языкомъ *первоначальнаго* перевода. Сдѣлать это было бы тѣмъ болѣе необходимо, что возстановленіе главнѣйшихъ особенностей языка Славянскихъ Первоучителей вовсе не такъ безнадежно трудно, какъ

1) В. Ягичъ, *тамъ же*, стр. 454.

это можетъ показаться на первый взглядъ. Извѣстно, что древнѣйшіе старославянскіе памятники представляютъ собой произведенія не столько самостоятельнаго литературнаго творчества, сколько письменности *традиціонной*. Принимая во вниманіе, что втеченіи только двухъ вѣковъ, отдѣляющихъ древнѣйшіе глаголич. памятники отъ языка первоначальнаго перевода, послѣдній не могъ радикально измѣниться въ устахъ переписчиковъ, мы можемъ заключить a priori, что новообразованія въ языкѣ нашихъ памятниковъ должны уступать количественно формамъ, унаслѣдованнымъ по традиціи. Это обстоятельство даетъ возможность опредѣлять относительную древность двухъ формъ *статистически* путемъ болѣе или менѣе точнаго подсчета случаевъ орѳографическаго колебанія формы. Этотъ статистическій методъ можно формулировать въ видѣ такого правила: *если изъ двухъ формально-противоположныхъ образованій A и B, A представлено во всѣхъ или почти всѣхъ памятникахъ гораздо бо́льшимъ числомъ примѣровъ, чѣмъ B, то первое скорѣе заслуживаетъ названія «архаическаго», чѣмъ послѣднее*[1]).

Намъ остается теперь приложить это правило къ употребленію нашихъ формъ памятниками, чтобы стать на путь вѣрнаго рѣшенія вопроса.

Если выписать изъ десяти древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ формы какъ съ ок. -тъ, такъ и безъ послѣдняго, то въ результатѣ получится очень любопытная таблица количественнаго распространенія ихъ въ различныхъ памятникахъ. Не желая утомлять читателя подробностями статистическаго распредѣленія каждой формы каждаго глагола, мы просимъ его теперь обратить вниманіе только на слѣдующія *общія* цыфры распространенія формъ того и другого вида въ различныхъ памятникахъ.

1) Само собой разумѣется, что подобное правило не есть *законъ*, т. е. имѣетъ силу не всегда и не при всякихъ условіяхъ. Поэтому статистическій методъ можетъ привести къ серьезнымъ научнымъ результатамъ только тогда, когда соединяется съ историко-сравнительнымъ, которому, во всякомъ случаѣ, должно принадлежать послѣднее слово въ рѣшеніи вопроса.

ПАМЯТНИКИ:	Формы.	
	съ ок. -тъ.	безъ ок. -тъ.
Клоцовъ сб.	36	0
Зографское Ев.	94	6
Маріинское Ев.	96	6
Ассеманово Ев.	68	1
Синайская Пс.	35	2
Синайскій Тр.	6	1
Хиландарскіе Л.	1	0
Саввина Кн.	39	2
Остромирово Ев.	58	15
Супрасльская ркп..	31	116
Итого. . . .	464	149
[безъ Супрасльской ркп..	433	33]

Уже при бѣгломъ взглядѣ на эту табличку невольно бросается въ глаза громадное численное преобладаніе въ памятникахъ формъ съ ок. -тъ надъ формами безъ этой флексіи. Если даже принять въ разсчетъ цыфры Супр. ркп. — единственнаго памятника, въ которомъ наблюдается обратное отношеніе, — и въ такомъ случаѣ число формъ аор. съ ок. -тъ превзойдетъ болѣе, чѣмъ въ три раза, сумму формъ противоположнаго рода. Число послѣднихъ покажется еще ничтожнѣе, если мы исключимъ на время изъ сферы своихъ наблюденій данныя Супр. ркп.: образованія аориста, лишенныя ок. -тъ, не составятъ въ такомъ случаѣ и 10% общаго числа формъ. Но какъ показываетъ таблица, и это число распредѣлено въ памятникахъ неравномѣрно, но тѣмъ меньше, чѣмъ древнѣе памятники; отсюда понятно, почему глаголическіе памятники употребляютъ формы аор. безъ ок. -тъ гораздо рѣже кирилловскихъ, и почему одной изъ древнѣйшихъ глаголическихъ рукописей — Клоцову сб. эти формы незнакомы совсѣмъ.

Такое замѣчательное согласіе въ степени распространенія формъ въ памятникахъ, точно сговорившихся ставить образованія съ ок. -тъ тамъ, гдѣ мы ожидали бы формы безъ этой флексіи, можно объяснить только тѣмъ, что первыя представляютъ общее наслѣдіе нашихъ памятниковъ изъ эпохи и языка первоначальнаго перевода. А если такъ, то eo ipso намъ придется признать, что формы, подобныя клатъ, жрѣтъ и битъ, составляли въ этомъ языкѣ не исключеніе, а *правило*.

Итакъ, слѣдовательно, формы аор. съ ок. -тъ *относительно* древнѣе образованій, лишенныхъ этого окончанія. Но отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что онѣ древнѣе и *абсолютно*, т. е. что уже въ общеславянскій періодъ онѣ составляли единственно возможныя формы аориста. Въ исторіи любого языка можно найти безчисленное количество примѣровъ такъ называемой «кажущейся» древности звука или формы, когда элементъ, уже давно исчезнувшій въ обиходѣ языка, возрождается снова подъ вліяніемъ какихъ-нибудь вторичныхъ условій, напр. аналогіи. Гдѣ порука, что и наши формы не принадлежатъ къ числу подобныхъ вторичныхъ, хотя и очень древнихъ, образованій?

Но противъ послѣдняго предположенія рѣшительно говорятъ соображенія собственно лингвистическія.

1) Въ числѣ глаголовъ, почти постоянно употребляющихъ ок. -тъ, особенно замѣчательно образованіе типа оумрѣти. Какъ извѣстно, глаголъ этотъ имѣетъ троякую форму 3 л. ед. аор.: оумрѣ (или оумьрѣ), оумьре и оумръ. Но замѣчательно, что ок. -тъ, почти постоянно сопровождающее первую изъ этихъ формъ, совершенно отсутствуетъ, судя по древнѣйшимъ старослав. памятникамъ, въ послѣднихъ двухъ. Чѣмъ объяснить такую привиллегію формы оумрѣ? Конечно, не вліяніемъ наст. вр., которое въ такомъ случаѣ мы ожидали бы скорѣе видѣть въ формѣ оумьре. Настоящую причину слѣдуетъ искать въ относительной древности формы оумрѣ. Какъ доказываютъ живыя славянскія нарѣчія, вторая основа нашего глагола звучала въ общеславянскую эпоху **mer* (лит. mèr), откуда по извѣстному закону

*mrě. Въ старослав. языкѣ эта основа очень рано подверглась вліянію основы наст. вр., и потому уже въ глаголич. памятникахъ рядомъ съ древнѣйшей формой оумрѣ находимъ и позднѣйшую оумьрѣ [1]). Отъ послѣдней формы (представляющей контаминацію основы неопр. накл. съ основой наст. вр.) былъ одинъ только шагъ къ формѣ оумьре (при неопр. накл. *оумьрти). Переходъ группы ьр передъ согл. въ р̥ повелъ къ образованію формы оумр̥ъ. Обѣ послѣднія формы возникли такимъ образомъ въ сравнительно позднюю эпоху, когда ок. -тъ продолжало употребляться даже въ оумрѣтъ только по инерціи, и настолько омертвѣло формально, что перешло и во 2 л. ед. аор. (по аналогіи отношенія какъ 2 и 3 ед. веде — веде, несе — несе) [2]).

2) При изслѣдованіи генезиса какой-либо глагольной формы очень важно свидѣтельство *недостаточныхъ глаголовъ*. Вслѣдствіе плохой прозрачности своего строенія, послѣдніе одинаково хорошо обезпечены какъ отъ вліянія аналогіи другихъ глаголовъ, формальная связь съ которыми въ сознаніи говорящаго обыкновенно бываетъ разрушена, такъ и отъ измѣненій фонетико-физіологическаго характера: ихъ морфологическая изолированность дѣлаетъ ихъ въ этомъ отношеніи почти неуязвимыми. Отсюда понятно, почему недостаточные глаголы сохраняютъ въ себѣ нерѣдко такія черты строенія, которыя другіе глаголы потеряли уже давно. Прекраснымъ примѣромъ такой языковой «окаменѣлости» служитъ глаголъ сѧтъ [3]). Этимологически весьма

---

1) A. Leskien, Handbuch [3], стр. 129.

2) Впрочемъ, въ наукѣ существуетъ и другое мнѣніе, о происхожденіи формъ оумьре и оумр̥ъ. Ср. напр. Ульянова «Основы наст. вр. въ старослав. и литовск. языкахъ». Варшава, 1888. На стр. 52 этого превосходнаго труда авторъ высказываетъ предположеніе о первоначальности формъ оумр̥ѣти, пожр̥ѣти, возникшихъ изъ *оумьрти, *пожьрти и соотвѣтствующихъ лит. mirti, dirti и т. п. Но противъ такого объясненія говоритъ не только единогласное свидѣтельство *всѣхъ* живыхъ слав. нар., но и сравнительно позднее употребленіе формъ въ родѣ пожр̥ѣти (преимущественно въ Супр. ркп.). Какъ новообразованія русскаго языка мы разсматриваемъ и бѣлорусскія и малорусскія формы *мерти*, *перти* и т. п.

3) Довольно полный сводъ мнѣній объ этомъ интересномъ глаголѣ см. въ ст. Н. Шлякова «Частицы ста, ста-ни и пн.» Р. Ф. В. 1898, № 3—4, стр. 174—175.

темный, этотъ глаголъ встрѣчается въ качествѣ формы 3 л. ед. аориста 27 разъ въ одномъ только Клоцовомъ сб. Если бы ок. -тъ этой формы было заимствовано изъ наст. вр., то, конечно, писецъ этой едва-ли не древнѣйшей старослав. рукописи обмолвился бы хоть однажды правильной формой[1]). Правда, рядомъ съ формой сѧтъ въ другихъ памятникахъ — именно Маріинскомъ Ев. и Супрасльской ркп. — встрѣчается и форма сѧ[2]), но древность послѣднихъ рукописей не можетъ идти въ сравненіе съ древностью Glagolita Clozianus. Такой же удивительный архаизмъ представляетъ собой форма измѣ-тъ, встрѣчающаяся однажды на страницахъ Синайск. Пс. въ фразѣ жтроба моѣ измѣтъ сѧ[3]) (οἱ νεφροί μου ἠλλοιώθησαν). Эта форма, находящаяся въ этимологическомъ родствѣ съ латышск. глаг. mit (мѣнять) и слав. мѣна[4]), не можетъ быть иначе объяснена, какъ форма аор. съ *архаическимъ* окончаніемъ -тъ.

3) Еще Миклошичъ указалъ, что древнер. памятники (и изъ нихъ прежде всего Остром. Ев.), употребляющіе въ наст. вр. исключительно ок. -ть, въ нашихъ формахъ сохраняютъ фл. -тъ безъ перемѣны. Насколько вѣрно предложенное Миклошичемъ объясненіе *происхожденія* этого явленія, какъ южнославянскаго par excellence, настолько несостоятельно истолкованіе *значенія* того же явленія. Наши древніе памятники не измѣняютъ аористической флексіи -тъ въ ть не потому конечно, что «не знали, какъ отнестись къ окончанію»[5]), а потому, что считали его инымъ по происхожденію, чѣмъ фл. -ть въ наст. вр. Справедливость такого именно предположенія доказываетъ не только

1) Встрѣчающаяся однажды форма сѧти (ср. V. Vondrák, Glag. Clozův, стр. 19) не можетъ служить реминисценціей древняго ок. ть. Въ виду исключительности этой формы гораздо правильнѣе смотрѣть на эту форму, какъ на описку.

2) Въ обоихъ по одному разу.

3) Leskien, Handbuch [3], стр. 132.

4) Какъ недавно показалъ г. Горакъ, къ той же семьѣ корней принадлежитъ и основа *mьnjъs- (ст.-сл. мьнии). K etymologii komparativného kmene *mьnjъs- Listy fil. R. XXVI, стр. 116—123.

5) Ягичъ. тамъ же, стр. 454.

сравнительно строгая закономѣрность этого явленія въ Остром. Ев., но и очень частое употребленіе древнерусскими памятниками ок. -тъ въ 3 л. ед. и мн. имперфекта и даже аор. [1]). Послѣднее обстоятельство для насъ особенно важно, такъ какъ оно исключаетъ мысль, будто ок. -тъ въ такихъ формахъ, какъ клатъ, могло показаться русскимъ писцамъ чуждымъ для ихъ языка.

Таковы собственно-лингвистическія соображенія, которыя, вполнѣ гармонируя съ указаннымъ нами количественнымъ преобладаніемъ формъ съ ок. -тъ надъ ихъ антиподами, даютъ первымъ право считаться не только относительно, но и *абсолютно* болѣе древними, чѣмъ вторые.

Но если такъ, то рождается новый вопросъ: какъ же квалифицировать наши формы морфологически? Выше мы видѣли, что существуютъ вѣскія основанія не считать ихъ формами сигматич. аор. Къ какой же категоріи ихъ слѣдуетъ въ такомъ случаѣ причислить?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Супрасльская рукопись.

Мы видѣли, что эта рукопись представляетъ единственное исключеніе между другими старослав. памятниками, употребляя формы безъ ок. -тъ въ пять разъ чаще формъ противоположнаго рода. Причина этого явленія заключается, конечно, въ сравнительно позднемъ возрастѣ нашего памятника, благодаря которому ок. -тъ отпадаетъ очень часто даже въ наст. вр. [2]). Если теперь сопоставить съ этимъ фактомъ другую оригинальную черту языка Супр. ркп. — почти полное отсутствіе въ немъ формъ *простого аориста*, то невольно напрашивается догадка,

1) Примѣры употребленія ок. -тъ въ 3 л. аор. такихъ глаголовъ, какъ веде, несе, приведены въ достаточномъ числѣ въ изслѣдованіи П. А. Лавровскаго «О языкѣ сѣв. русс. лѣтописей». Спб. 1852, стр. 89. Относительно перехода этого окончанія въ южно-русс. памятникахъ перед. слѣд. и въ ти и ты см. замѣчанія А. Шахматова въ «Beiträge zur russischen Grammatik» (Archiv für Slav. Philol., VII, стр. 73—76).

2) Именно болѣе 80 разъ, въ то время какъ въ другихъ глаголич. и кирилл. памятникахъ это явленіе неизвѣстно почти совсѣмъ. (Ср. O. Wiedemann, O. c., стр. 13—14).

не находятся ли оба эти явленія во внутренней связи другъ съ другомъ? А эта догадка влечетъ за собой другое предположеніе: не представляютъ-ли формы: клатъ, жрѣтъ и битъ образованія не слабаго, а *сильнаго аориста на гласную?*

Что такой аористъ могъ существовать въ слав. языкахъ, на это ясно указываютъ такія формы какъ да (ср. санскр. a-dhā-s, a-dhā-t и греч. ἔ-δω-ς, ἔ-δω), бѣ (индоевр. bhu̯-ē-s, bhu̯-ē-t), ста (санскр. a-sthā-s, a-sthā-t и греч. ἔστη-ς, ἔστη). Изъ этого, конечно, не слѣдовало бы, что и наши формы представляютъ образованія сильнаго аориста, если бы мы не имѣли факта, косвенно подтверждающаго это предположеніе. Мы доказали выше, что въ языкѣ первоначальнаго перевода были только формы съ ок. -тъ. Но если такъ, то не клатъ, жрѣтъ и пр. возникли изъ кла, жрѣ и пр., а наоборотъ послѣднія изъ первыхъ. По аналогіи, мы въ правѣ заключить, что и да произошло изъ *датъ или *дат, вытѣсненнаго въ старослав. языкѣ еще до начала письменности формою сигматич. аор. дастъ. Если эта дедукція вѣрна, то употребленіе кла, жрѣ и другихъ формъ безъ ок. -тъ должно быть пропорціонально употребленію да. Памятники блестяще оправдываютъ это апріорное предположеніе: Клоцовъ сб. и Ассеманово Ев., не знающіе почти совсѣмъ формъ, лишенныхъ флексіи, почти не употребляютъ и формы да; напротивъ, Супрасльская ркп., сравнительно богатая ими, употребляетъ форму да болѣе 30 разъ.

Мы привели это соображеніе только потому, что оно, если и косвенно, то все-таки фактически подтверждаетъ нашу гипотезу; но послѣдняя въ крайнемъ случаѣ, можетъ легко обойтись и безъ этого доказательства. Если клатъ, жрѣтъ и пр. не могутъ быть формами слабаго аориста, то этотъ аористъ можетъ быть только несигматич., уже въ силу логическаго закона исключеннаго третьяго.

Намъ могутъ, однако, задать вопросъ: если наши формы представляютъ собой образованія сильнаго аор., то почему онѣ имѣютъ окончаніе неисторическихъ временъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть двоякій: окончаніе -тъ представляетъ собой или остатокъ медіальной флексіи, какъ думалъ еще Боппъ во второмъ изданіи своей Грамматики, или есть результатъ простого заимствованія изъ иньюнктива. Какое изъ этихъ двухъ предположеній болѣе вѣроятное, доказать, при современномъ состояніи вопроса, нельзя. Поэтому, намъ остается утѣшаться мыслью, что если флексія нашихъ формъ и не подтверждаетъ гипотезы, то, во всякомъ случаѣ, и не противорѣчитъ ей....

Г. Ильинскій.

Первыя басни И. А. Крылова.

Второго февраля 1838 года съ небывалой до тѣхъ поръ торжественностью отпраздновано было, съ Высочайшаго соизволенія, пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Крылова. Его чествовали тогда исключительно какъ *баснописца*: ни о его журнальной дѣятельности, ни о драматическихъ сочиненіяхъ никто не вспоминалъ.

Это бросилось въ глаза самому Крылову, и онъ говорилъ на другой день юбилея: «Не думалъ и не гадалъ, когда написалъ первыя мои басни, чтобъ онѣ повели меня такъ высоко»[1]).

Между тѣмъ, извѣстность Крылова, какъ баснописца, относится ко второй половинѣ его литературной дѣятельности. Въ первой же ея половинѣ онъ является передъ нами какъ драматургъ, журналистъ и сатирикъ. Извѣстный гр. Д. И. Хвостовъ, призналъ даже Крылова настоящимъ драматургомъ и убѣждалъ его продолжать изобличать въ комедіяхъ пороки современнаго общества. Въ посвященномъ Крылову стихотвореніи онъ говорилъ:

«Для дочекъ написавъ уроки,
«Крыловъ, ты послѣ замолчалъ;
«И свѣта моднаго пороки
«Перомъ своимъ не обличалъ.

1) Булгаринъ: «Воспоминанія объ И. А. Крыловѣ». Сѣв. Пчела, 1845, № 9, стр. 35.

«Пусть наши милые соземцы
«Русалкой [1]) тѣшатся, какъ Нѣмцы;
«Хохочутъ, сидя по скамьямъ,
«Когда гурьбой медвѣди скачутъ;
«Однако, волю давъ сердцамъ,
«Въ Эдипѣ [2]) зрители всѣ плачутъ.
«Возьми личину и перо,
«Какъ началъ, поучай остро.
«Ступай въ Сызрань и дальше Вятки,
«Нигдѣ иноплеменныхъ дядьки
«Не смѣютъ, брося лошадей,
«Боярскихъ обучать дѣтей.
«Когда всѣ Вральманы исчезли,
«Тѣмъ насъ Фонъ-Визинъ одолжилъ:
«Коль Музы храмъ кому отверзли,
«Не тщетно тотъ на свѣтѣ жилъ.
«Скажи, почто не украшаться,
«Дарами щедрыми небесъ?
«Почто тебѣ не покушаться
«Безпутныхъ осрамить повѣсъ?
«Дерзай во слѣдъ за Моліеромъ,
«Иль будь въ Россіи самъ примѣромъ
«Пріятной слога чистотой,
«Разумныхъ шутокъ остротой,
«Хитро-сплетенною завязкой;
«Смотри, чтобъ не казались сказкой
«Поступки лицъ и разговоръ;
«Но умъ обворожа и взоръ,
«Заставь, чрезъ сладкіе уроки,
«Увидѣть наши въ нихъ пороки» [3]).

---

1) Здѣсь рѣчь идетъ о комической оперѣ «Русалка», передѣланной Краснопольскимъ изъ нѣмецкой пьесы «Das Donauweibchen». Поставленная на сцену въ первый разъ въ 1803 г., она, несмотря на нелѣпость содержанія, сдѣлалась надолго любимой пьесой петербургской публики и давалась черезъ день. Многія аріи изъ нея распѣвались въ гостиныхъ. (Я. К. Гротъ. Жизнь Державина, стр. 877—878. См. также: М. А. Дмитріева, «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 51—52).

2) Трагедія В. А. Озерова: «Эдипъ въ Аѳинахъ», поставленная на сцену въ 1804 г.

3) Полное собр. стихотвор. гр. Хвостова (Спб. 1817, ч. II, стр. 46—51).

И не одинъ гр. Хвостовъ расположенъ былъ видѣть въ Крыловѣ «русскаго Мольера». Въ 1832 г. Каменевъ, въ разборѣ пьесы кн. А. А. Шаховского «Двумужница», вспоминалъ объ оперѣ Крылова «Илья Богатырь», «умномъ произведеніи писателя, который былъ бы русскимъ *Мольеромъ*, еслибъ не былъ *Лафонтеномъ*»[1]). При его жизни однако ни самъ онъ, ни современники его почти не вспоминали объ его ранней литературной дѣятельности. Знаменитыя басни затмили всѣ его предшествовавшіе литературные труды.

Въ концѣ концовъ Крыловъ, какъ драматургъ, журналистъ и сатирикъ, и Крыловъ, какъ баснописецъ, такъ рѣзко различались въ представленіи современниковъ, что одинъ изъ нихъ сказалъ: «Литературная жизнь Крылова представляетъ рѣдкое явленіе. Она дѣлится, широкимъ промежуткомъ, на два неравные періода. Въ первомъ видимъ умнаго писателя, ничѣмъ не возвышавшагося, ни талантомъ, ни слогомъ, надъ своими современниками, связаннаго тяжелыми узами безвкусія, подражательности, варварскаго слога старинной эпохи; въ другомъ — оригинальнаго, геніальнаго, образованнаго поэта. Умри онъ въ одно время съ товарищемъ своимъ Клушинымъ (1804 г.), никто не догадался-бы нынѣ, что когда-либо существовалъ Крыловъ»[2]). Другой современникъ и біографъ Крылова, П. А. Плетневъ, писалъ: «По соображеніи всего, что въ жизни Крылова предшествовало 1808 году, можно сказать, что для насъ Крыловъ родился только въ сорокъ лѣтъ. Въ это время онъ созналъ свое назначеніе, устремивши всю поэтическую дѣятельность свою на одинъ родъ» (Соч. Плетнева, т. II, стр. 72).

Но когда же именно, съ какого года началась дѣятельность Крылова, какъ баснописца? Когда написаны первыя его басни? По свидѣтельству М. Лобанова, лично знавшаго Крылова, «пер-

---

1) Литер. прибавл. къ Русск. Инв. 1832, № 102, стр. 815.

2) Сѣверн. Пчела 1857 г., № 147: «Пчелка» (фельетонъ). Газетныя замѣтки Эрміона (Н. И. Греча), стр. 691.

вымъ его опытомъ въ стихахъ была басня, переведенная имъ на 14-мъ году (слѣдовательно въ 1781—82 г.) изъ Лафонтена, которую знатоки того времени, и между прочимъ И. И. Бецкой, хвалили; но время истребило ее» (Сынъ Отеч. 1847, № 1, русск. ист., стр. 4—5).

Къ сожалѣнію, должно сказать, что время истребило не только самую басню, этотъ любопытный дѣтскій опытъ Крылова въ томъ родѣ, который потомъ прославилъ его, но и самую память о такомъ раннемъ началѣ баснописной дѣятельности Крылова, которую, по установившемуся въ литературѣ мнѣнію, относятъ къ гораздо болѣе позднему времени, къ 1806-му году, когда въ январьской и февральской книжкахъ «Московскаго Зрителя» появились три его басни, считающіяся, поэтому, *первыми* его баснями.

Такъ какъ это были басни переводныя, то онѣ и помѣщены были въ отдѣлѣ: «Словесность иностранная».

Этотъ фактъ и принятъ былъ за *начало* баснописной дѣятельсти Крылова, которому въ это время было 38 лѣтъ. И никто не обратилъ вниманія на нѣкоторую странность и неловкость такого *начала* въ отдѣлѣ словесности *иностранной* для оригинальнѣйшаго и самобытнѣйшаго писателя.

Такой поздній переходъ Крылова къ тому роду, который почти тотчасъ-же признанъ былъ всѣми его настоящимъ родомъ, тогда объясняли даже, какъ психологическую необходимость. «Есть люди, которые по разсчетамъ-ли здраваго ума, или по экономіи природы, позже другихъ начинаютъ предаваться всѣмъ наслажденіямъ жизни», писалъ Орестъ Сомовъ въ своемъ разборѣ басенъ Крылова. «За то эти наслажденія долговѣчнѣе, чувства ихъ соблюдаютъ всю живость, ощущенія всю свѣжесть молодости въ такіе лѣта, когда другіе живутъ уже однимъ воспоминаніемъ. Тоже можно примѣнить и къ талантамъ, и говоря о нихъ, естественно приходитъ на мысль несравненный нашъ Крыловъ. Талантъ сего баснописца развился въ возрастѣ зрѣлаго мужества, и съ тѣхъ поръ безпрерывно шелъ отъ успѣховъ

къ успѣхамъ, отъ совершенства къ совершенствамъ. Избранный имъ родъ сочиненій весьма благопріятствовалъ сему позднему развитію: басня требуетъ поэзіи ума, т. е. отчетливости въ созданіи, обдуманности въ цѣли, правдоподобія, глубокой истины въ примѣненіяхъ и, такъ сказать, цѣлости и полноты обѣихъ частей ея — вымысла и нравственныхъ слѣдствій, изъ онаго извлекаемыхъ. — Въ лѣта, когда страсти перестаютъ мучительно тревожить насъ, въ лѣта опытности и соображенія, человѣкъ яснѣе видитъ пороки и недостатки человѣческіе, полнѣе постигаетъ ихъ и вѣрнѣе передаетъ въ своихъ поучительныхъ разсказахъ. Таковъ плѣнительный наставникъ нашъ Крыловъ: онъ чудно соединилъ въ себѣ юность поэтическаго дарованія съ пожилыми совѣтами и наставленіями разсудительной опытности; любуешься и дивишься, встрѣчая у него часто свѣжіе, трепещущіе жизнью и цвѣтущіе молодостью стихи на ряду съ поученіями ума, давно знакомаго съ жизнью и по опыту знающаго ея превратности» («Сѣверные Цвѣты» 1831, стр. 36).

Такимъ образомъ, еще въ самый разцвѣтъ баснописной дѣятельности Крылова составилось убѣжденіе въ совершившемся въ его литературной дѣятельности рѣзкомъ и окончательномъ переворотѣ, превратившемъ его изъ малоизвѣстнаго писателя въ знаменитаго баснописца. Виновникомъ такой перемѣны считаютъ, отчасти со словъ самого Крылова, извѣстнаго предшественника его на поприщѣ баснописанія, И. И. Дмитріева.

Впервые объ этомъ вліяніи Дмитріева на баснописную дѣятельность Крылова сообщила г-жа Карлгофъ въ «Звѣздочкѣ» 1844 г., а за нею повторили это и всѣ остальные біографы Крылова, лично его знавшіе (М. Лобановъ, П. А. Плетневъ, С. Н. Глинка и друг.), тотчасъ-же послѣ смерти Крылова разсказавшіе намъ все, что они знали о нашемъ знаменитомъ баснописцѣ. Съ тѣхъ поръ эти подробности о началѣ баснописной дѣятельности Крылова и той роли, какую игралъ въ этомъ И. И. Дмитріевъ, окончательно вошли въ біографію Крылова и постоянно повторяются всѣми его біографами.

Такимъ образомъ, можно признать, что въ литературѣ окончательно установились и всѣми признаны слѣдующіе два факта въ жизни и литературной дѣятельности Крылова: 1, что до 1806 года онъ не только не писалъ басенъ, но даже самъ не подозрѣвалъ въ себѣ дарованія къ этому роду поэзіи; 2, что открылъ въ немъ этотъ талантъ и великодушно направилъ его на поприще баснописца царившій до тѣхъ поръ въ области басни И. И. Дмитріевъ, послѣ прочтенія перваго опыта Крылова въ этомъ, новомъ для него родѣ.

Оба эти факта составляютъ, очевидно, двѣ стороны одного и того-же вопроса: когда началась баснописная дѣятельность Крылова?

Первый фактъ касается, внутренней стороны дѣла и переходитъ въ общій вопросъ о процессахъ поэтическаго творчества Крылова вообще; второй относится къ внѣшней сторонѣ, къ вопросу объ обстоятельствахъ, побудившихъ Крылова изъ журналиста, сатирика и драматурга превратиться и навсегда въ баснописца.

На первой, внутренней сторонѣ вопроса я остановлюсь подробно далѣе, а пока считаю необходимымъ покончить съ вопросомъ о вліяніи Дмитріева. Все, что мы знаемъ объ этомъ, сообщено, какъ мы видѣли, только сослуживцами, друзьями и современниками Крылова. Самъ онъ ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ произведеній своихъ, равно какъ и ни въ одномъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ писемъ нигдѣ, ни словомъ не упоминаетъ объ этомъ вліяніи. И. И. Дмитріевъ ни въ своихъ письмахъ, ни въ Запискахъ тоже ничего объ этомъ не говоритъ даже вовсе не упоминаетъ о началѣ знакомства своего съ Крыловымъ.

Если со стороны Крылова такое умолчаніе можно объяснить случайностью, тѣмъ, что ему просто не представилось повода разсказать объ этомъ печатно (хотя, какъ увидимъ далѣе, даже такое предположеніе сомнительно), то умолчаніе Дмитріева объ его участіи въ переходѣ Крылова къ баснѣ, а, слѣдовательно, и

къ литературной славѣ, ничѣмъ не объяснимо, если считать несомнѣннымъ, что онъ, дѣйствительно, имѣлъ въ данномъ случаѣ такое рѣшительное вліяніе на Крылова.

Извѣстно, что Дмитріевъ писалъ свои Записки уже въ послѣдніе годы своей жизни, во второй половинѣ двадцатыхъ и первой половинѣ тридцатыхъ годовъ[1]), когда слава Крылова, какъ баснописца, окончательно установилась, а его предшествовавшая литературная дѣятельность предана была и имъ самимъ и современниками полному забвенію. Конечно, странно было бы, если бы Дмитріевъ сталъ хвастаться своимъ участіемъ въ окончательномъ опредѣленіи литературнаго поприща Крылова; но онъ могъ просто разсказать объ этомъ, какъ о фактѣ.

Однако, о своемъ вліяніи на литературную дѣятельность Крылова и вообще о своемъ участіи въ ней онъ не говоритъ ни слова. И объяснить это можно только тѣмъ, что фактъ этотъ далеко не имѣлъ того рѣшающаго для Крылова значенія, какое обыкновенно ему приписываютъ.

Подтвержденіемъ этого служитъ тотъ фактъ, что и въ Запискахъ племянника И. И. Дмитріева, М. А. Дмитріева, объ этомъ тоже ничего не говорится. А между тѣмъ, племянникъ не пропускаетъ случая разсказать всякую благопріятную для дяди подробность. И самый разсказъ о приходѣ Крылова къ Дмитріеву съ баснями написанъ М. А. Дмитріевымъ въ защиту дяди отъ упрековъ въ литературной зависти. Тутъ кстати было бы разсказать, что дядя не только не завидовалъ Крылову и не соперничалъ съ нимъ, но даже прямо направилъ его на поприще баснописца, сказавъ: «это истинный вашъ родъ, наконецъ вы нашли его». Но въ Запискахъ М. А. Дмитріева ничего подобнаго нѣтъ. Онъ просто разсказываетъ самый фактъ, причемъ заканчиваетъ такими словами: «Всего замѣчательнѣе, что одна изъ этихъ басенъ была *Дубъ и Трость*, въ которой Крыловъ (пере-

---

1) Въ первый разъ о нихъ упоминается въ перепискѣ его съ Карамзинымъ, въ письмѣ Карамзина отъ 24 сентября 1823 г. (см. стр. 358).

ведя ее послѣ Дмитріева) именно вступилъ этимъ съ нимъ въ соперничество» («Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 117).

Такимъ образомъ, *единственной* заслугой И. И. Дмитріева племянникъ его выставляетъ то, что онъ безпристрастно призналъ достоинства своего неожиданнаго соперника, а самое замѣчательное въ его поступкѣ видитъ въ томъ, что онъ не задумался содѣйствовать напечатанію той именно басни Крылова, которою послѣдній вступалъ съ нимъ въ соперничество. Конечно, одного этого достаточно для того, чтобы признать поступокъ Дмитріева и благороднымъ и безпристрастнымъ; но насъ весь этотъ эпизодъ интересуетъ лишь тѣмъ, какъ далеко простиралось въ данномъ случаѣ вліяніе Дмитріева на литературную дѣятельность Крылова. Того, что̀ разсказалъ М. А. Дмитріевъ и что̀, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, только и происходило въ дѣйствительности, еще недостаточно для признанія за Дмитріевымъ того рѣшающаго вліянія, какое обыкновенно ему приписываютъ. Мы видѣли, что въ разсказѣ М. А. Дмитріева нѣтъ ни слова о томъ, что И. И. Дмитріевъ уговаривалъ Крылова заняться баснями, что онъ опредѣлилъ самому Крылову, что это его настоящій родъ, который онъ наконецъ нашелъ. А это *гораздо замѣчательнѣе* простой отдачи въ печать такой басни, какъ Дубъ и Трость, уже переведенной раньше Крылова самимъ Дмитріевымъ, потому что въ этихъ совѣтахъ Дмитріева Крылову именно и видятъ всю его заслугу, въ нихъ и видятъ *начало* баснописной дѣятельности Крылова, который не могъ не довѣриться сужденіямъ и совѣтамъ такого авторитетнаго для него въ данномъ случаѣ судьи: вѣдь онъ за ними собственно и пришелъ, какъ обыкновенно думаютъ.

Но объ этихъ-то совѣтахъ сами главныя дѣйствующія лица, тѣ именно, которыя лучше всѣхъ знаютъ, какъ было дѣло, и молчатъ.

Не говорится ничего о вліяніи Дмитріева на баснописную дѣятельность Крылова и въ біографіи И. И. Дмитріева, написанной кн. П. А. Вяземскимъ и приложенной къ изданію стихо-

твореній Дмитріева 1823 г. Очевидно, въ это время еще не существовало разсказа объ этомъ вліяніи. Кн. Вяземскій ограничивается только тѣмъ, что говоритъ о Крыловѣ, какъ объ одномъ изъ соперниковъ Дмитріева, «который не только послѣдовать, но, такъ сказать, бороться дерзнулъ съ нашимъ поэтомъ, перерабатывая басни, уже имъ переведенныя, и басни превосходныя, и мы благодарны ему за его смѣлость» (стр. XL). А далѣе замѣчаетъ: «Но г. Крыловъ, съ искренностью и праводушіемъ возвышеннаго дарованія, безъ сомнѣнія сознается, *что если не взялъ онъ предмѣстника за образецъ себѣ*, то по крайней мѣрѣ имѣлъ въ немъ примѣръ поучительный и путеводителя, угладившаго ему стезю къ успѣхамъ. *Если и не ступать по слѣдамъ пробитымъ*, то все легче итти по дорогѣ, на коей уже значатся слѣды. Г. Крыловъ нашелъ языкъ выработанный, многія формы его готовыя, стихосложеніе — хотя и нынѣ у насъ еще довольно упорное, но уже сколько-нибудь смягченное опытами силы и мастерства» (стр. XL—XLI).

При этомъ сопоставленіи обоихъ баснописцевъ именно кстати было бы указать, что счастливый соперникъ Дмитріева обязанъ ему не только тѣмъ, что получилъ отъ него готовыя, выработанныя формы, но и тѣмъ, что былъ направленъ имъ на тотъ путь, на которомъ его ожидалъ такой успѣхъ. Но кн. Вяземскій ничего этого не сказалъ и даже отвергъ мысль о подражаніи Дмитріеву со стороны Крылова. Очевидно, въ 1823 году о руководящемъ значеніи Дмитріева въ баснописной дѣятельности Крылова рѣчи еще не было: она начинается только послѣ статьи г-жи Карлгофъ, т. е. съ 1844 г.

Такое умолчаніе объ этомъ и Крылова, и обоихъ Дмитріевыхъ, и перваго біографа И. И. Дмитріева, кн. П. А. Вяземскаго, не можетъ не возбудить вопроса: такъ-ли все это было? Не преувеличена-ли въ этомъ дѣлѣ роль Дмитріева восторженными поклонниками обоихъ баснописцевъ?

Остановиться на этихъ вопросахъ тѣмъ болѣе умѣстно, что обращеніе Крылова къ Дмитріеву было, по всей вѣроятности,

единичнымъ фактомъ и не установило никакой между ними связи, даже не повело, повидимому, къ продолженію знакомства. По крайней мѣрѣ у насъ нѣтъ никакихъ указаній о томъ, установились-ли какія нибудь сношенія Крылова съ Дмитріевымъ послѣ свиданія ихъ въ Москвѣ въ 1806 году? Если это свиданіе имѣло тотъ именно смыслъ, какой ему обыкновенно придаютъ, т. е.,— что Крыловъ явился къ Дмитріеву какъ къ авторитету, мнѣніе котораго должно было имѣть для него рѣшающее значеніе, то ограничиться *однимъ* посѣщеніемъ и, получивъ отъ Дмитріева одобреніе, *сразу* перейти къ *новому* (какъ до сихъ поръ думаютъ) роду поэзіи только потому, что такъ рѣшилъ Дмитріевъ, Крыловъ, очевидно, не могъ. Если онъ такъ твердо вѣровалъ въ авторитетъ Дмитріева, какъ баснописца, что отдалъ на его судъ и рѣшеніе свои басни, то вполнѣ естественно было-бы съ его стороны воспользоваться безпристрастіемъ и благосклонностью Дмитріева и искать его руководства и совѣтовъ и далѣе, особенно въ виду того, что басня была, какъ до сихъ поръ думаютъ, совершенно новымъ и неожиданнымъ для самого Крылова родомъ поэзіи. А тогда, конечно, установились бы между ними и сношенія, сначала письменныя, пока оба жили въ разныхъ городахъ — Дмитріевъ въ Москвѣ, а Крыловъ въ Петербургѣ, а потомъ, по переѣздѣ Дмитріева въ Петербургъ, и личныя. Но въ такомъ случаѣ объ этихъ сношеніяхъ сохранились бы какія-нибудь свѣдѣнія. Вполнѣ естественно заключить, что, такъ какъ никакихъ свѣдѣній объ этихъ сношеніяхъ нѣтъ, то ихъ и не было: Крыловъ былъ у Дмитріева всего только одинъ разъ, въ Москвѣ, въ 1806 году [1]).

Но тогда возникаетъ вопросъ: неужели онъ въ самомъ дѣлѣ приходилъ къ Дмитріеву за рѣшеніемъ вопроса о достоинствѣ

1) Все, что можно допустить, на основаніи имѣющихся въ печати свѣдѣній, это — случайныя встрѣчи обоихъ баснописцевъ въ обществѣ. Объ одной изъ такихъ встрѣчъ разсказывается въ Сѣв. Пчелѣ 1857 г. (№ 147): «Однажды въ большомъ обществѣ дама заставила Крылова, въ присутствіи Дмитріева, прочесть новую басню. Иванъ Ивановичъ, выслушавъ ее, сказалъ съ своею умною, значительною улыбкой: «Злодѣй! И сердиться на него нельзя».

переведенныхъ имъ басенъ? И неужели онъ въ 38 лѣтъ такъ мало понималъ себя и такъ мало смыслилъ въ литературныхъ вопросахъ, что сразу подчинился мнѣнію Дмитріева и сразу *по его только совѣту*, послушно оставилъ всякую другую литературную дѣятельность и сталъ писать басни? Допустить этого невозможно, потому что это противорѣчитъ и простому здравому смыслу и независимому, во многомъ даже своеобразному характеру Крылова. Поэтому, приходится искать другихъ побужденій у Крылова для посѣщенія имъ Дмитріева. Очевидно, онъ приходилъ къ нему не столько для того, чтобы отдать на его судъ свои переводныя басни и ждать отъ него рѣшенія о томъ, есть-ли у него талантъ къ этому роду поэзіи, сколько по другимъ причинамъ.

Дѣло въ томъ, что въ литературной дѣятельности Крылова былъ большой промежутокъ времени, съ 1795 по 1806 г., когда онъ совсѣмъ исчезаетъ съ литературнаго поприща; по крайней мѣрѣ за этотъ десятилѣтній промежутокъ времени намъ не извѣстно ни одного его печатнаго произведенія. Самъ онъ сначала (съ 1795 по 1801 г.) совсѣмъ пропадаетъ изъ глазъ своихъ біографовъ, которые не могутъ рѣшить, чтó онъ въ это время дѣлалъ и гдѣ находился, а потомъ (съ 1801 по 1806 г.) онъ жилъ при кн. Голицынѣ, сначала въ Ригѣ, а потомъ въ его имѣніяхъ. За этотъ долгій промежутокъ времени онъ растерялъ всѣ свои литературныя связи. Прежніе его сотрудники по журнальной дѣятельности разсѣялись: одни умерли (Клушинъ, Радищевъ), другіе жили въ своихъ имѣніяхъ (И. Г. Рахманиновъ, Ѳ. О. Туманскій), третьи жили вдали отъ столицы по службѣ (Н. Ѳ. Эминъ — губернаторомъ въ Выборгѣ). Во главѣ литературы и журналистики стояли въ 1806 году московскіе литераторы Карамзинъ, Дмитріевъ и Жуковскій. Возобновивъ, переводомъ басенъ, свою литературную дѣятельность, Крыловъ и долженъ былъ искать сближенія съ ними. Конечно, всего естественнѣе было обратиться къ главному изъ нихъ, — Карамзину. Но онъ въ это время окончательно, прекратилъ уже свою журнальную

дѣятельность и, по выраженію кн. Вяземскаго, «постригся» въ историки. Да если бы онъ и продолжалъ журнальную дѣятельность, врядъ-ли Крыловъ рѣшился-бы завести съ нимъ сношенія. Извѣстно, что онъ не сочувствовалъ сентиментализму Карамзина и осмѣивалъ его въ своихъ журналахъ; между ними рѣшительно ничего не было общаго, не на чемъ было сойтись и поладить. Жуковскій самъ только еще начиналъ свою литературную и журнальную дѣятельность и врядъ-ли могъ въ это время остановить на себѣ вниманіе Крылова. Послѣдній, какъ опытный журналистъ и литераторъ, совершенно вѣрно рѣшилъ выборъ. Возобновивъ литературную дѣятельность и обратившись къ тому роду поэзіи, въ которомъ онъ уже раньше, за долго до 1806 г., какъ увидимъ далѣе, упражнялся, онъ, *для помѣщенія въ печать своихъ басенъ*, обратился къ Дмитріеву, подъ покровительствомъ котораго кн. Шаликовъ издавалъ въ Москвѣ «Московскій Зритель», что̀ весьма легко могло быть извѣстно Крылову [1]). Въ этомъ, по моему мнѣнію, заключалось единственное побужденіе, по которому Крыловъ явился къ Дмитріеву. И послѣдній, очевидно, такъ и понялъ это. Одобривъ басни Крылова, онъ отослалъ ихъ въ журналъ кн. Шаликова, и этимъ всѣ сношенія нашихъ баснописцевъ кончились. Оттого Дмитріевъ и не упоминаетъ въ своихъ Запискахъ объ этомъ единственномъ свиданіи своемъ съ Крыловымъ: это былъ самый обыкновенный, единичный случай, простое литературное посредничество — и только. Никакой важности, никакого рѣшающаго для Крылова значенія свиданіе это не имѣло и не могло имѣть. Нѣтъ повода, конечно, отвергать позднѣйшихъ разсказовъ Крылова о томъ, что во время этого свиданія Дмитріевъ совѣтовалъ ему заняться баснями, не пренебрегать такъ очевидно выразившимся дарованіемъ къ этому роду поэзіи; было бы даже странно, если бы

---

1) Объ участіи И. И. Дмитріева къ журналу кн. Шаликова см. въ письмахъ Дмитріева къ Д. Н. Языкову (Соч. Дм—ва, подъ ред. А. А. Флоридова, т. II, стр. 196—200). Участіе это было настолько замѣтно, что С. Н. Глинка назвалъ его даже «покровительствомъ».

Дмитріевъ не сказалъ этого. Но не эти совѣты рѣшили для Крылова вопросъ, который и возникъ для него не теперь, не при свиданіи съ Дмитріевымъ, а гораздо раньше.

И мнѣ думается, что у насъ есть сильное основаніе усомниться въ истинности передаваемаго біографами Крылова извѣстія о руководящемъ участіи И. И. Дмитріева въ литературной дѣятельности Крылова, если вспомнить, что есть другое свидѣтельство, пренебреженное біографами Крылова, но подтвержденное самимъ баснописцемъ.

Бантышъ-Каменскій въ своей статьѣ о Крыловѣ разсказываетъ: «Предвидя будущую славу нашего знаменитаго писателя, Оленинъ присовѣтовалъ ему заниматься одпѣми баснями и дать волю изобрѣтательному уму представлять изображаемые предметы въ живописномъ видѣ» (Библ. для чтен., 1845, т. 69, науки и худож., стр. 12—13). Тутъ А. Н. Оленину приписывается та-же роль, какую обыкновенно присвоиваютъ И. И. Дмитріеву. Но мы видѣли, что самъ Крыловъ нигдѣ печатно не высказался о руководящемъ значеніи для него И. И. Дмитріева, Оленину же онъ посвятилъ цѣлое благодарственное стихотвореніе, прямо призналъ его виновникомъ своей литературной славы. Посылая ему экземпляръ своихъ басенъ, Крыловъ присоединилъ къ нему слѣдующее стихотвореніе:

«Прими, мой добрый меценатъ,
Даръ благодарности моей и уваженья.
Хоть въ нашъ блестящій вѣкъ, я слышалъ, говорятъ,
Что благодарность есть лишь чувство униженья;
Хоть, можетъ быть, инымъ я страненъ покажусь —
Но благодарнымъ быть никакъ я не стыжусь.
И въ простотѣ сердечной
Готовъ всегда и всѣмъ сказать, что, на меня
Щедротъ монаршихъ лучъ склоня,
Лѣнивой Музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ.
И, можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ
Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,

И я бы умеръ весь для свѣта.
Но нынѣ, если смерть свою переживу,
Кого, коль не тебя, виной въ томъ назову?
При мысли сей мое живѣе сердце бьется.
Прими-жь мой скромный даръ теперь
И вѣрь,
Что благодарностью, не лестью онъ дается».

Въ этомъ стихотвореніи Крыловъ благодаритъ Оленина не только за то, что послѣдній склонилъ на него «лучъ монаршихъ щедротъ», но и за свое литературное безсмертіе, за свою литературную славу, за плодотворность своей литературной дѣятельности. А этого нельзя достигнуть только «монаршими щедротами», которыми, пользовался въ то время не одинъ Крыловъ, но и Жуковскій, и Анна Бунина, и Вл. Измайловъ, и Марія Поспѣлова, и многіе другіе. И никто изъ нихъ, кромѣ Крылова и Жуковскаго, не достигъ безсмертія. Очевидно, высказывая Оленину публичную благодарность (его стихотвореніе было напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1828 г.), Крыловъ хотѣлъ дать понять, что онъ обязанъ Оленину не одними монаршими щедротами, но и постоянной поддержкой въ его баснописной дѣятельности, настойчивыми совѣтами окончательно перейти къ баснямъ, какъ къ наиболѣе подходящему къ таланту Крылова роду поэзіи.

Дмитріевъ былъ для Крылова чужой человѣкъ, съ которымъ онъ вошелъ въ сношенія случайно, по единичному поводу, съ которымъ у него не было никакой нравственной связи и передъ которымъ Крыловъ никогда не открывалъ своей души. Оленинъ же былъ его давнишнимъ и постояннымъ другомъ, къ семейству котораго Крыловъ былъ искренно и сердечно привязанъ. Поэтому, Оленинъ могъ знать многія сокровенныя и личныя настроенія, влеченія и стремленія Крылова и въ интимныхъ, дружескихъ разговорахъ давать совѣты, убѣждать, склонять къ тому или другому рѣшенію, къ той или другой формѣ дѣятельности. А Крыловъ несомнѣнно въ этомъ нуждался, потому что наклон-

ность къ баснѣ сказывалась въ немъ давно, съ самой ранней юности, какъ увидимъ далѣе. Но онъ, увлекаясь сначала журналистикой и сатирой, а потомъ драматической дѣятельностью, не могъ и не хотѣлъ сосредоточиться на басняхъ. На это есть даже намекъ въ разсказахъ одного изъ его современниковъ и друзей— Плетнева, который, упомянувъ о переходѣ Крылова къ баснѣ, говоритъ: «*Преодолѣвъ отвращеніе свое отъ этого рода* и заглушивъ раннюю страсть къ драматической поэзіи, Крыловъ нѣсколько времени ограничивался то подражаніемъ, то передѣлкою извѣстныхъ басенъ». Но *отвращенія* едва ли можетъ существовать къ тому роду, котораго человѣкъ еще не испыталъ; и точно также трудно почувствовать отвращеніе къ первому опыту въ новомъ родѣ, особенно, когда этотъ опытъ вышелъ удачнымъ. Значитъ, Плетневъ говоритъ не объ отвращеніи Крылова къ тѣмъ баснямъ, которыя онъ только-что перевелъ, а вообще о нежеланіи Крылова выражать свое міросозерцаніе именно въ этой формѣ. А это заставляетъ предполагать, что Крыловъ еще до 1806 года уже пробовалъ писать басни, но нашелъ, что въ этой формѣ ему не удастся выразить все то, что̀ хочется выразить, и именно такъ, какъ хочется. Удачный опытъ съ переводомъ Лафонтеновыхъ басенъ послужилъ для Оленина сильнымъ средствомъ доказать Крылову, что именно басня и есть тотъ настоящій родъ поэзіи, который всего болѣе подходитъ и къ таланту и къ характеру Крылова. За это Крыловъ и благодарилъ Оленина.

Если И. И. Дмитріевъ дѣйствительно, какъ до сихъ поръ думаютъ, первый направилъ Крылова на тотъ путь, за который послѣдній такъ горячо благодарилъ Оленина, то что-же помѣшало ему выразить и Дмитріеву такую-же благодарность? Вѣдь онъ самъ гласно заявилъ, что онъ «не стыдился» быть благодарнымъ. Ясно, что ему не за что было благодарить Дмитріева.

На это можно, правда, возразить, что если Крыловъ не заявилъ *печатно* о вліяніи на него совѣтовъ Дмитріева, то все-таки не скрылъ этого и самъ разсказывалъ объ этомъ своимъ

друзьямъ, черезъ посредство которыхъ это дошло и до насъ. Но въ томъ-то и бѣда, что мы не знаемъ навѣрное, что̀ именно и какъ разсказывалъ Крыловъ. Его друзья, сообщая намъ о свиданіи его съ Дмитріевымъ, и о томъ, что сказалъ при этомъ Дмитріевъ, передаютъ весь разговоръ не полно, приводя только слова Дмитріева: «это истинный вашъ родъ, наконецъ вы нашли его». Это и придаетъ всему эпизоду такой характеръ, что Крыловъ, какъ начинающій мальчикъ, поднесъ Дмитріеву свой *первый* опытъ съ покорностью выслушалъ его приговоръ. Между тѣмъ, очевидно, дѣло было не такъ. Между обоими баснописцами, несомнѣнно, завязался разговоръ, который не могъ весь исчерпываться одними, передаваемыми намъ, словами Дмитріева. Слова эти — просто фраза, выхваченная изъ цѣлаго разговора и потому понять ихъ истинный смыслъ, который опредѣляется ихъ отношеніемъ къ цѣлому разговору, въ настоящее время невозможно. Но, во всякомъ случаѣ, насколько можно судить на основаніи высказанныхъ нами соображеній, слова Дмитріева не могли имѣть того именно значенія, какое имъ приписали съ легкой руки г-жи Карлгофъ.

Чтобы окончательно въ этомъ убѣдиться, намъ необходимо вернуться къ вопросу о процессахъ художественнаго творчества Крылова и доказать, что басни, переведенныя имъ въ 1806 году, не были его первымъ опытомъ въ этомъ родѣ.

Теоретически вопросъ этотъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ уже давно, еще 30 лѣтъ тому назадъ. Въ 1868 г., по поводу столѣтія со дня рожденія Крылова, появились, въ числѣ множества другихъ, двѣ статьи объ его литературной дѣятельности, въ которыхъ доказывалось, что между баснописной дѣятельностью Крылова и предшествовавшей ей литературной его дѣятельностью существуетъ неразрывная связь и что Крыловъ еще задолго до того, какъ сдѣлался исключительно баснописцемъ, уже обнаруживалъ наклонность къ апологу и правоученію.

Первая статья принадлежитъ профессору Кіевскаго университета Селину и озаглавлена: «Крыловъ, какъ высшій пред-

ставитель русской басни» (Кіевъ, 1868). Въ ней авторъ старался доказать, что «все, что только Крыловъ написалъ въ прозѣ въ своихъ трехъ журналахъ», можно назвать «обширнымъ прологомъ къ художественнымъ его баснямъ, прибавивъ къ нему и двѣ комедіи, которыя, сравнительно съ тремя другими, можно назвать лучшими («Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ»). И далѣе показываетъ связь по содержанію между статьями Крылова въ «Почтѣ Духовъ» и его баснями: «Кукушка и Горлинка», «Крестьянинъ и Змѣя», «Бочка», «Воспитаніе Льва», «Червонецъ», «Гуси», «Крестьянинъ и Рѣка», «Слонъ на воеводствѣ», «Левъ на ловлѣ», «Волкъ и Ягненокъ», «Крестьянинъ и Овца», «Левъ», «Волки и Овцы», «Моръ звѣрей», «Котъ и Поваръ», «Лисица и Сурокъ», «Щука», «Волкъ и Мышенокъ», «Пастухъ», «Лиса-строитель», «Рыбьи пляски», «Вельможа». Эту связь между прозаическими статьями Крылова и его баснями Селинъ видѣлъ не только въ сходствѣ содержанія, но и въ сходствѣ формы.

Другая статья: «Сатира Крылова и его Почта Духовъ» принадлежитъ академику Я. К. Гроту и была напечатана въ томъже 1868 г. въ IV-мъ томѣ «Сборника статей, читан. въ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ». Въ ней также доказывается связь сатиры Крылова съ его баснями и указывается на то, что еще во время журнальной своей дѣятельности Крыловъ обнаруживалъ наклонность къ тому виду поэзіи, который впослѣдствіи такъ прославилъ его.— По указаніямъ Грота, еще въ «Почтѣ Духовъ» можно усмотрѣть зародыши многихъ басенъ Крылова, какъ, напр., «Вороненокъ», «Слонъ и Моська», «Кунецъ», «Мѣшокъ», «Гуси», «Зеркало и Обезьяна», «Вельможа». Это приводило Грота къ выводу, что «сатира Крылова часто развиваетъ съ бо́льшею полнотою и ясностью тѣ же мысли, которыя мы позднѣе встрѣчаемъ въ его басняхъ. Иногда въ послѣднихъ попадаются образы и черты, уже знакомые намъ изъ его сатирическихъ сочиненій» (стр. 216).

Съ другой стороны, «мы видимъ, какъ рано возникли въ душѣ Крылова и какъ долго носились въ ней многіе изъ тѣхъ идей и

образовъ, которымъ онъ далъ окончательное развитіе въ послѣдній періодъ своей дѣятельности; можно сказать, что нѣкоторые изъ нихъ онъ воспитывалъ въ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ помнилъ себя. «Эти соображенія о связи басенъ Крылова съ его сатирическими статьями Гротъ заканчиваетъ указаніемъ на выраженное Крыловымъ уже въ «Почтѣ Духовъ» мнѣніе о правоученіи и о той формѣ, въ какой оно должно выражаться: «Но всего замѣчательнѣе, какъ отдаленное предзнаменованіе перехода Крылова къ баснѣ, — говоритъ Гротъ, слѣдующія строки одной изъ послѣднихъ страницъ «Почты Духовъ»: «Правоучительныя правила должны состоять не въ пышныхъ и высокопарныхъ выраженіяхъ, а чтобъ въ короткихъ словахъ изъяснена была самая истина. Люди часто впадаютъ въ пороки и заблужденія не отъ того, чтобы не знали главнѣйшихъ правилъ, по которымъ должны они располагать свои поступки, но отъ того, что они ихъ позабываютъ, а для сего-то и надлежало бы поставлять въ число благотворителей рода человѣческаго того, кто главнѣйшія правила добродѣтельныхъ поступковъ предлагаетъ въ короткихъ выраженіяхъ, дабы они глубже впечатлѣвались въ памяти» (стр. 217—218).

Очевидно, у Крылова уже въ это время (въ 1788—1789 гг.) было совершенно ясное и опредѣленное представленіе о баснѣ и ея великомъ нравственномъ значеніи. Гротъ видитъ въ только-что приведенномъ мнѣніи Крылова «отдаленное предзнаменованіе перехода его къ баснѣ», основываясь на утвердившемся въ литературѣ мнѣніи, будто въ это время Крыловъ еще не писалъ басенъ. Но, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго изложенія, это было не простое «предзнаменованіе», а мнѣніе человѣка, уже испытавшаго себя въ баснѣ.

Черезъ двадцать съ небольшимъ лѣтъ послѣ этихъ статей появилась статья Л. Н. Майкова: «Первые шаги И. А. Крылова на литературномъ поприщѣ» (Спб. 1889), перепечатанная потомъ въ «Историко-литературныхъ очеркахъ» (Спб. 1895). Статья эта еще ближе, чѣмъ выше указанныя, подошла къ рѣшенію

вопроса, и надо признать, что г. Майковъ почти угадалъ истину безъ всякихъ фактическихъ на нее указаній.

Указавъ на связь, по темѣ и по манерѣ изложенія, нѣкоторыхъ сатирическихъ очерковъ въ журналѣ *«Утренніе Часы»* (1788—1789) съ Крыловскими письмами гномовъ въ «Почтѣ Духовъ», г. Майковъ говоритъ: «Еще болѣе заслуживаютъ вниманія въ семъ отношеніи нѣкоторыя изъ басенъ, помѣщенныхъ въ журналѣ Рахманинова (т. е. въ «Утрен. Часахъ»): по живости языка и непринужденности разсказа онѣ очень походятъ на типическія басни Крылова. См. въ «Утрен. Час.», въ ч. III: «Олень и Заяцъ», а въ IV: «Новопожалованный Оселъ»; эта послѣдняя басня представляетъ замѣтное сходство съ «Осломъ» Крылова («Когда вселенную Юпитеръ населялъ»). Кромѣ того, въ ч. III «Утрен. Час.» (октяб. 1788) есть басня «Недовольный гостьми стихотворецъ», гдѣ осмѣянъ помѣшанный на прозѣ и стихахъ Риомохватъ — то же лицо, что Риѳмокрадъ, то есть Княжнинъ, въ «Проказникахъ» Крылова [1]).

Но Л. Н. Майковъ могъ высказать только предположеніе о принадлежности Крылову указанныхъ имъ басенъ. Онѣ напечатаны въ «Утрен. Часахъ» безъ подписи, какъ почти всѣ остальныя статьи этого журнала. Поэтому, судить о принадлежности Крылову этихъ басенъ г. Майковъ могъ только по догадкѣ, по замѣченному имъ сходству языка и непринужденности разсказа, да еще потому, что Крыловъ несомнѣнно участвовалъ своими трудами въ названномъ журналѣ, въ которомъ помѣщена одна его ода съ полной его подписью. Не считая вопросъ рѣшеннымъ, въ виду недостатка фактическихъ данныхъ, г. Майковъ ограничился замѣчаніемъ, что «если бы принадлежность Крылову этихъ анонимныхъ произведеній могла быть доказана съ достаточною точностью, мы имѣли бы передъ собою ранніе опыты его въ томъ родѣ поэзіи, которымъ впослѣдствіи онъ прославилъ свое

1) Цитуемая статья Майкова посвящена преимущественно выясненію литературныхъ отношеній Крылова къ Княжнину.

имя; а что онъ сочинялъ басни въ юности, преданіе о томъ сохранено Лобановымъ» (оно приведено выше).

Къ счастію, мнѣ въ руки попалось неоспоримое доказательство того, что именно въ «Утреннихъ Часахъ» 1788 г. помѣщены были *несомнѣнно первыя* [1]) басни Крылова, за его несомнѣнной, хотя и не полной, подписью, но это не тѣ басни, о которыхъ говоритъ г. Майковъ.

Года полтора тому назадъ мнѣ случилось пріобрѣсти у одного изъ букинистовъ экземпляръ «Утреннихъ Часовъ», хотя и не полный (двѣ первыя части, а всѣхъ должно быть четыре), но привлекшій мое вниманіе тѣмъ, что надъ нѣкоторыми помѣщенными въ немъ баснями стоитъ подпись: *С. И. Крыл.*, которую я объяснилъ себѣ такъ: *сочинилъ Иванъ Крыловъ.* Но это была только моя догадка. Подпись могла означать и другое, т. е. стоящія передъ фамиліей буквы С. И. могли означать имя и отчество сочинителя, и тогда передъ ними были бы не произведенія нашего знаменитаго баснописца, а какого нибудь другого Крылова. Для разрѣшенія этого вопроса я обратился къ любезному содѣйствію г. Майкова, который, тотчасъ же согласившись съ моимъ объясненіемъ загадочной подписи, напомнилъ мнѣ свою статью, о которой говорено было выше. При этомъ онъ выразилъ удивленіе и сожалѣніе, какъ могъ онъ пропустить басни съ подписью. Дѣло въ томъ, что указанныя имъ басни помѣщены въ 3 и 4 частяхъ «Утреннихъ Часовъ» безъ всякой подписи, а найденныя мною басни находятся въ 1 и 2 частяхъ съ выше приведенной подписью.

Заинтересованный этимъ, я сличилъ свой экземпляръ съ экземпляромъ Имп. Публичной Библіотеки, которымъ пользовался г. Майковъ, и тогда неожиданно оказалось, что они весьма существенно другъ отъ друга отличаются, и самое важное различіе состоитъ въ томъ, что въ экземплярѣ Публичной библіотеки

1) Но *предположительно* первою басней его можно считать, какъ показано будетъ далѣе, басню, помѣщенную въ 1786 г. въ журн. «Лѣкарство отъ скуки и заботъ».

почти всѣ статьи, во всѣхъ четырехъ частяхъ, въ томъ числѣ и замѣченныя мною басни, анонимныя, безъ фамилій авторовъ; въ моемъ же экземплярѣ почти всѣ статьи съ подписями начальныхъ буквъ имени и фамиліи авторовъ.

Чтобы убѣдиться, нѣтъ-ли еще экземпляровъ этого журнала съ тѣми же важными библіографическими особенностями, какія оказались въ моемъ экземплярѣ, я просмотрѣлъ описи книгъ и журналовъ XVIII-го столѣтія Губерти, Остроглазова, Неустроева. Но оказалось, что нигдѣ этихъ особенностей не отмѣчено. Тогда мнѣ стало ясно, что мнѣ попался совершенно особенный, никому до сихъ поръ неизвѣстный экземпляръ.

Поэтому, прежде, чѣмъ скажу подробно о сдѣланной мною находкѣ несомнѣнныхъ раннихъ басенъ Крылова, считаю необходимымъ подробно описать мой экземпляръ «Утреннихъ Часовъ» и указать, чѣмъ онъ отличается отъ извѣстныхъ до сихъ поръ экземпляровъ. Для сравненія возьму экземпляръ Публичной Библіотеки, съ которымъ вполнѣ сходны и всѣ остальные, извѣстные до сихъ поръ экземпляры.

Заглавіе въ обоихъ экземплярахъ одинаковое: «*Утренніе Часы. Еженедѣльное изданіе. Часть I. Печатано съ дозволенія указнаго. Въ Санктпетербургѣ. 1788*». Но далѣе обнаруживаются весьма существенныя различія, которыя будутъ вполнѣ ясны при параллельномъ описаніи обоихъ экземпляровъ.

Во-первыхъ, въ экземплярѣ Публ. Библіотеки на оборотѣ заглавнаго листа напечатано:

«Въ ономъ помѣщаемы будутъ слѣдующія статьи въ стихахъ и прозѣ:

«1. Побужденія къ добродѣтели. 2. Нравоученія. 3. Пріятные и забавные анекдоты. 4. Острыя и замысловатыя шутки. 5. Невредныя и ни до кого лично некасающіяся критики. 6. Черты великодушія и добродѣтельныхъ поступковъ. Однимъ словомъ, все то, что можетъ служить къ поощренію великодушныхъ и человѣколюбивыхъ дѣяній, составляющихъ истинное блаженство жизни человѣческой.

«Желающіе помѣщать въ сіе изданіе сочиненія свои или переводы, могутъ оные присылать запечатанные въ тѣ мѣста, гдѣ пріемлется подписка, съ надписаніемъ: *для помѣщенія въ Утренніе Часы*; что принимано будетъ съ особливою признательностію и вносимо все то, что соотвѣтствовать будетъ симъ статьямъ.

«Подписка принимается: *Въ Санктпетербургѣ*: въ Луговой Милліонной подъ № 77 у книгопродавца Миллера; за годъ 4 р. 50 к.; за полгода по 2 р. 25 к. *Въ Москвѣ*: въ его же лавкѣ, состоящей на Покровкѣ, въ 5 части, во 2 кварталѣ, въ домѣ г. Бригадира Князя Голицына, подъ № 175.

«Въ другихъ городахъ въ Почтъ-Амтахъ; съ пересылкою за годъ по 6 р. 50 к.; за полгода по 3 р. 25 к. Въ Санктпетербургѣ сіи листы раздаются каждую недѣлю по Четвергамъ, а въ другихъ городахъ по прибытіи почты».

Въ моемъ экз. этого объявленія нѣтъ, а вмѣсто него по срединѣ страницы круглый штемпель: И. Р. (Ив. Рахманиновъ). Далѣе:

Недѣля I-я.

Въ обоихъ экземплярахъ одинаково.

Недѣля II-я.

Въ экз. Публ. Библіотеки на стр. 19-й, въ строкѣ 5-ой сверху — точки.	Въ моемъ экз. вмѣсто точекъ стоитъ слово *обироха*.
На той-же страницѣ, въ строкѣ 2-й снизу — точки.	Вмѣсто точекъ стоитъ слово *обманщиковъ*.
Отвѣтъ г-жѣ С. отъ издателей (стр. 23) подписанъ: Покорные вамъ издатели.	Кромѣ этой подписи въ лѣвомъ углу стоятъ еще буквы: *С. П. О.*

О благодѣяніи — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ мыслей Монарховъ Философ. Стан. Лещин.

Правосудіе — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Спал. Кол. ч. 4.

Жизнь и смерть человѣческая — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Фил. Турка. Принц. Кастріото Алб.

Чудные люди — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Нѣмец. Стихотвор. Час. I. Соч. г. Лихтера.

Недѣля III.

О пользѣ и необходимости нравственной науки — *безъ подписи.*

Подпись: изъ Тревус. журнала Пдр. Пер. съ приб. *П. О.*

О краткости жизни и употребленіи оной — *безъ подписи.*

Подпись: *П. А. Н.* изъ Смѣси Восточ. учен.

Разговоръ Бархатнаго кафтана съ Подушкою — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Собр. Нѣм. Стих. Час. I соч. г. Лихт.

Благодарность издателей Чистосерду Дружелюбову за присланную изъ Москвы пѣснь на прибытіе Ея Вел—ва въ сей столичный городъ (безъ заглавія) — *безъ подписи.*

Тоже *безъ подписи.*

Недѣля IV.

Письмо къ издателямъ о случаѣ безкорыстія и добродѣтели. *Подписано*: Добролюбовъ.

Кромѣ этой подписи, въ лѣвомъ углу стоятъ буквы: *С. А. Н.*

Благодарность издателей за это письмо — *безъ подписи.* — *Подпись*: *С. П. О.*

О опасности, происходящей отъ утѣхъ, о смерти и добродѣтели — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. А. Н.* изъ Смѣс. Вост.

О семъ свѣтѣ и о тлѣнности — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. А. Н.* изъ Слов. Анекд.

Острое слово — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. А. Н.* изъ Смѣс. Вост.

Ростовщикъ — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. И. Р.* изъ Нѣм. Стих. ч. I, соч. г. Геллерта.

Недѣля V.

Ищу человѣка — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. И. Р.* съ приб. изъ фр. зрит.

О трудности познанія человѣческаго сердца — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. А. Н.*

О непостоянствѣ счастія — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. А. Н.*

О наукѣ и невѣжествѣ — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. А. Н.*

О упорствѣ порочныхъ — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. А. Н.* изъ Вост. учен.

Супружеская любовь — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. А. Н.* изъ Слов. Анекд.

Стыдливой игрокъ — *безъ подписи.* — *Подпись*: *С. И. Крыл.*

Недѣля VI.

Сонъ — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. И. Р.* изъ Спальнаго Кол. ч. 3.

Совѣты отъ отца сыну — *безъ подписи*. *Подпись*: *П. А. Н.* изъ Вост. учен.

Великодушное дѣйствіе — *безъ подписи*. *Подпись*: *П. А. Н.* изъ Франц. Вѣст.

Острое слово — *безъ подписи*. *Подпись*: *П. А. Н.* изъ Сл. Анек.

О роскоши — *безъ подписи*. *Подпись*: Пдр. пер. *П. О.*

О достоинствѣ и чинахъ — *безъ подписи*. *Подпись*: Пдр. пер. *П. О.*

Недѣля VII.

Загородная прогулка—*безъ подписи*. Хотя въ выноскѣ и сказано, что «сія статья получена отъ неизвѣстной особы», но подъ ней стоитъ подпись: *С. Т. И.*

Торжественная пѣснь Екатеринѣ II Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской . . . и т. д., поднесенная *Александромъ Лабзинымъ*. То же.

(Это и есть *Чистосердъ-Дружелюбовъ*, о которомъ говорится въ недѣлѣ III-й).

Недѣля VIII.

Совѣты отъ отца сыну (продолженіе) — *безъ подписи*. *Подпись*: *П. А. Н.* изъ Вост. учен.

Черты великодушія и добродѣтели — *безъ подписи*. *Подпись*: *П. П. О.* изъ Сокр. Библ. церков. учит.: изъ мнѣній Св. Кипріана.

Недѣля IX.

Трогающее надгробіе — *безъ подписи.* *Подпись*: *П. И. Р.* изъ Спал. Кол. ч. 3.

Черты великодушія и добродѣтели — *безъ подписи.* *Подпись*: *П. А. Н.*

Надежда и страхъ — *безъ подписи.* *Подпись*: *П. И. Р.* изъ Нѣм. Стих. ч. I.

Защищеніе скупаго и мота — *безъ подписи.* *Подпись*: *П. И. Р.* съ прибавл. изъ Фран. Зрит.

Недѣля X.

Философическое размышленіе о утѣхахъ — *безъ подписи.* *Подпись*: *П. И. Р.* изъ Фран. кн. назв. отъ всего по мален.

Милосердіе—*безъ подписи.* *Подпись*: *П. А. Н.*

Наставленіе молодому Суетону, вступающему въ свѣтъ—*безъ подписи.* Подъ письмомъ, при которомъ прислано издателямъ это стихотвореніе, кромѣ псевдонимной подписи *Феофрастъ Миролюбецъ*, съ лѣвой стороны *подпись*: *С. П. О.*

Недѣля XI.

О воспитаніи — *безъ подписи.* *Подпись*: *П. И. Р.* съ приб. отъ Вс. по мал. и изъ Фран. Зрит.

Бракъ по выбору другаго — *безъ подписи*: *Подпись*: *П. А. Н.* изъ Слов. Анекд.

Чудный сонъ одного портнаго — *безъ подписи.* *Подпись*: *П. И. Р.* изъ Собр. Вост. Учен.

Недѣля XII.

Утреннее размышленіе — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. И. Р.* изъ втор. час. Нѣм. Стих. изъ соч. Вил.

Обозрѣніе свѣта—*безъ подписи.* — *Подпись*: *П. И. Р.* изъ 3 части Спальн. Колн.

Священникъ и больной — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. И. Р.* изъ Нѣмец. Стихотв. часть I-я.

Картина Лондона — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. И. Р.* изъ Аглин. ночей.

Недѣля XIII.

Разговоръ проповѣдника съ философомъ — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. И. Р.* изъ Mon bonnet de nuit. t. 3.

Письмо къ издателямъ (Наставленіе отца сыну) *Подпись*: *NN.* — Кромѣ буквъ N. N., но ниже ихъ стоятъ буквы: *П. О.*

Самое наставленіе подписано тоже буквами *N. N.* — *Подпись*: Тѣ-же буквы N. N., но выше ихъ, въ одну строку съ послѣднимъ словомъ, стоитъ *подпись*: *Ал. Оз.*

Замѣтка издателей по поводу предыдущей статьи—*безъ подписи.* — *Подпись*: *С. П. О.*

Избранныя мысли — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. И. Р.* изъ L'Esprit des esprits.

Жмурки — *безъ подписи.* — *Подпись*: *П. И. Р.* изъ Choix de poesie Allem. t. I.

Этимъ кончается первая часть. Далѣе въ моемъ экземплярѣ помѣщены: «Оглавленіе статьямъ, помѣщеннымъ въ сей первой части» (4 нен. стр.) и «имена подписавшихся» (4 нен. стр.). Въ экземплярѣ Имп. Публичной Библіотеки ни оглавленія, ни списка подписчиковъ при 1-ой части нѣтъ.

Часть II.

Заглавіе, то-же, что и въ первой части, одинаково въ обоихъ экземплярахъ.

На оборотѣ заглавнаго листа по серединѣ напечатано:

«На сіе еженедѣльное изданіе, которое состоять будетъ изъ четырехъ частей, принимается подписка: на цѣлой годъ, на Александрійск. бумагѣ по 6р. 50 к., на Любской по 5 р. 50 к., на простой по 4 р. 50 к. Желающіе оное получать въ другихъ городахъ, благоволятъ со взнесеніемъ денегъ противъ вышеписаннаго двумя рублями дороже, относиться чрезъ почтъамтъ каждаго города, въ Санктпетербургскую газетную экспедицію. Въ Санктпетербургѣ листы раздаются каждую недѣлю по Четвергамъ; въ другихъ же городахъ по прибытіи почты. Имена подписавшихся при окончаніи каждой части преданы будутъ тисненію».

Этого объявленія нѣтъ, а на его мѣстѣ поставленъ круглый штемпель: И. Р. (Ив. Рахманиновъ).

Недѣля XIV.

О величествѣ Божіемъ, о ничтожности земныхъ вещей и о человѣкѣ — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.*

Забавный путешественникъ — *безъ подписи.*

Подпись: *П. И. Р.* изъ Amus. Cerieu et Comiq.

Недѣля XV.

Скелетъ, внушающій полезное нравоученіе — *безъ подписи.* *Подпись*: *П. И. Р.* изъ Mon bonnet de nuit t. 3.

Басни. 1. Павлинъ и Соловей. — 2. Левъ и Медвѣдь. 3. Змѣй.— *безъ подписи.* Первая, написанная прозою, *подписана*: *П. С. Д.* изъ de tout un peu. Вторая, написанная стихами, *безъ подписи.* Подъ третьей, написанной тоже стихами, подпись: *П. П. О.* Впрочемъ, можетъ быть, эта подпись относится къ обѣимъ.

Уборной столъ модныхъ щеголихъ — *безъ подписи.* *Подпись*: *П. И. Р.* изъ Tabl. de Paris t. 3.

Недѣля XVI.

Совѣты отъ отца сыну (продолженіе) — *безъ подписи.* *Подпись*: *П. А. Н.* изъ Melange de Litter.

Суетность великолѣпныхъ надгробій — *безъ подписи.* *Подпись*: *П. И. Р.* изъ Mel. de lit. orient.

Записка калифа Абдулромана — *безъ подписи.* *Подпись*: *П. И. Р.* — оттуда-же.

Забавный путешественникъ — *безъ подписи.* *Подпись*: *П. И. Р.*

О человѣческомъ неразуміи — *безъ подписи.* *Подпись*: *С. И. Р.*

Недѣля XVII.

Совѣты отъ отца сыну (продолженіе) — *безъ подписи.* *Подпись*: *П. А. Н.*

Черты великодушія и добродѣтели — *безъ подписи.* Приведено два примѣра. Первый *подписанъ*: *П. И. Р.* изъ Lectures pour les enfans,

	t. I; второй: *П. А. Н.* изъ Diction. d'Anecdot.
Чудная ярмонка—*безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ Nuits Angloises.

Недѣля XVIII.

Противъ желаній человѣческихъ — *безъ подписи.*	Тоже *безъ подписи, но она поставлена* въ слѣдующей недѣлѣ.
Черты великодушія и добродѣтели — *безъ подписи.*	Приведено два примѣра: Первый *подписанъ*: *П. И. Р.* изъ Choix de poesie Allem. t. I de Mr. Lichtver; второй—*подписанъ*: *П. А. Н.* изъ Dict. d'Anecd.
Избранныя мысли — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.*
Судьба игроковъ (басня)— *безъ подписи.*	*Подпись*: *С. Ив. Крыл.*

Недѣля XIX.

Противъ желаній человѣческихъ (продолженіе) — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ Choix de poesie Allem. t. 4.
Смерть мухи и комара — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* оттуда-же, t. I.
Черты великодушія и добродѣтели — *безъ подписи.*	Приведено два примѣра. Первый *подписанъ*: *П. И. Р.*; второй — *П. А. Н.* изъ Dict. d'Anecd.
Благодарность В. П. д. ш. в. л. ву (В. Подшивалову) за присланныя статьи — *безъ подписи.*	Тоже *безъ подписи.*

Недѣля XX.

Счастливое паденіе — *безъ подписи.* Передъ этой статьей помѣщено письмо приславшаго ее автора, подписанное буквами N. N.; какъ и въ экземплярѣ И. Публичной Библіотеки; но самая статья *подписана*: *С. Т. Илъ.*

Избранныя мысли — *безъ подписи.* Тоже *безъ подписи.*

Недѣля XXI.

О совѣсти — *безъ подписи.* *Подпись*: *П. И. Р.* изъ Espr. des Monar. Philo. de Stanisl.

Забавный путешественникъ (продолженіе) — *безъ подписи.* Тоже безъ подписи, но она *помѣщена была раньше*, въ началѣ статьи, *въ недѣлѣ XVI.*

Недѣля XXII.

О препровожденіи и употребленіи времени — *безъ подписи.* *Безъ подписи.*

Басни. 1. Крестьянинъ и гора. 2. Персіянинъ, солнце и облако. 3. Лисица и тигръ. *Подпись*: Перевелъ съ французскаго *Н. Хлюстинъ.* *Таже подпись.*

Недѣля XXIII.

О препровожденіи и употребленіи времени (продолженіе — *безъ подписи.* Тоже *безъ подписи.*

Анекдоты — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. П. О.*
Историки. Баснь — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. П. Бырдинъ* изъ Mon bonnet de nuit. t. 2.

Недѣля XXIV.

Желаніе добродѣтельнаго — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ Poesie d'un Turq.
Забавный путешественникъ — *безъ подписи.*	Тоже *безъ подписи.*
Басня. Павлинъ и Соловей — *безъ подписи.*	*Подпись*: *С. И. Крыл.*

Недѣля XXV.

О препровожденіи и употребленіи времени (продолженіе) — *безъ подписи.*	*Безъ подписи.*
Забавный путешественникъ (продолженіе) — *безъ подписи.*	Тоже.
Сонетъ — *безъ подписи.*	Тоже.

Недѣля XXVI.

Надгробная рѣчь одному крестьянину — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. И. Р.* изъ L'An 1440 chapitre 43.
Басни. 1. Ехидна и Піявица. 2. Пчела и Кукушка. 3. Чай и Шалфей — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. П. О.*
Подземное путешествіе — *безъ подписи.*	*Подпись*: *П. Сем. Печ.* изъ Nuits Angloises.
Избранныя мысли — *безъ подписи.*	*Безъ подписи.*

Этимъ оканчивается вторая часть. Къ ней въ моемъ экземплярѣ приложены: «Оглавленіе статьямъ, помѣщеннымъ въ сей

второй части» (4 нен. стр.) и «Имена подписавшихся» (2 нен. стр.). Въ экземплярѣ Публичной Библіотеки ни оглавленія, ни списка подписчиковъ — нѣтъ.

Далѣе я не могу сравнивать этихъ экземпляровъ, потому что, къ сожалѣнію, мой экземпляръ состоитъ только изъ первыхъ двухъ частей, а третьей и четвертой въ немъ нѣтъ [1]).

Въ экземплярѣ Публичной Библіотеки въ 3 и 4 частяхъ, на оборотѣ заглавнаго листа поставленъ по серединѣ такой-же штемпель И. Рахманинова, какъ и на первыхъ двухъ частяхъ въ моемъ экземплярѣ, но этимъ и ограничивается все сходство. Подписей въ III-й ч. ни подъ одной статьей нѣтъ, а въ IV-й подписаны только: Басня «Волкъ и Коза» буквами: С. Л. (стр. 94—96); ода «Утро» — *И. Крыловъ* (стр. 136—141); притча «Лѣстница» (стр. 175—176) и идиллія «Двѣ гробницы» (стр. 187—192) — буквами И. Д. (*Ив. Дмитріевъ*).

Въ III-й ч., въ спискѣ подписчиковъ, встрѣчается имя *И. А. Крылова*; въ первыхъ двухъ частяхъ экземпляра Публичной Библіотеки списка подписчиковъ нѣтъ; а въ моемъ экземплярѣ въ этомъ спискѣ нѣтъ фамиліи Крылова.

Чтобы покончить съ описаніемъ моего экземпляра, надо упомянуть, что онъ переплетенъ въ современный кожаный переплетъ съ золотымъ тисненіемъ, и на корешкѣ, внизу, въ золотомъ кружкѣ, вытиснены золотомъ начальныя буквы имени и фамиліи владѣльца: Р. О.— Такимъ образомъ, главнѣйшая особенность моего экземпляра, по сравненію съ тѣми, которые выпущены были для читателей и образцомъ которыхъ послужилъ для насъ экземпляръ Публичной Библіотеки, состоитъ въ томъ, что въ моемъ экземплярѣ почти подъ всѣми статьями поставлены начальныя буквы имени и фамиліи авторовъ и указаны источники, которыми они пользовались. Мѣстами встрѣчаются даже указанія на самый процесъ работы: подъ нѣкоторыми перевод-

1) «Утренніе Часы» издавались съ 20-го апрѣля 1788 по 12 апрѣля 1789 и состоятъ изъ 52-хъ недѣль, составляющихъ четыре части.

ными статьями значится: *перев. съ прибавл.*, причемъ иногда указывается, что прибавленія извлечены изъ какого-нибудь другого иностраннаго сочиненія, а иногда этого указанія нѣтъ, что заставляетъ предполагать, что эти прибавленія составляютъ оригинальную часть работы (см. ч. 1-я, стр. 44, 75, 144, 171).

Какъ объяснить такія особенности моего экземпляра?

Прежде всего приходитъ, конечно, мысль, что передъ нами *второе* изданіе журнала, подобно тому, какъ вышли повторительными изданіями Сумароковская «Трудолюбивая Пчела», Новиковскій «Живописецъ», Крылова «Почта Духовъ». Но все это были журналы *сатирическіе*, даровито прямо и затрагивавшіе животрепещущіе, насущные вопросы. Поэтому, понятенъ живой интересъ къ нимъ общества, разбиравшаго ихъ на расхватъ, что и вызывало необходимость новыхъ изданій; запросъ на эти журналы поддерживался долго, даже много времени спустя по ихъ прекращеніи. Но «Утренніе Часы» былъ журналъ *безсодержательно-нравоучительный*, съ очень несмѣлымъ, такъ сказать— безличнымъ сатирическимъ или, вѣрнѣе, обличительнымъ оттѣнкомъ, почти весь наполненный переводными отрывками изъ разныхъ нравоучительныхъ произведеній европейской литературы, изъ сборниковъ анекдотовъ и даже изъ буквально дѣтскихъ книгъ, въ родѣ Lectures pour les enfants. И хотя издатели питали смѣлую, для того времени, надежду имѣть 200 подписчиковъ (см. вступленіе въ 1-й ч., стр. 5), но, если мы вспомнимъ, что даже Крыловская «Почта Духовъ» имѣла только 80 подписчиковъ, то можно навѣрное сказать, что самонадѣянныя мечты издателей «Утреннихъ Часовъ» и остались мечтами, свидѣтельствующими только объ ихъ молодости и неопытности въ журнальномъ дѣлѣ. Можно сказать даже и болѣе: тѣ сотрудники этого журнала, въ статьяхъ которыхъ замѣтна наклонность къ сатирѣ и обличенію (И. Рахманиновъ, Крыловъ и, можетъ быть, Радищевъ) вскорѣ какъ-бы выдѣлились изъ него и въ началѣ 1789 г., еще до прекращенія «Утреннихъ Часовъ», основали новый журналъ «Почта Духовъ», не прекращая, однако, участія своего и въ «Утреннихъ

Часахъ»[1]). При такихъ условіяхъ, во *второмъ* изданіи и нужды никакой не было.

Это подтверждается однимъ мелкимъ, но за то неоспоримымъ фактомъ. Въ концѣ IV-й части «Утреннихъ Часовъ» (въ экземп. Публ. библ.) помѣщенъ списокъ погрѣшностей, въ которомъ указаны невѣрно напечатанныя въ первыхъ двухъ частяхъ фамиліи нѣкоторыхъ подписчиковъ: Шпажниковъ вм. Шпажинскій, Госовинскій вм. Головинскій, Тимошенкова вм. Тимошенкова. Очевидно, что при второмъ изданіи эти опечатки были бы исправлены. Между тѣмъ, въ моемъ экземплярѣ, въ спискѣ подписчиковъ эти ошибки остались. Еще важнѣе въ данномъ случаѣ опечатка, встрѣчающаяся во II-й ч., гдѣ, на стр. 202, читаемъ слѣдующее: «Сколько есть такихъ Гишпанцовъ, которые въ состояніи наизустъ прочесть до пятисотъ Бословыхъ или Тасовыхъ стиховъ, не знавъ, на какомъ языкѣ писана Гарсклассо». По поводу этого мѣста въ III-й ч. (въ экз. Публ. библ.) на стр. 16-й сказано: «Во второй части на стр. 202 просимъ читателя вмѣсто «писана Гарсклассо» читать: «писалъ Гарсилассо де ла Вега». Эта крупная опечатка тоже неисправлена въ моемъ экземплярѣ. Если принять его за второе изданіе, то придется допустить, что первыя двѣ части тотчасъ по своемъ выходѣ (въ 1788 г.) такъ

1) О связи между «Утрен. Часами» и «Почтой Духовъ» догадывался еще Гротъ, который въ статьѣ своей: «Карамзинъ въ исторіи русскаго литературнаго языка» писалъ: «Незадолго передъ тѣмъ, какъ Карамзинъ основалъ «Московскій журналъ», въ Петербургѣ стало появляться (1788 г.) еженедѣльное изданіе «*Утренніе Часы*». По языку этотъ журналъ, состоявшій преимущественно изъ небольшихъ нравоучительныхъ статей, не выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ произведеній тогдашней литературы. Но онъ потому особенно заслуживаетъ вниманія, что главный издатель его, Ив. Рахманиновъ, въ слѣдующемъ году вмѣстѣ съ Крыловымъ предпринялъ изданіе «Почты Духовъ». Оба журнала печатались *одинъ за другимъ*». Должно только замѣтить, что журналы печатались не одинъ за другимъ, а съ января по апрѣль 1789 г. *одновременно*, а съ апрѣля, по прекращеніи «Утрен. Часовъ», осталась одна «Почта Духовъ» въ той же типографіи, какъ показываетъ выставленный на нихъ штемпель И. Р. Отсюда рождается вопросъ, не произошло-ли соединеніе этихъ двухъ литераторовъ для издательской дѣятельности еще до 1789 г. и не участвовалъ-ли Крыловъ уже и въ изданіи «Утрен. Час.», въ первомъ выпускѣ которыхъ говорится объ издателяхъ». (Ж. М. Н. Пр. 1867, № 4, стр. 217).

быстро разошлись, что потребовалось второе ихъ изданіе, такъ что погрѣшности, замѣченныя издателями при выходѣ III-й и IV-й ч. въ 1789 г., и не могли быть исправлены. Случай весьма мало вѣроятный, совсѣмъ даже не бывалый въ тогдашней журналистикѣ даже съ журналами, болѣе даровито составлявшимися, затрогивавшими болѣе живыя темы.

Поэтому, приходится остановиться на одномъ только, вполнѣ правдоподобномъ мнѣніи: что попавшійся мнѣ экземпляръ «Утреннихъ Часовъ» есть экземпляръ *исключительный*, *можетъ быть даже единственный*, редакторскій или, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ немногихъ (двухъ, трехъ экземпляровъ), которые были отпечатаны издателями [1]) лично для себя. Потому они и позаботились акуратно отмѣтить, кому именно какая статья принадлежитъ, а также и источники своихъ статей. Въ экземплярахъ же, пущенныхъ въ публику, почти всѣ статьи остались безъименными. Этимъ предположеніемъ объясняются и другія особенности моего экземпляра.

Мы видѣли, что въ немъ нѣтъ объявленія о содержаніи журнала и объ условіяхъ подписки: оно необходимо было для публики, но для издателей и участниковъ журнала оно вовсе не нужно. Далѣе, мы видѣли, что на стр. 19-ой первой части въ немъ полностью напечатаны такія слова, которыя въ остальныхъ экземплярахъ замѣнены точками. Если мы обратимъ вниманіе на содержаніе той статьи, въ которой попадается такая, странная на первый взглядъ, особенность, то причина ея сдѣлается для насъ совершенно ясною. Въ статьѣ этой говорится о тѣхъ, существовавшихъ уже и тогда, *предпріимчивыхъ* людяхъ, которые, объявивъ подписку на новый журналъ, собирали съ подписчиковъ деньги, но ни журнала не выдавали, ни денегъ не возвращали. Ихъ-то и назвали издатели «Утреннихъ Часовъ» *обирохами* и *обманщиками*. Но это показалось имъ черезъ-чуръ грубымъ и оскорбительнымъ и они не рѣшились помѣстить эти

1) Т. е., какъ увидимъ далѣе, И. Р. (Ив. Рахманиновымъ), П. О. (Петромъ Озеровымъ?) и нѣкіимъ А. Н.

слова въ экземплярахъ, назначенныхъ для публики (о чемъ они сами и говорятъ на стр. 22-й I-ой части. Но въ экземплярахъ, назначенныхъ для себя, они эти слова сохранили.

Наконецъ, на совершенно частный, личный характеръ моего экземпляра указываютъ и двойныя подписи подъ нѣкоторыми статьями. Напр.: Издатели и С. П. О. (ч. 1-я, стр. 23); Добролюбовъ и онъ-же С. А. Н. (ч. 1-я, стр. 58); неизвѣстная особа и онъ же С. Т. И. (ч. 1-я, стр. 97 и 100); Ѳеофрастъ Миролюбецъ и онъ-же С. П. О. (ч. 1-я, стр. 153); N. N. и онъ-же П. О. (ч. 1-я, стр. 202); N. N. и онъ-же Ал. Оз. (тамъ-же). Очевидно, вторыя подписи, дающія возможность угадать, хотябы по намеку, настоящихъ авторовъ, уничтожаютъ силу и значеніе первыхъ, назначенныхъ именно для того, чтобы скрыть настоящія фамиліи авторовъ. Слѣдовательно, одновременное помѣщеніе ихъ подъ статьями въ экземплярахъ, назначенныхъ для публики, не имѣло ни цѣли, ни смысла и объяснимо только тѣмъ, что это сдѣлано не для публики, а для себя.

Мнѣнію, что мой экземпляръ былъ не публичный, а назначенный только для редактора или для немногихъ главныхъ сотрудниковъ, противорѣчатъ только начальныя буквы имени и фамиліи бывшаго владѣльца моего экземпляра Р. О., которыя совсѣмъ не встрѣчаются ни въ спискѣ сотрудниковъ (приводимомъ мною далѣе), ни въ спискѣ подписчиковъ. Это даетъ поводъ думать, что мой экземпляръ принадлежалъ лицу постороннему и, слѣдовательно, такіе экземпляры пущены были въ продажу. Но, во-первыхъ, помѣщаемый далѣе списокъ сотрудниковъ могъ быть не совершенно полный; а, во-вторыхъ, могъ быть родственникъ, одного изъ издателей, напр. — Озерова, на фамилію котораго намекаетъ начальная буква фамиліи владѣльца — О, и журналъ могъ быть ему подаренъ. Наконецъ, возможно, что буквы Р. О. не русскія, а французскія и означаютъ Pierre Ozeroff. Тогда оказалось бы, что это — экземпляръ, принадлежавшій одному изъ главныхъ сотрудниковъ журнала.

И такъ, вѣроятнѣе всего, что мой экземпляръ принадлежалъ

или главному издателю журнала или одному изъ главныхъ его сотрудниковъ, что именно для нихъ онъ и былъ особо отпечатанъ [1]).

Кто-же они были? Вступительная статья въ первомъ номерѣ написана отъ имени нѣсколькихъ лицъ; въ ней постоянно говорится: *мы, издатели*. «Обращаясь теперь къ *нашему* намѣренію», читаемъ въ одномъ мѣстѣ этого вступленія, «*должны мы* сказать, что не иное что побудило *насъ сдѣлаться издателями* сихъ листковъ, какъ ощущеніе въ *душахъ нашихъ* той истины закона, что человѣкъ сотворенъ для пользы человѣка. Трудолюбіе, учинившись удѣломъ смертныхъ, благоразуміемъ и добродѣтелью управляемое, есть единый путь сего закона; праздность же бываетъ бѣдственною онаго преградою, производящею уныніе, расточеніе ума и порокъ; лишая невозвратно безъ пользы провожденнаго времени, коего нѣтъ ничего драгоцѣннѣе. И такъ, для сбереженія сей драгоцѣнности и исполненія священнаго сего закона, *вознамѣрилися мы* остающееся *отъ должностей нашихъ* время съ пользою употребить и соразмѣрно силамъ своимъ служить обществу; къ чему удобнѣе всего казалося *намъ* еженедѣльное изданіе, дабы помѣщать въ ономъ слабыя произведенія *нашихъ* упражненій, которыя въ сихъ листахъ и посвящаемъ нынѣ любезнымъ нашимъ соотечественникамъ».

Заканчивается это вступленіе такими словами: «Наконецъ не уважая мнѣніями Кривотолковъ, Суетоновъ, Зоиловъ и имъ подобныхъ осуждателей, *приступаемъ мы* къ изданію сихъ листовъ; *не страшимся* краснорѣчиво-язвительныхъ языковъ таковыхъ порицателей и *посвящаемъ* труды свои всѣмъ тѣмъ, которые дѣлаютъ честь своему званію, бывъ вѣрными подданными, любезными своему отечеству, и покровителями страждущаго человѣчества».

1) Я счелъ необходимымъ остановиться подробно на вопросѣ о происхожденіи моего экземпляра потому, что это служитъ объясненіемъ, почему до сихъ поръ подобные экземпляры оставались неизвѣстными изслѣдователямъ нашей литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставались неизвѣстными и тѣ, несомнѣнно подлинныя, первыя басни Крылова, которыя помѣщены въ этомъ журналѣ.

Вступленіе это составляетъ все содержаніе первой недѣли.

Вторая недѣля начинается письмомъ г-жи С. . . ., обращающейся къ *издателю* со словами: «Милостивый Государь мой!» Но редакція журнала тотчасъ-же въ выноскѣ дѣлаетъ оговорку: «*По видимому Госпожа С. . . . почитаетъ, что сіи листы издаются однимъ издателемъ*». И, чтобы опровергнуть такое мнѣніе, отвѣтъ г-жи С. . . . подписанъ: «*Покорные вамъ издатели*».

Ясно, что журналъ издавался не однимъ лицомъ, а цѣлымъ кружкомъ писателей. Изъ кого-же онъ состоялъ? Отвѣтъ на это находимъ въ слѣдующемъ спискѣ сотрудниковъ, составленномъ мною для первыхъ двухъ частей по моему экземпляру, а для третьей и четвертой — по экземпляру Публичной Библіотеки, и расположенномъ по количеству доставленныхъ каждымъ изъ нихъ статей:

П. И. Р. / С. И. Р.	39 статей.
П. А. Н.	21 статья.
П. П. О. / С. П. О.	12 статей.
С. И. Крыл. / С. Ив. Крыл. / И. Крыловъ.	4 статьи.
И. Д.	2 »
С. Т. И. / С. Т. Иль.	2 »
Ал-ръ Лабзинъ	1 статья.
Ал. Оз.	1 »
П. С. Д.	1 »
Н. Хлюстинъ	1 »
П. Бырдинъ.	1 »
Сем. Печ.	1 »
С. Л.	1 »
В. П. д. ш. в. л. въ.	? [1])

1) Объ участіи въ журналѣ В. Подшивалова узнаёмъ только изъ благодарственнаго обращенія къ нему издателей (ч. II, стр. 96). Но узнать, какія

Изъ этого списка ясно, что во главѣ изданія стояли первые трое: П. И. Р. (или С. И. Р.), П. А. Н. и П. П. О. (или С. П. О.).

Узнать скрытыя подъ этими буквами фамиліи можно, къ сожалѣнію, только отчасти, и то гадательно. Но прежде всего необходимо обратить вниманіе на то, что въ псевдонимныхъ подписяхъ вышеприведеннаго списка сотрудниковъ первыя буквы постоянно повторяются: *П.* И. Р., *П.* А. Н., *П.* П. О., *П.* С. Д., *С.* И. Р., *С.* П. О., *С.* И. Крыл., *С.* Т. И., *С.* Т. Иль. При этомъ, тѣ статьи, подъ которыми стоятъ буквенныя подписи, начинающіяся буквою *П.*, оказываются переводными. Ясно, что эта буква *П* означаетъ: *перевелъ*; два раза она даже и замѣнена словомъ: *пер.* (см. ч. 1-я, стр. 95 и 96). А если то же лицо помѣщало статью не переводную, а оригинальную, то подпись начинается буквою *С*, которая, очевидно, значитъ: *сочинилъ.* Поэтому мы и встрѣчаемъ двоякія подписи: П. И. Р. и С. И. Р., П. П. О. и С. П. О.— Слѣдовательно, первую букву надо отбросить, авторовъ. тогда получатся настоящія имена сотрудниковъ: И. Р., А. Н., П. О., Т. И. и т. д.

И. Р., очевидно, Иванъ Герасимовичъ *Рахманиновъ*, которому, по количеству помѣщенныхъ въ журналѣ статей, принадлежала главная роль. Вѣрнѣе всего, что журналъ издавался, хотя и сообща, но преимущественно или, можетъ быть, временно, до окончательнаго разсчета, на его средства, почему онъ и выставилъ на немъ свой штемпель и считался хозяиномъ журнала. Державинъ прямо называлъ его издателемъ «Утреннихъ Часовъ» (С. Жихаревъ: Дневн. Чиновн. «Отеч. Зап.» 1855, № 7, стр. 133) [1]).

принадлежатъ ему статьи, нельзя: въ моемъ экземплярѣ нѣтъ на это никакихъ указаній въ подписяхъ, а въ экземплярѣ И. Публ. Библ. почти всѣ статьи безъ подписей.

1) Иванъ Герасимовичъ Рахманиновъ принадлежалъ къ дворянскому семейству, ведшему свой родъ отъ молдавскихъ господарей Драгошей, правившихъ Молдавіей 1350—1552 г. Одинъ изъ ихъ потомковъ, Василій Рахманинъ, при вел. кн. Іоаннѣ III вступилъ въ русскую службу и отъ него пошелъ русскій дворянскій родъ Рахманиновыхъ. Отецъ Ивана Герасимовича, Герасимъ Іевлевичъ, принималъ участіе въ переворотѣ, возведшемъ на престолъ Импе-

Кому принадлежатъ буквы А. Н., второго, по количеству статей, сотрудника «Утреннихъ Часовъ», рѣшить трудно, за отсутствіемъ какихъ-бы то ни было указаній.

Подъ буквами П. О., по всей вѣроятности, надо разумѣть *Петра Озерова*. Ихъ было двое: Петръ Евграфовичъ и Петръ Петровичъ. Первый упоминается въ числѣ подписчиковъ «Утреннихъ Часовъ», съ титуломъ Его Высокородія; слѣдовательно это былъ человѣкъ уже солидный, въ чинахъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Второго находимъ въ «Росписи» Смирдина, какъ переводчика разныхъ книгъ съ нѣм. яз. (см. №№ 3079, 4705, 4725, 4745, 5307 и 8801).

Издатели «Утреннихъ Часовъ», за исключеніемъ И. Г. Рахманинова, все были люди молодые. Объ этомъ свидѣтельствуютъ какъ тонъ и направленіе журнала, отзывавшагося юношескою идеалистичностью и отвлеченностью, такъ и разсказъ Крылова Жихареву: «Рахманиновъ былъ гораздо старѣе насъ, говорилъ Крыловъ, «и, однакожъ, мы были съ нимъ друзьями». (Дневн. Чин. Отеч. Зап. 1855, № 7, стр. 133).

ратрицу Елизавету Петровну, былъ лично ей извѣстенъ и это положило начало значительному его богатству. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Аннѣ Ивановнѣ Крапоткиной, отъ которой имѣлъ троихъ сыновей и двухъ дочерей. Изъ сыновей старшій, Иванъ Герасимовичъ, съ дѣтства имѣлъ склонность къ литературѣ и особенно увлекался, какъ и многіе въ то время, сочиненіями Вольтера и Энциклопедистовъ. Поступивъ на службу въ Конную Гвардію, онъ 1-го января 1782 г. былъ изъ вахмистровъ произведенъ въ корнеты, въ 1790 г. — въ ротмистры, а въ 1793 г., 1-го января, уволенъ изъ ротмистровъ къ статскимъ дѣламъ съ чиномъ бригадира. Съ этихъ поръ онъ поселился въ своемъ имѣніи, селѣ Казинкѣ, Козловск. уѣзд., Тамбовск. губ., гдѣ и умеръ (въ какомъ году — неизвѣстно) и погребенъ при тамошней церкви. — Сблизившись съ Рахманиновымъ во время журнальной своей дѣятельности, Крыловъ сохранилъ съ нимъ дружескія отношенія и впослѣдствіи и пріѣзжалъ къ нему въ Казинку.

Еще состоя на службѣ, Рахманиновъ выступилъ и на литературномъ поприщѣ, преимущественно какъ переводчикъ Вольтера. Во второй половинѣ 80-хъ годовъ онъ имѣлъ въ Петербургѣ свою типографію, въ которой печаталъ свои сочиненія и переводы. Переселившись въ Казинку, онъ перевелъ туда и свою типографію и продолжалъ печатать въ ней книги. Но тутъ онъ сдѣлался одной изъ жертвъ наступившей тогда въ настроеніи импер. Екатерины II реакціи. По доносу козловскаго городничаго Сердюкова о томъ, что

Если принять все это во вниманіе, то врядъ-ли можно будетъ допустить, что буквы П. О. относятся къ подписчику «Утреннихъ Часовъ» Петру Евграфовичу Озерову. Вѣрнѣе будетъ отнести ихъ къ Петру Петровичу Озерову, который, можетъ быть, былъ сыномъ Петра Евграфовича и сослуживцемъ Рахманинова по Конногвардейскому полку: по крайней мѣрѣ въ спискѣ офицеровъ этого полка встрѣчается *поручикъ Озеровъ*, бывшій въ караулѣ въ Ораніенбаумѣ 24 іюля 1790 г. (И. В. Анненковъ: Истор. Л.-Гв. Кон. п., III, 53).

Подъ буквами Т. И. и Т. Иль. скрывается, вѣроятно, *Терентій* Ильичъ *Ильинъ*, то же показанный въ моемъ экземплярѣ (ч. 1-я) въ числѣ подписчиковъ.

Подъ буквами Ал. Оз. можно разумѣть то же одного изъ подписчиковъ, *Александра* Иринарховича *Озерова* (въ 1-ой ч. моего экземпл. въ спискѣ подписчиковъ).

Подъ псевдонимомъ *Сем. Печ.* скрывался то же сотрудникъ журнала *Семенъ* Даниловичъ *Печеневъ* (см. 3 ч. въ экз. Публ. библ. спис. подписч.).

Рахманиновъ печатаетъ въ своей типографіи книги безъ всякаго дозволенія, типографія его была конфискована вмѣстѣ съ найденными и напечатанными въ ней книгами (въ количествѣ 5215 экземпл.), а самъ Рахманиновъ преданъ суду. Но онъ такъ настойчиво и искусно защищался, что дѣло затянулось. Тѣмъ временемъ типографія въ Казинкѣ, со всѣми, запечатанными въ ней книгами, сгорѣла (въ 1797 г); остальные же экземпляры Казинскихъ изданій, бывшіе у частныхъ лицъ, въ 1800 году повелѣно было собрать и «безъ изъятья» сжечь. Въ числѣ запечатанныхъ и уничтоженныхъ книгъ были и «Утренніе Часы». Въ Казинкѣ-же погибла и библіотека Рахманинова. Имѣніе это перешло впослѣдствіи въ другія руки, и позднѣйшая владѣтельница его разсказывала, что, при перестройкѣ, въ наглухо заложенныхъ подвалахъ нашли цѣлую массу полуистлѣвшихъ, покрытыхъ плѣсенью, книгъ, которыя мальчишки растащили на подтопку печей.

Но, лишившись своихъ печатныхъ изданій, Иванъ Герасимовичъ сохранилъ ихъ рукописи и впослѣдствіи задумалъ вновь ихъ напечатать, для чего заключилъ (6-го ноября 1801 г.) условіе съ московскими купцами Акоховымъ и Козыревымъ. По этому условію онъ предоставлялъ названнымъ купцамъ «привиллегію... печатать на ихъ коштъ *принадлежащіе* ему оригиналы нѣкоторыхъ въ томъ условіи означенныхъ книгъ». Въ числѣ этихъ книгъ поименованы были, кромѣ переводовъ Рахманинова, также «*Утренніе Часы*» и «*Почта Духовъ*». Но купцы напечатали только «Почту Духовъ» и 3 части со-

Подъ буквами И. Д. (въ VI-й ч. экз. Публ. библ.) помѣщены стихотворенія И. И. Дмитріева, къ сожалѣнію, не вошедшія въ собранія его сочиненій.

Можетъ быть къ числу сотрудниковъ надо причислить и *А. Н. Радищева.* Хотя ни одна изъ буквенныхъ подписей не подходитъ къ нему, но онъ показанъ (въ моемъ экземплярѣ, ч. 1-я) въ числѣ подписчиковъ. А мы видѣли, что нѣкоторые подписчики были, въ то же время, и сотрудниками. Предположеніе это кажется мнѣ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что существуетъ мнѣніе объ участіи его въ «Почтѣ Духовъ», первая книжка которой вышла въ концѣ января 1789 г., когда еще продолжалось изданіе «Утреннихъ Часовъ».

Наконецъ, къ сотрудникамъ «Утреннихъ Часовъ» должно причислить и *И. А. Крылова*, тоже показаннаго въ числѣ подписчиковъ (въ 3-й ч. экземпл. Публ. библ.). Кромѣ помѣщенной въ IV-й ч. оды «Утро» (стр. 136—141), подписанной полнымъ его именемъ: *И. Крыловъ*, ему, несомнѣнно принадлежатъ *три басни*, помѣщенныя въ первыхъ двухъ частяхъ и подписанныя (въ моемъ экземплярѣ) буквами: *С. И. Крыл.* и *С. Ив. Крыл.*

чиненій Вольтера; остальныя же, перечисленныя въ условіи, книги остались ненапечатанными, и Рахманиновъ, выданной имъ въ 1802 году довѣренностью, уполномочивалъ губ. секр. Осипова или потребовать отъ Акохова и Козырева исполненія условія, или поискать другихъ издателей.

Такъ какъ въ числѣ проданныхъ Рахманиновымъ рукописей названы, какъ его собственность, рукописи «Утреннихъ Часовъ» и «Почты Духовъ», то это можетъ дать поводъ думать, что онъ былъ *единственнымъ* издателемъ и собственникомъ этихъ журналовъ. Но тогда не понятно, зачѣмъ въ «Утреннихъ Часахъ» говорится объ «издателяхъ», а не объ одномъ издателѣ? Поэтому, вѣрнѣе всего предположить, что журналъ издавался дѣйствительно нѣсколькими лицами, но, по его прекращеніи, при денежномъ разсчетѣ между издателями, дѣло могло кончиться тѣмъ, что Рахманиновъ, болѣе другихъ потратившійся на журналъ, потребовалъ, въ вознагражденіе оказавшагося убытка, чтобы ему оставили въ собственность рукописи статей, для вторичнаго изданія, которое могло-бы возмѣстить убытокъ. Это второе изданіе, можетъ быть, и вышло-бы изъ Казинской типографіи, если бы не постигшая ее катастрофа. Тоже самое было, вѣроятно, и съ «Почтой Духовъ», настоящимъ собственникомъ которой оказался, въ концѣ концовъ, Рахманиновъ, а не Крыловъ, совсѣмъ не причастный, какъ оказывается, второму ея изданію.

Это послѣднее значитъ: *Сочинилъ Иванъ Крыловъ*, точно также, какъ С. Т. И. и С. Т. Иль. значитъ: сочинилъ Терентій Ильинъ; П. И. Р.— перевелъ Иванъ Рахманиновъ.

Выписываемъ здѣсь эти басни, которыя оказываются *несомнѣнно первыми*, извѣстными намъ, баснями Крылова.

Стыдливой игрокъ.

(«Утрен. Час.», ч. 1-я, недѣля V-я, маія 18 дня, 1788 года, стр. 79—80).

Случилось нѣкогда мнѣ быть въ шумливомъ мірѣ;
Сказать яснѣй, мнѣ быть случилося въ трактирѣ;
Хотя немного тамъ увидѣть льзя добра,
Однакожъ тутъ велась изрядная игра.
Изъ всѣхъ другихъ по удалѣе,
Одинъ былъ рослой удалецъ,
Безпутства былъ онъ образецъ
И карты ставилъ онъ и гнулъ смѣлѣе;
И вдругъ
Спустилъ всѣ деньги съ рукъ.

Эти свѣдѣнія о жизни и литературныхъ трудахъ И. Г. Рахманинова почерпнуты изъ слѣдующихъ изданій:

1. Историч. свѣд. о родѣ дворянъ Рахманиновыхъ. Кіевъ, 1895. (Изд. не для продажи). Предисловіе подписано Н. Василенкомъ, а книга написана братьями Ив. Ив. (профес. Кіев. Унив.) и Ѳед. Ив. Рахманиновыми, при участіи И. Ѳ. Токмакова.

2. И. В. Аненковъ. Исторія Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка. Спб. 1849 г., ч. IV, стр. 88.

3. Извѣстія Тамбовской ученой архивной Комиссіи. Вып. XVIII, стр 86—90.

4. Дубасовъ. Типографія Рахманинова въ селѣ Казинкѣ, Козл. у., Тамб. губ. (Древн. и Нов. Рос. 1878, № 3, стр. 278—279).

5. Энциклопед. слов. Ефрова, т. XXVI, стр. 381.

6. С. Жихаревъ: «Дневникъ Чиновника». Отеч. Зап. 1855, № 7, стр. 132—133.

7. П. Бартеневъ: «Замѣтка о сельскихъ типографіяхъ въ Россіи. Библ. Зап. 1858, столб. 279—283 (съ перечнемъ, но не полнымъ, переводовъ и изданій Рахманинова по «Росписи» Смирдина).

Спустилъ, а на кредитъ никто ему не вѣритъ,
Хоть кажется въ божбѣ Герой не лицемѣритъ [1]).
Озлился мой болванъ,
И карту съ транспортомъ поставилъ на кафтанъ.
Гляжу чрезъ часъ, Герой остался мой въ камзолѣ,
Какъ пень на чистомъ полѣ;
Тогда къ нему пришелъ
Отъ батюшки посолъ,
И говоритъ: отецъ совсѣмъ твой умираетъ,
Съ тобой проститься онъ желаетъ,
И приказалъ къ себѣ просить.
Скажи ему, сказалъ мой фаля,
Что здѣсь бубновая сразила меня краля;
Такъ онъ ко мнѣ самъ можетъ быть.
Ему сюда придти ни мало не обидно;
А мнѣ по улицѣ идти безъ сапоговъ,
Безъ платья, кляпы и чулковъ,
Ужасно стыдно.

С. И. Крыл.

Судьба игроковъ.

(«Утрен. Часы», ч. II-я, недѣля XVIII, августъ 17 дня, 1788 года, стр. 80).

Вчерась пріятеля въ каретѣ видѣлъ я;
Бѣднякъ пріятель мой, я очень удивился,
Чѣмъ столько онъ разжился?
А онъ повѣдалъ мнѣ всю правду, не тая,
Что картами себѣ имѣнье онъ доставилъ,
И выше всѣхъ наукъ игру картежну ставилъ.
Сегодня же пѣшкомъ попался мнѣ мой другъ.
Конечно, я сказалъ, спустилъ ужъ все ты съ рукъ?
А онъ, какъ философъ, гласилъ въ своемъ отвѣтѣ:
Ты знаешь, колесомъ вертится все на свѣтѣ.

С. Ив. Крыл.

---

1) Ср. у Сумарокова въ баснѣ «Двѣ дочери подъячихъ»:

«Читатель этому конечно *не повѣритъ*,
И скажетъ обо мнѣ: онъ нынѣ *лицемѣритъ*».

Павлинъ и Соловей.

(«Утрен. Час.», ч. II-я, недѣля XXIV, сентября 28 дня, 1788 года, стр. 174—176).

Невѣжда въ физикѣ, а въ музыкѣ знатокъ,
Услышалъ соловья, поющаго на вѣткѣ,
И хочется ему имѣть такаго въ клѣткѣ.
Пріѣхавъ въ городокъ
Онъ говоритъ: хотя я птицы той не знаю
И не видалъ,
Которой пѣніемъ я мысли восхищалъ,
Которую имѣть я столь желаю;
Но въ птичьемъ здѣсь ряду
Конечно много птицъ найду.
Наполнясь мыслію такою.
Чтобъ выбрать птицъ на взглядъ,
Пришелъ бояринъ мой во птичій рядъ,
Съ набитымъ кошелькомъ, съ пустою головою.
Павлина видитъ онъ, и видитъ соловья,
И говоритъ купцу: не ошибаюсь я,
Вотъ мной желанная прелестная пѣвица!
Нарядной бывши толь, нельзя ей худо пѣть;
Купецъ, мой другъ! скажи, что стоитъ эта птица?
Купецъ ему въ отвѣтъ:
Отъ птицы сей, сударь, хорошихъ пѣсней нѣтъ;
Возьмите соловья, сѣдяща близъ павлина,
Когда вамъ надобно хорошаго пѣвца.
Не мало то дивитъ невѣжду Господина,
И быть боясь онъ обманутъ отъ купца,
Прекрасна соловья негодной птицей числитъ,
И мыслитъ:
Та птица перьями и тѣломъ такъ мала,
Не можно, чтобъ она пѣвицею была.
Купивъ павлина, онъ покупкой веселится,
И мыслитъ пѣніемъ павлина насладиться.
Летитъ домой,

И гостьѣ сей отвелъ рѣшетчатой покой;
А гостейка ему за выборы въ награду,
Пропѣла кошкою разовъ десятокъ сряду,
Мяуканьемъ своимъ невѣждѣ давши знать,
Что глупо голоса по перьямъ выбирать.
Подобно, какъ и сей бояринъ заключая,
Различность разумовъ пристрастно различая,
Не рѣдко жалуемъ того мы въ дураки,
Кто платьемъ небогатъ, не пышенъ волосами;
Кто не обнизанъ вкругъ перстнями и часами,
И злата у кого не полны сундуки.

С. И. Крыл.

Подъ всѣми этими баснями подписано С., т. е. *сочинилъ*, слѣдовательно всѣ онѣ — оригинальныя, а не переводныя. Только для послѣдней изъ нихъ мы находимъ прозаическій прототипъ въ тѣхъ-же «Утреннихъ Часахъ» (ч. II-я, недѣля XV, іюля 27, 1788 г., стр. 20—23), гдѣ помѣщенъ прозаическій переводъ басни подъ тѣмъ-же заглавіемъ, сдѣланный нѣкіимъ С. Д. изъ De tout un peu. Для сравненія, приводимъ этотъ прозаическій переводъ, чтобы видѣть, какъ обработывалъ Крыловъ уже тогда заимствованныя басенныя темы.

Павлинъ и Соловей.

«Въ одинъ день Павлинъ и Соловей спорили между собою о своихъ достоинствахъ. «Златовидныя мои перья, говорилъ надменный павлинъ, превосходятъ пестроту всѣхъ прекрасныхъ цвѣтовъ и малымъ тѣмъ не ровняются блеску самаго солнца. Когда я хочу показать всю красоту и всю мою пышность, тогда прельщенный глазъ съ удовольствіемъ останавливается для обозрѣнія моего хвоста, подобнаго опахалу; а тебя, бѣдненькую птичку, едва можно различить отъ земли, у коей ты заемлешь печальный свой цвѣтъ. — Это правда, отвѣтствовалъ ему соловей, что мой станъ и перья мало заслуживаютъ вниманія; но напротивъ того плѣняющій мой голосъ, коимъ природа меня одарила, награждаетъ тотъ недостатокъ блеска, которымъ гордость

твоя тщеславится. Въ то время, когда я начинаю неподражаемыя мои пѣсни, все утихаетъ въ рощахъ. Путешественникъ останавливается, слушаетъ со вниманіемъ и восхищается. Несчастные любовники утѣшаемы бываютъ сладостію и согласіемъ нѣжныхъ моихъ пѣсенъ, и человѣкъ часто, оставя санъ свой, приходитъ удивляться сладостному моему пѣнію.

«Едва онъ сіе окончилъ, какъ вдругъ попадаются они оба въ сѣть присматривавшаго за ними охотника. Они ожидаютъ въ страхѣ жестокаго приговора на свою судьбу, и павлинъ надѣется получить свободу, по причинѣ красоты своихъ перьевъ, выхваляя ихъ предъ птицеловомъ. «Это-то самое, говоритъ ему птицеловъ, и заставляетъ меня тебя удержать; ибо я вижу, что твои перья могутъ служить для украшенія моихъ дѣтей; но съ тобою, возлюбленный пѣвецъ, поступлю я совсѣмъ иначе, сказалъ онъ соловью; я возвращу тебѣ свободу для прелестнаго твоего пѣнія.

«Изъ сей басни должны мы заключать, что богатство не рѣдко подвергаетъ опасности жизнь нашу, но дарованій нашихъ ничто не можетъ у насъ похитить; и что сіи самыя дарованія поставляютъ насъ наравнѣ съ знатнымъ происхожденіемъ и высокимъ саномъ, когда человѣкъ кромѣ оныхъ ничего подпорою своею не имѣетъ. П. С. Д. изъ De tout un peu».

Къ сожалѣнію, мой экземпляръ «Утреннихъ Часовъ» состоитъ, какъ я уже сказалъ, всего изъ двухъ первыхъ частей. Поэтому, у насъ нѣтъ способа подтвердить догадку Л. Н. Майкова о принадлежности Крылову еще трехъ басенъ, напечатанныхъ въ 3 и 4 гоахъ «Утреннихъ Часовъ», такъ какъ въ экземплярѣ И. Публ. Библіотеки, которымъ онъ пользовался, подписей нѣтъ. Только одна изъ нихъ, «Недовольный гостьми стихотворецъ» съ полною несомнѣнностью можетъ быть приписана Крылову, ибо въ статьѣ Л. Н. Майкова доказано, что Крыловъ подъ именемъ героя этой басни Риомохвата осмѣивалъ Княжнина. Сверхъ того, басня эта, только подъ измѣненнымъ заглавіемъ: *«Не во время гости»* и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ помѣщена въ журналѣ Крылова «Зритель» 1792 г., стр. 111.

И такъ, несомнѣнно, что *въ «Утреннихъ Часахъ» 1788—1789 г. помѣщено четыре подлинныхъ басни Крылова.* А если прибавить къ нимъ еще двѣ изъ помѣщенныхъ въ этомъ журналѣ басенъ, которыя, по весьма вѣроятному предположенію Л. Н. Майкова, тоже могутъ быть признаны за Крыловскія, то окажется шесть оригинальныхъ басенъ Крылова, написанныхъ имъ въ 1788—1789 гг., т. е. на 17—18 лѣтъ раньше, чѣмъ обыкновенно считаютъ появленіе его первыхъ басенъ.

Сверхъ того, во II-й ч. «Утреннихъ Часовъ» встрѣчается тема, развитая впослѣдствіи Крыловымъ въ особой баснѣ. На стр. 111—112 помѣщены «Избранныя мысли». Послѣдняя изъ нихъ изложена такъ: «Глупцы дѣлаютъ шумъ въ свѣтѣ, подобный стуку пустой кареты, скачущей во весь опоръ по улицамъ». Черезъ тридцать лѣтъ, въ 1819 г., въ изданіи басенъ Крылова, ч. VI, стр. 67, появляется басня «Двѣ бочки», представляющая развитіе этой мысли.

Но, по всей вѣроятности, и это еще не первыя басни Крылова. Можно предполагать, что еще за два года до «Утреннихъ Часовъ» уже появилась въ печати одна басня Крылова.

Съ 1-го іюля 1786 по 1-е іюля 1787 издавался въ Петербургѣ Ѳед. Осип. Туманскимъ еженедѣльный журналъ: *«Лѣкарство отъ скуки и заботъ».* Цѣль его была таже, что и у издателей «Утреннихъ Часовъ»—насажденіе въ обществѣ добродѣтели. Въ предисловіи говорится:

«Есть много свободнаго времени, въ которое скукою гонимы ищемъ упражненія; на что-же праздныя минуты съ лучшею пользою употребить можно, какъ на чтеніе, которое обыкновеннымъ своимъ предметомъ имѣть должно утвержденіе добродѣтели и распространеніе полезныхъ знаній. Такова есть цѣль предлагаемаго нынѣ почтенной публикѣ еженедѣльнаго изданія, подъ заглавіемъ *Лѣкарство отъ скуки и заботъ*».

Но должно замѣтить, что исполненіе не всегда соотвѣтствовало намѣренію или, по крайней мѣрѣ, добродѣтель понималась издателями очень своеобразно.

Напр., въ стихотвореніи: «*Дружеское наставленіе торгующимъ своею красотою, отъ соболѣзнующихъ о ихъ неумѣніи*» (стр. 133—136) дается имъ такой совѣтъ:

«Коль суждено, чтобъ вся была жизнь ваша шалость,
Коль цѣломудріе считаете за малость,
Шалите, только лишь шалите вы съ умомъ:
Себя вы почитая,
Умѣйте, уловляя,
Зло само окончать добромъ»,

т. е., наживая развратомъ деньги, употреблять ихъ на дѣла благотворительности, по примѣру древнихъ Аспазій и Лаисъ и парижскихъ сиренъ:

«Скрывая свой порокъ, ихъ добрая душа
Въ раскаяніи тужитъ
И свѣту пользой служитъ
Благотвореніемъ дыша».

Въ этомъ-то журналѣ помѣщена эпиграмма къ N...., подписанная: *И. Кр.*,— подпись означающая несомнѣнно *И. Крылова.* Такъ какъ эта эпиграмма не помѣщена ни въ одномъ изданіи полнаго собранія сочиненій Крылова, то выписываемъ ее здѣсь:

«Ты здравымъ хвалишься умомъ вездѣ безстыдно,
Но здраваго ума въ дѣлахъ твоихъ не видно
Или безпутно ты являешься надменъ,
Или не кстати подлъ и слишкомъ униженъ.
На свѣтѣ рѣдкія ты вещи презираешь.
Тогда, какъ къ мелочнымъ почтителенъ бываешь.
Ты любишь вредное, отъ здраваго бѣжишь,
Въ надеждѣ ты пустой лѣта свои влачишь;
Или уныніе томитъ тебя напрасно,
Или на свѣтѣ семъ все кажется опасно;
Не ужасаешься зловредныхъ лишь вещей.
Послушай ты меня, послѣдуй мысли сей,
Что настоящее съ прошедшимъ съединится
И будущее впредь, какъ бывшее явится.

Ты блага твердаго не твердо лучшимъ чтишь,
Не вещію себя, ничтожествомъ манишь».

(«Лѣкарство отъ скуки и заботъ», 1786, № 26, Среда, дек. 23, стр. 268—269).

Это несомнѣнное сотрудничество Крылова въ названномъ журналѣ, о которомъ впервые упомянулъ кн. П. А. Вяземскій въ своей неоконченной статьѣ «О смерти И. А. Крылова» (см. Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Им. Ак. Наукъ, т. XX (1880), стр. 104), даетъ поводъ предположить, не ему-ли принадлежитъ напечатанная въ немъ (въ № 11, Среда, сент. 9, стр.143—145) и приводимая здѣсь басня: «*Пустынникъ и Орелъ?*».

«Всего беречься и страшиться
Есть средство на всегда спокойствія лишиться.
Однако былъ такой на свѣтѣ человѣкъ,
Который въ трусости провелъ свой вѣкъ.
Изъ дому своего несмѣлъ ступитъ ногою,
Боясь постигнутъ быть нечаянной бѣдою.
Людей
Онъ бѣгалъ, какъ звѣрей,
Они ему злодѣями мечтались,
Которы духъ его исторгнуть покушались;
А чтобъ отъ рукъ себя убійцевъ сохранить,
Весь зеркалами домъ внутри велѣлъ обить.
Теперь ужели онъ спокойствіе вкушаетъ?
Нѣтъ: домъ его ему паденьемъ угрожаетъ.
Быть можетъ, мыслитъ онъ, что своды упадутъ,
Иль вихри сильные все зданье потрясутъ,
Тогда какими я могу спастись судьбами,
Лежа подъ тяжкими раздавленный стѣнами?
Нѣтъ, нѣтъ, оставлю я городъ и людей,
Въ пустыню удалюсь, гдѣ-бъ не было звѣрей;
Въ долинахъ живучи, тамъ нечего бояться;
Не буду тамъ враговъ и зданій ужасаться.
Намѣренья сего мой трусъ не премѣнилъ,
И на лугахъ спокойно жилъ.

Но тамъ-то мы несчастье и встрѣчаемъ,
Гдѣ онаго не чаемъ.
Со черепахою межъ облаковъ Орелъ
Надъ головой его плѣшивою летѣлъ,
Которую сочтя за камень твердый
Орелъ немилосердый
Свою добычу опустилъ
И трусу голову добычей проломилъ.
Какъ ни живи на свѣтѣ осторожно,
Но ежели чего избѣгнуть невозможно,
Того не избѣжишь нигдѣ,
Ни въ полѣ, ни въ землѣ, ни въ дебряхъ, ни въ водѣ».

Басня эта напечатана безъ подписи и ничто не указываетъ на принадлежность ея Крылову. Даже напротивъ: ни по слогу, ни по содержанію она ничѣмъ не напоминаетъ его позднѣйшихъ басенъ. Но между первоначальными, полудѣтскими баснями Крылова и его позднѣйшими, вполнѣ художественными баснями и не можетъ быть замѣтнаго сходства. Начиная въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія свою баснописную дѣятельность, Крыловъ, очевидно, находился подъ вліяніемъ главнаго баснописца, Сумарокова. Мы видѣли, что онъ заимствовалъ у него даже риѳмы и выраженія (въ баснѣ «Стыдливый игрокъ»). Но вліяніе Сумарокова выразилось не въ одномъ этомъ. Самый характеръ тогдашнихъ басенъ Крылова былъ характеръ вполнѣ Сумароковскій: та-же субъективность и грубость изображенія, мелочность и не характерная случайность изобличаемыхъ явленій, даже тотъ-же складъ стиха [1]). Доказательствомъ этого служатъ тѣ, несомнѣнно Крыловскія басни, которыя напечатаны были въ «Утреннихъ Часахъ» 1788 г. и которыя тоже мало походятъ на его позднѣйшія басни.

1) Въ статьѣ Я. К. Грота: «Литерат. жизнь Крылова» уже было указано вліяніе на Крылова его предшественниковъ Ломоносова и Державина (см. Зап. Ак. Н., т. XIV, стр. 12—13). Теперь обнаруживается еще болѣе тѣсная связь нашего баснописца съ главнѣйшими представителями литературы XVIII в., именно: литературная зависимость его отъ Сумарокова.

Но все-таки это пока только слабо обоснованное предположеніе. Несомнѣннымъ-же остается то, что, благодаря счастливой находкѣ такого особеннаго экземпляра «Утреннихъ Часовъ», какъ описанный мною, надо отказаться отъ обычнаго мнѣнія, будто Крыловъ началъ писать басни только съ 1806-го года. Оказывается, что басня была однимъ изъ первыхъ, еще юношескихъ его произведеній, ибо помѣщенныя въ «Утреннихъ Часахъ» басни написаны имъ на 21-мъ году его жизни. А если признать напечатанную въ «Лѣкарствѣ отъ скуки и заботъ» басню тоже за Крыловскую, то придется отнести начало его баснописной дѣятельности къ еще болѣе раннему времени, къ сентябрю 1786 года.

Но и этимъ еще не исчерпывается вопросъ о первоначальныхъ басняхъ Крылова. Извѣстно, что еще до прекращенія «Утреннихъ Часовъ» (въ апрѣлѣ 1789 г.), съ января 1789 г. Крыловъ сталъ издавать «Почту Духовъ», въ которой хотя и нѣтъ ни одной стихотворной его басни, но, какъ мы видѣли, встрѣчаются въ статьяхъ Крылова басенные пріемы, и даже цѣлые иносказательные разсказы, на что было уже обращено вниманіе изслѣдователей.

Съ февраля 1792 г. сталъ выходить журналъ Крылова «*Зритель*», направленіе котораго такъ объяснено во введеніи:

«Право писателя представлять порокъ во всей его гнусности, дабы всякъ получилъ къ нему отвращеніе; а добродѣтель во всей ея красотѣ, дабы плѣнить ею читателя; симъ правомъ вознамѣрился пользоваться «Зритель».— Журналъ этотъ, какъ и остальные Крыловскіе журналы, издавался не имъ однимъ. На это мы встрѣчаемъ намекъ въ началѣ введенія: «Одинъ или многіе будутъ издавать Зрителя, о томъ, кажется, нѣтъ нужды увѣдомлять благосклоннаго читателя».

Въ этомъ журналѣ, какъ мы видѣли, была помѣщена одна басня Крылова, хотя и написанная имъ раньше, но для «Зрителя» передѣланная. Слѣдовательно, онъ и въ 1792 году не переставалъ заниматься баснями.

Такимъ образомъ, оказывается:

1. Что первыя напечатанныя басни Крылова относятся не къ 1806-му, а къ 1788-му, и даже, можетъ быть, къ 1786-му году [1]).

2. Что Крыловъ, еще въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, въ теченіи шести лѣтъ (1786—1792) не переставалъ писать басни и пользоваться басеннымъ пріемомъ иносказанія.

3. Что въ раннемъ періодѣ своей баснописной дѣятельности Крыловъ находился подъ вліяніемъ Сумарокова, баснямъ котораго подражалъ и въ слогѣ и въ тонѣ.

Вотъ почему и приходится отвергнуть установившееся у насъ мнѣніе, будто только Дмитріеву мы обязаны тѣмъ, что Крыловъ сталъ писать басни. Теперь намъ понятна и та борьба въ душѣ Крылова, о которой разсказываетъ Плетневъ, сообщая, что, подъ вліяніемъ совѣтовъ Дмитріева, Крыловъ «преодолѣлъ отвращеніе» къ баснѣ, явившееся у него подъ вліяніемъ увлеченія драматической дѣятельностью. Можетъ быть, слово «отвращеніе» слишкомъ сильно и не точно характеризуетъ отношеніе Крылова къ тому виду творчества, который потомъ такъ прославилъ его. Но несомнѣнно, что, начавъ свою литературную дѣятельность баснями, онъ вскорѣ ихъ бросилъ и около двадцати лѣтъ за нихъ не принимался.— Весьма возможно, что, какъ истинный, но еще не вполнѣ развившійся, художникъ, онъ *чувствовалъ* искусственность слога, фальшивый тонъ и нехудожественность изображенія въ принятыхъ имъ за образецъ басняхъ Сумарокова, а выработать себѣ простой, естественный слогъ, вѣрный тонъ и достигнуть той неподражаемой художественности, которою такъ отличаются его басни, онъ еще не

1) Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, первыя басни Крылова появились въ печати *раньше* первыхъ басенъ И. И. Дмитріева. Послѣдній началъ свое поприще баснописца баснею «Картина», написанной въ 1790 г. и напечатанной въ 1792 г. въ «Московскомъ Журналѣ» Карамзина.— (Соч. И. И. Дм—ва, изд. Я. Соколова, 1895, подъ ред. А. А. Флоридова, т. I, стр. 3).

могъ. Получился неустранимый пока разладъ между безотчетнымъ художественнымъ стремленіемъ и слабымъ исполненіемъ, что̀ и *отвратило* его на время отъ басни.

Но того, что естественно, преодолѣть невозможно. И Крыловъ, не желавшій писать басенъ, безпрестанно прибѣгаетъ въ своей литературной дѣятельности къ пріемамъ баснописца,— притчѣ, иносказанію, что̀ и было вѣрно подмѣчено его біографами и критиками. Дѣлается намъ теперь понятною также и роль Оленина въ литературной дѣятельности Крылова. Зная, по дружеской близости къ нему, о первоначальныхъ опытахъ Крылова въ баснѣ, но видя, что онъ увлекается не тѣмъ родомъ литературы, который всего болѣе былъ ему сроденъ, Оленинъ и сталъ, послѣ удачнаго *возобновленія* Крыловымъ баснописной дѣятельности въ 1806 году, убѣждать его не покидать этого прирожденнаго ему рода поэзіи, а, наоборотъ, отказаться навсегда отъ мало соотвѣтствовавшей его личнымъ свойствамъ и его таланту дѣятельности драматурга.

Что-же касается до вопроса о вліяніи Дмитріева на литературныя занятія Крылова, то, послѣ того, какъ обнаружилось съ полной несомнѣнностью, что принесенныя Крыловымъ Дмитріеву переводныя басни не были первыми опытами его въ этомъ родѣ, вопросъ дѣлается яснымъ. Крыловъ *не могъ* являться къ Дмитріеву за совѣтомъ и прибѣгать къ его литературному суду, ибо осмнадцать лѣтъ тому назадъ его басни, оригинальныя, были уже напечатаны, и даже ранѣе басенъ самого Дмитріева. Какія-же могли быть у него сомнѣнія на этотъ счетъ? Правда многіе думаютъ, что онъ являлся къ Дмитріеву именно съ баснями просто для того, чтобы завязать съ нимъ знакомство. Но мы видѣли, что никакого знакомства между ними не было; даже нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о существованіи какихъ бы то ни было сношеній между ними. А если мы обратимъ вниманіе, что оба они одновременно участвовали въ «Утреннихъ Часахъ», то, можетъ быть, и въ *поводѣ* къ знакомству никакой нужды не было. Отсюда, какъ мнѣ думается, вытекаетъ

одинъ только выводъ, тотъ самый, на который мы уже указывали раньше: Крыловъ обратился къ Дмитріеву не для того, чтобы отдать ему на судъ свои басни, и не для того, чтобы завязать съ нимъ знакомство, а затѣмъ, чтобы при его посредствѣ помѣстить эти басни въ какомъ-нибудь изданіи, что ему и удалось.

Такъ, благодаря счастливой случайности, разрушается безъ остатка басня о басняхъ Крылова.

Ѳ. Витбергъ.

25 іюля 1899 г.

Къ перепискѣ Н. В. Гоголя съ П. А. Плетневымъ.

(Неизданныя письма).

Бо́льшая часть дошедшихъ до насъ писемъ Гоголя къ Плетневу была обнародована уже давно, въ изданіи П. А. Кулиша (1857), и къ этому собранію впослѣдствіи прибавилось изъ другихъ источниковъ еще нѣсколько писемъ, напечатанныхъ въ другихъ изданіяхъ [1]).

Изъ писемъ Плетнева къ Гоголю небольшое собраніе (19 писемъ) было доставлено В. И. Шенрокомъ моему покойному отцу и напечатано имъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (въ 1890 г., кн. XI). Эти письма не могли такимъ образомъ войти въ вышедшее ранѣе того академическое изданіе «Сочиненій и Переписки» Плетнева, гдѣ помѣщена его переписка съ Пушкинымъ, Жуковскимъ и кн. Вяземскимъ.

---

1) Въ «Сочин. и Письмахъ Н. В. Гоголя», изд. Кулиша, напечатано 57 писемъ къ Плетневу. См. Указатель лицъ, къ которымъ адресованы письма этого собранія, сост. С. И. Пономаревымъ. Сборн. Отдѣл. р. яз. и слов. И. А. Н., т. XVIII, 1878 («Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу», стр. 18). Еще письмо къ Плетневу (6 февр. 1847 г.) напечатано Кулишомъ въ «Запискахъ о жизни Гоголя», т. II, стр. 85. Затѣмъ въ «Р. Архивѣ» 1866, № 5, стр. 766, напечатано сообщенное Я. К. Гротомъ письмо (7 янв. 1842) по поводу цензурныхъ затрудненій съ «Мертвыми Душами», и наконецъ въ «Р. Старинѣ» 1875, № 10, стр. 313—отвѣтъ Гоголя на извѣстное рѣзкое письмо Плетнева конца 1844 г. См. С. Пономарева, Матеріалы для библіографіи литературы о Гоголѣ, стр. 43 (Изв. Ист.-Фил. Инст. кн. Безбородка, VII, 1882).

Нынѣ я имѣю возможность нѣсколько дополнить коллекцію уже извѣстныхъ писемъ обоихъ друзей небольшимъ собраніемъ оставшихся въ свое время почему-то необнародованныхъ писемъ какъ Гоголя (восемь), такъ и Плетнева (четыре).

Это теперь тѣмъ болѣе своевременно, что и переизданіе всѣхъ писемъ великаго писателя, надо думать, не заставитъ себя долго ждать.

Печатаемыя здѣсь письма, въ особенности Гоголевы, представляя, разумѣется, какъ и все вышедшее изъ-подъ пера геніальнаго русскаго сатирика, первостепенный интересъ, дорисовываютъ намъ, кромѣ того, уже извѣстныя изъ прежнихъ писемъ взаимныя отношенія Гоголя и его старшаго литературнаго друга, съ отеческою любовью и заботою выполнявшаго относительно Гоголя такую-же благородную и безкорыстную и вмѣстѣ практически-полезную роль, какая выпала на его-же долю въ его дружбѣ съ Жуковскимъ, Пушкинымъ, Вяземскимъ и нѣкоторыми другими изъ лучшихъ современныхъ писателей. Въ этомъ смыслѣ особенный интересъ представляетъ письмо Гоголя отъ 24 октября 1844, которое вызвало извѣстную весьма характерную отповѣдь Плетнева, поражающую своею нѣсколько суровою откровенностью и строгостью приговора [1]).

Печатая послѣднюю, Я. К. Гротъ замѣчаетъ, что это—«отвѣтъ на несохранившееся, къ сожалѣнію, письмо, въ которомъ Гоголь просилъ Плетнева откровенно высказать свое о немъ мнѣніе». Остается только порадоваться, что издатель въ данномъ случаѣ ошибся [2]) и что и это замѣчательное письмо, къ счастью, не пропало. Не менѣе любопытны нѣкоторыя другія письма, касающіяся изданія произведеній Гоголя, цензурныхъ хлопотъ и затрудненій и проч., и содержащія не мало интересныхъ признаній и отзывовъ, напр. еще прочувствованное слово по поводу смерти Пушкина и т. п.

---

1) Русск. Вѣстн. 1890, XI, стр. 34—38.

2) Мы повторили это предположеніе объ утратѣ письма въ изданіи «Переписки Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», т. II, стр. 902.

Въ виду того, что письма эти — разныхъ эпохъ (30-хъ и 50-хъ годовъ) и что они, бывъ какъ-бы выхвачены изъ ряда прочихъ, не имѣютъ связи между собой, я позволяю себѣ снабдить ихъ нѣсколькими подстрочными примѣчаніями, чтобы читателю было легче разобраться въ подробностяхъ ихъ содержанія.

Четыре печатаемыя ниже письма Плетнева къ Гоголю, исключительно почти дѣловыя, а потому не столь интересныя въ литературномъ отношеніи, даютъ все-таки нѣкоторый матеріалъ для біографіи писателя и восполняютъ пробѣлъ въ напечатанномъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» собраніи 19-ти писемъ, между I-мъ письмомъ (27 октября 1844 г.) и II-мъ (27 августа 1846).

Мы печатаемъ письма — сохраняя вполнѣ ороографію подлинниковъ.

Константинъ Гротъ.

Письма Н. В. Гоголя.

1 [1]).

1832 9 октября. Курскъ.

Здоровы ли вы безцѣнный Петръ Александровичъ. Я всеминутно думаю объ васъ и рвусь скорѣе повѣситься къ вамъ на шею. Но судьба какъ будто нарочно поперечитъ мнѣ на каждомъ шагу. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ пущенномъ 11 сентября я писалъ вамъ о моемъ горѣ: что поправившись немного въ здоровьи своемъ собрался было ѣхать совсѣмъ; но сестры мои которыхъ везу съ собою въ Патр. Инст. заболѣли корью и я принужденъ былъ дожидаться пока проклятая корь прошла. Наконецъ 29 сентября я выѣхалъ изъ дому и сдѣлавши 400 верстъ переломалъ такъ свой экипажъ что принужденъ былъ прожить цѣлую недѣлю въ Курскѣ въ этомъ скучномъ и немомъ Курскѣ. Вы щастливы Петръ Александровичъ! вы неиспытали что значитъ дальняя дорога. Оборони васъ и испытывать ее. А еще хуже браниться съ этими бестіями станціоными смотрителями которые если путешественникъ не генералъ а нашъ братъ мастеровой, то всѣми силами стараются дѣлать болѣе прижимокъ и берутъ съ насъ бѣдняковъ немилосердно штрафъ за оплеухи, которые навѣшаетъ имъ генеральская рука. Но завтра чуть свѣтъ я подвигаюсь далѣе и если дастъ Богъ то

---

1) Это — первое намъ нынѣ извѣстное письмо Гоголя къ Плетневу. У Кулиша («Сочиненія и Письма Н. В. Гоголя») первое по времени—отъ 16 марта 1837 г. изъ Рима (см. т. V, стр. 286). Срв. съ этимъ нашимъ письмомъ одновременное письмо его къ матери (отъ 10 октября, тамъ же, стр. 160). Объ этомъ возвращеніи Гоголя въ Петербургъ см. В. И. Шенрокъ, Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя, т. II (М. 1893), стр. 120, 144, 161.

къ 20 октябрю буду въ Петербургѣ. А до того времени обнимая васъ мысленно 1000 разъ, остаюсь вѣчно

вашъ Гоголь.

Вы не можете себѣ представить какъ я сгараю жаждою васъ видѣть. Одинъ только любовникъ летящій на свиданье можетъ со мною сравниться.

---

2 [1]).

1839 Москва 27 сентября

Я въ Москвѣ. Покамѣсть несказывайте объ этомъ никому. Грустно и нехотѣлось сильно! Но долгъ и обязанность послѣдняя: мои сестры. Я долженъ устроить судьбу ихъ. Безъ меня (какъ ни ворочалъ я это дѣло) я не находилъ никакого средства. Я на самое малое время и какъ только устрою не посмотрю ни на какія препятствія ни на время и чрезъ полтора или два мѣсяца я на дорогѣ въ Римъ. Къ вамъ моя убѣдительнѣйшая прозьба узнать могу ли я взять сестеръ моихъ до экзамена и такимъ образомъ выиграть время или необходимо онѣ должны ожидать выпуска. Дайте мнѣ отвѣтъ вашъ и если можно скорѣе.

---

1) Это письмо писано изъ Москвы на другой день по пріѣздѣ Гоголя изъ-за границы вмѣстѣ съ Погодинымъ (26 сентября 1839) и окончательно разрѣшаетъ всѣ сомнѣнія (если какія-либо могли еще быть послѣ прямыхъ свидѣтельствъ Погодина, С. Т. Аксакова (по запискѣ М. С. Щепкина), И. И. Срезневскаго и др. Срв. Барсукова, Жизнь и тр. Погодина, V, стр. 323 и сл.) относительно того, что Гоголь въ сентябрѣ уже былъ въ Москвѣ — вопреки датамъ помѣщенныхъ у Кулиша его писемъ къ матери (26 сентября изъ Тріеста, 24 и 28 октября изъ Вѣны). Эти даты могутъ быть объяснены лишь намѣренной мистификаціей со стороны Гоголя, имѣвшей безъ сомнѣнія свои уважительныя причины. Что Гоголь дѣлалъ нѣкоторую тайну изъ своего пребыванія въ Москвѣ въ это время, видно и изъ начала настоящаго письма. Объ этомъ странномъ противорѣчіи датъ см. Шенрокъ, Матеріалы для біографіи Гоголя, т. III (1895), стр 292—296, еще 323—5.

Скоро послѣ него я обниму можетъ быть васъ лично. Я слышалъ и горевалъ о вашей утратѣ. Вы лишились Вашей доброй и милой супруги [1]) столько лѣтъ шедшей объ руку вашу, свидѣтельницы горя и радостей вашихъ и всего что волнуетъ насъ въ прекрасные годы нашей жизни. Знаете ли, что я предчувствовалъ это. И когда я прощался съ вами, мнѣ что-то смутно говорило что я увижу васъ въ другой разъ уже вдовцемъ. Еще одно предчувствіе, оно еще неисполнилось но исполнится [2]) потому что предчувствія мои вѣрны и я незнаю отъ чего во мнѣ поселился теперь даръ пророчества. Но одного я никакъ не могъ предчувствовать—смерти Пушкина и я разстался съ нимъ какъ будто бы разлучаясь на два дни.

Какъ странно! Боже, какъ странно! Россія безъ Пушкина. Я пріѣду въ Пбургъ и Пушкина нѣтъ. Я увижу васъ—и Пушкина нѣтъ. Зачемъ вамъ теперь Петербургъ? къ чему вамъ теперь ваши милые прежніе привычки, ваша прежняя жизнь? Бросьте все! и ѣдемъ въ Римъ. О еслибъ вы знали какой тамъ пріютъ для того чье сердце испытало утраты. Какъ наполняются тамъ незамѣстимыя пространства пустоты въ нашей жизни! Какъ близко тамъ къ небу! Боже, Боже, Боже! о мой Римъ. Прекрасный мой, чудесный Римъ. Нещастливъ тотъ кто на два мѣсяца растался съ тобой и счастливъ тотъ для котораго эти два мѣсяца прошли и онъ на возвратномъ пути къ тебѣ. Клянусь какъ ни чудесно ѣхать въ Римъ, но возвращаться въ него въ тысячу разъ прекраснѣе. Ради Бога узнайте отъ Жуковскаго получилъ ли онъ мое письмо изъ *Варшавы* и какой его отвѣтъ.

---

1) Первая жена П. А. Плетнева, Степанида Александровна, рожд. Раевская, умерла въ 1839 г. Во второй бракъ съ княжной А. В. Щетининой П. А. вступилъ 26 янв. 1849 г.

2) Это необъясненное здѣсь новое «предчувствіе» относится, по всей вѣроятности, къ высказываемому ниже желанію Гоголя, чтобы Плетневъ поѣхалъ съ нимъ въ Римъ. На это указываетъ, кажется, и заключеніе письма 4-го, см. ниже. Въ такомъ случаѣ это предчувствіе Гоголя не оправдалось.

Адресъ мой: Професс. Импер. Моск. Унив. Михаилу Петровичу Погодину на Дѣвичьемъ полѣ въ собст. домѣ, для передачи Гоголю—

который все тотъ же неизмѣнно любящій васъ вѣчно.

---

3 [1]).

1840 Марта 7. Москва.

Съ убѣдительною къ вамъ прозьбою Петръ Александровичъ! Мнѣ не выдаютъ пашпорта безъ форменнаго свидѣтельства о моемъ званіи. А гдѣ дѣлся выданный мнѣ когда-то изъ Университета документъ не могу никакимъ образомъ придумать. Ради Бога вытребуйте мнѣ Университетское свидѣтельство и пришлите скорѣе. За нимъ остановка. Я бы давно уже былъ по дорогѣ въ Римъ. Сижу сдѣсь совершенно даромъ. Здѣлайте милость на всякій случай посылаю прошеніе. Целую и обнимаю васъ

вашъ Гоголь.

---

4 [2]).

1840 Вѣна. 25 іюня.

Прозьба не прозьба, а что-то въ родѣ того, осаждаетъ васъ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ безцѣнный Петръ Александровичъ!

---

1) На этомъ письмѣ карандашемъ помѣченъ кѣмъ-то 1844 со знакомъ вопроса. Но въ этомъ году Гоголь, какъ извѣстно, былъ за границей. По всему видно оно писано весной 1840 г. передъ отъѣздомъ въ Римъ.

2) На письмѣ отмѣтка Плетнева: *П.* (т. е. получено) *3 авг. 1840.* Въ немъ Гоголь проситъ П. помочь въ извѣстномъ его желаніи получить мѣсто секретаря при Кривцовѣ въ Римѣ, мысль о чемъ его долго занимала. Изъ этого

Дѣло для меня очень важное. Вотъ видите-ли: Еще въ Москвѣ мнѣ совѣтовали въ одно слово Вяземскій и Тургеневъ сдѣлать вотъ что: Кривцову назна(чи)ли въ Римѣ быть Директоромъ Римскихъ художниковъ и въ слѣдствіи того составившейся Римско-Руской Академіи съ 25 тысячами въ годъ жалованья что ужь вамъ я думаю извѣстно. Такъ какъ при директорѣ должно находится что нибудь въ родѣ конференцъ секретаря, или просто секретаря, или письмоводителя, то чтобы я хлопоталъ для себя объ этомъ. Къ сожалѣнію съ Кривцовымъ я не могу видѣться. Онъ выѣхалъ изъ Рима и вѣроятно будетъ скоро въ Петербургѣ. Я написалъ письмо къ Жуковскому [1]) чтобы онъ употребилъ вліяніе свое при дворѣ Наслѣдника; потому что Кривцовъ между прочимъ обязанъ этимъ мѣстомъ Наслѣднику. Конечно если Его Импер. Высоч. попроситъ объ этомъ Государя—то дѣло въ шляпѣ. Но я разсудилъ что весьма не худо бы еслибъ вы что нибудь сказали объ этомъ Великимъ Княжнамъ. Если Марія Николаевна отъ себя еще слово, то это натурально еще дѣйствительнѣе. А впрочемъ Вы знаете какъ это сдѣлать лучше. Можетъ Богъ дастъ что я наконецъ достигну того спокойствія которое мнѣ теперь необходимо. Мои затруднительныя обстоятельства и странныя положенія о которыхъ я вамъ когда нибудь донесу полную исповѣдь до того обременили меня и измучили что я совершенно выбился изъ силъ и ничего, ни строки, ни слова, ни мысли не могло взойти въ мою голову. Жалованья мнѣ можетъ быть дадутъ 1000 рубл. серебромъ

письма видно, что мысль эта была внушена Гоголю его же друзьями, а не у него самого зародилась (см. Шенрокъ, Матеріалы, III, стр. 309). Объ этомъ письмѣ Гоголь упоминаетъ въ слѣдующемъ, отъ 30 окт., «Соч. и Письма Гоголя», V, № 422.

1) См. Шенрокъ, III, стр. 308 и сл. Изъ настоящаго письма видно, что Гоголь не получалъ еще въ Москвѣ отрицательнаго отвѣта (т. е. отказа) отъ Жуковскаго, какъ думалъ г. Шенрокъ (см. тамъ же, стр. 310—311), а ѣхалъ въ Римъ все еще съ большими надеждами. Такимъ образомъ письмо его къ тому же Плетневу отъ 30 окт. лишь напоминаетъ о просьбѣ въ вѣнскомъ письмѣ, а не возбуждаетъ вновь вопроса, какъ-бы уже оставленнаго (какъ у Шенрока тамъ-же, стр 335). Срв. также Ж. и Т. Погодина, Н. Барсукова, к. V, стр. 362 и сл.

меньше чего заграницей не даютъ. И теперь вообразите себѣ я въ Римѣ и обеспеченъ! Только работай да наслаждайся! Это было бы такъ хорошо, но — до свиданія. Я хотѣлъ написать прощайте а вмѣсто того само собой написалось до свиданья. Не ужь ли черезъ годъ? Право мнѣ что-то кажется что вы въ 1841 будете стоять со мною рука въ руку а вокругъ насъ съ обоихъ сторонъ воздвигнутся стѣны Колизея или Капитолій; носы поразятся дыханіемъ чудного воздуха а очи... О, нѣтъ словъ въ человѣ(че)скихъ лексиконахъ. Поглядите на меня въ Римѣ и вы много во мнѣ поймете того, чему можетъ быть многіе дали названіе безсмысленной странности.

---

5 [1]).

1842 [Москва, 4 марта.]

Хотя письмо ваше (отъ 24 Ф.) которое я получилъ сегодня (4 марта) и льститъ мнѣ скорою присылкой рукописи, но я такъ уже истомленъ не жданными разсрочками и притомъ съ моей рукописью такіе происходятъ чудеса, что я того и жду что опять какая нибудь случится загвоздка.

На всякой случай если что нибудь случится я прилагаю письмо къ Уварову [2]). Погодинъ которому я показывалъ его говоритъ что оно убѣдительно, справедливо и вѣрно возымѣетъ дѣйствіе. Оно было написано до полученія вашего письма, когда

1) Писано въ ту пору, когда Гоголь, послѣ долгой неизвѣстности о судьбѣ своихъ «Мертвыхъ Душъ» въ петербургской цензурѣ, получивъ наконецъ болѣе благопріятныя вѣсти, долго еще тщетно ждалъ возвращенія своей рукописи. Это письмо интересно главнымъ образомъ тѣмъ, что разрѣшаетъ вопросъ о посылкѣ извѣстнаго письма Гоголя къ графу Уварову: какимъ путемъ оно было отправлено и почему не было пущено въ ходъ. Предположеніе Н. С. Тихонравова («Сочиненія Гоголя», изд. X, т. III, стр. 469—470, прим.), что это письмо «было приготовлено для посылки кому-либо изъ петербургскихъ друзей Гоголя», оправдалось лишь частью: письмо было и отправлено, но болѣе не понадобилось, а очевидно осталось у Плетнева до слѣдующаго свиданія съ Гоголемъ. См. изложеніе всей этой исторіи у Тихонравова (тамъ-же).

2) Оно напечатано въ изд. Кулиша «Соч. и Письма Гоголя», V, стр. 459.

я изнывалъ отъ ожиданья бѣдной моей рукописи. И такъ если только окажется надобность то вы это письмо вручите ему, еслижь нѣтъ пусть останется у васъ до времени моего пріѣзда. Посылаю также письмо къ князю Дундукову [1]). Я хотѣлъ у него быть въ Москвѣ. Но случившееся одно обстоятельство а потомъ моя періодическая болѣзнь подвернувшаяся не въ пору, помѣшали. Письмо это ему отдайте во всякомъ случаѣ. Оно вмѣстѣ и просительное и благодарственное. Иначе съ моей стороны было бы невѣжливо. А на остальную не офиціальную половину вашего письма я буду отвѣчать вамъ въ скоромъ времени. Прощайте. Покамѣсть я спѣшу скорѣе отправить это письмо на почту. А Никитенкѣ передайте мою искреннюю благодарность и особливо если онъ такъ будетъ добръ и уменъ что оставитъ въ покоѣ мои бѣдныя выраженія, которыя рѣшительно никому зла недѣлаютъ.

---

6 [2]).

1842 Москва, 10 апрѣля.

Уничтоженіе Копѣйкина меня сильно смутило! Это одно изъ лучшихъ мѣстъ въ поэмѣ, и безъ него—прорѣха, которой я ничемъ не въ силахъ заплатать и зашить. Я лучше рѣшился передѣлать его чемъ лишиться вовсе. Я выбросилъ весь генералитетъ. Характеръ Копѣйкина означилъ сильнѣе такъ что теперь видно ясно что онъ всему причиною самъ и что съ нимъ поступили хорошо. Присоедините вашъ голосъ и подвиньте кого слѣ-

1) Напечатано тамъ-же, стр. 460. Такимъ образомъ выясняется и судьба этого письма, которое Тихонравовъ (Сочиненія Гоголя, т. III, стр. 474, прим.) предположительно относилъ «къ 17 февр. или близко къ этому числу».

2) Объ упоминаемомъ здѣсь эпизодѣ цензурныхъ затрудненій съ поэмой «Мертвыя Души», т. е. о запрещеніи цензурой «Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ» и о передѣлкѣ ея Гоголемъ, не желавшимъ ею пожертвовать, см. у Тихонравова, Соч. Н. В. Гоголя, т. III, стр. 477, 522—532 и у В. И. Шенрока, Матеріалы, т. III, стр. 369—379.

дуетъ. Вы говорите что отъ покровительства высшихъ нужно быть подальше потому что они всякую копѣйку дѣлаютъ алтыномъ. Клянусь я готовъ теперь рублемъ почитать всякую копѣйку которая дается на мою бѣдную рукопись. Но я думаю даже что одинъ Никитенко можетъ теперь ее пропустить. Прочитайте. Вы увидите сами. Третьяго дня я получилъ отъ него письмо изъ котораго видно что онъ подвигнутъ ко мнѣ участьемъ. Передайте ему при семъ прилагаемый отвѣтъ и листы Копѣйкина и упросите безъ малѣйшей задержки передать вамъ для немедленной пересылки ко мнѣ. Ибо печатанье рукописи уже началось.

весь вашъ Гоголь.

---

7 [1]).

1844 Francf. $^{s}/_{M}$. 24 октября.

Прибѣгаю къ вамъ съ двумя усильными просьбами. Первая просьба: Увѣдомте меня живъ ли Прокоповичь. Вотъ уже болѣе полтора года я неимѣю ни слуху ни духу о немъ. На два письма мои въ одномъ изъ которыхъ я даже сильно попрекнулъ его въ бесчувственности къ положенію другого (я вотъ ужь годъ перебиваю(сь) безъ денегъ кое какъ и надѣлалъ вновь долговъ изъ которыхъ прежде въ силу выбрался) неполучилъ я никакого отвѣта. Ни отчета въ дѣлахъ, ни денегъ. Разрѣшите загадку эту и скажите мнѣ хотя то что вамъ извѣстно, если не можете разузнать болѣе. Вторая прозьба,... но прежде ея я вамъ долженъ сдѣлать сильный упрекъ: Вы поступили со мною какъ свѣтскій человѣкъ, а не какъ другъ. Вы мною были недовольны, отчасти я это замѣтилъ въ бытность мою въ Петербургѣ, отчасти узналъ потомъ. Зачемъ же вы ни одного слова

1) На письмѣ помѣтка Плетнева, что получено оно 26 окт. 1844, а отвѣчено на него 27 окт.—Это и есть неизвѣстное до сихъ поръ письмо Гоголя, вызвавшее откровенную отповѣдь Плетнева и отвѣтъ на нее Гоголя. См. ниже.

не сказали. Вы хотѣли чтобъ я самъ догадался и все смекнулъ; но развѣ вы не знаете что человѣкъ? изъ цѣлой сотни своихъ проказъ и гадостей, онъ едва увидитъ десять и это еще слава Богу; часто бываетъ даже и такъ, что сдѣлавши мерзость, онъ увѣренъ даже искренно что сдѣлалъ хорошее дѣло а не мерзость. Вы можете обвинять меня въ скрытности и въ это(мъ) вы совершенно правы, но зачемъ вы сами не были откровенны? Зачемъ хотите вы чтобъ я былъ великодушнѣе васъ тогда какъ вамъ слѣдовало быть великодушнѣе меня и симъ великодушіемъ дать мнѣ вдвое почувствовать вину свою. Признайтесь вы руководствовались болѣе свѣтскими приличіями чемъ голосомъ истинной любви и дружбы. Кто любитъ тотъ поступаетъ не такъ, тотъ болитъ душой о любимомъ предметѣ и болѣзнь его пріемлетъ какъ собственную болѣзнь. Тотъ написалъ бы мнѣ вотъ какимъ образомъ: «Послушай, любезнѣйшій, ты сдѣлалъ слѣдующую подлость, недостойную тебя самого, а свойственную мѣлкому и низкому человѣку. Мнѣ это горько было слышать; но привсемъ томъ я тебя не оттолкну отъ себя и неуменьшу моей любви къ тебѣ: раскажи мнѣ все подробно, что заставило тебя сдѣлать ее, дабы я могъ войдя въ твое положеніе помочь тебѣ загладить свой проступокъ и воздвигнуть тебя отъ твоего безславнаго паденія».

Вотъ какъ истинная любовь должна бы дѣйствовать, а не такъ какъ она дѣйствовала въ васъ. Почему знать можетъ быть тогда не произошло бы всей этой кутерьмы которую теперь я рѣшительно не могу понять, и самое дѣло предстало бы въ яснѣйшемъ для васъ видѣ а можетъ быть даже и вовсе иначе. Какъ бы то ни было но вѣдь всѣ вы [1]) произнесли надо мною судъ и подписали рѣшеніе, отъ всѣхъ собрали голоса а подсудимого невыслушали, даже не знаете, отдѣлили ли дѣйствія мнѣ принадлежащія отъ дѣйствій принадлежащихъ другимъ людямъ ко-

1) Тутъ Гоголь разумѣетъ, кромѣ Плетнева, Н. Я. Прокоповича и московскихъ друзей своихъ, съ которыми у него вышли тогда крупныя недоразумѣнія. См. Барсукова «Ж. и Т. Погодина», кн. VII, стр. 149 и сл.

торые сюда затѣсались и которыхъ авторитетъ Богъ вѣсть въ какой степени вѣренъ. И что еще удивительнѣе: осужденному читаютъ приговоръ чтобъ онъ видѣлъ въ чемъ его осудили, а мнѣ и этого не было. Хоть убей я до сихъ поръ не знаю въ какомъ видѣ носятся обо мнѣ слухи. На всѣ мои запросы я получалъ одни только намеки, всякой точно боится слово сказать, у всѣхъ недосказанности, какіе то странные смягченья и наконецъ такого рода противуположности и противурѣчія что я чуть не потерялъ совершенно голову. И потому я васъ теперь прошу одного только. И это будетъ моя вторая просьба: изложить въ немногихъ словахъ сущность моихъ дѣйствій и моего поступка *не въ томъ видѣ въ какомъ вы приняли сами ихъ* (Вы этого не сдѣлаете, вамъ трудно побѣдить свою собственную боязнь оскорбить щекотливыя стороны человѣка, хотя вы имѣете теперь дѣло съ такимъ человѣкомъ который этого особенно ищетъ, но вы этому неповѣрите и потому я извиняю впередъ вашъ отказъ) но вы можете прямо объявить: *въ какомъ видѣ мой поступокъ и дѣйствія дошли до слуха вашего* необъясняя что именно вы приняли изъ этого какъ достовѣрное и что отвергнули какъ невѣроятное. И такъ сдѣлайте это! Теперь такъ какъ приговоръ уже произнесенъ надо мною, я не стану оправдываться: пускай покамѣсть прогуляются по свѣту слухи о моей двуличности и подлости. Но мнѣ нужно это для себя самого чтобы умѣть осудить себя самого. Не вѣчно же намъ рисоваться передъ свѣтомъ, для этого есть время молодости; пора подумать и о будущемъ. И такъ немедля нимало напишите мнѣ отвѣтъ какъ можно проще въ двухъ, трехъ строкахъ. Смирнова вамъ недастъ покоя до тѣхъ поръ пока не напишите. Почему знать можетъ быть съ этого письма начнутся между нами сношенія откровеннѣе прежнихъ, мы болѣе оцѣнимъ другъ друга и узнаемъ истинно что на здѣшней землѣ долженъ (*т. е. должны*) сдѣлать другъ для друга

вашъ Гоголь.

Отправляя это письмо черезъ А. О. Смирнову, Гоголь приписалъ въ письмѣ къ ней (отъ того-же числа): «При семъ прилагаю вамъ письмо, которое вы должны отдать PQ (буквы, обозначавшія Плетнева) и вытребовать отъ него отвѣтъ безъ всякихъ изворотовъ». (Сочиненія и Письма Гоголя, т. VI, стр. 104). Получивъ это письмо, Плетневъ записалъ въ своемъ журналѣ 26 окт. въ письмѣ къ Я. К. Гроту (отъ 28 окт. см. «Переписка Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 341): «я отъ Смирновой получилъ письмо Гоголя ко мнѣ изъ Франкфурта—на Майнѣ. Онъ узналъ отъ Смирновой, что я не доволенъ его скрытностью и вообще неопредѣленными отношеніями ко мнѣ, жалуется на это и предлагаетъ прямо высказать ему, что̀ въ немъ дурного. Это заставило меня сходить къ Смирновой, чтобы выяснить дѣло». Смирнова затѣмъ извѣстила Гоголя о посѣщеніи Плетнева (Русск. Стар. 1888, VII, стр. 59). Срв. объ этой перепискѣ Шенрокъ, Матеріалы, т. IV, 290—298. Также, Н. В. Гоголь (О. Миллера), Р. Стар. 1875, т. XIV, 313, гдѣ помѣщенъ отвѣтъ Гоголя на отвѣтн. письмо Плетнева. Въ журналѣ Плетнева отъ 27 окт. (въ томъ-же упомянутомъ письмѣ къ Я. К. Гроту, «Переписка», II, стр. 342) находимъ слѣдующую замѣтку: «Я сѣлъ писать отвѣтъ Гоголю и со всей искренностію высказалъ ему, какъ онъ недостоинъ ни уваженія, ни дружбы по характеру его и по пренебреженію первыхъ авторскихъ обязанностей: изученія тонкостей языка въ употребленіи и расширенія въ себѣ идей объ искусствѣ». Это письмо Плетнева напечатано Я. К. Гротомъ въ числѣ другихъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1890 г., к. XI, стр. 34 (оно—первое по времени изъ всѣхъ 19-ти здѣсь напечатанныхъ). Извѣстный отвѣтъ Гоголя на это письмо Плетнева нашелся въ бумагахъ Шевырева, которому послѣдній, вѣроятно, переслалъ его, и напечатанъ О. О. Миллеромъ (съ письмами къ Шевыреву) въ «Русск. Старинѣ» 1875, т. XIV, стр. 313—322. Болѣе откровенно пишетъ Гоголь объ этомъ письмѣ Плетнева и о немъ Смирновой (См. «Сочин. и Письма», VI, 127 и «Русск. Старина» 1889, I, 157—158).

К. Г.

---

8 [1]).

1845 Франкф., мая 24.

Увѣдомляю тебя только о томъ что я сильно болѣнъ, и только одному Богу возможно излѣчить меня. Письмо однако

1) На письмѣ помѣчено Плетневымъ, что получено оно $\frac{22\ \text{мая}}{3\ \text{іюня}}$ *1844*. Но всѣ соображенія заставляютъ насъ заключить, что П. ошибся въ цифрѣ года: что это письмо писано въ 1845 г. На это во-первыхъ указываетъ дата письма 24 мая (нов. ст.), ибо въ 1844 г. Гоголь писалъ Жуковскому изъ Бадена (куда

же къ Уварову я написалъ и отправилъ его Смирновой для передачи или ему или тебѣ. Если можно возьми за первый годъ деньги и перешли на всякой случай къ Жуковскому. Отъ него я получу ихъ въ минуту надобности повсюду. Больше не въ мочь писать, прощай. Будь здоровъ и Богъ да хранитъ тебя

твой Гоголь.

Письма П. А. Плетнева.

1 [1]).

²/₁₄ ноября 1845. СПбургъ.

Вѣроятно ты уже знаешь, любезный Николай Васильевичь, почему я до сихъ поръ не могу тебѣ выслать денегъ изъ числа пожалованныхъ тебѣ Государемъ. Для полученія ихъ изъ Главнаго Казначейства каждый разъ надобно туда представлять отъ нашей миссіи (смотря по тому, гдѣ ты живешь) засвидѣтельствованіе, что ты еще въ живыхъ. Такъ какъ деньги выдаются по третямъ, то не забывай, что къ началу Генваря, Мая и Сентября ежегодно должна ко мнѣ приходить этого содержанія бу-

---

переѣхалъ изъ Франкфурта) уже *23 мая* (Соч. и Письма Гоголя, т. VI, стр. 81). Но самое важное доказательство это—просьба къ П. взять для него «за первый годъ деньги», подъ которыми разумѣются Высочайше пожалованныя Гоголю въ видѣ пенсіи въ нач. 1845, по ходатайству его друзей Жуковскаго, Смирновой и Плетнева,—по 1000 р. въ годъ на три года. Къ этому пожалованію относилось и упоминаемое здѣсь письмо къ гр. Уварову, въ которомъ Гоголь благодаритъ его за участіе (Соч. и Письма, тамъ же, стр. 173, срв. Шенрокъ, Матеріалы, IV, стр. 323—324). Объ этихъ деньгахъ см. и ниже къ 1-мъ изъ печатаемыхъ здѣсь писемъ Плетнева. Наконецъ и болѣзнь, на которую жалуется Гоголь, подтверждаетъ пріуроченье письма къ веснѣ 1845 г. Въ пользу того же говоритъ и обращеніе къ Плетневу *на ты*, начавшееся лишь съ конца 1844 г.

1) Отвѣтъ Гоголя на это письмо—изъ Рима, ⁸/₂₀ февр. 1846—см. «Соч. и Письма Н. В. Гоголя», т. VI, стр. 236. Срв. «Сочиненія и переписка» Плетнева, III, № 565 (П. къ Жуковскому).

мага, составленная по извѣстной миссіи формѣ и тамъ засвидѣтельствованная. До сихъ поръ изъ Главн. Казнач. я для тебя получилъ только 98 руб. серебр., т. е. за послѣдніе пять дней марта (указъ подписанъ 27-го числа) и за весь апрѣль 1845 года. Я знаю, что Смирнова тогда отправила тебѣ болѣе этой суммы, но это сдѣлано было ею для округленія числа отправленныхъ денегъ и по увѣренности, что при началѣ слѣдующей трети можно будетъ все это уравнять. Теперь слѣдуетъ мнѣ получить для тебя за двѣ послѣднія трети нынѣшняго года, за майскую и сентябрьскую по 333 р. 33 к. сер. за каждую—всего до 1846 г. 666 р. 66 к. с.

Смирнова на дняхъ уѣхала на житье въ Калугу, гдѣ мужъ ея получилъ Губернаторское мѣсто. Полагаю, что обо всемъ этомъ сама она писала тебѣ подробно. Въ свое отсутствіе пересылку тебѣ денегъ поручила она какому-то банкиру. Я не помню его имени, но ты конечно увѣдомишь меня о немъ, или скажешь тогда, чтобы я снесся съ Смирновой.

Не надѣюсь, чтобы ты наконецъ рѣшился хоть разъ въ мѣсяцъ писать мнѣ о томъ, какъ себя чувствуешь, гдѣ живешь и что дѣлаешь или сдѣлалъ. По это было бы съ твоей стороны совсѣмъ не лишнимъ. И я такъ же дѣлалъ бы если бы навѣрное зналъ, куда писать къ тебѣ. Но ты все оставлялъ меня въ совершенной неизвѣстности, такъ что я вотъ и теперь принужденъ о самомъ для тебя нужномъ дѣлѣ писать къ тебѣ черезъ Жуковскаго [1]), который ко мнѣ гораздо благосклоннѣе тебя, потому что, при всемъ его отвращеніи отъ корреспонденціи, пишетъ ко мнѣ по нѣскольку разъ въ годъ.

Прощай, милый! Обнимаю тебя въ надеждѣ обнять не мысленно, а корпорально.

П. Плетневъ.

---

1) Этому послѣднему Плетневъ тоже жалуется на неисправность Гоголя въ корреспонденціи въ письмѣ отъ 2 іюня 1846. См. «Сочин. и переп. Плетнева», III, стр. 572.

2.

25 дек. 1845 / 6 генв. 1846
Санктпетербургъ.

Какую грусть навело на меня письмо твое [1]), любезный Николай Васильевичъ! Не умѣю представить, чтò съ тобой будетъ по пріѣздѣ твоемъ въ Петербургъ, если ты нисколько не можешь поправиться здоровьемъ и въ Римѣ.

Покамѣстъ еще не посылаю тебѣ денегъ. Вышло недоразумѣніе между Главнымъ Казначействомъ и Министромъ Финансовъ. Послѣдній, предписавши выдавать тебѣ деньги, забылъ опредѣлительно сказать, нужно ли вычитать изъ этой суммы обыкновенные проценты или нѣтъ. Вотъ объ этомъ и пошла теперь бумага къ Министру Финансовъ, безъ разрѣшенія котораго и отказали пока мнѣ во вторичной выдачѣ твоихъ денегъ. Даже и по разрѣшеніи Министра, Главное Казначейство не всѣ выдастъ деньги за послѣднюю треть 1845-го, какъ я полагалъ, а только по то число, которое означено въ свидѣтельствѣ миссіи, увѣдомляющей о томъ, что ты, слава Богу, живъ и здоровъ. Теперь, когда ты будешь брать новое оттуда свидѣтельство для пересылки ко мнѣ, то попроси, чтобы миссія выставляла на немъ послѣднее число цѣлой трети, а именно 31 декабря, 30 апрѣля и 31 августа [2]).

Да благословитъ Богъ всѣ твои начинанія и да подкрѣпитъ всѣ силы твои на благія дѣла! Обнимаю тебя отъ души

преданный тебѣ неизмѣнно
П. Плетневъ.

---

1) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, не то письмо Гоголя отъ 18 ноября изъ Рима, гдѣ онъ сообщалъ о своей болѣзни, отъ которой онъ съ трудомъ оправился (См. «Соч. и Письма Гоголя», т. VI, стр. 221), а неизвѣстное намъ письмо отъ 28 ноября, о которомъ П. упоминаетъ въ своемъ отъ 16 февраля 1846 (см. ниже).

2) Срв. «Сочин. и Переписка Плетнева, III, стр. 568 (въ письмѣ къ Жуковскому).

3 [1]).

$^{16}/_{28}$ фев. 1846. Спб.

Два раза писалъ я къ тебѣ черезъ Жуковскаго, послѣ того, какъ получилъ твое письмо изъ Рима отъ 28 ноября. Ты, кажется, небольшой охотникъ до исправной корреспонде́нціи. Это и не дурно. Только надобно отличать корреспонденцію словъ, которая и подразумѣваться можетъ, отъ корреспонденціи *дѣловой*, требующей точности буквальной. Вчера отправилъ я наконецъ нѣсколько денегъ къ тебѣ изъ суммы, жалуемой тебѣ Государемъ. Вексель адресованъ, для большей вѣрности на имя нашего посланника Бутенева, за университетской печатью. Ты *непремѣнно* пришли отзывъ по полученіи денегъ.

Вотъ и еще дѣло, на которое отвѣчай *скорѣе* и *опредѣленнѣе*. Художникъ Бернардскій желаетъ издать первый томъ Мертвыхъ Душъ со ста политипажными картинами и со ста такими же въ текстѣ виньетками. Я видѣлъ часть первыхъ: онѣ очень хороши. Ежели ты согласенъ позволить ему изданіе этого тома, онъ предлагаетъ тебѣ заплатить *вдругъ* 1500 р. сер. или *въ два срока* 2000 р. сер., съ тѣмъ, что до истеченія трехъ лѣтъ ты не будешь вновь печатать этого тома и позволишь ему теперь вдругъ тиснуть 3600 экз. Изданіе будетъ выходить еженедѣльными выпусками, числомъ 25 выпусковъ. Отвѣчай немедленно, согласенъ ли ты на все это [2]). Или пришли свои условія. Будь здоровъ.

П. П.

---

1) На этомъ и слѣдующемъ письмѣ стоитъ адресъ Гоголя: Rome. Monsieur de Gogol. Via de la Croce. № 81. 3 piano. Отвѣтъ Гоголя на это письмо изъ Рима отъ 20 марта, съ отказомъ на предложеніе Бернардскаго, см. «Сочин. и Письма», т. VI, стр. 24.

2) См. объ этомъ въ «Перепискѣ Грота съ Плетневымъ», II, 677, 678, 722, 942. Позже Бернардскій издалъ свои рисунки особымъ изданіемъ. См. Письма Шевырева къ Гоголю. Отчетъ Имп. Публ. Библ. за 1893, стр. 34—35. Срв. Шенрокъ, Матеріалы IV, стр. 375, тамъ-же 95—96

4.

$^{4}/_{16}$ марта 1846. Спб.

Хотя подробный отвѣтъ на всѣ твои вопросы, заключающіеся въ письмѣ твоемъ отъ $^{8}/_{20}$ февр. ты уже безъ сомнѣнія нашелъ въ послѣднемъ моемъ къ тебѣ письмѣ и въ бумагѣ къ Бутеневу съ твоими деньгами; однако я съ удовольствіемъ и еще разъ пишу къ тебѣ о томъ же. Деньги посланы всѣ, сколько причиталось ихъ по срокъ свидѣтельства миссіи. Я и самъ полагалъ, что со Смирновой ты разочтешься послѣ. Жаль, что ты не объявилъ мнѣ, куда намѣренъ предпринять поѣздку: въ Петербургъ или въ Іерусалимъ. Пожалуста рѣши дѣло съ Бернардскимъ. Онъ нетерпѣливо ждетъ отвѣта. Слышалъ ли ты что умеръ Полевой? Это бы ничего — да осталось девятеро дѣтей нищихъ. Благодарю Бога, что Онъ послалъ тебѣ силы перенести прошлогоднія страданія. Конечно, ты воспользуешься теперешнимъ добрымъ расположеніемъ духа — и примешься за исправленіе должности своей: такъ я называю то, что Богомъ предопредѣлено въ жизни каждому изъ насъ сдѣлать. Но за что примешься ты? вотъ что я желалъ бы знать. Слышалъ ли ты, что Жуковскій уже раздумалъ нынѣшнимъ лѣтомъ пріѣхать въ Россію? В. К. Наслѣдникъ мнѣ сказывалъ, что онъ жалуется на слабость глазъ. Это печалитъ меня несказанно. Между тѣмъ въ 1847 г. будетъ 50 лѣтъ литературной жизни Жуковскаго. Надобно, чтобы вы оба пріѣхали сюда на юбилей.

Моя жизнь такъ однообразна и безцвѣтна, что и сказать о ней нечего. Но я ни минуты не бываю празденъ. Должность, журналъ, текущая корреспонденція и нѣсколько знакомствъ наполняютъ всѣ минуты мои съ 6 ч. утра (когда я обыкновенно встаю) до 11 ч. вечера (время, когда я ложусь). Грустно однако бываетъ часто. Конечно, у меня есть дочь. Но я не могу высказать ей, чего не достаетъ мнѣ для полноты счастія. Вспомни, что я пережилъ всѣхъ, кого любилъ и кѣмъ былъ любимъ.

Сердце во мнѣ сохранило между тѣмъ потребность этой любви. И вотъ отъ чего я бываю часто посреди общества мраченъ, одинокъ. Не знаю, должно ли это кончиться очень просто — смертію, или Провидѣніе еще что-нибудь для меня затаило въ будущемъ. Я приму все съ благодарностію и покорностію. Обнимаю тебя. Не прислалъ ли тебѣ Аркадій Россетъ какихъ новыхъ Рус. книгъ? Здѣсь Бѣлинскій съ Краевскимъ бѣснуются—за какого-то Достоевскаго. Но по мнѣ это пока — ничто [1]). Развѣ?...

Сообщилъ **К. Гротъ.**

---

1) Однако, несмотря на этотъ столь неблагосклонный отзывъ, Плетневъ въ другихъ отзывахъ признавалъ уже тогда талантъ Достоевскаго, считая его впрочемъ подражателемъ Гоголя. См. «Переписка Грота съ Плетневымъ», т. II, стр. 671, тоже 663, 669. Ср. «Матеріалы» Шенрока, IV, 411.

Отголоски народной пѣсни о свв. Димитріи и Ахилѣ въ духовной литературѣ южныхъ славянъ.

Между рукописями Рильскаго монастыря въ Болгаріи я обратилъ вниманіе между прочимъ на одну, № 78, содержаніе которой довольно извѣстно, это—слова инока Дамаскина ӥподїа́кона и студита Солунской церкви, прѣложенныя на ѻ҆бщы́ є҆зы́ка или изложенныя простꙑ́ ѥзыкѡ҆, на бумагѣ въ малый листъ, сербской редакціи съ ресавизмами, съ миніатюрами вмѣсто заставокъ, а иногда просто заставками и инициалами. Все это мѣстами украшено довольно обильно золотомъ. По характеру письма и изображеній, этотъ кодексъ весьма похожъ на рукопись Гавріила Троичанина, XVII в. [1]).

Сколько мнѣ извѣстно, эта рукопись есть самый полный «Дамаскинъ» изъ извѣстныхъ до сего времени [2]). Въ виду того, что этотъ кодексъ еще никѣмъ не былъ описанъ, я привожу здѣсь перечень заключающихся въ немъ статей, а именно:

---

1) Объ этой личности см. Сырку, Стари српски рукописи са сликама, въ Летописѣ Српске Матице, кн. 196 и 197, стр. 21—22.

2) О другихъ или, вѣрнѣе, о нѣкоторыхъ спискахъ сборниковъ Дамаскина см, у П. А. Лаврова: Дамаскинъ Студитъ и сборники его имени «дамаскины» въ юго-славянской письменности. Одесса, 1899, стр. 4 и слѣд.

1. Слово на Благовѣщеніе.
2. » » Рождество Христово.
3. » » Богоявленіе.
4. » » Срѣтеніе.
5. » о блудномъ сынѣ.
6. » » второмъ пришествіи Христа, почти буквально сходное по содержанію съ такимъ же словомъ въ люблянской рукописи.
7. Слово въ недѣлю сыропустную объ изгнаніи Адама и Евы.
8. Сказаніе въ недѣлю кр҇топоклоненꙋ.
9. Слово въ субботу Лазареву.
10. » на цвѣтоносіе. сирѣчь по србскомꙋ єзыкꙋ врбьница.
11. Слово на погребеніе г҃нє. и ѡ риданіе ц҃е. и о сьшьствіє вь адь.
12. Слово на воскресеніе Христа изъ мертвыхъ.
13. » въ недѣлю Ѳомину.
14. » » » мироносицъ.
15. » » » разслабленнаго.
16. » » » самарянки.
17. » » » слѣпаго.
18. » на Вознесеніе Христово.
19. » » сошествіе Св. Духа. Интересна въ началѣ этого слова миніатюра, занимающая мѣсто заставки: въ хоровомъ кругѣ — апостолы, а въ серединѣ круга — старецъ, одѣтый въ красный саккосъ съ сіяніемъ вокругъ головы, съ бѣлою бородою, а на головѣ у него желтая греческая средневѣковая шапка; руки распростерты, — въ нихъ онъ держитъ бѣлый платъ на подобіе полотенца съ парными полосами. Вокругъ сіянія 12-ть огненныхъ языковъ. По всей вѣроятности, вся эта композиція представляетъ Бога Отца.

20. Слово на Преображеніе.
21. Сказаніе объ архистратигахъ Гавріилѣ и Михаилѣ съ разсказами изъ Св. Писанія ветхаго завѣта, съ чудомъ Михаила въ Хонѣхъ (6 сент.) и съ сказаніемъ объ инокѣ Маркіанѣ.
22. О св. Георгіи, съ чудесами, между прочимъ, о сб8г-га́ти, о зміѣ.
23. Чудеса св. Николая, начиная съ чуда 5-го о сынѣ Агриповѣ. Въ концѣ этихъ чудесъ отмѣчено: ина чюдеса многаа стм8 никол8 кто мо́же изрещи или знемагати єзыкь.
24. Слово о десяти заповѣдяхъ Моисеевыхъ.
25. Ѳеѡфана инока и ритора оучителѧ кь православны хртїанѡ просты єзыкѡ сказаніє ѡ, бї,ті сьстава.
26. О св. Николаѣ инока Дамаскина. Между чудесами, приведено здѣсь и чудо ѡ ковѣрѣ.
27. Сказаніе, довольно обширное, о св. Димитріи съ рядомъ чудесъ; между послѣдними и чюдо. ѕ. стм8 димитрїю і ѡ ахїліє.

Собственно этою статьею рукопись оканчивается. Въ концѣ ея, впрочемъ, находится статья объ истинныхъ и ложныхъ книгахъ, списанная мелкимъ почеркомъ другой руки, безъ начала, на двухъ листахъ. Можно думать, что эти листы попали сюда изъ другой рукописи, или, быть можетъ, онѣ составляютъ часть тетради, списанной другимъ писцомъ и добавленной къ концу рукописи нѣсколько позже текста произведеній инока Петра Дамаскина. Такъ или иначе, но и эти листы относятся къ тому же вѣку, какъ и цѣлая рукопись, т. е. къ XVII в. Статья начинается такъ: іѡа́нъ лѣствичникь написа́вшаго лѣствицꙋ на сина́искꙋю го́рꙋ, сенанить грїгоріє декаполи́тъ григо́ріє папа ри́мскы, григо́ріє акрага́нскы. григо́ріє синаить, грїгоріє двоєсло́вець. кѷрїилъ алеѯандрьскы. кѷрилъ ієрлимскы. кѷрилъ слове́нскы. Дїѡнисїє ареѡпагить. иѡины. петрь рꙋскы. и

т. п. Въ началѣ не достаетъ только нѣсколькихъ строкъ. Этотъ текстъ уже извѣстенъ въ печати: онъ былъ изданъ раза три [1]); ближе всѣхъ къ нашему рильскому списку изъ печатныхъ текстовъ стоятъ русскіе списки, изданные Калайдовичемъ по рукописи XVII в. [2]) и Ягичемъ по рукописи XVI в. [3]), — со вторымъ въ особенности. Въ послѣднемъ изданіи мы находимъ текстъ, почти дословно сходный съ текстомъ рильскимъ. Отсюда можно заключить, что и заглавіе рильскаго текста было то же самое, что въ текстахъ Калайдовича и Ягича, а именно: ѿ апостолъскыхъ ꙁаповѣди. Правило светыхъ ѡтць нашихъ. ѳ҃ти. иже въ Никеи. Изъ сравненія текстовъ рильскаго съ напечатанными у Калайдовича и у Ягича оказывается, что въ первомъ изъ этихъ трехъ не достаетъ очень немногихъ строкъ въ началѣ. Различія, встрѣчаемыя въ этихъ трехъ текстахъ, касаются главнымъ образомъ отдѣльныхъ словъ. Я привожу здѣсь разночтенія только по изданію Ягича и по рильскому списку.

Ягичъ:			Рильск. списокъ:
Стр.	строка.		
218	6	лѣтописцѣ	лѣтѡ̀пи́сець
—	9	Козма индикоплаѵсь. Козма халкидойскы, Ѳеѡдоръ стꙋдійскы, Ісаакъ сиріанинъ.	Козма и̂ндикопле́ѵсъ, ко́зма халкыдо́нскы, и̂саакъ сира́нинъ.
—	10	Дешптра глаголема зрьцало	ді́шптра зо́вомаго зрьца́ло.
—	13	Єпифаніе Кѵпрꙋ	і̂пифа́ніе кѵ̈прьскы.
—	16	кієвскыѥ	кїѡвскыѥ.
—	17—18	Я кніги лъжнихъ съписаніа сіа сꙋть ихъже не пѡдобаєть дрьжати.	Я сіе книгы лъжны́ съписаніа. Сіа сꙋ́ть и̂хъ же не достои́ть дрьжа́ти.
—	*9*	Варнавино посланіе	варна́вово посла́ніе.

1) Русскій списокъ этого текста впервые напечатанъ былъ у Калайдовича, въ его Іоаннѣ, экзархѣ болгарскомъ, стр. 209—212; см. также примѣч. 45-е, стр. 100—101. Другія указанія см. у Франка, Памятки українсько-руськоі мови і літератури. Т. I. У Львові. 1896, стр. 6.

2) См. предыдущее примѣчаніе.

3) Opisi i izvodi III, въ Starinah, knj. IX, стр. 217—221.

4) Курсивныя цифры означаютъ число строкъ снизу.

Стр.	строка.		
—	*8*	ѿ Ѳомѣ	ѿ Ѳѡмѣ.
—	*6—7*	Сѹть и ина лъжна словеса сіа.	сѹть і ина много ѿ лъжныхъ словесникъ сложеніа. ѥже ѥ сіе.
—	*6*	въпроси Іѡ(анн)ѹ богословѹ.	іѡаннь бгослова въпросѝ.
	3—4	по вънесеніи христово(мь).	по вънесеніи гни
—	*3*	ѡтрочетемь	ѿтрочете.
—	*3*	рыби по сѹхѹ	по сѹхо рыби.
—	*1*	адамль	адамовь.
—	—	седмь цари	седм црїе
219	1—2	о пѹстинници Макаріа римскаго	о пѹстинници макаріи римстѣмь.
—	4	Іаковличихъ	ꙗко бы чй.
—	5	о мѹченицѣхъ лъжно написано. въ пророкѡхъ Геѡргіево мѹченіе како ѿ Дадіана цара мѹчень, Никѵтино.	сѹтже мница, криво складено, а не тако ѩкоже ѥ истинно писанно въ минеи чьтомыхъ. или въ прркѡ. геѡргіѡво мніе рекше ѿ дадіана царѧ мнь. никѵтово.
—	7	ѹмерь и седмижди ожибѣль.	ѹмрѣль. а седмижды ожиль.
—	8	Климентіа анкѵрскы и иных миѡгыхъ.	Климентово анкѵрского. и инѣхъ мнозѣхъ
—	9	Софоніево обьꙗвленіе, что Христа въ попы поставили.	софоніево обꙗвленіе. о дрѣвѣ кртнѣмь лъгано что ха въ попи ставиле.
—	13	невѣждымь	невѣждомь
—	15	Сіе вьсе еретици написаше, нь свети ѡтьци. тіи. иже въ Никеи.	еретици были и сказали црковныхъ прѣданіа и правило аплъскыхъ, пишѹще лъжна словеса. стыи же бгоносныи оци .тии, иже въ никеи.
—	16	светы Оци .тии. иже въ Никеи пращею	стыи же бгоносныи оци, тии, иже въ никеи, седмаго собора, влъкы пагѹбные. пращею.
—	19	светыхъ ѡтьць	стыхъ бгоносныхъ Оць нашихъ.
—	*3*	мѹдрованіе тѣхно	мѹдрованіе тѣхъ.
—	*2*	въ пагѹбѹ: правда	въ пагѹбѹ. зри Правда.
—	*1—2*	парьтолою сиречь ѡстрогить	прартолиѡ, рекше ѿстрго.
—	*1*	третіа землемѣріе	третіа . мѣріа
220	1—2	сеже есть .а.	сеже, а.
—	4—5	.д. заметане	д. метаніе.
—	7	ѡко трептить, вльхованіа	ѥко трептить, ꙗмо трептить вльхованіа.
—	8	о стрезахъ	ѿ стречахъ.
—	6	ѹрока житію	оурѡка житіе.
—	5	призывають бѣсове	призивають бѣсовь.
—	1	посрѣдѣ пшеницѣ, по глаголѹ господню иже рече.	срѣди пшеницѣ. раждизающе пламень вѣчныхъ моукъ по гню словеси ⁘ ѥже рече.
221	1—2	не вѣдеще писанію	не вѣдеть окаанный писанію.
—	2	аще чловѣкь заповѣдь	аще заповѣдь.

Стр.	строка.		
—	2—3	а иметь въ себѣ еритичьска писаніа дрьжати и вльхвованіа ихъ вѣровати имѣть съ тѣми.	а имать е себѣ еретическа писаніа држати еже е врагъ бжіи и вльхвованіа ихъ вѣрꙋвати имать кто съ тѣми.
—	4	И аще нѣкыи дѹховныи Отць.	Аще котори Отць дѹховныи.
—	5	въ чедахъ	въ сиѣхъ
—	6	и съ wнѣми еретикы вьсѣми.	и съ прѣжде реченними еретикы съ тѣми вьсѣми.
—	7	на тѣлѣ	на тѣлеси
—	—	по правило светыхъ wтьць.	по правиль стыхъ Отць и анаѳема да е.

Нѣкоторую близость рильскій текстъ имѣетъ также съ текстами, напечатанными А. Н. Пыпинымъ [1]) и Ив. Франкомъ по рукописи свящ. И. Яремецкаго-Биляхевича [2]).

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что рильскій списокъ и по своему составу, и по языку принадлежитъ къ русскимъ текстамъ истинныхъ и ложныхъ книгъ. Писецъ рильскаго Дамаскина или, по крайней мѣрѣ, списка истинныхъ и ложныхъ книгъ, приложеннаго къ концу этого Дамаскина, былъ или сербъ, или былъ свѣдущъ въ сербской редакціи. Впрочемъ, я склоненъ думать, что списокъ истинныхъ и ложныхъ книгъ сдѣланъ не одною и тою же рукою, что и весь Дамаскинъ. По всей вѣроятности, этотъ списокъ представляетъ или тетрадь изъ другой рукописи, или отдѣльную тетрадь, нарочно приложенную къ концу Дамаскина, быть можетъ, писцомъ всей рукописи. Нужно однако замѣтить, что этотъ списокъ производитъ скорѣе впечатлѣніе части, механически приклеенной кѣмъ-либо впослѣдствіи къ Дамаскину при переплетеніи послѣдняго, хотя характеръ письма, какъ во всей рукописи, такъ и въ этой части совершенно одинаковъ.

Здѣсь я не буду говорить больше о другихъ статьяхъ, входящихъ въ составъ Дамаскина, кромѣ одной, текстъ которой привожу ниже. Она заслуживаетъ вниманія уже потому, что со-

1) Лѣтопись занятій археографической коммиссіи. Вып. 1, стр, 31—54.

2) Памятки українсько-руськоі мови и літератури. I, стр. 2—6.

держаніе ея неизвѣстно, а и содержаніе само по себѣ представляетъ первостепенный интересъ въ исторіи народныхъ преданій и сказаній народовъ Балканскаго полуострова.

Эта статья — чудо шестое изъ повѣсти о св. Димитріи. Оно очень не велико по объему. Каково происхожденіе этого чуда, откуда заимствованъ его сюжетъ, когда, гдѣ, и кѣмъ оно первоначально составлено, на всѣ эти вопросы можно въ настоящее время отвѣтить только гадательно. Имѣя въ виду названіе городовъ, упоминаемыхъ въ разсказѣ о чудѣ, можно думать, что оно могло сложиться гдѣ-нибудь въ южной Македоніи или въ сѣверной части Өессаліи. Мнѣ кажется, что нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что чудо зародилось на почвѣ произведеній народнаго творчества. Вся его концепція и характеръ почти всего его содержанія можетъ служить тому лучшимъ доказательствомъ. По всей вѣроятности, эпизодъ, легшій въ основаніе чуда, составлялъ первоначально содержаніе народной пѣсни, по-моему, греческой, быть можетъ, сдѣлавшейся уже довольно рано достояніемъ и славянъ Балканскаго полуострова и скорѣе всего славянъ Македоніи. Къ сожалѣнію, до сего времени я не могу указать слѣдовъ такой пѣсни или какого-либо другого произведенія народнаго творчества; но что-нибудь подобное могло существовать, это можно заключить уже изъ того, что существуетъ цѣлый разсказъ о бѣгствѣ св. Димитрія изъ Солуня передъ началомъ основанія второго болгарскаго царства, разсказъ, послужившій польскому писателю Ежу темою для цѣлой повѣсти: Ясень I [1]). Существуетъ у болгаръ и, навѣрное, у грековъ, а также и у русскихъ и вообще у народовъ юговосточной Европы цѣлый рядъ разсказовъ о св. Димитріи, которыхъ, впрочемъ, я здѣсь касаться не буду. Въ чудѣ сборника произведеній Дамаскина помимо концепціи, на которую я указалъ выше, можно отмѣтить и форму ласиръ, — несомнѣнно народную, вмѣсто формы, Лариса: ѿподскы пѫть, иже ѥ на вардаръ.

1) Ясень I. Прикаска изъ българскѫ-тѫ исторіѭ [отъ Т. Іежъ]. (Отъ польскы). Прѣвелъ Б. Димитровъ [=Хр. Дановъ]. Болградъ, 1864. Книгописъ Теодорова.

Что же касается личности автора чуда, то таковымъ могъ быть инокъ и иподіаконъ солунской церкви Дамаскинъ, который, несомнѣнно, зналъ не мало разсказовъ народныхъ о св. Димитріи. Проводя въ своихъ произведеніяхъ мысль, что за грѣхи посылаются Богомъ людямъ наказанія и испытанія, солунскій иподіаконъ нашелъ возможнымъ указать перстъ Божій и въ разсказѣ или разсказахъ объ оставленіи св. Димитріемъ Солуня, а св. Ахиліемъ Ларисы по повелѣнію Божію за грѣхи людей, чтобы предать агарянамъ эти города, которые защищались, по народному представленію, этими святыми долгое время отъ враговъ. Проповѣдникъ хотѣлъ показать народу, что Богъ гнушается злыхъ дѣлъ людей и потому ни Самъ Онъ не можетъ оставаться между грѣшниками, ни оставлять между ними своихъ угодниковъ, поставленныхъ для охраны той или другой страны, того или другого города.

Таково представленіе и вѣрованіе народа, и этотъ взглядъ былъ усвоенъ и народнымъ проповѣдникомъ, какимъ былъ иподіаконъ Дамаскинъ. Грѣхи и развращенность людей послужили причиною завоеванія турками балканскихъ государствъ, Болгаріи и Сербіи. Объ этомъ поютъ умильныя пѣсни еще и до сего времени и болгары и сербы. Такъ въ болгарской пѣсни говорится, что болгары въѣзжали въ церковь на коняхъ, антидоръ брали копьями и вообще не оказывали никакого почитанія святынѣ, и за это Богъ отдалъ царство Болгарское въ руки нечестивыхъ. Вотъ что гласитъ эта пѣсня: «Съ того времени, какъ свѣтъ созданъ, Богъ далъ болгарамъ царствовать, царствовать и властвовать, какъ Богъ. Они не умѣютъ царствовать, царствовать и властвовать, но возгордились; на конѣ они ѣздили по церкви, съ коня они брали причащеніе, копье они вонзали въ антидоръ. Пустилъ Господь двухъ голубей, двухъ голубей, двухъ ангеловъ присматривать за Христомъ Богомъ, какъ Онъ ходитъ по церкви, и сѣли они подъ алтаремъ, подъ алтаремъ, подъ дверьми, чтобы видѣть царя Константина, какъ онъ ходитъ по церкви. И все это они сообщили Христу Богу. Изъ-за этого стало

жаль Богу, стало жаль и взгрустнулось. Далъ Господь турку царствовать и владычествовать, какъ Богъ, потому что онъ умѣетъ царствовать и владычествовать, какъ Богъ, — не возгордился; а болгарину опредѣлилъ быть рабомъ, быть рабомъ, быть слугою за то, что не умѣетъ царствовать, царствовать и владычествовать, какъ Богъ, но возгордился», и прочее до конца, какъ въ началѣ[1]). Изъ состава пѣсни видно, что она находится въ періодѣ разложенія; но при всемъ этомъ она и въ нынѣшнемъ своемъ видѣ даетъ довольно ясное понятіе о томъ, что̀ въ ней первоначально содержалось.

Текстъ вышеуказаннаго чуда по рильскому списку дамаскина читается такъ:

Чюдо ·ѕ· ст҃мѹ димитрїю і ѿ ахїлїє. како прѣєше агарѣне солѹнь и ласирь:~

По врѣмени єгда хотѣꙗше бь прѣдати солѹнь въ роуцѣ агарѣном. грєдѹщѹ же нѣцїи благочьстивїи хрстїане ити къ солѹнь въ днь празника ст҃мѹ. прїидоше на градскы пѹть, иже є на вардарь. тоу видѣвше очиꙗвѣстно, єдиного воина идѹщѹ ѿ солѹнь. и дрѹгаго грєдѹщаго ѿ пѹти ларискаго. ѡбаче срѣтшесе ѡба. и правое ѿвѣща воинь ка правостлю. радѹисе правостлю бжїи ахилїе. гле ємѹ правостль радѹисе и ты воине хвь димитрїе. хрстїане же ꙗко видѣвше се. сташе на странѹ съ страхом видѣти и конаць. гла пакы воинь ка ахилїю. ѿкѹд грєдеши правостлю бжїи, и камо идеши. тогда просльзивсе стыи ахилїе и рєче ємѹ. Ѡгрѣшенїи ради и безаконыи мирѹ, заповѣда ми бь изити ѿ ласирь єгоже храних. хоте єго прѣдати агарѣном въ рѹцѣ. и сїе изидох и идѹ идеже ми повели. Ты ѿкѹд грєши, млю те скажи ми. тогда просльзивсе сты димитрїе, рєче ємѹ. и азь пѡбнѣ пострахь правостлю бжїи ахилїе, много крати помагахь солѹнꙗном, ѿ самрьтоносїе, и ѿ плѣненїа избави ихь и ѿ въсакое болѣзны.

---

1) Бончевъ, Сборникъ отъ български народни пѣсни. Варна, 1884, стр. 13—14. Ср. Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. V, стр. 179 и 184.

нъ иниа ѿ многаго иха безаконїе ѿстꙋпи бь ѿ ны, и заповѣда ми оставити ихъ да предадꙋтсе въ роуцѣ агарѣномь. сего ради послꙋшах заповѣдь его. Сїе рекше иѡва. по сих поклоньше лице свое на земли и плакавше и лобзашесе. и вънезапꙋ быше невидимыи. Сїа чюдеса видѣвше хртїане ѡны. не смѣяше ити въ солꙋнь. нъ възбратишесе въспеть. побѣдаше чюдо. по сих единь мць. прѣеше агарѣне солꙋнь ѡ вѣнѣ и ласирь:~

П. Сырку.

П. Симони. Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и проч. XVII—XIX столѣтій. Выпускъ I, съ приложеніемъ XIII-ти таблицъ снимковъ съ рукописей. I—II. Изд. Отдѣл. русск. яз. и словесн. Императорской Академіи Наукъ. 1899. 8°, XIX+216+8.

Пословица, возникнувъ въ очень отдаленной древности, проходитъ не одно столѣтіе; иногда она усвоивается народомъ съ принятіемъ той или другой вѣры, того или другого соединеннаго съ ней ученія; или же заимствуется черезъ общеніе съ другими народами. Однажды усвоенная, она передается изъ рода въ родъ, изъ поколѣнья въ поколѣнье и большею частью устно. Но на всемъ этомъ длинномъ пути, проходя черезъ различныя среды и подвергаясь разнообразнымъ вліяніямъ, она, какъ нѣчто священное, не подлежащее временнымъ взглядамъ и вкусамъ, сохраняетъ во всей цѣлости заключающійся въ ней смыслъ, измѣняя только форму. Но и тутъ усвоенный ею ритмъ или складъ спасаютъ её отъ большихъ видоизмѣненій. Если она пережила свой вѣкъ, утратила смыслъ, то она бросается, и выходитъ изъ народнаго употребленія; а если остается, то вмѣстѣ съ тѣмъ остается и ея первоначальная форма. Поэтому и говорится: «Пословица во вѣкъ не сломится». Она и не старѣетъ: «Старыхъ людей пословицы не мимо дѣла» (въ изд. г. Симони № 2103).

Не остается она однако и совершенно неизмѣняемою, какъ окаменѣлость, нѣчто неорганическое; напротивъ, она въ устахъ народа живетъ и измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ его этнографическаго типа. Тѣснѣе всего она связана съ языкомъ: какъ въ языкѣ — слова, выражающія отдѣльныя понятія, и ихъ видоизмѣ-

ненія (фонетика, флексія); такъ и въ пословицѣ сочетаніе этихъ понятій въ рѣчь, выражающую цѣлую мысль. При томъ рѣчь эта должна заключать въ себѣ нѣчто цѣльное, опредѣленное и законченное, и прежде всего исполненное глубокаго смысла: «пословица даромъ не молвится»; а «одна рѣчь не пословица», говорится, когда кто-нибудь, настаивая на своемъ, безсмысленно твердитъ одно и то-же.

Поэтому трудъ г. Симони представляетъ драгоцѣннѣйшій вкладъ въ исторію философіи русскаго народа, его мысли и міросозерцанія. И совершенно правильно съ пословицей соединяются поговорки, загадки и проч. Поговорка, само собою разумѣется, сестра пословицы; а и загадка не ребусъ, который создается единственно съ педагогическою цѣлью, для упражненія ума; а наводитъ на отгадку тѣхъ-же мыслей и истинъ, которыя лежатъ въ народномъ міросозерцаніи.

Задавшись цѣлью обнародовать рядъ памятниковъ (всего 32) отъ XVII ст. до нашего времени, г. Симони хочетъ представить передъ нами картину развитія философской мысли русскаго народа за три столѣтія, считая, что памятники XVII ст. включили въ себя и то, что было въ обиходѣ и въ предшествовавшемъ столѣтіи. А это можно утверждать съ положительностью. На то наводятъ насъ и слѣдующія слова составителя I-го сборника: «Сущіи же великороссіискаго царствія языцы, паче-же западных странъ жители имут мирскія сія притчи своим их течтом (?) в типограоія живописатель бѣ изслѣдованны, якоже из нихъ *нѣкія моима видѣх очима*» (стр. 71).

Это мы понимаемъ такъ: что у западныхъ народовъ собиратель видѣлъ своими глазами печатанные сборники пословицъ; а есть они и у «языковъ великороссіискаго царствія», хотя, можетъ быть, непечатныя.

Такіе сборники не только существовали, но, и, какъ видно изъ того-же предисловія, имѣли противниковъ своихъ, что и побудило нашего собирателя въ предисловіи выступить съ защитою подобнаго рода сборниковъ: «Аще ли речет нѣкто о писанных здѣ, яко не суть писана здѣ от божественных писаній, таковый да вѣсть, яко писана *многая согласна святому писанію*, точію без украшенія, *какъ мирстіи жители простою рѣчію говорятъ*» (стр. 70—71). Далѣе онъ объясняетъ, что то и другое (божественное и народное) по мысли сходны; но каждое имѣетъ свое мѣсто и потому онъ ихъ не смѣшиваетъ, и, кому не нравится его книга, тотъ пусть «загнувъ книгу сію положит» (тамъ-же). И заключаетъ онъ свою апологію

такими словами: «Не новъ обычай, паче-же ветхій нечестивымъ человѣком гонити благочестивыя; насаждена убо быша в Каинѣ и глубоко укоренишася во Іисавѣ и Саулѣ, и самочисленных таковых подобнѣ подобными не точію о сей книжицѣ; но помяни колики и каковы хулы и укоризны пріемлют божественная писанія» (стр. 71). Интересно то, что въ предисловіи собиратель обращается не къ читателю только, но и къ слушателю: «друже мой читателю или послушателю милостивый» (стр. 69), имѣя въ виду, конечно, съ одной стороны рѣдкость книги въ то время; а съ другой малую распространенность грамотности и рядомъ съ этимъ любовь русскаго человѣка послушать что-нибудь особенно поучительное и забавное. Самое важное для насъ это то, что онъ рѣшился все передавать «простою рѣчію, какъ мирстіи жители говорятъ».

Такое разумное рѣшенье онъ старался выполнить на дѣлѣ. И дѣйствительно *онъ старается сохранить народную рѣчь во всей ея неприкосновенности*. Такъ въ родит. пад. именъ прилагат. и мѣстоим. вм. *-го* онъ вездѣ употребляетъ *-во*, въ именит. пад. прилагат. ставитъ *ой* и *ей* вм. *-ый* и *-ій*, слова въ простонародной формѣ: *хошь*, *пшаница*, *толды;* тривіальныя: рожа, рыло и другія, еще покруче; чисто особенные народные обороты, какъ: «еловой пень не отродчиво, а смердей сынъ не покорчиво» (839), «левъ страшно, обезьяно смѣшно» (1444), «грѣхъ сладко и человѣкъ падко» (563), «гнусно голубь смало, а свинья стара» (619) и т. д. Это вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще древнія формы русскаго языка. Сюда-же мы относимъ и винит. пад. въ женск. именахъ въ формѣ именит.: вода пить, бражка варить, душа погубить, бить шуба, учить жена, говорить правда, потерять дружба, пень да колода валитъ (912, II), и т. д., а также и во множ. ч.: бѣлки ловить (248), видя мышки (448); есть и муж.: избираетъ другъ вм. друга (484). Примѣры для перваго мы не означаемъ цифрами, потому что ихъ можно находить на каждой страницѣ. Это показываетъ на большую употребительность такой формы въ то время: тогда какъ у насъ она едва держится въ выраженіяхъ: рука подать, черезъ пень колода (валить); да и то передѣлываютъ на современное—руку или рукою, колоду. Тамъ-же встрѣчаемъ мы и древній творит. пад.: «*глазы* пива не выпить» (565), «чево *глазы* не доглядишъ, то мошною доплотиш» (2629); «грозилъ *батоги*, а грызъ кулаки» (616); «мухи с обухи, клопы с ослопы, комары с топоры, тораканы з санапалы, сверчки с лучки» (1544); а также форма двойств.: «храброму смерьть пред *очима* (2438). Можетъ быть, сюда-же слѣдуетъ отнести и форму:

«За правая слова умирають *мнози*» (1047), если только это взято не изъ книгъ. Есть и древнія слова: «опустя возжи да бѣжи *борже*» (1861), «у худа ума не *болюзе* ногамъ» (2310); *хижа* (2440), *сило* (2450), *семера* (2215), сохранившіяся у насъ только въ формѣ: хижина, силокъ, семерить — перебирать ногами, суетиться («семера на умѣ, коли нѣтъ на гумнѣ»; пиво *коурю* (1958), — у насъ каурая только кобыла; *стѣнь* (530) — тѣнь; *ходй* (1064 и 1907) — ходъ, походка; *дароготня* (1454) — дороговизна; *цѣлба* (2549, 2555) — исцѣленіе; «*смыслство* лутче богатырства» (2136) и т. д.[1]); *розга* и *лѣторосль*; «отщепилась розга от лѣтарасли» (2535); *тять* отъ *тяти*, польск. *ciąć*: «оттялъ себѣ ухо Кирюха (2531); ворона *грасть* (383) вм. каркаетъ и т. д. Возвратное мѣстоименіе *-ся* отдѣляется отъ глагола: «Лиска лжот да на хвостъ ся шліотъ» (1452). Въ другомъ сборникѣ это встрѣчается еще чаще: «баба на торгъ *ся гнѣваетъ*» (51); «бѣды терпѣти, безпокойствомъ *ся не гордыти*» (95); «Бѣденъ часто *ся озираетъ*» (256).

Есть формы церковнаго языка, если не взятыя цѣликомъ съ изреченіями изъ священныхъ книгъ, то по нимъ составленныя: «*Ищай* чюжее свое погубляетъ и сам погибает» (1202); «*крадый* чюжая не обогатѣетъ» (1226); «*сердцу веселящуся* лице цвѣтетъ» (2117); «*сѣяй* скупостию, пожнетъ скудостию» (2216); «з *болныя* головы на здоровую» (1124). Въ пользу того, что эти изреченія взяты прямо изъ священныхъ книгъ, говоритъ то, что такихъ изреченій много, несомнѣнно оттуда взятыхъ, какъ: «Богъ есть благъ», «Богъ любитъ смиреніе», «Господь гордымъ противится, смиреннымъ же дает благодать»; «ему же дано много, много и взыщется от него», «начало премудрости страхъ господень» и т. д. Такими изреченіями испещренъ сборникъ, и собиратель могъ это сдѣлать намѣренно, чтобы показать читателю, какъ онъ сказалъ въ предисловіи, «яко многая согласна святому писанію». А въ то-же время многія пословицы представляютъ и оригинальныя изреченія книжныхъ людей, мудрецовъ своего времени, которые и выражались книжнымъ языкомъ. Это стремленіе выражаться по-книжному и въ настоящее время особенно можно замѣтить у старообрядцевъ. Но не чисто по-великорусски собиратель обращаетъ свое «предисловіе *до* читателя»; а также и въ пословицахъ говоритъ: «ангели *з* неба» (25), «загадки гадки, а отгадки *з души прутъ*» (1072)

1) Во второмъ спискѣ въ этомъ родѣ: *юодря* (164), *пройдоша* (561) вм. говоръ, пройдоха.

по-малорос. *аж з души пре.* По-бѣлорусски *у* вм. *в*: Паула (2301), Феураль (2392). Не чужія-ли слова: *слота* (2451), *блазень да вязень* (295), *трясца* (1199), *хлопъ* (207), *цвинтарь* (2567), *панъ* (628), *песья-нога* (1733), и форма — осплел *двох* (2480), товарыщъ (1876) и т. д. Пословица «Пока солнце всходитъ, а роса и глаза выбьетъ» (1892) отвѣчаетъ малороссійской: «Докі (или покі) соньце зійде, роса очи выість», на что указалъ Ѳ. Е. Коршъ (въ «Дополненіяхъ и поправкахъ», см. стр. 7); а во второмъ сборникѣ въ томъ-же родѣ: «Пропали казàки без табàки, *як* сабаки» (982) [1].

Какъ-бы мало ни было посторонняго элемента, это показываетъ, что собиратель пользовался другими сборниками, въ которыхъ были не однѣ великорусскія пословицы. Польское слово «цвинтарь» могло попасть черезъ Бѣлоруссію или прямо изъ польскаго источника, какъ была переведена на русскій языкъ «Politika Dworskie»— Jana Zabczyca (1630) (г. Симони, стр. 22 и далѣе), состоящая изъ собранія изреченій въ родѣ пословицъ.

По всему этому мы приходимъ къ такому заключенію *относительно происхожденія означеннаго сборника.*

Составитель его могъ и долженъ былъ много пословицъ собрать самъ, но не могъ обойтись и безъ другихъ сборниковъ, изъ которыхъ и бралъ, не измѣняя сущности, но подгоняя къ простонародному русскому языку; и это ему вполнѣ удалось. Отмѣченныхъ нами чужихъ словъ и выраженій, если мы ихъ справедливо считаемъ чужими, слишкомъ мало. Съ однимъ только собиратель не могъ справиться — съ нашимъ, великорусскимъ *аканьемъ.* Это, очевидно, было ему чуждо, поэтому онъ часто акаетъ тамъ, гдѣ не надо, и наоборотъ.

Приведемъ для примѣра нѣсколько такихъ словъ: каня (1051), рабя (1053), кали (1091), дамоі (2780), савà (916), жестака (932), дабра жена (1037), скудасть (1043), кабылка (1038), участак (1031), старонку (1326) и т. д.; и наоборотъ: встовать (860), лошка моленка (2736), сторнку (1326), колочомъ (1345), угодать (1729), ноги

1) Къ заимствованьямъ же мы отнесли-бы и пословицы: «дай ему, боже, что мне негоже» (1077, II), которой отвѣчаетъ малорос: «На тобі, боже, що мині негоже»; «Гора з горою не сойдется, а человѣкъ *до человѣка доткнется*» (913, II); подчеркнутое мы считаемъ за полонизмъ, и противъ этого въ первомъ сборникѣ та-же пословица иначе: «человѣкъ с человѣком сойдется» (594); «Прошу твоей *ласки до* нашей коляски» (588, II); «Дай богъ куречьи *счастки,* петуховы *злыдни* (936, II), *фарба* (2738). Все это главнымъ образомъ во второмъ сборникѣ.

гнилы и тонцы не милы (1739), подеть на медвѣдя жолудь» (1903) и т. д. Акаеть онъ по-бѣлорусски, а окаеть ни по-каковски, и видно, что первое ему сродно, а второе чуждо. Проф. Ѳ. Е. Коршъ также замѣчаетъ, что онъ «акалъ не по-нашему»; но тѣмъ не менѣе считаетъ, что онъ происходитъ «изъ нынѣшней Московской губерніи или изъ сѣверной части Рязанской» (стр. 5).

Такое-же смѣшенье *я* и *а* съ *е*: вышнего (1045), легушкѣ (876), опохмѣлетися (2324) и мяня (1139), времяна лихи (1668), за морямъ (1048), видялъ (459), пшаницу (887), начасоно (1689) вм. начесано. *Е* съ удареньемъ, а иногда и безъ ударенья переходитъ въ *ё* или *о* (примѣры у Ѳ. Е. Корша на стр. 4). Есть: клобокъ (1698), козов (1408) вм. клобукъ, кузовъ; не дирись (245) и удерено (1028) вм. не дерись и ударено.

Очень послѣдовательно наблюдаются тонкіе гласные послѣ шипящихъ: на чюжемъ рамѣ (1386), жюкъ (880), отшютился (2534), мужь (1559).

Относительно ударенія отсылаемъ къ О. Е. Коршу (стр. 4—5).

Во *второмъ сборникѣ* мы встрѣчаемъ меньшее разстройство въ фонетикѣ и удареніи, хотя нѣкоторое смѣшеніе находится и въ немъ: умъ капитъ (380), трести (479), потереш (321) вм. потеряешь, три пяди (561), припятили (523), гледитъ (479); также видно стремленье держаться выговора, какъ: мягково (219), плохово (544), новои (403), исподней (167), будешь заппратца (77), перепадетца (1180); но въ противоположность первому, послѣ гортаннаго и шипящаго употребляетъ широкій гласный: жыт (303), кыркнетъ (670). Подобно первому онъ изображаетъ *е* съ удареньемъ: всьо (1668), робьонокъ (974), берьотъ на ньомъ (831) и даже — на сьерьодке (822). Общее употребленіе винит. пад. въ формѣ именит.: вода пит (52, 317), варить брага, потерять фляга (128), рыба ловить (597), вѣтка ломить (1088), и т. д.; двойственное: предъ очима (781); женскій родъ, гдѣ теперь муж.: елень быстра (257; тоже и въ первомъ 818, 823); послѣ скобели топоромъ (584). Есть и такіе примѣры: повостъ (279) вм. погостъ; онъ *боло* распростался (526), ѣхать *боло* (828) вм. было. Главную-же особенность этого сборника составляетъ употребленіе *и* вм. *ѣ*: лицемъ къ стинѣ (107), вирь какъ брату (176), новой виник (404), успиешъ (474), вѣрние (480), лизетъ (951); и рядомъ съ этимъ: сѣдитъ (136).

Такая діалектическая особенность, распространенная по всему памятнику, по нашему мнѣнію, должна быть отнесена къ личности составителя, а не показателемъ мѣста, откуда взята пословица.

Есть слова, которымъ мы затрудняемся дать толкованіе, какъ: рожею *кувяка,* да разумомъ *нимака* (2070); запѣлъ комаромъ, а сѣлъ *томаромъ*[1]) (1081); хвостъ Ѳомѣ залупили, да *хлъв* прилѣпили (2471); *звяготливому* черьвь под языком; какъ червя не станетъ, такъ перестанетъ (1021); шилъ дѣдъ *котманъ,* да зубья не дастало (2671); думать — не *рюмать,* помышлят — промышлят (683); попъ попа наказывалъ, а другой усомъ подергивалъ: я-де и самъ тѣ *бакулы* знаю (2012); у Окулки хороши *бакулки* (736, II); *хозовые* сапожки на ольховые ножки (2446); вытягалъ два *выра* в шею да мѣх кулаков (535); не называй килы пузыремъ, а боярскихъ сѣней *болдыремъ* (1803); не ставь дворянскихъ дверей *булдыремъ* (1641); голова *на кресу* и товар на берегу (380); не угадать, куды *живвотой* стрелить (428, II)[2]); *мумію* сбирати при усопшихъ рати (1559); «мы однѣ старики, а то все *жупики* (молодики)» (1011, II); «первая смерть *за поту мѣсть*» (1925); «учитель единъ не считаетъ *година*» (728, II); «*яръ* мужъ не благо образенъ» (2, 764); «не ползуетъ имѣние в день *ярости*» (1644); варіантъ: «не поможетъ — — — — (419, II); «*ярко* слово смущаетъ сердце» (848, II); «*ярко* желаютъ, дару поджидаютъ» (849, II).

Собственныя имена лицъ, а частью *и мѣстностей* — часто не имѣютъ никакого значенія и употребляются то или другое безразлично, только-бы подходили подъ риѳму. Такъ: «Адаму копаютъ яму, а мы не хотимъ, а туды-же глядимъ» (64); «Ананья да Маланья, Ѳома да кума мѣста заняли» (68); «Абаса в Персидѣ краса» (82); «Вавилу запрятали въ могилу; Аѳины, что овины; Акиндинъ — не одинъ; Артемида страшитъ Демида; Артамоны ядятъ лимоны; Аксентей не трусентей» (94—100); Нашей Дашке на кашку, Палашке на рубашку» (422, II); «полюбила Пигасья Ѳому, да не вѣритъ она никому» (1915); «Одно дитя, да и то Ѳома» (1848); «и пороже знать, что Ѳомою звать» (1211, II); «Фома — болшая крома» (2388); «отъ Савы славы, а от Перши чести» (509, II); «Аѳонася для ненася, а Савеля с похмелья ломает» (128); «Родіон подь вонъ, а Ватута, — сиди тута» (2069); «Татьяна не сметана, не шти ею бѣлить» (2273). Особенно много выпало на долю Мартына: «полтина избиваетъ и Мартына» (62); «алтыномъ да Мартыномъ хощь ворота запирай» и др. (64, 84, 89, 90, 92, 137 и др.). Имя Пигасья чуть-ли не малороссійское; а съ именемъ Ѳомы соединяется понятіе невѣрія и вообще оно не въ чести; Родіонъ — въ дѣтской игрѣ

1) *Томаръ:* — стрѣла, перострѣлы? (*Ред.*)

2) Римская цифра II означаетъ второй сборникъ.

употребляется, когда конаются, кому выходить изъ круга, и кому выпадетъ это имя, тому говорятъ: «пойди вонъ» и онъ выходитъ изъ круга. Имена Абаса, Персида, Аѳины, Артемида указываютъ на книжное происхожденіе пословицъ. Въ пословицѣ «Жданъ Богданъ—каровье имя» (942) есть какое-то народное понятіе, но мнѣ неизвѣстно. Есть одна пословица съ тайнымъ письмомъ: «Наши счастки викsгsѣ (вездѣ) кати» (935, II).

Перейдемъ теперь *къ формѣ* или *складу* цѣлой пословицы.

Задача пословицы выразить какую-либо мысль кратко и сжато, но опредѣленно и ясно, до нѣкоторой степени образно и такъ, чтобы она лучше запечатлѣлась въ умѣ слушающаго, чему помогаетъ извѣстный складъ съ риѳмой или и безъ нея; но всегда существуетъ извѣстный тактъ или мѣра. За риѳмой она однако много не гонится, хотя и щеголяетъ ею, гдѣ она, такъ сказать, сама собою подвернется, но складывается она такою не сразу. Въ первоначальномъ видѣ она можетъ быть болѣе распространенною; иногда ей предшествуетъ какой-нибудь разсказъ, изъ котораго выбирается изреченіе, выражающее его суть и смыслъ. Какъ напр. «Здравствуй женимшись, да не съ кѣмъ спать», «Не всякъ таковъ, какъ Иванъ Токмаковъ, сѣдчи на конь, да й поѣхалъ въ огонь» (1719—20); «Битый небитова на рукахъ носить» (293) или «Битый не битаго везетъ».

Первая пословица составляетъ заключительныя слова въ былинѣ объ Иванѣ и Гаденовичѣ (есть и еще въ другой); вторая, не знаю, откуда взялась; а послѣдняя изъ сказки, какъ избитый волкъ везъ на себѣ лисицу, прикинувшуюся избитою.

Есть въ разбираемыхъ нами пословицахъ такая: «Плоха волка и телята лижутъ» (1894 и 544, II). Мы-же эту пословицу слышали въ Сибири у «Семейскихъ» (старообрядцевъ) такъ: «*Смирнаго бога* телята лижутъ».—Это говорилось въ примѣненіи къ начальствующему лицу, которое попускаетъ другимъ управлять собою; а буквально примѣнялась къ инородческимъ языческимъ богамъ, т. е. кумирамъ, которыхъ ради умилостивленія обмазываютъ сметаной, медомъ или другимъ чѣмъ, и это слизываютъ домашнія животныя. Поступаютъ такъ и крещеные инородцы съ иконами, и въ Сибири-же мы слышали выраженіе: «Боговъ носятъ», т. е. кресты и иконы въ крестномъ ходѣ. Бывало это, конечно, и у русскихъ въ древнее время, когда они оставались еще въ язычествѣ, и безпомощность своихъ истукановъ объясняли тѣмъ, что они были слишкомъ *смирныя*; а должны быть непремѣнно грозные. Собиратель-же XVII в.

передѣлалъ эту пословицу, не смѣя оскорбить религіознаго чувства своихъ читателей.

Это впрочемъ исключительный случай, гдѣ пословица въ новѣйшей ея формѣ даетъ намъ поправку и самаго смысла ея много старѣйшей редакціи. Обычно-же смыслъ остается одинъ и тотъ-же; а измѣняется только форма, на чемъ мы и остановимся.

Лучше всего это можно видѣть изъ сравненія, для чего и приведемъ нѣсколько пословицъ, поставивши сначала пословицу изъ сборника, а затѣмъ, какъ она приводится въ наше время.

«Дорого яичко ко Христову дни, а сыр масло к Петрову дни» (1004, II).—Дорого яичко къ велику дню.

«Хто во што гораздъ, тотъ такъ и промышляетъ» (2422).—Кто во что гораздъ.

«Дале в лѣсъ, болше дровъ; дале въ споръ, больше словъ» (779—80).—Тоже самое безъ второй половины.

«Борода, что ворота, а ума і с прикалитокъ нѣтъ» (57, II).—Борода выросла, а ума не вынесла.

«Два в поле воюютъ, а одинъ горюетъ» (243, II).—Одинъ въ полѣ не воинъ.

«Всякое дѣло мастера боится; а иной мастеръ и дѣла» (блюдется) (117, II).—Дѣло мастера боится.

«Своя ноша не тянетъ и поту не канетъ» (2227).—Своя ноша не тяжела или не тяготитъ (говорятъ о беременной женщинѣ).

«Чемъ чортъ не играет и ощепками бросаетъ» (1041, II).—Чѣмъ чертъ не шутитъ! (т. е. все возможно, и самая невѣроятная вещь).

«Хорошо беречь бѣлую денежку на черный день» (2491).—Береги денежку на — или про черный день.

«Языкъ мой врагъ мой; прежде ума моего рыщетъ» (2761).—Безъ второй половины.

«Што з гуся вода, небылные слова» (2654).—(Ему) какъ съ гуся вода, т. е. не обращаетъ ни на что вниманія.

«Ласково телетко двѣ матки сосет, а лихое и одну запустит» (1453).—Только первая половина.

«Наша горница з богомъ не спорница: каково на дворѣ, таково и в ней» (1453).—Тоже.

«Чево глазъ не видитъ, тово и языкъ не брѣдит» (2630) или: «Что видитъ, то и бредитъ» (2642).—Не видитъ, не бредитъ.

«Какъ в лесь кликнешъ, такъ и откликнется» (1263; 1162, II).—Какъ аукнется, такъ и окликнется.

«Мягкое слово кость ломит, а покорные головы і меч не сечет» (1621).—Покорную голову и мечъ не сѣчетъ.

«Счастие лутче богатырства: счастливой (ошибочно вм. богатырь) побиваетъ, а счастливой подбираетъ» (876, II).— Только первая половина. Есть и «Богатый (богатырь?) побиваетъ, а счаслив подбираетъ» (215).

«Из короба не лѣзет, а в коробъ не пуститъ» (1156)—тоже нѣсколько иначе (973, II)—Ни изъ короба, ни въ коробъ.

«По бабѣ брага, по Сенке шапка, по головѣ и сшита» (869, II).—По Сенькѣ и шапка.

«По шерсти собаке и имя даютъ (1965; 1164, II).—По шерсти и кличка.

«Звонокъ (или славенъ) бубенъ за горами, а к нам прідет, что лукошко» (1060, 2174).—Славны бубны за горами.

Здѣсь мы видимъ, что отбрасывается цѣлая вторая половина, заключающая въ себѣ поясненіе первой и считавшаяся въ то время необходимой, какъ-бы вслѣдствіе недостаточной ея понятности и распространенности въ обиходной рѣчи.

Иногда въ позднѣйшей редакціи пословицѣ придается болѣе краткая и, такъ сказать, выглаженная форма, какъ:

«Что стерпится, то слюбится» (2638).— Безъ *что* и *то*.

«Дастъ богъ утро и день, дастъ богъ и пищу» (682). — Оставляется только утро или только день.

Хто чево ищетъ, тотъ то и обрящетъ (2447).—Что ищешь, то и найдешь.

«Языкомъ, что хош говори, а рукам воли не давай» (2777).—Языкомъ болтай, рукамъ воли не давай.

Когда желѣзо кипитъ, тогда ево и ковать (1243).—Куй желѣзо, пока горячо.

«Каково кто сѣялъ, таково и пожнет» (1228).— Что посѣешь, то и пожнешь.

«Которой богъ обмочитъ, тотъ и высушит» (1229).— Богъ вымочитъ, Богъ и высушитъ.

Иногда видно, что пословица одна и та-же; но, если не въ другомъ значеніи, то съ другимъ оттѣнкомъ.

«От дождя *не в воду*» (2522),— да въ воду, какъ: изъ огня да въ полымя.

«Запросу в мошну не кладут» (1049).—За спросъ денегъ не берутъ.

«Тово не знають, гдѣ раки зимують» (710, II). — Знаетъ онъ, гдѣ раки зимують.

«*Ѣдетъ* чортъ на дьяволѣ» (2739).— Одинъ — т. е. оба одинаковы, дьяволы.

«Збылась коту своя масляница» (1082).—Не все коту масляница.

«Спорынья в квашню, *а тѣсто в шляпу*» (2161), — —сто рублей въ мошню.

«Старый другъ лучше *семерыхъ молодыхъ*» (2230) — — новыхъ двухъ.

«*Когда будетъ рѣпа*, тогда и мѣра» (1373).— Когда рожь,— —.

«*Ходитъ*, что саврасъ без узды» (2454). — Носится (сорвавшись).— —.

«*Двое* одново не ждутъ» (790). — Семеро— —.

«Волному воля, *ходячему путь*» (392).— — спасенному рай.

«За очи баба и князя лаетъ» (1104).—За глаза и царя ругаютъ (можетъ быть, собиратель не смѣлъ такъ выразиться).

«*Трѣску боятца*, а в лѣсъ не ходитъ» (2285).—Волка бояться,—.

«*Слово не чадъ* (*дымъ*), глазъ не естъ» (680, II). — Стыдъ не дымъ.

«Сѣдина в бороду, а бѣсъ *в лядвею*» (667, II).— ребро.

«Хлѣбъ-соль вмѣстѣ, *а рыбка в дѣлъ*» (2403).—, табачокъ врозь.

«За неволю к полю, кали бѣси в лѣсѣ» (1091).— По неволѣ къ полю, коли лѣсу нѣтъ.

«Каковъ пастырь, таковы и овцы» (1222).— Каковъ попъ, таковъ и приходъ.

Иногда разница только въ языкѣ:

«Попытка не шутка, а спросъ не *причина*» (1119, II).—бѣда.

«Чюжая душа *темно*» (2592) — потемки.

«Хочетъ старова воробья *над мекинами* обмануть» (2502).— Стараго воробья на мякинѣ не проведешь.

Случается, что и новѣйшая пословица болѣе распространенная, чѣмъ старая:

«День ото дня, а к смерти ближе» (724).— День да ночь, сутки прочь, къ смерти ближе.

«Хороша дочь, какъ мать хвалитъ» (919, II).— Хороша дочка Аннушка, коли хвалитъ мать и бабушка, солдатъ Ермошка, да я немножко. (Это, можетъ быть, позднѣйшее краснобайство).

Или-же новая пословица старательнѣе подгоняетъ риему и складъ:

«Чорта кстя, а онъ въ воду глядитъ» (2576).— Ты его крести, а онъ—«въ воду пусти!».

«За морямъ корова по деньги, да провозъ дорогъ» (1048).—За моремъ телушка полушка, да рубль перевозу.

«Хлѣбъ-соль ѣжь, а правду *говари*» (2482)—рѣжь.

«Полюбился сатана лутче *сóкола* (909, II),— яснаго сокола.

Иногда старая пословица въ новѣйшей разбилась на двѣ: «Далеко кулику до Петрова дни, а раку с клешнею до коня с копытомъ» (1069, II). Вторая половина составляетъ особую пословицу: «Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней». У малороссіянъ эта пословица является въ такомъ видѣ: «Далеко куцёму да зайця, як свиньи до коня». И у сербовъ: «Гледала жаба, ђе се коњи кују, поднесла и она ногу». И наоборотъ, написанныя порознь, могутъ составлять одну пословицу: «Не сойдется Онохино пиво с Нестеровымъ, не бывать калинѣ малиною» (1727—28); «Не давай голодному хлѣба рѣзать, не посылай холостова съ сватаньемъ» (1753—54); «Не помѣря броду, не мечися в воду, не посмотря в окно не плюй» (1783—84; «По пашне и брашно, по Сенке и шапка» (1877—78) и др.

Новая пословица: «Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай» въ сборникѣ находится въ четырехъ видахъ: «Что городъ, то норовъ; а что человѣкъ, то обычай» (2625) или «и городъ, и норовъ, и человѣкъ и обычай» (1151); а въ другомъ сборникѣ: «Городъ и норовъ, человѣкъ и обычай (деревня и поредня) (1112) или: «Человѣкъ и обычай, конь и норовъ» (811).

«Голосъ, что въ теремѣ, а душа, что в вѣнике» (597)—можетъ отвѣчать современной пословицѣ: «Голосъ ангельскій, а нравъ дьявольскій».

«Громъ не грянетъ, мужикъ *не перекрестится*» — «не дрогнетъ» (645) или «не спрянетъ, не перепадетца» (1180, II). «Воръ у вора дубинку укралъ» — «Тать у татя перекралъ утята» (2260 и 709, II).

«На чужой ротокъ не накинешь платокъ».— «На чюжой рот не пугвица нашить» (1760) или «Чюжова рта не завязать стать» (2590).

Въ нѣкоторыхъ пословицахъ замѣчается или прямая ошибка, или незаконченность: «Тѣмъ море не погано, что псы въ нево *налокали*» (2236)—*не* локали или другое что?

«Былъ конь, да *ѣхалъ*» (202)—изъѣздился?

«Фарба прелщаетъ очи до вѣчные очи» (2738),—ночи?

Есть, конечно, прямо описки или опечатки, на что указалъ отчасти г. Ѳ. Е. Коршъ и отмѣчены г. Симони; а есть неотмѣченныя: пертъ (1121) вм. перстъ; иба (1187) — изба; гла (2298)— глаза; на мокѣ (2403) — молокѣ и др.

Есть пословицы, въ которыхъ неуясненъ смыслъ, хотя слова и понятны: «Не завязавъ горло, кинутся в воду» (1761); «Собака лаетъ, а владыка ѣдетъ» (2129)—(есть: «Собака и на владыку лаетъ»).

Сравнивая эти пословицы, сохранившіяся отъ старины въ писанныхъ сборникахъ, съ тѣми, которыя понынѣ живутъ въ устахъ народа, мы находимъ, что множество ихъ (мы насчитали около 300, а можетъ быть, и больше) совершенно сходно, какъ по формѣ, такъ и по смыслу или содержанію; другая часть отдѣляется и смысломъ; но больше всего разницы въ языкѣ или собственно въ употребленіи нѣкоторыхъ, неупотребляемыхъ теперь формъ и словъ, а также въ композиціи или складѣ пословицы; при этомъ въ позднѣйшее время она пріобрѣтаетъ форму болѣе законченную, очищенную ото всего излишняго и, такъ сказать, отчеканивается.

Въ старинной формѣ пословица сливается съ *загадкой*, напр. «Желѣзныя руки и съ огня волокутъ» (997); «Которая матка свои дѣтки с'ѣтъ» (1334); «Пришолъ посол нѣмъ, принесъ грамоту неписанную» (1879); «От ангелъ единъ, от человѣкъ два, от земли три» (2504); «От чево живетъ пляскъ, какъ ударит в плѣшь» (2532).

Смѣшивается она также съ поученіемъ, взятымъ изъ книгъ. Сборники эти не только переполнены краткими книжными изрѣченіями, какъ: «Выше всѣхъ добродѣтелей разсужденіе» (994, II); «Всякое-бо даяніе со благодареніемъ пріимати слѣдуетъ» (1042, II); «Не надѣитеся на князи и на сыны человѣческия, в ніхже несть спасенія» (1632); «Нѣсть красна пѣснь во устѣхъ грѣшника» (1639) и т. п.; но есть и цѣлая рацея: «Аще узриши человѣка не воздержна, не добродетелна, беззаконія полна, помышленми нечистыми исполнена, и тебе вредить желающему отъступи, отстани отъ него, тако-бо законъ велитъ» (802, II).

Туда-же попало и: «Благъ блажи благое благому» (316), что обыкновенно приводится въ азбуковникахъ въ видѣ примѣровъ на каждую букву: ангелъ ангельскій архангелъ архангельскій и т. д.

Отъ формы перейдемъ *къ мысли и содержанію* пословицъ, причемъ не будемъ останавливаться на пословицахъ, выражающихъ истины общечеловѣческія; а выберемъ изъ нихъ только тѣ, въ которыхъ сказывается народное мѣстное воззрѣніе и духъ эпохи.

Начнемъ съ географическихъ именъ, которыя встрѣчаются въ пословицахъ и въ которыхъ выражается, такъ сказать, физическій кругозоръ русскаго человѣка того времени.

Изъ русскихъ мѣстностей Москва вспоминается со стороны эксплоатаціи ею внутренней Россіи: «Царство Москва, а мужикамъ тоска» (800, II); «Жыт на Москвѣ — быть и в тоскѣ» (303, II); «Москва, что доска, спать широко, да вездѣ гнетет» (1556); «Не то Москва, что бьеть с носка, то щто о землю» (1117, II). Послѣднее относится, конечно, къ иноземнымъ непріятелямъ Россіи.

О великомъ Новгородѣ отзывается такъ, намекая на его бывалую непокорность Москвѣ: «Новъ город щекѳчот, в поѣзду ѣхат не хочет» (1690); а «Новъ город нижней — сосѣдъ Москвѣ ближнѣй» (1704). Кіевъ далеко еще; но «Языкъ Киева доведетъ» (2763) и «Не устала кобыла, что до Киева сходила» (1740); «Астрахань далече, а Сибирь и дале того» (121); «Архангельской город всему морю воротъ» (113); «Астрахань арбузами, а мы гологузами» (109); «Волга плыть долго, а Дунай широко» (459); «Ѣзь в рекѣ, а язь в Окѣ: лишь соли, да хлѣбай» (2735); «Дунай река велми широка» (741); «Ахтуба пуста, а без караула не гуляй» (31); Ростовъ славился множествомъ церквей, поэтому «Ѣздилъ чортъ в Ростовъ, да набѣгался от крестов» (2734); «Азовъ былъ славенъ, Смоленскъ страшенъ, а Вильня дивна» (106), и «хто в Вилнѣ не бывалъ, тотъ и дива не видалъ» (780, II). «Азовъ не о стѣ глазовъ, а Крымъ не кривъ» (30) — тутъ больше игра созвучіемъ; но «Жить в Крыму, что сумѣ в дыму» (898) и «Гонецъ из Крыму, что таракан из дыму» (627) — указываетъ на далеко не добрыя отношенія къ нему, и онъ имѣетъ большую силу; поэтому и говорится: «Болшой в дому, что ханъ в Крыму» (297).

Играютъ роль Донскіе казаки: «Пришли казаки з Дону, погнали ляховъ з дому» (571, II); иное положенье въ Запорожьи: «Гуси летятъ с Руси, а сороки в Запороги» (614) и «Казакъ в Запорогахъ, что пень при дорогахъ» (1323) — берегись съ одной стороны Крыма, съ другой ляховъ. «Чаша моря Соловецкаго пить за здравие» (2632) — не указываетъ-ли на походъ противъ монастыря. Въ слѣдующихъ пословицахъ видна больше игра словъ: «Кошира в рогожи насъ обшила, а Тула в лапти обула» (1313) и еще: «Тула зипуны здула, а Кошира в рогожи обшила» (2279); но какъ будто дѣлается упрекъ Тулѣ передъ Каширой; «И великъ да глупъ, что Ананьинъ внук с Великихъ Лукъ (1209, II).

Упоминаются слѣдующія чужія страны: «Аѳонъ гору познать

кому в пору» (135); «Египетъ пшеномъ, Италия виномъ» (809); «Азия Африки честнѣе, Августъ марта теплѣя» (39); «Жить в обиде, что со львом в Перьсидѣ» (895); «Аравитское золото, обратилося солодомъ» (116); «Жить в Римѣ, а брѣсти во тму» (273, II).

Въ слѣдующихъ пословицахъ выражается отношеніе къ чужимъ элементамъ, какъ внѣ Россіи, такъ и внутри ея: «Царь турской—противникъ руской» (2560); «Рано татаромъ на Русь итти» (2026); «Цѣлование татарское, назад руки задрав буди» (2569); «Отнимается дьяволъ окоянными Турки» (2528); «Татарскому мясоѣду и конца нѣтъ» (2248); «Тетива порветца и Татарин не бьетца» (2259); «Ѣжь медвѣдь Татарина, а оба не надобе» (2745); «Алайбулай, крымские пѣсни, там их и трѣсни» (33); «Чуваша, хотя сто человѣкъ сойдутся, всѣ вдругъ говорятъ, а другъ у друга не слушаютъ» (2631); «Пошли ляхи на три шляхи» (1975); «Ѱалмопѣвецъ и у Немѣцъ» (2783); «То тебѣ не в чинъ, потому что ты Немчинъ» (2244); «Английские Немцы не корыстные люди, да драться люты» (120); «Римская вѣра, что неуставная мѣра» (2093); «Римская лесть—мнимая честь» (2053).

Жизнь общественная: Различные классы населенія. *Господа*: «Волно чорту в своемъ болотѣ, а боярину надъ своимъ холопьемъ» (1110, II); «В боярскій двор ворота широки, да з двора уски» (502); «Честенъ перстень у дворянъ на рукѣ» (2610); «Бочка стонетъ, бояря пьють» (190); «Остръ ножъ, что дворянинов гребень» (495, II); «Боярство—холопство, крестьянство—господство» (1084, II); «Обѣдъ дворянской, что отвѣтъ крестьянской» (501, II), «Обѣщать—то дворянски, а слово держать—то крестьянски» (528, II); «Боярсково живота не жалѣетъ, шилом масло колупает» (1132, II); «Одолѣла дворянина густая крашенина» (1863); «Холоп да жена, да третея земля—дворяном болна» (2448); «Ети господа и солому стелют под скота» (990, II); «Не бранися с рабою, да не сровняетъ с собою» (1665).

Низшее сословіе: «Знай робя робячью» (1053); «Рабъ госпоже, что мед на ноже» (595, II); «Купленой холопъ, а не купленой—волной казакъ» (1170, II); «Не кормленъ конь кабыла, не пожалован холоп—детина» (1809); «Хто в холопах бывалъ, тотъ и битъ, чаю, бывалъ» (774, II); «Холопье слово, что рогатина» (764, II); «Еловой пень не отродчивой, а смердей сынъ не покорчивой» (839); «Не смердья дитя, не дрогнетъ рука» (1794); «Мѣха не надуть, а глупого (а смерда) не научить» (354, II); «Смердомъ слыть не хочется, а дворянином жит не можется» (2218); «Мужикъ—деревянная рогатина»

(1571); «Крестьянинъ серо, да збоіливо» (1089, II); «Деревенской робьонокъ да посацкой тельонок — оба ровны» (974, II) или: «Городцкое телятко розумнѣе деревенского дитятка» (1182, II).

Отношеніе низшихъ къ высшимъ: «Осудари наши, воля ваша; хотя на нас дрова возите, лишъ не по многу кладите» (1864); «Бѣлые ручки чужие труды любятъ» (290) или: «Мяхки руки чюжие труды поядаютъ» (1336).

Воля выше всего: «Хотя шуба и сѣра, да воля своя» (972, II); тоже — «хотя свита сѣра» (2461); «хот на хвоїкє, да на своей волке» (793, II).

Лучше быть крестьяниномъ, чѣмъ въ личнòмъ услуженіи: «Хто служитъ, тот тужитъ; а кто арєтъ, тот пѣсни поет» (2494); «Ловцы рыбные—людцы гиблые» (1432).

Противъ священниковъ: «Храбрых въ тюрмѣ, мудрых на кабакѣ, а глупых искат в попах» (2395); «Попамъ да клопамъ жить добро: попы паствятся над мертвымъ, а клопы над живым» (1900—901); «Мыши обрали кота за попа» (1599); *дьячокъ*: «Я горло дери, а онъ доходъ бери» (854, II).

Бѣдный и богатый: «У богатово все в маслѣ; а у голово и в кашу нѣтъ» (1147, II); «гдѣ голь беретъ́? а голю Богъ даетъ» (200); «Голой два дома кормитъ» (201, II); «Хто торгуєтъ, тотъ воруєтъ» (2495).

Противъ отхожаго промысла: «Домашняя гривна лутче отъѣзжева рубля» (777).

Міръ великъ: «Мір дѣло велико: какъ всѣмъ миром воздòхнуть, такъ и временщик іздòхнет» (1610).

Село и дворъ: «Не купи села, купи прикащика» (413, II); «Не купи двор, купи сусѣда» (1744).

Указанія на военный бытъ: «Лукъ надежный—другъ сердешной» (1443); «За кожею панъцыря нетъ» (1058); «папсыря за кожею не бываетъ (1881); «Сухарики сушàтъ, на службу спѣшатъ» (2221); «Хто не слушаетъ отца да матери, тот станет слушат телячьи кожи» (2489) — (солдатскій ранецъ?).

Чиновничьи уловки: «Барашка въ бумашке» (356); «Пошлины взяты и товаръ утонулъ» (556, II) или «Столко и товару нѣтъ, што пошлинъ правятъ» (643, II).

Тюрьма и каторга: «Будто на каторгѣ выгостился» (240); «Лоскутъ на воротъ, а кнутъ на спину» (1479); «Не бранись с тюрмой, да с приказной избой» (866, II); «*Заигралъ* в суръну̀, да попалъ в

тюрму» (1057); тоже *забылъ или завылъ* (1114); тоже—*дѣдъ заигралъ* (1935).

Рядомъ съ этими болѣе или менѣе конкретными представленіями, въ нѣкоторыхъ пословицахъ пробиваются и понятія абстрактныя о *законѣ, обычаѣ, судѣ, правѣ собственности*: «Законъ—законъ законамъ» (1042); «Гдѣ законъ, тамъ и страхъ» (358); «Законъ преступить, во тму поступить» (1116); «Обычай не клетка, не переставить» (1865); «С копмъ обычаемъ въ колыбелку, с тѣм и (въ) могилку» (2115); «Умной па судъ не ходитъ, а глупой с суда не сходитъ» (2354); «Что на судѣ говорятъ, то и записываютъ» (2643); «Чей двор, того и хоромы» (2623); «Чей конь, того и возъ» (2604) или «Не нашъ конь, не нашъ и возъ» (1683)[1].

Можно, конечно, найти много больше пословицъ относительно этого предмета; но вообще умъ простого русскаго человѣка мало углублялся въ область государственной жизни, которая была для него чѣмъ-то чужимъ, какъ-бы насильственнымъ; а потому законъ и судъ, какъ проявленія этой жизни, представляются ему чѣмъ-то темнымъ, страшнымъ и вообще непригляднымъ.

Изъ домашняго обихода: «Мыла купить на лишнюю денешку» (1533); «Алченъ в кухарне, жажденъ в пиварне, а нагъ-бос в мылне» (93); «Добро пожаловать; честь да мѣсто, а на Петровскомъ вина и пива довольно» (934, II); «Ангеликова водка—вину живиот тетка» (95); «Испила баба табаки, да несетъ, что от сабаки» (1165); «Болѣзному сердцу горко и без перцу» (321); «Аптека до полвѣка; аптекамъ предатся—денгами не жатся» (58—59); «Шахматы играть своихъ оберегать» (2684); «Шаханья много, да матъ одинъ» (818, II); «Любит игра, купить домра» (1422); «Радъ скомрахъ о своихъ домрахъ» (2090).

Забава: «Мыши кота на погостъ волокутъ» (1000).

Отношенія семейныя, особенно къ женѣ, и остальное родство: «В дорогѣ і отецъ сыну товарищъ» (118, II); «Отцѐво сердце в сыне, а сыновне в камени» (1028, II); «З зятемъ гостися, за дверь держися; а с сыномъ бранися, а самъ на печь дерися» (1206, II); «Есть отецъ[1]), убилъ-бы; а нѣтъ ево, купил бы» (854); «Братъ брату головой в уплату» (168); «Рѣзал дѣдъ лозу, давал бабе грозу» (2058); «Для штей люди женятся, а для мяса замуж ходятъ»

---

1) Интересно, что въ переводѣ Забчица «Krolestwo bez rządu» переведено: «государство без уложенія» (стр. 40).

1) Въ новой пословицѣ старецъ вм. отецъ.

(671); «Женятъ добрые люди послѣ ужины ожегомъ» (981, II) «Холостой—простой, женатъ рогат, а вдовецъ, что зяблецъ» (2457); «Женою доброю муж честенъ бываетъ» (283, II); «Жены соромится, дѣтей не видать» (1009); «Жена мужу пластырь, а он ей пастырь» (864); «Подумав с подушкою, спрошатся и с подрушкою» (1905); «Жена да мужъ — змия да ужъ» (1000); «Не шути женой, шути матерью» (1024, II); «Женское слово, што клей рыбей» (291, II); «Из дому жена, а из лѣсу змея» (1195); «Жена — пазушная змѣя» (1148, II); «Злыхъ всѣхъ злее злая жена» (1039); «Жену хошъ лозою, а она над тобою с грозою» (304, II); «Жена сердцемъ, а муж с перцемъ» (305, II); «Женѣ спускать, то в мошне іскать» (306, II); «Мужь печется, как хлѣба добыть; а жена мыслит, как мужа избыть» (1572); «Бить шуба, будетъ тепла; а учит жена, будет мила» (358); «Ученъ жену бьетъ; а проученъ матушку» (2368); «Щоткою головку, а плеткою молодку» (2693); «Обошъ(олъ ?) мужь жонушку дубиннымъ корешкомъ» (1857); «Жена мужа потѣшила, вострымъ ножомъ зарѣзала» (26, II); «Жена мужа не бьет, а в свой норовь ведетъ» (1008); «Досслева бывало, жена мужа бивала; а нынче ведется, и она мужа блюдется» (1194, II); «Женское лѣто по Семенъ-день отпѣто» (912); а по другому — «по Петров день» (284, II); «Отцу имя запомнилъ, а маткѣ забылъ» (2524); «Не в сыре вологи, ни в зяте племяни (доброты)» (445, II); «Два свояка, а меж ими пестрая собака» (792); «Не жалей тещина добра, колупай масло шилом» (1745); по другому: «колупай до дна» (415, II) —скабрезный намекъ.

Очень много пословицъ относится *къ битью въ разныхъ случаяхъ и разныхъ видахъ*: «Жалѣть сына—учащивать раны» (885); «Дядка дитятке ума придаетъ» (759); «Дубинка да спинка побраталися» (761); «Дерево нѣмо, а вѣжиству учитъ» (769); «Кнутъ да пластырь, да доброй пастырь» (1302); «Безхмельное питье — дубинное битье» (319); «Жалѣть ослапины, не упочтиват детины» (963); «Иглою шьютъ, а чашею пьютъ, а плетью бьютъ» (1191); «Кнутъ— не архангелъ, души не вынет, а правду скажет» (1256); «Замокъ пригож клетью, а задокъ плетью» (1074) (можетъ быть приложено и къ женщинѣ); «Щупаютъ татя в три перемѣны» (2708); «Щеть да плеть, и голова чесать и гузно» (2712); «Штаны сняли турские, а батоги кладут руские» (2677); «Нашему Мине начосано в спине» (1689). *Противъ битья*: «Плохо того бить, хто не противитца» (1209); «Не все лозою, иное и грозою» (1678); «Битому коню лише лозу кажи» (350).

Пьянство осуждается, но съ снисхожденіемъ: «Пьяницы царьствія Божия не наслѣдят (1960); «Пить до дна, не видать добра» (1961); «Пьяная баба свиньямъ приваба» (1979); «Хто пьет до дна, тот живет без ума» (2487); «Вешной путь — не дорога, пьянова рѣч—не говоря» (164, II); «Полно пить, лутче умъ копить» (380, II); «Выпили пиво о масляніце, а похмелье ломало после радуницы» (324); «Цѣльба пьяному спать доволно» (2549); и «Цѣлба пьяницѣ на столѣ в склянпцѣ» (2557) «Пьянъ да уменъ, два угодья в немъ» (1995); «Пьяница проспитца, к дѣлу пригодитца, а дуракъ всегда однакъ» (964, II); или — «дуракъ ни к чему не годится» (1058, II); «Хто празднику не рад, тот до свѣта не пьянъ» (1131, II); «Хлѣбъ серце человѣку укрѣпитъ, а вино взвеселитъ» (2407).

Гостепріимство съ ограниченіемъ: «Хлѣбъ-соль — заемное дѣло» (2481); «Ждать гостя, разрѣшать посты» (902); «Ждать друга, отбыть плуга» (903); «Не званъ гость лутче званова» (1757); «Доброй гость — долгой хвостъ» (755); «Милъ гость, что недолго сидитъ» (1534); «Мил гость, что душа; избывают его, что ежа» (1574); «Гостя безстыдна пивом не выгнат» (570); «Гость гости, а пошолъ — прости» (571); «Гость дорогой, а день середной» (681); «Гость на дворѣ и бѣда на дворѣ» (602); «Гость безстужъ посидѣть любитъ» (592); «Друголюбивъ не обогатится». (722). Послѣдняя пословица особенно показываетъ, что гостепріимствомъ сильно злоупотреблялось.

Къ пословицамъ-же отнесены *наблюденія природы* вмѣстѣ съ хозяйственными соображеніями: «Апрѣль богатъ водою, а октябрь пивомъ» (41); «Феураль богатъ снѣгомъ, Апрѣль водою» (2392); «Августа капуста, а в марте осетръ» (71); «Жаравль летит с моря, убавит нам горя» (972); «Сырость вѣтра приноситъ дождь» (2166); «Рано солнцо всходитъ, то уж быть дождю» (2067); Шумитъ дубровушка к погодушкѣ» (2666); «Ластка день начинаетъ, а соловей вечер кончаетъ» (1489); «Которая птичка раненко запѣла, то'во весь день молчать» (1278); «Сорока даромъ не щекочетъ» (2150); «Ржетъ конь к печали, ногою топает к погонке» (2059); «Чело свербитъ, кланятся нѣкому» (2596).

Умъ, наука и школьныя поговорки: «Память в тылу, а мысль во лбу, а хотѣние в сердце» (534, II); «Без ума голова — котелъ» (48, II); «Умной, што староста губной, вездѣ ево боятся» (733, II); «За скудасть разума нолатъ лишаются» (1042); «За скудость ума таскат будетъ сума» (1067); «Людей з город, а ума з горсть» (346), въ томъ-же смыслѣ и: «Людей много, а человѣка нѣтъ» (1476);

«Философство хоть ужжо на посолство» (2382); «Астрономия умѣть, любовь к Богу имѣть» (17); «Артемию не кажи академию» (57); «Кто грамотѣ горазд, не умѣет ли пропасть» (1250); «Книги читать, зла не плутать» (1303); «Азбуку учатъ, во всю избу кричатъ» (112); «Азбука велика, а тридцать словъ» (115); «Юсъ да ижица (написано: ужица), дѣлу конецъ ближитца» (2759); «Ѳита не славна, а вещь она славна» (2394); Ѯи-ѱи с ѳитою пахнули сытою» (2781); «Самъ себѣ не радъ, что въ грамотѣ гораздъ» (646, II); «Такие тетрати долго писати» (683, II); «Основание бумага, а утокъ писмо» (1850); «Слово вѣтръ, а писмо вѣкъ» (1079, II); «Книга кроника — на многихъ улика» (1324).

Царь: «Царя не всякъ видитъ, а всякъ за него Бога молитъ» (2544); «Царево сердце в руцѣ Божіи» (2545); «Царю служатъ, о домѣхъ не тужатъ» (2546); «При солнце тепло, а при государе добро» (1967); «По милости по царской и самъ себѣ Пожарской» (1970); «Суд царев—суд Божій» (2119).

Воздерживаясь отъ оскорбленія всего, передъ чѣмъ благоговѣетъ народъ, собиратели позволяютъ себѣ только *легкую профанацію* такихъ предметовъ: «Святый Боже, Трусентей, моли Бога о насъ» (1053, II); «Молебенъ пѣть, а полги нѣтъ; ладан выкадил, а бѣса не выгонилъ (372, II); «Давыдъ игралъ въ гусли; а Ламехъ в скрипку» (218, II); «Исусъ Сираховъ насказалъ много страховъ» (1194); «Сердитъ, что Илья, дерзокъ, что Петръ» (638, II); «Кириловскій поклонъ девяти пядей с хвостомъ» (1382); «Поѣхалъ по девятой пѣсни свѣчь гаситъ» (939, II). Впрочемъ больше всего этого находится во второмъ сборникѣ.

Довольно много попадается *скабрезностей*, частью въ иносказательной формѣ, а больше напрямки, и это опять главнымъ образомъ во второмъ сборникѣ: въ первомъ это проистекаетъ отъ простоты и наивности народной рѣчи; а у составителя второго, какъ будто, замѣчается особенный вкусъ къ тому, съ оттѣнкомъ грубости и пошлости: «Дородна сласть — четыре ноги вмѣсто скласть» (248, II); «Глазка вмѣсто, а жъопка нарозно» (210, II); «У мужа толсто, у жены широко» (719, II); «Дѣтина глупъ, а пѣхаетъ все вглубь» (1177, II); «Пехай рохатину в бабью телятину» (555, II); «Корову ты держишъ, а люди молоко болтаютъ» (896, II); «Языкъ мягче подпупной жилы» (856, II). Означимъ остальные нумерами: 1172, 1201, 1700, 2626, 2655, 2696; II: 215, 458, 561, 587, 590, 747, 772, 775, 794, 843, 858, 877, 924, 957, 962, 963, 891, 895, 905, 906, 1076, 1128.

Мы не сравнивали эти два сборника подробно; а по общему впечатлѣнію мы отнесли-бы ихъ оба въ одной и той-же эпохѣ, и во второмъ не находимъ никакихъ указаній на время Петра В. Можетъ быть, это откроется при болѣе подробномъ разсмотрѣніи, что не входило въ нашу задачу; но пока мы дѣлаемъ заключеніе объ томъ только, что второй возникъ послѣ перваго. На это наводитъ насъ рядъ пословицъ не простыхъ и общеупотребительныхъ, а особенныхъ, цѣликомъ взятыхъ изъ перваго съ весьма небольшими перемѣнами, чтобы только пословица была понятнѣе и складнѣе. Не будемъ приводить самыхъ пословицъ, а только нумера, подъ которыми онѣ напечатаны, впереди — перваго сборника, а послѣ — второго: 210 — 56, 809 — 255, 645 — 1180, 1008 — 1201, 1155 — 1964, 1263 — 1162, 1505 — 676, 1905 — 459, 2260 — 709, 2273 — 690, 2326 — 733, 2374 -- 1095, 2509 — 484 и др.

Во второмъ сборникѣ языкъ новѣе, ближе къ современному, и иныя пословицы лучше редактированы. Такъ, въ первомъ есть двѣ пословицы: «Иуда с селомъ удавился силомъ» (1207) и «хотѣлъ купить село, да взложил себѣ сило» (2450); а во второмъ онѣ лучше соединены въ одну: «Хотѣлъ Июда купить себѣ село, да положил себѣ на шею сило» (784).

Первый очевидно неправильно записалъ: «Тать не молчитъ, замки колитъ» (2284); а второй эту ошибку исправилъ: «Тати не молотятъ, лишъ в замки колотятъ» (702). Но можетъ быть, что они иногда пользовались однимъ и тѣмъ-же другимъ источникомъ. У перваго есть пословица: «Горы полегаютъ, а долы востаютъ» (633); а второй ее распространяетъ: «Нынѣ большіе горы лежатъ, а малые подгорки в'стаютъ» (914); но въ другомъ мѣстѣ онъ приводитъ её, перемѣнивъ только одно слово и давъ другое размѣщенье: «Горы падутъ, а долы в'стаютъ» (1070). Замѣчательно, что оба они одинаково противъ смѣха: «Грѣхи чинят смѣхи» (575); «Смѣхи да хихи вводятъ в грѣхи» (2209); «Что смѣшно и грѣшно» (2635); «Многие смѣхи — великие грѣхи; малъ смѣхъ да великъ грѣхъ» (376 — 77. II); «Щто смѣшно, то бываетъ и грѣшно» (813, II).

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько сербскихъ пословицъ, которыя чрезвычайно близки к нашимъ: «Изломлена лука двое боятся: одинъ стрелитъ, а другой напустит» (1210). — Пуне се пушке боји један, празне двојица». «В ведро епанчу возятъ, а в дождь и сама ѣздитъ (134, II) — У љето носи струку; а у зиму, како ти драго. «Шило в мѣху не утаить» — Не може се сакрити копље у врећу.—

«Двѣ головки курятся, а одна никогда» (725).— Једна палица не гори.

«Туча прошла, а дождя не видали» (2278); Што више грми, мање дажда находи.

«Што кошка не родитъ, то мыши ловитъ» (2641).— Што год маца окоти, све мише лови.

«Горку быт, выплюнут, а слатку быт, проглотят» (582).— Ни буди мед, да те разлижу, ни јед, да те распљују или избрљују.— «Сила и закон переступаетъ» (2139).— Нужда закон мијења.

«На худе городѣ и Ѳома дворянинъ» (444, II).— У нестаншцу од људи стави се и Станиша, да суди.

«Чюжую курочку щипли, а свою за крылышко держи» (2667).— Кои туђу кокошку изније, тај своју нека за ногу веже.

«Потерпѣнъ — спасенъ» (1158, II).— Стрѣљен — спасен.

Здѣсь мы встрѣчаемъ не совершенное сходство, какое происходитъ, если дѣло касается общечеловѣческихъ истинъ и умъ работаетъ при совершенно одинаковой обстановкѣ; а аналогію, при которой одна и та-же истина воплощается въ различные образы. Такъ, у русскаго: испорченный лукъ, епанча, шило, головня, туча, горько или сладко, Ѳома дворянинъ; у черногорца: незаряженное ружье, струка (родъ плэда), копье, полѣно, много грома, медъ или ядъ, Станиш судья.

Бываютъ, конечно, и противорѣчія. Такъ, русской пословицѣ: «В шуткахъ правды не бываетъ, а что надо, то выговариваютъ» (123, II),—отвѣчаетъ сербская: «У сваку шалу пола истине».

Въ этомъ примѣрѣ однако «шутка шуткѣ рознь»: въ одномъ случаѣ имѣется въ виду выдумка единственно для забавы; а въ другомъ съ цѣлью замаскировать истину. Впрочемъ, и у русскихъ остерегаются шутокъ роковыхъ, какъ напр. сказать, что кто-нибудь умеръ или боленъ; потому что это можетъ осуществиться на дѣлѣ.

Иногда такое сравненіе можетъ служить къ уясненію смысла нашей-же пословицы. Такъ, въ переводѣ Яна Забчица есть мѣсто: «Не подлинны и ненадежны дѣла: Бодрость принужденна в дому, дружба от страха человѣка, *смиреніе у волка въ ямѣ (pokora w dole u wilka)*» (стр. 34). Не знаемъ, какъ это послѣднее понимали составитель изреченій и его переводчикъ; но у черногорцевъ есть тоже поговорка: «стиди се, као вук у јаму или у рупу», и это объясняется такъ: въ глубокую яму спускаютъ козу, которая тамъ кричитъ; на крикъ прибѣгаетъ волкъ и кидается въ яму, чтобы

съѣсть козу; но, почувствовавъ тотчасъ-же, что не можетъ выскочить, онъ козы не трогаетъ; а тогда приходятъ люди и убиваютъ его.

И Сахаровъ, напечатавъ въ своемъ изданіи «Сказанія Русскаго Народа» червонно-русскія и сербскія загадки, безъ сомнѣнія имѣлъ въ виду такое соотношеніе между произведеніями ума русскаго и другихъ родственныхъ ему народовъ.

Что касается труда г. Симони по изданію этихъ памятниковъ, то, по нашему мнѣнію, оно вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ науки.

Давъ въ предисловіи къ каждому памятнику обозрѣніе всей относящейся къ нему литературы и освѣтивъ ихъ сравненіемъ съ другими памятниками подобнаго рода, г. Симони печатаетъ ихъ съ дипломатическою точностью, не позволяя себѣ ни малѣйшихъ исправленій, хотя-бы ошибки и были очевидны. Мы сказали-бы, что онъ впалъ въ этомъ отношеніи въ крайность, отмѣтивъ опечатки въ знакахъ препинанія каждую по отдѣльности, что можно было-бы сдѣлать въ одной общей оговоркѣ; полнота была бы нужна лишь для опечатокъ въ цѣлыхъ словахъ. Редактированье этихъ памятниковъ представляло автору, конечно, огромный трудъ, тѣмъ болѣе, что въ способѣ ихъ писанія очень много непослѣдовательностей, которыя не допускаютъ воспроизведенія ихъ по одному, разъ принятому правилу, а требуютъ копировки, самой точной всѣхъ неправильностей и капризовъ оригинала. Эти неправильности однако драгоцѣнны для изслѣдователя тѣмъ, что даютъ возможность дѣлать заключенія о личности ихъ автора. За сохраненіе всѣхъ этихъ неправильностей и непослѣдовательностей и должны быть благодарны г. Симони будущіе изслѣдователи этихъ памятниковъ русскаго языка и русской мысли.

Знакомя читателя съ ихъ содержаніемъ, тѣмъ не менѣе мы позволили себѣ указать нѣкоторыя мелкія ошибки, не отмѣченныя у г. Симони и, по всѣмъ вѣроятіямъ, принадлежащія не типографіи, а оригиналу; а иногда дѣлаемъ и болѣе существенныя исправленія, соображаясь съ данными, взятыми нами изъ современнаго языка. Но настаивать на нихъ мы не можемъ, потому что еще не имѣемъ достаточно данныхъ ни для современнаго русскаго языка во всемъ его объемѣ, на всей огромной территоріи Россіи, ни въ его прошломъ.

Такъ, встрѣтивъ пословицу: «Пошли Ляхи на три *шахи*» (1975), мы въ послѣднемъ словѣ усмотрѣли ошибку вм. *шляхи*.

То-же самое указалъ и г. Коршъ еще прежде насъ въ замѣчаніяхъ (стр. 6) и приводитъ такое-же выраженіе изъ малороссійской пѣсни. И мы сказали-бы, что эта пословица заимствована, такъ какъ по-малороссіійски говорится пошли «шляхомъ — дорогаю», а повеликорусски — «путемъ — дарогою». Но въ тѣхъ-же пословицахъ въ одной мы встрѣчаемъ упоминаніе о шахматахъ (2684); а въ другой: «*матъ* всякому дѣлу конецъ» (1597), и далѣе: «*Шаханья* много да матъ одинъ» (818, II). Поэтому насъ беретъ сомнѣніе относительно нашей поправки: не въ смыслѣ-ли шахматной игры и эти *шахи*?

Точно такъ мы относимся и къ поправкамъ, сдѣланнымъ г. Коршемъ. Откуда можетъ быть *Алманах* вм. собств. имени *Алманасъ* (144)? ради риѳмы? Но русская пословица много не гонится за риѳмой; тамъ-же есть: «Адъ безо дна, вѣкъ без конца» (147), *тонокъ* и *полотъ* (546), *широки* и *уски* (502), в теремѣ и в вѣникѣ (597) *в ухе* и *в пироге* (848) и т. д. На томъ-же основаніи мы не видимъ малорос. или бѣлорус. выговора и въ приводимыхъ имъ риѳмахъ: *книги* и *лихи* (1668), *горохъ* и *дорогъ* (2072), *суючи* и *улице* (1272) (стр. 5). *Мужества* (712) могло быть употреблено вм. *замужества* (у г. Корша стр. 6), такъ какъ существуетъ глаголъ *мужити* — замужъ выдавать. Еще менѣе основанія мы видимъ въ поправкѣ въ пословицѣ: «Живъ человѣкъ *живую* и помышляетъ» (904) — на *живое* по современной пословицѣ: «Живой живое или объ живомъ и думаетъ». Эта форма была въ духѣ языка того времени. Тамъ-же мы встрѣчаемъ: «Знай рабя рабячью» (1053), «Вору воровская» (532); а при внимательномъ чтеніи найдется, вѣроятно, и больше такихъ примѣровъ. Но это не потерялось еще и въ современномъ языкѣ: онъ бьетъ на *пустую*, идетъ на *удалую*, валяетъ во *всю ивановскую*, дѣйствуютъ *въ разсыпную*, *зачастую*, варятъ яйца *въ крутую*, составить *духовную* (духовное завѣщаніе) и т. д. Не имѣемъ права въ пословицѣ: «Злу жену имѣя, учить ея *умья*» (1022) переиначивать *умья* на *умній*. Это тоже своеобразный оборотъ. Пословицу «Не горшокъ купятъ, угодникъ» г. Коршъ толкуетъ такъ: «Не угодникъ горшокъ лѣпитъ» (тамъ-же). Это толкованіе совсѣмъ уже произвольное: дѣло тутъ не въ горшкѣ, который самъ по себѣ вещь, сдѣланная изъ земли и ничего не стоящая, а въ томъ, что онъ *угодникъ*, т. е. вполнѣ угождаетъ потребѣ; а форму именит. пад. для винит. мы встрѣчаемъ во мно-

гихъ случаяхъ въ этихъ пословицахъ. «Пробить коса, осохнетъ роса» (1940) передѣлывать на *прибить* нѣтъ причины, такъ какъ и въ современномъ языкѣ существуетъ не *прибить*, а *отбить*, и потому не къ чему предлагать новое, тоже не существующее; притомъ *пробить* могло быть употреблено въ смыслѣ продолжительности дѣйствія: пока онъ пробьется съ косою, высохнетъ трава.

Въ пословицѣ: «Тать не молчитъ, замки *колитъ»* (2284) г. Коршъ предлагаетъ вм. послѣдняго слова поставить *коритъ*, а г. Симони основательно высказываетъ догадку, что это «можетъ быть вм. *колотитъ»*. Тоже недоумѣнiе разрѣшается варiантомъ изъ другого сборника, какъ мы то уже показали выше (стр. 45).

Дѣлая эти замѣчанiя, мы имѣли въ виду высказать наше мнѣнiе, какъ мы смотримъ на эти памятники. Они насъ вводятъ въ ту область, которая у насъ мало изслѣдована; мы по нимъ учимся, находя въ нихъ много для насъ новаго и неизвѣстнаго или подтвержденiе нашихъ положенiй, нуждавшихся еще въ примѣрахъ и доказательствахъ. Поэтому исправленiя надо дѣлать осторожно и много слѣдуетъ отнести не къ кажущейся намъ неправильности въ оригиналѣ, а къ нашему еще недостаточному знакомству, какъ съ архаизмами языка тѣхъ памятниковъ, такъ и съ современнымъ намъ народнымъ языкомъ во всемъ его объемѣ.

И это даетъ намъ поводъ еще разъ поставить г. Симони въ заслугу принятый имъ способъ — печатанiя памятниковъ съ дипломатическою точностью и безъ всякихъ поправокъ. Очевидныя ошибки можно оговорить особо, но не исправлять ихъ въ самомъ текстѣ.

П. Ровинскiй.

Новые труды по исторiи сербохорватской литературы.

Povjest književnosti hrvatske i srpske. D. Šurmin. S 21 ispravom i sa 70 portreta. Zagreb, 1898. 317 стр.

I.

Хотя сочиненiе Шурмина появилось годъ тому назадъ, не поздно, думаемъ, вернуться къ нему и теперь, такъ какъ оно, во-первыхъ, не получило еще достаточно полной оцѣнки, а, во-вторыхъ, вѣро-

ятно, потребуетъ второго изданія и тогда всякое лишнее указаніе недостатковъ сочиненія принесетъ автору пользу.

На первой же страницѣ мы встрѣчаемъ обычную у всѣхъ авторовъ жалобу на недостатокъ сочиненій того рода, за который взялся Шурминъ. Жалоба не вполнѣ основательная, ибо мы не только имѣемъ огромное количество монографій, посвященныхъ отдѣльнымъ писателямъ и литературнымъ произведеніямъ (ср. И. Шерцера, О повјести српске и хрватске књижевности. 1897), но еще въ 1864 году въ «Slovnik Naučny» (Rieger) былъ помѣщенъ В. Ягичемъ общій обзоръ исторіи сербохорватской литературы (Jihoslovane); тѣмъ же авторомъ въ 1867 году напечатанъ древній періодъ (съ VII до конца XIV вѣка) исторіи сербохорватской литературы (рус. изд. 1871); цѣликомъ этотъ періодъ изложенъ и у Броза (Crtice iz književnosti hrvatske); матеріалъ для литературной исторіи эпохи Иллиризма собранъ въ книгѣ Кулаковскаго (Иллиризмъ, 1894). Не будемъ дальше перечислять общихъ и спеціальныхъ работъ: онѣ, конечно, самому Шурмину хорошо извѣстны. Дѣло не въ томъ, что вовсе нѣтъ или мало пособій, а въ томъ, что серьезная компиляція требуетъ непосредственнаго знакомства съ литературными памятниками, о коихъ въ пособіяхъ трактуется, и затѣмъ—умѣнья добытыя данныя изложить въ извѣстной системѣ и послѣдовательности, чтобы исторія литературы была не каталогомъ писателей и ихъ произведеній, а, какъ и самъ Шурминъ опредѣляетъ литературу въ своемъ вступленіи (Uvod u književnost 3, 4 стр.), выраженіемъ жизни народнаго духа въ словѣ (Literatura pokazuje osobiti život narodnoga duha. Jezik postaje orudjem, sredstvom narodne literature), частью исторіи культуры (L. je istorija kulture, dnevnik narodnih čuvstava i misli) въ связи съ прочими явленіями народной жизни (L. živi u tjesnoj svezi sa svim pojavima životnim i prema njima se razvija: istorijski dogadjaji, opceni medjunarodni odnosi, narodna kultura, karakter pojedinih doba u opcenoj povjesti, tudje utjecanje na razvijanje domaćega kulturnoga života i mnogo drugih pojava odlučuje o smjeru, razvijanju, napredovanju ili nazadovanju Književne povjesti). На сколько трудно выполнить эту правильно понимаемую авторомъ задачу исторіи литературы, показываетъ его сочиненіе; здѣсь же, можетъ быть, лежитъ причина, почему такой знатокъ сербохорватской литературы, какъ В. Ягичъ, до сихъ поръ не издаетъ ея полной исторіи, ограничиваясь критической разработкой спеціальныхъ вопросовъ; тѣмъ менѣе Шурмину, еще молодому ученому, слѣдовало браться за дѣло не по силамъ.

Первыя главы сочиненія (Narodni jezik hrvata i srba, Narodni život i narodne umotvorine, Način života kod starih hrvata i srba) должны насъ познакомить съ древнѣйшей культурой хорватовъ и сербовъ; на самомъ дѣлѣ, онѣ вызываютъ лишь рядъ недоумѣній. Говорили ли когда-нибудь всѣ народы однимъ языкомъ (naši praoci živjeli zajedno s djedovima drugih evropskih naroda u jednoj zajednici u srednjoj Aziji, govorili su svi jednim jezikom i činili jedan narod), каковы и какъ образовались нарѣчія сербохорватскаго языка, переходъ народной лирики въ художественную, сущность древнѣйшей задруги (Шурминъ знаетъ только кровную связь)—вопросы существенные, но не получившіе или вовсе отвѣта или истолкованные несоотвѣтственно съ современнымъ состояніемъ лингвистики, поэтики, права.

Въ слѣдующей статьѣ (Narodne umotvorine, 13—22) авторъ не воспользовался данными языка, этого древнѣйшаго свидѣтеля народной поэзіи; при раздѣленіи юнацкихъ пѣсенъ на періоды не указалъ на то, что рядомъ съ новыми пѣснями живутъ и старыя, что пѣсни перемѣщаются изъ одного мѣста въ другое; неполно проведено раздѣленіе женскихъ пѣсенъ (ср. сборники), которое хотя до нѣкоторой степени могло бы замѣнить отсутствующее у автора изложеніе мотивовъ этихъ пѣсенъ. Эпическая форма не выяснена на примѣрахъ (ср. Miklosich, Die serbische Epik), о народномъ стихѣ и связи его, напримѣръ, со стихосложеніемъ далматинскихъ поэтовъ — ни слова.

Pismena književnost начинается, какъ и слѣдовало ожидать, съ изображенія жизни и дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія; къ сожалѣнію, мы здѣсь не нашли исторіи постепеннаго уклоненія отъ первоначальнаго кирилло-меѳодіевскаго языка и образованія разныхъ изводовъ съ ихъ характерными чертами; оттого нѣкоторая неожиданность при переходѣ къ собственно-хорватской литературѣ.

Рано подпавъ подъ чужую власть—нѣмцевъ и угровъ, принявъ католичество, хорваты свято берегли глаголицу, какъ зерно ихъ народной самобытности. Шурминъ правильно оцѣниваетъ ея значеніе и въ общемъ вѣрно передаетъ судьбу глаголической письменности у хорватовъ, но было бы желательно освѣтить борьбу за глаголицу изложеніемъ борьбы двухъ началъ—восточнаго и западнаго — на хорватской территоріи и, что̀ очень важно, указать вліяніе восточныхъ кирилло-меѳодіевскихъ преданій въ судьбахъ хорватовъ.

Художественную литературу Шурминъ начинаетъ съ XV вѣка

(на стр. 35 при опредѣленіи границы II періода хорватской литературы XVI вѣкъ названъ, вѣроятно, по ошибкѣ): это знаменитая далматинско-дубровницкая литература. Благодаря богатству этой литературы и массѣ историко-культурныхъ монографій, ей посвященныхъ, мы ожидали очень интереснаго очерка. Шурминъ же далъ сухой перечень именъ авторовъ и книгъ, какъ бы совершенно не понимая или понимая внѣшнимъ образомъ исторію литературы. Здѣсь необходимо было характеризовать тогдашнюю европейскую литературу, вліявшую на Далмацію; при изложеніи самой далматинской литературы надо остановиться прежде всего на выработкѣ поэтическаго языка, для этого крайне важно было бы привести образцы лирики, вся прелесть которой въ формѣ, неподражаемо передающей извѣстныя душевныя настроенія; не смотря на нѣкотораго рода ложноклассицизмъ, литература все-таки отражала народную жизнь: слѣдовало подчеркнуть идеи народности, патріотизма, религіозные мотивы въ зависимости, можетъ быть, отъ соціальнаго положенія авторовъ.

Почему Шурминъ распредѣлилъ писателей по городамъ, а не въ хронологическомъ порядкѣ? Вѣдь всѣ далматинскіе поэты были подъ однимъ общимъ культурнымъ вліяніемъ Италіи, при одинаковыхъ, приблизительно, бытовыхъ условіяхъ; наконецъ, они были въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ, что видно и изъ ихъ переписки. Въ нѣкоторыхъ хронологическихъ датахъ есть ошибки, напримѣръ, Д. Златаричъ умеръ въ 1609 (см. Stari pisci hrvatski XXI кн.), а не въ 1607 году; говоря о И. Палешковичѣ, Шурминъ не назвалъ ни одного его произведенія; подобныхъ промаховъ не мало: мы ихъ объясняемъ недостаточнымъ знакомствомъ автора съ самыми произведеніями далматинскихъ писателей. Оттого безплодна не только для ученыхъ, но и для широкой публики книга Шурмина: въ ней нѣтъ ни правильной полной оцѣнки литературныхъ явленій, ни той увлекательности изложенія, которая создастъ и поддерживаетъ въ публикѣ интересъ къ прошлому.

Въ литературѣ XIX вѣка Шурминъ еще слабѣе. Не говоря о томъ, что общій смыслъ, идеи иллиризма, со всѣми его достоинствами и недостатками, пути проведенія этихъ идей въ жизнь, не только черезъ литературу, но и школу и политическую борьбу, не выяснены Шурминымъ, но не собраны даже въ одномъ мѣстѣ факты, касающіеся Матицы, Гая и др. По прежнему одно голое перечисленіе сочиненій, безъ анализа ихъ содержанія, зависимости отъ культурныхъ вліяній со стороны и т. д. Такимъ образомъ вовсе

не выясненъ тотъ интересный процессъ, который совершился въ литературѣ: въ ея формѣ, когда образовался языкъ прозы, и въ ея содержаніи, отъ наивнаго народничества въ духѣ нашего XVIII вѣка до современнаго реализма.

Новѣйшія теченія европейской литературы и ихъ отраженіе въ хорватской не разграничены. Напримѣръ, Бабича Шурминъ считаетъ подражателемъ Тургенева, Додэ, Золя (?), Бальзака, Флобера и вмѣстѣ съ тѣмъ называетъ представителемъ школы психологовъ и чистымъ реалистомъ (стр. 212); Кумичича авторъ причисляетъ къ натуралистамъ только потому, что онъ изображаетъ неприглядную сторону дѣйствительности.

О литературной критикѣ у хорватовъ, правда, нѣсколько наивной и рѣдко выходящей изъ предѣловъ эстетической оцѣнки отдѣльныхъ мѣстъ разбираемаго произведенія, Шурминъ не сказалъ ни слова; но онъ могъ бы дать обзоръ научнаго изученія хорватской литературы и исторіи; для этого достаточно было бы обозрѣть дѣятельность Югославянской Академіи. Шурминъ не сдѣлалъ этого. Двѣ послѣднія странички посвящены Рачкому и Ягичу — внѣ всякой связи съ предыдущимъ.

А дальше идетъ сербская литература, изложенная совершенно независимо отъ хорватской, какъ будто дѣйствительно нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія между ними.

Все, что сдѣлано Шурминымъ положительнаго въ смыслѣ собранія матеріала, не пропадетъ даромъ; будемъ надѣяться, что съ теченіемъ времени авторъ обогатится новыми знаніями, опредѣлятся и усовершенствуются его пріемы литературной критики, углубится взглядъ на историко-литературное развитіе какъ органическое, ведущее къ уясненію общественнаго сознанія, къ полному сближенію литературы съ жизнью. Тогда пусть авторъ приступаетъ къ новому совершенно переработанному изданію своего сочиненія.

А. Липовскій.

II.

D-r Djuro Šurmin. Povjest književnosti hrvatske i srpske. II: Srpska književnost (стр. 227—303).

Вторая часть книги г. Шурмина посвящена историческому обзору сербской литературы, начиная съ XII-го вѣка и заканчивая

новѣйшимъ періодомъ — девятидесятыми годами. Попытка нарисовать стройную картину постепеннаго историческаго развитія литературы молодого народа заслуживаетъ сама по себѣ вниманія. Работающій въ этомъ направленіи поставленъ въ затруднительное положеніе, ибо у сербовъ почти что нѣтъ монографій объ отдѣльныхъ писателяхъ. Посмотримъ, какъ удалось автору выполнить эту не легкую задачу.

На творчество литературныхъ дѣятелей Сербіи вліяли и продолжаютъ вліять литературныя теченія Запада. Сербская литература, какъ и наша русская, переживала періодъ увлеченія подражательною теоріей ложно-классиковъ; нашло отраженіе въ ней и чувствительное направленіе западной литературы; писатели романтики точно также оказали не малое вліяніе на сербскихъ поэтовъ даже послѣдняго времени; наконецъ, реальная школа Запада и русскіе художники-реалисты находили и находятъ въ Сербіи себѣ подражателей и послѣдователей. Однако, несмотря на частыя подражанія и перепѣвы чужихъ мотивовъ, сербская литература выработала и свои самобытныя національныя черты. Лирика подъ вліяніемъ народныхъ пѣсенъ приняла своеобразную окраску. Повѣсть замкнулась въ узкій кругъ изображенія народной жизни, сначала на романтической подкладкѣ, а затѣмъ на почвѣ идейнаго реализма. Подобная замкнутость и способствовала тому, что повѣсть сохранила особый строго національный колоритъ. Романа, въ точномъ смыслѣ этого слова, у сербовъ пока нѣтъ. Узкій кругъ интересовъ сельской жизни не давалъ для этого достаточно матеріала, городская же жизнь только начинаетъ формироваться. Молодыя литературныя силы Сербіи въ послѣднее время, отдавая привычную дань Западу, излишне увлекаются символизмомъ, воспринимая его (обычная участь!) въ самыхъ уродливыхъ формахъ.

Мы привыкли смотрѣть на литературу, какъ на отраженіе національной жизни, и изучать писателя въ связи съ той эпохой, когда онъ жилъ, и той средой, въ которой онъ работалъ. Очерка историческаго развитія литературы сербовъ, картины всѣхъ мытарствъ и колебаній мы не находимъ въ книгѣ г. Шурмина. Закрывая по прочтеніи книгу г. Шурмина, не выносишь никакого представленія ни о постепенномъ ходѣ развитія сербской литературы, ни о тѣхъ вліяніяхъ, подъ которыми развивалась она, ни о воздѣйствіи ея на общественное развитіе. Очерки дѣятельности отдѣльныхъ писателей представляютъ въ большинствѣ случаевъ краткое перечисленіе работъ писателя да сухой и скучный пересказъ со-

держанія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Правда, написать исторію сербской литературы въ настоящее время — трудъ не только не легкій, но почти невозможный. Въ виду отсутствія цѣнныхъ монографій, за очень малымъ исключеніемъ, приходится производить громадную черновую работу. Этой то работы въ книгѣ г. Шурмина совершенно нѣтъ.

Самостоятельныхъ взглядовъ г. Шурминъ нигдѣ не высказываетъ. Онъ является исключительно компиляторомъ, добросовѣстно пересказывающимъ по возможности все, что написано о каждомъ писателѣ. Въ зависимости отъ этого изложеніе книги весьма неровное. Когда у автора подъ руками есть цѣнная монографія (напр., о Вукѣ Караджичѣ, Доситеѣ Обрадовичѣ, Бранкѣ Радичевичѣ), то очеркъ писателя и его дѣятельности оказывается содержательнымъ, съ остроумными соображеніями и выводами. Когда дѣло касается виднаго писателя, но о которомъ мало писано, размѣры очерка значительно уменьшаются, оцѣнка дается поверхностная. Когда, наконецъ, у автора совсѣмъ нѣтъ матеріала, онъ ограничивается бѣглымъ замѣчаніемъ, не всегда, впрочемъ, вѣрнымъ и удачнымъ. Странно также и то, что, несмотря на ограниченное число критикобіографическихъ и историко-литературныхъ работъ по сербской литературѣ, многія и весьма цѣнныя ускользнули отъ вниманія г. Шурмина. Напримѣръ, онъ нигдѣ не ссылается и, какъ видно изъ изложенія, совсѣмъ не знаетъ работы Л. Недиһа: Из новије српске лирике, вышедшей въ 1893 году.

Привожу затѣмъ примѣръ пріема работы и критической оцѣнки г. Шурминымъ матеріала. На стр. 288 находится очеркъ литературной дѣятельности Милорада Поповиһа-Шапчанина. Очеркъ этотъ представляетъ точный пересказъ «своими словами» не особенно удачной статьи г. Савича изъ его книги: «Из српске књижевности слике и расправе (1898)». Вотъ нѣсколько сравнительныхъ выдержекъ.

У г. Савича на стр. 138 читаемъ: «Као на песмама тако се види и на приповеткама, да су израђени с великим трудом, са особитом пажњом и минуциозном савесношһу».

У г. Шурмина на стр. 288 находимъ: «U njegovim pripovijetkama je sve izradjivano osobitom pažnjom i velikom savjesnošću.

У г. Савича на стр. 135: «Шапчанин је пре свега патриота, те је тако- реһи начелно истицао у својим драмама славне моменте из српске повеснице како би њима снажно и добротворно утицао на живу генерацију, како би је на славна дела храбрио».

У г. Шурмина на стр. 290: «U dramama je bio ponajprije patriota ističući svagdje svijetle momente iz srpske povjesti, ne bi li tako potaknuo mladi naraštaj na slavna djela».

У г. Савича на стр. 150: «Шапчанин је написао и шаљиву игру «Госпођица као сељанка» по Пушкиновој познатој новели».

И у г. Шурмина на стр. 290 буква въ букву: Šapčanin je napisao i šaljivu igru «Gospodjica kao seljanka» po Puškinovoj poznatoj noveli».

Полагаю, что этихъ примѣровъ достаточно. Я взялъ первый попавшійся очеркъ. То же самое находимъ и въ остальныхъ.

Разсматривая новѣйшую литературу, г. Шурминъ часто впадаетъ въ непонятныя ошибки. Такъ на стр. 291 онъ весьма пространно говоритъ о литературныхъ заслугахъ Драгутина Илича, ставитъ его очень высоко, хотя послѣдній заслуживаетъ такого вниманія развѣ только по громадному количеству (но не по качеству) самыхъ разнообразныхъ статей, новеллъ, драмъ, стиховъ, печатаемыхъ имъ во всѣхъ сербскихъ періодическихъ изданіяхъ. Брата же его — Воислава Илича, безвременно скончавшагося (1894 года), онъ ставитъ почему-то ниже. Это былъ несомнѣнно лирическій талантъ, воспитавшійся на Гейне, Байронѣ и Лермонтовѣ. Въ его произведеніяхъ мы находимъ прекрасную технику и отдѣлку стиха, изящество образовъ и искренность чувства. Среди новѣйшихъ поэтовъ Сербіи его приходится поставить на первомъ планѣ. У г. Шурмина характеристика творчества этого поэта весьма скудная; о вліяніи на него Байрона, Гейне и Лермонтова онъ совершенно не говоритъ, но зато даетъ цѣлую страницу совершенно ненужнаго и скучно изложеннаго содержанія лиро-эпическаго произведенія В. Илича «Рибар» (подражаніе «Демону» Лермонтова и «Фаусту» Гёте).

До сихъ поръ живъ и работаетъ на литературномъ поприщѣ одинъ изъ талантливыхъ писателей 1870-хъ годовъ — Милованъ Глишичъ, юмористъ, знатокъ человѣческаго сердца, прекрасно изучившій жизнь сербскаго селяка. Правда, въ его произведеніяхъ сказалось вліяніе Гоголя, лучшимъ переводчикомъ котораго и является онъ, тѣмъ не менѣе это значительная литературная сила. Г. Шурминъ даетъ въ двухъ словахъ его оцѣнку: «Milovan Glišić je mio pripovjedač srpskoj publici jer piše sasvim u narodnom duhu i to ponajviše pripovijetke iz seljačkoga života» (стр. 291). Коротко, но не думаю, чтобы очень убѣдительно.

О другомъ юмористѣ, тоже очень талантливомъ, усвоившемъ себѣ

чисто славянскій, Гоголевскій юморъ — Ст. Сремцѣ г. Шурминъ считаетъ совершенно излишнимъ упоминать. Между тѣмъ г. Сремацъ работаетъ давно и написалъ нѣсколько цѣнныхъ и крупныхъ вещей, напр.: Божиħна печенnца, Поп Бира и поп Спира, Лимунација на селу и др.

За-то г. Шурминъ почему-то особенно внимательно и почтительно отнесся къ Влад. Джорджевичу, которой, по его словамъ, «obavljajući različne državne službe (sada je ministar predsjednik), bavio se pored nauka lijepom literaturom» (стр. 291). Онъ ставитъ его выше М. Глишича, обоихъ Илчей, Лаз. Лазаревича и другихъ имѣющихъ дѣйствительное значеніе писателей. Что это? Быть можетъ, captatio benevolentiae?

Мало также отводитъ мѣста г. Шурминъ и для Янка Веселиновича, талантливаго писателя, начавшаго работать въ 1887 году. Выйдя самъ изъ простой среды, Я. Веселиновичъ всю свою молодость провелъ среди крестьянъ (онъ былъ сельскимъ учителемъ). Это дало ему возможность близко ознакомиться съ жизнью селяка. Въ своихъ произведеніяхъ (повѣстяхъ и разсказахъ) онъ даетъ прекрасный образецъ психологическаго анализа души простого человѣка. Въ яркихъ чертахъ, просто и тепло, рисуетъ онъ незатѣйливую трудовую жизнь селяка съ его горестями и радостями. Помимо общаго интереса, произведенія г. Веселиновича даютъ богатый этнографическій матеріалъ. Янко (подъ этимъ именемъ знаютъ его въ народѣ) — любимецъ простого населенія, которому понятны и близко знакомы сюжеты поэта. Я. Веселиновичъ—это талантъ цѣльный, натура непосредственная. Въ 1898 г. онъ печаталъ въ журналѣ «Дело» романъ «Јунак наших дана» (Герой нашего времени) Это первая попытка въ сербской литературѣ изобразить городскую жизнь и вообще человѣка, а не только серба-селяка. Героемъ романа является современный интеллигентъ-карьеристъ. Нельзя сказать однако, чтобы это произведеніе особенно удалось г. Веселиновичу: оно далеко слабѣе другихъ его вещей. Впрочемъ, онъ первый рѣшился выйти изъ заколдованнаго круга народныхъ разсказовъ, въ который замкнулась сербская литература. Послѣдняго произведенія Я. Веселиновича г. Шурминъ не упоминаетъ: вѣроятно, оно печаталось одновременно съ его книгой. Среди молодыхъ писателей Я. Веселиновичъ занимаетъ видное мѣсто, тѣмъ не менѣе г. Шурминъ посвящаетъ ему всего семнадцать строкъ. Онъ долго затѣмъ останавливается на оцѣнкѣ дѣятельности Никифора Дучича. Это скорѣе ученый-монахъ, чѣмъ литераторъ, и удиви-

тельно, почему авторъ отмѣчаетъ его, а ни слова не говоритъ о другихъ сербскихъ ученыхъ, хотя бы о Ст. Новаковичѣ.

Изъ молодого поколѣнія г. Шурминъ совсѣмъ не знакомъ ни съ И. Вукичевичемъ († 1897 г.), ни съ Р. Одавичемъ, ни съ М. Митровичемъ, А. Шантичемъ и цѣлымъ рядомъ другихъ литературныхъ силъ молодой Сербіи.

Я отмѣтилъ наиболѣе бросающіеся въ глаза недостатки книги г. Шурмина. Не приходится, конечно, повторять того, что̀ сказано уже рецензентами — академикомъ Ягичемъ (Дело, 1898, II—III и Archiv für slav. Philol. 1898) и другими (напр. Бранково Коло, 1898, № 46). Ими указаны и другіе болѣе или менѣе значительные промахи автора.

Значительно лучше выполнена первая часть работы, именно старо-сербская литература: у автора былъ болѣе солидный матеріалъ, которымъ онъ и воспользовался. Но и тутъ дѣло не обошлось безъ промаховъ. Такъ на стр. 230, говоря о дѣятельности св. Савы, авторъ приписываетъ ему Типикъ (уставъ) Хиландарскаго монастыря. При этомъ онъ удивляется, что въ этомъ памятникѣ попадаются назалы, чего въ другихъ произведеніяхъ св. Савы нѣтъ. «Po svoj je prilici,—разрѣшаетъ онъ свое недоумѣніе,—to od kakova prepisivača». Если бы авторъ книги потрудился прочесть работу проф. Кіевск. Дух. Акад. А. Дмитріевскаго «Описаніе литургическихъ рукописей. Т. I. Τυπικά», то онъ нашелъ бы тамъ вѣско обоснованное мнѣніе, что Хиландарскій типикъ не представляетъ оригинальной работы, а есть точный переводъ греческаго типика Евергетидскаго монастыря. Другой ученый, на работу котораго г. Шурминъ дѣлаетъ ссылку (Еп. Дмитрій: Споменик XXXI), предполагаетъ въ свою очередь, что св. Сава не самъ переводилъ Типикъ, а дѣлалъ это одинъ изъ его учениковъ. Предположеніе свое онъ основываетъ на несходствѣ въ характерѣ письма оригинала Хиландарскаго типика съ Карейскимъ, писаннымъ св. Савой. Въ такую же ошибку впадаетъ г. Шурминъ и при опредѣленіи состава извѣстнаго «законника царя Душана» (стр. 241). Онъ не указываетъ капитальнаго труда по этому вопросу — Т. Д. Флоринскаго: «Памятники законодательной дѣятельности Душана». Послѣдней работой г. Новаковича (Законик цара Душана, 1898), многимъ отличающейся отъ первой (1870 г.), онъ тоже не пользуется. Правда, все это мелочи, но такихъ мелочей очень много.

Итакъ книга г. Шурмина представляетъ не результатъ тщательнаго изученія памятниковъ старой и новой сербской литературы,

а плохую компиляцію часто плохихъ историко-литературныхъ статей о сербскихъ писателяхъ. Даже при внимательномъ чтеніи не замѣтно, знакомъ ли самъ авторъ съ оригинальными произведеніями сербской литературы (особенно новѣйшей) или же поетъ съ чужого голоса.

У сербовъ до сихъ поръ не было настоящей исторіи литературы. Но и книга г. Шурмина не восполняетъ этого пробѣла. Не понятно въ сущности, для кого она написана. Серьезно интересующійся югославянской литературой къ ней врядъ-ли обратится: онъ не найдетъ въ ней ни имѣющихъ непреложное значеніе выводовъ, ни даже полной библіографіи. Обыкновенный же читатель не вынесетъ даже болѣе или менѣе яснаго представленія о томъ, что̀ такое сербская литература, какія въ ней господствовали и господствуютъ направленія и теченія... Долженъ сознаться, что мнѣ, при извѣстномъ интересѣ къ южнымъ славянамъ, съ большимъ трудомъ удалось одолѣть скучно, конспективно и не достаточно ясно изложенную книгу г. Шурмина.

В. Кораблевъ.

Памятники языка и письма и Древности южныхъ и западныхъ Славянъ на XI Археологическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ.

(Обзоръ рефератовъ, читанныхъ въ засѣданіяхъ VI (Памятники языка и письма) и VIII (Древности южныхъ и западныхъ Славянъ) Отдѣленій Съѣзда) [1]).

---

1) *В. Н. Щепкинъ. Діалектическое дѣленіе языковъ старославянскаго и болгарскаго.*

Въ старославянскомъ языкѣ референтъ устанавливаетъ три діалектическія группы. Къ первой группѣ принадлежатъ всѣ крупные глаголическіе памятники XI-го вѣка, въ которыхъ «ъ» переходитъ въ «о» и «ь» переходитъ въ «е» при тѣхъ же фонетическихъ условіяхъ, какъ въ русскомъ языкѣ (ъ/ь = о/е). Вторую

1) При дальнѣйшемъ обозрѣніи докладовъ я буду держаться того порядка, въ какомъ они предлагались на Съѣздѣ.

діалектическую группу составляютъ — первая часть Супрасльской рукописи, Евангельскіе листки Ундольскаго, Хиландарскіе листки и отрывки Охридскаго Евангелія: здѣсь только «ь» переходитъ въ «е» при тѣхъ же условіяхъ (ъ/ь = ъ/о). Въ третьей группѣ, куда входитъ вторая часть Супрасльской рукоп., старославянскій оригиналъ Остромирова Евангелія, Саввина книга, Новгородскіе евангельскіе листки, отрывки Слуцкой Псалтыри и Македонскій листокъ, — ни переходъ «ъ» въ «о», ни переходъ «ь» въ «е» вообще не наблюдается (ъ/ь = ъ/ь), только въ говорѣ Саввиной книги «ъ» переходитъ въ «о» и «ь» въ «е» въ ударяемомъ концѣ односложнаго слова. Отличительная особенность первой группы старославянскихъ памятниковъ повторяется въ юго-западномъ нарѣчіи современнаго болгарскаго языка, вторая группа сходится съ восточно-болгарскимъ нарѣчіемъ, третья же группа не находитъ себѣ соотвѣтствія среди живыхъ болгарскихъ говоровъ—и ее, кажется, можно считать той архаической группой, изъ которой развились позднѣе какъ особенности первой, такъ и особенности второй [1]).

Проф. Цоневъ возразилъ референту, что въ болгарскихъ говорахъ существуетъ и третья группа—сѣверо-западная, занимающая средину между языками болгарскимъ и сербскимъ и соотвѣтствующая той третьей діалектической группѣ, какая указана докладчикомъ. По мнѣнію В. Н. Щепкина, сѣверо-западные болгарскіе говоры въ фонетическомъ отношеніи суть говоры сербскіе, хотя отсутствіе въ нихъ флективнаго склоненія и употребленіе члена являются особенностями болгарскими. Можно предположить, что эти сербо-болгарскіе говоры возникли на территоріи второго болгарскаго царства конца XII в., но преемственности между ними и указанной 3-й группой старославянскихъ говоровъ нельзя видѣть.

Проф. Милетичъ высказалъ мнѣніе, что въ XI—XII вв. являются уже два нарѣчія, въ которыхъ «ъ» и «ь» смѣшиваются, и это смѣшеніе («ъ» и «ь»=«ъ») есть не только сербская, но и обще-болгарская черта. Сѣверо-западное нарѣчіе есть наслѣдникъ архаическаго, причемъ «ъ» и «ь» предварительно совпали. Сѣверо-западное нарѣчіе древнѣе двухъ остальныхъ.

В. Н. Щепкинъ указалъ, что заключеніе г. Милетича объ эпохѣ Кирилло-Меѳодіевской гадательны, а замѣна «ъ=о» существовала

1) Ср. В. Н. Щепкинъ. Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги (Спб. 1899), стр. V и сл., 107 и сл.

въ живомъ языкѣ уже древнѣйшей эпохи, какъ это можно видѣть изъ Остромирова Евангелія и Саввиной книги.

Наконецъ, Н. В. Волковъ замѣтилъ, что при діалектическихъ изслѣдованіяхъ надо принимать въ соображеніе хронологію памятниковъ и количество копій, проходя черезъ которыя оригиналъ могъ подвергаться значительнымъ измѣненіямъ. Важнѣйшимъ источникомъ для опредѣленія фонетическаго состава старославянскаго языка являются нотныя книги, которыя всегда сохраняютъ древнее письмо. Во всѣхъ древнѣйшихъ нотныхъ книгахъ сохраняются «ъ» и «ь» безъ замѣны ихъ посредствомъ «о» и «е». Изъ этого можно заключать объ единствѣ древняго языка, а возникновеніе двухъ діалектическихъ группъ приходится признать позднѣйшимъ.

II) *А. С. Раевскій. О Часословѣ библіотеки Ярославскаго архіерейскаго дома XIII в., съ молитвами Θеодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго и славяно-католическими.*

Эту рукопись [1]) слѣдуетъ признать сводомъ, составленнымъ изъ Часослова по Студійскому уставу, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ котораго были размѣщены молитвы, сочиненныя Печерскими иноками (изъ русскихъ святыхъ во всей рукописи упоминается лишь прп. Антоній и Θеодосій, Борисъ и Глѣбъ), Кирилломъ Туровскимъ (въ рукахъ составителя былъ отдѣльный сборникъ его молитвъ) и взятыя изъ славяно-католическаго бревіарія, быть можетъ, монаховъ Сазавскаго монастыря. Въ Ярославль (или Ростовъ) рукопись могла быть прислана изъ Кіева, въ руководство тамошнимъ монастырямъ, такъ какъ палеографическія особенности ея не сходятся съ особенностями рукописей, завѣдомо писанныхъ въ Ростовско-Суздальской области. Между прочимъ, въ данномъ Часословѣ читаются необычные 7—8 и 10—12 часы [2]).

III) *П. М. Каманинъ. Главные моменты въ исторіи развитія южно-русскаго письма въ XV—XVIII вв.*

Въ исторіи развитія южно-русскаго почерка референтъ различаетъ четыре періода: *первый*, начинаясь отъ начала уставной

1) Она не что иное, какъ «Чиновникъ разныхъ церковн. чиновъ», отмѣченный Срезневскимъ во 2-мъ изданіи «Памятниковъ древн. русск. письма и языка» подъ датой «до 1200 г.».

2) По словамъ Б. А. Тураева, подобные часы имѣются въ одномъ видѣнномъ имъ эѳіопскомъ Часословѣ.

скорописи во второй половинѣ XV в., продолжается до половины XVI, когда наступаетъ польско-нѣмецкое вліяніе; *второй* періодъ — отъ половины XVI в. до начала XVII, когда замѣчается вліяніе южно-русскихъ школъ при церковныхъ, реформированныхъ тогда братствахъ; *третій* періодъ обнимаетъ собой время вліянія южнорусскихъ школъ, продолжавшагося на правомъ берегу Днѣпра до второй половины XVII в., а на лѣвомъ — до половины XVIII в., когда на правомъ берегу окончательно устанавливается одно польское вліяніе, а на лѣвомъ — сѣверно-русское; наконецъ, *четвертый* періодъ начинается на лѣвомъ берегу Днѣпра съ половины, а на правомъ — съ конца XVIII в., когда юго-западный край подчиняется сѣверно-русской культурѣ, а на лѣвомъ берегу исчезаютъ послѣднія черты вліянія южно-русскихъ школъ.

Съ потерей своей культурной самостоятельности, Южная Русь теряетъ и свойственный ей характеръ письма, позднѣйшія измѣненія котораго даютъ возможность наблюдать происходившія перемѣны въ культурной и политической жизни народа [1]).

М. В. Довнаръ-Запольскій возразилъ референту, что тотъ вводитъ слишкомъ дробное дѣленіе письма по школамъ, допуская въ предѣлахъ одной области нѣсколько школъ (на Волыни — Луцкую, Кременецкую и др.) и не отличая строго канцелярскаго письма отъ церковнаго.

Ѳ. П. Истоминъ замѣтилъ, что разница между Владимирскими и Луцкими почерками, указанная референтомъ, несомнѣнно существуетъ и должна объясниться именно вліяніемъ школы, а не какъ результатъ индивидуальной особенности писца.

На возможность рѣзкой особенности мѣстной школы указалъ и проф. А. И. Маркевичъ, приведя въ примѣръ письмо Ахтырскаго полка.

IV) *А. И. Соболевскій. Древнія церковно-славянскія стихотворенія и ихъ значеніе для исторіи языка.*

Изложивъ теорію одного изъ видовъ византійскаго стиха (шестистопнаго ямба) и указавъ, между прочимъ, что у византійцевъ послѣднее слово каждаго стиха обязательно было съ удареніемъ на второмъ отъ конца слогѣ, — референтъ перешелъ къ древнимъ

1) Ср. Палеографическій Изборникъ. Матеріалы по исторіи южно-русск. письма въ XV—XVIII вв., изданные Кіевской Коммиссіей для разбора древн. актовъ. Вып. I (К. 1899), 1—19.

церковно-славянскимъ стихотвореніямъ IX—X вв., дошедшимъ въ древнѣйшихъ спискахъ (до XIV в. включительно): это — азбучная молитва Константина Болгарскаго, его же Проглась св. Евангелія, похвала царю Симеону въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г. и азбучная молитва въ одномъ молитвенникѣ XIII в. [1]). Отмѣченныя стихотворенія даютъ намъ болѣе 100 разнообразныхъ словъ съ церковно-славянскимъ удареніемъ IX—X вв., что̀ очень ва́жно, такъ какъ славянскихъ рукописей съ разставленнымъ удареніемъ раньше XIV в. не встрѣчается.

Проф. Шишмановъ заявилъ, что послѣ прослушаннаго доклада ему приходится отказаться отъ мысли искать въ древне-славянскомъ стихѣ первообраза южно-славянскаго народнаго стиха. Если древне-славянскій книжный стихъ былъ рабскимъ подражаніемъ византійскому, то для поисковъ за родоначальникомъ народнаго южно-славянскаго стиха придется обратиться на Западъ.

V) *Н. П. Дашкевичъ. Нѣсколько соображеній о былевомъ Ильѣ Муромцѣ на основаніи нѣкоторыхъ кіевскихъ данныхъ (XVI—XVII вв.).*

Нѣтъ-ли чего-нибудь историческаго въ образѣ былевого Ильи? Старыя кіевскія преданія обращаютъ неизбѣжно къ этому вопросу. Преданіе, сообщенное Кальнофойскимъ, о томъ, что Илья жилъ въ концѣ XII в., можетъ быть принято за исходный пунктъ разысканія, и, отправляясь отъ него, слѣдуетъ остановиться на извѣстіи Лаврентьевской лѣтописи, подъ 1164 г., о Суздальскомъ «слѣ» въ Константинополѣ. Илья этого извѣстія могъ быть первообразомъ былевого Ильи: въ пользу этого говорятъ и разсмотрѣніе упоминаній объ «Иліасѣ Русскомъ» въ германской сагѣ, и нѣкоторыя подробности русскихъ былинъ. Сопоставленіе же подвиговъ Ильи въ Черниговo-Сѣверской землѣ съ древнею формою его имени «Моровяниnъ» и другими сродными этой формѣ прозвищами Ильи позволяетъ выдвинуть предположеніе, что былевой Илья былъ родомъ изъ города Моровійска. Происходя оттуда, Илья XII-го вѣка могъ служить сѣвернымъ князьямъ и окончить дни въ Кіевѣ. Былевой Илья и святой, почивающій въ кіевскихъ пещерахъ, одно и то же лицо. Раздѣлять ихъ нѣтъ основанія.

По поводу этого доклада проф. Н. И. Петровъ указалъ, что мѣстности, къ которымъ пріурочиваются подвиги Ильи, находятъ

1) Рукоп. библіот. Ярославск. архіер. дома, о которой говорилъ г. Раевскій.

себѣ соотвѣтствіе въ нѣкоторыхъ названіяхъ Орловской губ.: Карачевъ-Карачарово, урочища «Девять Дубовъ», «Соловьиный перевозъ», гдѣ, дѣйствительно, сохранились преданія объ Ильѣ.

Референтъ замѣтилъ, что свѣдѣнія о мѣстахъ, указанныхъ г. Петровымъ, и о преданіяхъ объ Ильѣ напечатаны въ Трудахъ Орловской архивной коммиссіи, 1889 г., № 2.

А. И. Соболевскій, указавъ на упоминаніе объ Ильѣ Муромцѣ въ «Поморскихъ Отвѣтахъ», выразилъ сомнѣніе въ соотвѣтствіи именъ «Илья» и «Ilias», и отмѣтилъ возможность народной этимологіи въ эпитетѣ «Муровлянинъ».

Проф. Н. Ѳ. Сумцовъ указалъ на возможность пріуроченія имени Муромецъ къ «Муравскому шляху».

VI) *Д. И. Абрамовичъ. Кіевопечерскій Патерикъ, какъ источникъ для изученія литературной дѣятельности пр. Нестора Лѣтописца.*

Въ общемъ составѣ Печерскаго Патерика литературные труды Нестора издавна занимаютъ очень видное и почетное мѣсто: сюда входитъ его Житіе пр. Ѳеодосія Печерскаго и рядъ лѣтописныхъ статей, касающихся исторіи Печерской обители во вторую половину XI столѣтія,—общихъ Патерику съ Повѣстью временныхъ лѣтъ.

Что особенно важно—болѣе или менѣе внимательное отношеніе къ различнымъ редакціямъ (Арсеніевской, Кассіановской первой и второй, ред. Іосифа Тризны, Сильвестра Коссова и Славянскимъ печатнымъ) Патерика даетъ возможность прослѣдить литературную исторію произведеній Нестора, пользовавшихся значительной популярностью въ нашей древней письменности.

Въ текстѣ Житія референтъ отмѣтилъ цѣлый рядъ такихъ или иныхъ измѣненій позднѣйшаго происхожденія, изъ которыхъ многія (напр., названіе пр. Ѳеодосія архимандритомъ всея Россіи, сопоставленіе его съ Ѳеодосіемъ Іерусалимскимъ и сцена прощанія съ великимъ княземъ Святославомъ) носятъ, можно думать, тенденціозный характеръ и стоятъ въ связи съ общей исторіей Печерской обители во второй половинѣ XII в, когда эта обитель была возведена на степень архимандріи, а ея настоятель получилъ санъ архимандрита. Не мало интереса представляетъ Патерикъ, разсматриваемый въ разныхъ его изводахъ, и для изученія давняго вопроса о такъ называемой Несторовой лѣтописи [1]). Этотъ вопросъ

1) Достаточно припомнить, что именно въ Печ. Патерикѣ находится классическое, въ своемъ родѣ единственное доказательство въ пользу авторства Нестора по отношенію къ лѣтописи.

долженъ быть отдѣленъ отъ вопроса о Повѣсти временныхъ лѣтъ: Несторова лѣтопись—одна изъ составныхъ частей Повѣсти.

На основаніи тѣхъ историко-литературныхъ данныхъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, можно думать, что въ составъ предполагаемой Несторовой лѣтописи входили: Сказаніе чего ради прозвася Печерскый монастырь, Слово о первыхъ подвижникахъ Печерскихъ (о Дамьянѣ, Іереміи, Матоеѣ и Исаакіи) [1], Слово объ обрѣтеніи и перенесеніи мощей пр. Ѳеодосія и нѣсколько мелкихъ лѣтописныхъ замѣтокъ...

При изученіи Несторовой лѣтописи въ Печерскомъ Патерикѣ особенную важность представляютъ Кассіановскія редакціи 1460 и 1462 г. Что же касается позднѣйшихъ, то онѣ, имѣя въ основѣ текстъ Кассіановской II-ой редакціи, ничего новаго не даютъ для уясненія литературной исторіи нашей лѣтописи.

Слѣдуетъ развѣ замѣтить, что у Сильвестра Коссова, Іосифа Тризны (?) и Калистрата Холошевскаго (ср. рукоп. Кіевск. дух. Акад. № 93) весь Патерикъ приписывается Нестору; но это, конечно, простое недоразумѣніе, съ которымъ можно и не считаться.

VII) *П. В. Волковъ. О древнѣйшихъ церковно-славянскихъ нотныхъ книгахъ.*

Церковнославянскія нотныя книги сохранились только въ русскихъ спискахъ и въ одной Россіи, но по переводу и языку онѣ древне-болгарскаго происхожденія. До насъ дошло около 50 нотныхъ списковъ XI—XIV вв. (стихирари, кондакари, ирмологи, тріоди, трефолои, минеи). Южно-славянскихъ нотныхъ списковъ не сохранилось, но, какъ показываетъ сравненіе русскихъ нотныхъ списковъ съ южно-славянскими ненотными, переводъ и языкъ въ тѣхъ и другихъ были одни и тѣ же. Между русскими списками есть, впрочемъ, одинъ—XIII в., представляющій собою копію съ болгарскаго нотнаго списка конца XII или начала XIII в.

Самое важное значеніе нотныя книги имѣютъ для изученія древняго языка, такъ какъ характеръ нотнаго обозначенія помогъ

1) На взглядъ референта, противорѣчіе между Житіемъ и Словомъ, отмѣченное акад. А. А. Шахматовымъ (ср. Отзывъ о сочин. Е. Щепкина: «Zur Nestorfrage». Спб. 1898 г., III), не такъ значительно, чтобы поколебать краснорѣчивое свидѣтельство Патерика: «бл҃жныи Нестеръ в лѣтописцѣ написа ѡ блаженныхъ Ѿцѣхъ, ѡ Дамьяни, Іеремѣи, и Матфеѣ, и Исакіи» (стр. CXXXV по изд. Яковлева).

ему удержать въ замѣчательной неприкосновенности нѣкоторыя древнѣйшія черты. Въ особенной цѣльности является въ нотныхъ книгахъ система глухихъ гласныхъ «ъ» и «ь», которыя уцѣлѣли въ нотныхъ книгахъ, какъ ни въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ церковнославянскаго языка. Далѣе, нотныя книги даютъ богатый матеріалъ для рѣшенія вопроса о распространенности формъ съ колеблющимся количествомъ слоговъ и о тѣхъ случаяхъ, гдѣ могло быть стяженіе, а иногда и для опредѣленія характера звука— въ кондакарной системѣ.

Содержа въ себѣ очень цѣнныя данныя для выясненія нѣкоторыхъ сторонъ древняго болгарскаго языка, нотные тексты даютъ возможность отыскать первую редакцію перевода церковныхъ пѣснопѣній съ греческаго языка на славянскій, совершеннаго въ Кирилло-Меѳодіевскую эпоху.

Г. Раевскій, между прочимъ, обратилъ вниманіе референта на возможность пополнить списокъ древнѣйшихъ нотныхъ книгъ разборкой рукописей, присланныхъ въ послѣдніе годы въ Московское Синодальное училище церковнаго пѣнія.

VIII) *П. В. Владимировъ. О взаимной связи апокрифической иконографіи, древней русской литературы и народной словесности.*

Исходнымъ пунктомъ доклада была бронзовая иконка Рождества Христова, найденная въ Десятинной Церкви. Подобныя иконки не рѣдкость: Богоматерь изображается лежащею, Спаситель — въ ясляхъ, тутъ же два животныхъ.

Неканоническимъ элементомъ является Соломія изъ протоевангелія Іакова и псевдо-Матѳея. Въ Святцы Соломія не вошла, но пользовалась уваженіемъ: на подобной иконѣ Псковскаго единовѣрческаго монастыря она имѣетъ нимбъ. Бабушка Соломонида упоминается въ молитвѣ противъ дурного глаза, а также 26 декабря, когда угощаютъ повитухъ. Въ духовныхъ стихахъ ея нѣтъ но есть «милостивая» и «аллилуевая» жена. Волъ и оселъ воодушевлены сознаніемъ и любовью къ Младенцу; они согрѣваютъ его своимъ дыханіемъ. Южноруссы ввели въ обряды больше религіознаго и христіанскаго элемента, чѣмъ великоруссы, что замѣтно въ обрядахъ, напр., при родинахъ. Заговоры здѣсь также упоминаютъ о Соломонидѣ-бабушкѣ. Связь заговоровъ и вообще апокрифическихъ изображеній съ иконами можно прослѣдить и на змѣеви-

кахъ (мнѣніе М. И. Соколова), иконахъ св. Никиты и «Снѣ Богородицы на престолѣ», сложившемся подъ вліяніемъ запрестольныхъ богородичныхъ образовъ. Духовный стихъ о Голубиной книгѣ указываетъ на значеніе Богородицы въ рожденіи человѣка. Явилось смѣшеніе языческаго представленія о Судьбѣ съ почитаніемъ Богоматери.

Наконецъ, иконы Рождества Христова указываютъ на связь ихъ съ древними Словами, направленными противъ почитанія Роженицъ, которыхъ сливали съ Богоматерью.

IX) *М. Н. Сперанскій. Славяно-русскіе переводы Пчелы.*

Указавъ на состояніе вопроса объ исторіи переводныхъ Пчелъ въ славяно-русской письменности и охарактеризовавъ изданіе Пчелы, сдѣланное В. А. Семеновымъ, референтъ пришелъ къ выводу о необходимости изучать данный памятникъ по греческимъ и славянскимъ рукописямъ. Результаты такого изученія слѣдующіе. Греческіе тексты распадаются на три группы: старшую; среднюю, представляющую распространеніе старшей путемъ введенія въ составъ памятника нѣкоторыхъ новыхъ источниковъ (Плутарха, Діона Хрисостома и п. Фотія), и позднѣйшую — извлеченіе изъ второй группы. Къ одной изъ разновидностей этой послѣдней группы, представляемой Парижской рукоп. № 1169 и Флорентійской (Laur. V), относится оригиналъ русской Пчелы. Этотъ переводъ сдѣланъ прямо на русскій языкъ въ XIII—XIV ст. Второй переводъ—болгарскій, извѣстный въ рукописи Парижской Національной библіот. (№ 26) и рукоп. мон. Круждала (Срѣма), восходитъ къ одной изъ версій старшей греческой редакціи, ничего общаго съ русскимъ переводомъ не имѣетъ и относится къ XIV в. Наконецъ, третій переводъ Пчелы — юго-западно-русскій, сдѣланъ въ Дерманскомъ монастырѣ, въ 1559 г., съ печатнаго изданія Геснера (1516 г.) и стоитъ въ связи съ Острожскимъ изданіемъ Библіи.

X) *П. А. Лавровъ. Славянскій переводъ Зонары и его отношеніе къ передѣлкѣ хиландарскаго инока Григорія.*

Докладчикъ остановился на разсмотрѣніи списка полнаго перевода Зонары въ рукописи Ундольскаго, сравнительно съ спискомъ Бѣлградскимъ (извлеченіе проф. Каченовскаго) и Вѣнскимъ (выписки проф. Сперанскаго). Обыкновенно переводъ считаютъ серб-

скимъ, но во всѣхъ трехъ спискахъ много болгаризмовъ, какъ въ фонетикѣ, такъ и въ морфологіи; окончательное рѣшеніе вопроса о языкѣ можетъ быть сдѣлано послѣ изученія всѣхъ дошедшихъ списковъ, тогда же рѣшится вопросъ, есть ли эти болгаризмы — признакъ болгарскаго перевода или внесены они переписчиками — болгарами въ сербскій переводъ. Референтъ отмѣтилъ, что переводъ сдѣланъ свободно и что стиль его — народный (повтореніе предлоговъ, какъ въ языкѣ грамотъ и народныхъ пѣсенъ; глаголъ и дополненіе выражаются словомъ одного корня; имена географическія — въ славянской формѣ — изъ живого употребленія, напр. Одринъ — Адріанополь, даже греческія названія: Неаполь — Новый градъ; имена званій, должностей — таковы же, какъ и въ грамотахъ). Лексическій запасъ перевода изобилуетъ грецизмами и рѣдкими словами, не встрѣчающимися у Миклошича и Срезневскаго: попадаются даже слова восточнаго происхожденія (фармусъ, кутія).

Переходя къ опредѣленію взаимнаго отношенія полнаго перевода и краткаго извлеченія Григорія, проф. Лавровъ предположилъ, что найденная имъ въ 1894 г. на Аѳонѣ Зографская рукопись — полный списокъ, а Паралипоменонъ, изд. Бодянскимъ, — тотъ-же трудъ, не вполнѣ сохранившійся, и что сличеніе ихъ приводитъ къ выводу о полной зависимости передѣлки Григорія именно отъ этого перевода. (И въ полномъ переводѣ, и въ передѣлкѣ — одни и тѣ же пропуски изъ греческаго текста, одни и тѣ же прибавленія и искаженія). Трудъ Григорія выразился въ сокращеніи и въ стремленіи къ большей близости къ греческому оригиналу (что̀ зависитъ отъ принадлежности Григорія, судя по его предисловію, къ писателямъ изъ школы послѣдователей патр. Евѳимія). Если Бѣлградскій списокъ (напечатанный Качановскимъ), дѣйствительно, не имѣетъ удареній, то, можетъ быть, Григорію принадлежитъ установленіе правописаніе евѳиміевской школы, какъ въ спискахъ Ундольскаго, Вѣнскомъ и въ полномъ переводѣ Зонары. Въ этомъ и въ устраненіи народныхъ чертъ Григорій могъ видѣть свою задачу, какъ исправителя труда «грубыхъ поселянъ». Дальнѣйшій трудъ изслѣдователя долженъ состоять въ томъ, чтобы опредѣлить, насколько замѣтно въ передѣлкѣ Григорія вліяніе списка Библіи, которымъ онъ пользовался, и Георгія Амартола; но это возможно только по изученіи Зографскаго списка. Въ заключеніе доклада было высказано пожеланіе, чтобы представляющіе большой интересъ славянскіе переводы византійскихъ лѣтописцевъ — Амартола, Малалы, Зонары, Манассіи, — изданіе которыхъ

замышляли Бодянскій, Прейсъ, Куникъ, были возможно скорѣе напечатаны [1]).

---

1) *А. И. Соболевскій. Церковно-славянскіе тексты моравскаго происхожденія.*

Исходя изъ того положенія, что у обращенныхъ въ христіанство нѣмцами моравапъ, задолго до прибытія къ нимъ Кирилла и Меѳодія, должна была быть особая христіанская терминологія латино-нѣмецкаго происхожденія, отличная отъ той христіанской терминологіи греческаго происхожденія, которая была принесена Первоучителями, и что эта латино-нѣмецкая терминологія, вмѣстѣ съ данными моравскаго нарѣчія, должна отражаться всего замѣтнѣе у переводившихъ въ Моравіи съ латинскаго языка, — исходя изъ такого предположенія, референтъ рѣшилъ искать тексты моравскаго происхожденія между древними церковно-славянскими переводами съ латинскаго. Такихъ текстовъ было указано четыре: 1) Бесѣды на Евангеліе — папы Григорія Великаго; 2) Кіевскіе глаголическіе отрывки; 3) Житіе св. Бенедикта и 4) Никодимово Евангеліе.

Словарь ихъ значительно отличается отъ словаря какъ кирилло-меѳодіевскихъ переводовъ, такъ и церковно-славянскихъ текстовъ несомнѣнно болгарскаго происхожденія; наиболѣе типичными словами являются: *законникъ* — священникъ, *рѣчь* — дѣло, *рачити* — удостоить, *пълкъ* — народъ.

То обстоятельство, что словарныя особенности этихъ текстовъ всего легче объясняются при помощи данныхъ западно-славянскихъ языковъ (напр. *дачсо* aliquid = чешск. jedaco; *тольвека* tantum, ср. чешск. kolvěk; *поневаже*=чешск. poněvadž), указываетъ на моравское ихъ происхожденіе.

Изъ текстовъ, переведенныхъ съ греческаго, пока неизвѣстно ни одного, въ которомъ бы словарный матеріалъ былъ близокъ къ матеріалу переводовъ съ латинскаго, хотя нѣсколько текстовъ, по своеобразности лексическихъ данныхъ и по другимъ основаніямъ, могутъ быть считаемы за переведенные въ Моравіи. Изъ оригинальныхъ произведеній, по даннымъ словаря, можно считать написанными въ Моравіи древнія житія Кирилла и Меѳодія.

В. И. Ламанскій замѣтилъ референту, что въ эпоху перевода

---

1) *Шестая секція* Съѣзда имѣла четыре засѣданія, въ которыхъ было прочитано *десять рефератовъ*, а *восьмая* — два засѣданія — съ *шестью докладами*.

указанныхъ текстовъ могла быть рѣчь скорѣе о Паннонiи, чѣмъ о Моравiи; кромѣ того, приводимые референтомъ латинизмы не могутъ быть относимы къ одной группѣ нѣмецкаго происхожденiя: среди нихъ могли попадаться и перешедшiе изъ Албанiи. Проф. Поливка указалъ на то, что переходъ латинскихъ «s» и «z» въ «ш» и «ж» нельзя считать исключительно чехо-моравскимъ явленiемъ: его можно встрѣтить и въ языкѣ юго-западныхъ славянъ.

2) *Л. Нидерле. О времени переселенія славянъ съ сѣвера горъ Карпатскихъ въ Венгрію.*

Родину славянъ референтъ помѣщаетъ къ сѣверу отъ Карпатъ по теченiю Вислы. Отсюда славяне стали распространяться на западъ и на югъ черезъ Карпаты. Въ области нынѣшней сѣверной Венгрiи они появились въ болѣе отдаленную эпоху, чѣмъ VI вѣкъ, засвидѣтельствованный Птоломеемъ. Въ доказательство своей гипотезы проф. Нидерле приводитъ данныя двоякаго рода: историческiя и археологическiя.

Изъ историческихъ доводовъ наиболѣе убѣдительны, по мнѣнiю референта, тѣ, которые основаны на топографической номенклатурѣ, хотя референтъ не отрицаетъ, что рядомъ съ славянами жили другiе народы не-славянскаго происхожденiя и что большинство мѣстныхъ названiй взято изъ языка этихъ послѣднихъ.

Не лишено также важнаго значенiя и существованiе сплошного славянскаго населенiя въ области первоначальной родины славянъ, населенiя, которое образовало два большихъ государства, польское и русское, чтò едва-ли было бы возможно, если-бы славяне переселились оттуда на Балканскiй полуостровъ въ болѣе позднюю эпоху.

Что касается доказательствъ археологическихъ, то докладчикъ придаетъ наибольшее значенiе тожеству могильниковъ сѣверной Венгрiи, видѣнныхъ имъ въ музеѣ Турчанскаго св. Мартина, съ могильниками лужицко-силезскаго типа, распространеннаго почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Совокупность историческихъ и археологическихъ данныхъ, взаимно другъ друга подтверждающихъ, приводитъ проф. Нидерле къ такого рода выводу: славяне изъ своей закарпатской родины не стали распространяться на югъ черезъ Карпаты только послѣ Рождества Христова, они не проникли къ среднему Дунаю, только послѣ ухода германскихъ племенъ, какъ думаютъ до сихъ поръ многiе историки, но пришли сюда гораздо раньше, по всей вѣроятности, въ эпоху до Рождества Христова.

По замѣчанiю А. Л. Погодина, референтъ напрасно пренебрегъ

лингвистическими данными, которыя ясно показываютъ, что при сношеніяхъ народовъ—въ ихъ языкахъ появляются заимствованныя слова. Славяне перешли черезъ Карпаты поздно, когда Ѳракійцы потеряли уже свою національность. Насколько намъ извѣстенъ ѳракійскій словарь,— въ славянскомъ языкѣ заимствованій изъ него нѣтъ. Славяне распространились на сѣверъ и на югъ, на западѣ сидѣли германские народы, а на востокѣ—финские и литовскіе, которые не позволяли имъ распространяться въ эту сторону...

3) *К. Кадлецъ. О необходимости изданія въ Россіи извѣстій о славянахъ у византійскихъ писателей.*

Указавъ на неудовлетворительность, какъ по расположенію матеріала, такъ и по недостаточной точности передачи,— существующихъ изданій византійскихъ источниковъ, референтъ выразилъ желаніе, чтобы изданіемъ византійскихъ памятниковъ и переводомъ ихъ на русскій языкъ завѣдовала Академія Наукъ.

По предложенію проф. Самоквасова, рѣшено было просить Совѣтъ Съѣзда ходатайствовать объ исполненіи проекта д-ра Кадлеца.

4) *Т. Д. Флоринскій. О происхожденіи и имени моравскихъ Валаховъ.*

Мнѣнія ученыхъ по данному вопросу можно свести къ двумъ группамъ: одни (братья Иречки, Д. И. Мартіану, Фр. Миклошичъ, Ф. Бартошъ, Пастрнекъ, Малиновскій, Бурада) видятъ въ моравскихъ валахахъ слѣды румынской крови и считаютъ ихъ въ большей или меньшей степени ославяненными румынами; другіе (проф. Пичъ, Шкультети, Ваулдвекъ), напротивъ, отрицаютъ ихъ этническое сродство съ румынами, считая ихъ исконнымъ чистымъ славянскимъ народомъ.

Непосредственныя наблюденія референта надъ моравскими валахами въ теченіе лѣта 1898 г. привели его къ заключенію, что народъ этотъ представляетъ исконное славянское племя, не имѣющее этнической связи съ румынами. Доказать это можно слѣдующими соображеніями: 1) Физическій видъ, особенности быта, преданія, пѣсни и самый языкъ моравскихъ валаховъ указываютъ на то, что они представляютъ типъ чистаго славянскаго народа, близко стоящаго, съ одной стороны,— къ прочимъ вѣтвямъ моравскаго племени, съ другой — къ угорскимъ словакамъ.

2) Черты языка и быта заставляютъ считать моравскихъ валаховъ выселенцами изъ области Угорскихъ словаковъ и прилегающихъ моравскихъ областей.

3) Не имѣется никакихъ историческихъ указаній или преданій о поселеніи румыновъ на территоріи моравскихъ валаховъ.

4) Присутствіе въ ихъ языкѣ нѣкотораго количества словъ румынскаго происхожденія не можетъ служить доказательствомъ распространенія румынскаго населенія въ предѣлахъ моравскихъ валаховъ, такъ какъ словъ этихъ немного, и они еще въ большемъ количествѣ встрѣчаются въ языкѣ сосѣднихъ славянскихъ племенъ—словаковъ, польскихъ горалей и пр.

5) Названіе «валахи» не можетъ указывать на ихъ румынское происхожденіе. Оно первоначально не имѣло значенія собственнаго имени народа, а лишь нарицательнаго его прозвища—сообразно съ занятіемъ.

До сихъ поръ еще у многихъ славянскихъ народовъ пастухи называются валахами (словацк. volach).

Единственная трудность въ этомъ вопросѣ состоитъ въ полногласіи формы «валахъ».

В. И. Ламанскій отмѣтилъ любопытное сходство въ бытѣ горцевъ сѣверной Италіи, Тироля и моравскихъ валаховъ. По мнѣнію Вл. Ив., «валахъ» не дифференцированная форма, а древняя (и въ другихъ славянскихъ языкахъ, кромѣ русскаго, возможны полногласныя формы, напр. въ сербскомъ). Въ Моравіи нѣтъ народовъ этнографически чистыхъ, самое слово Моравія — кельтскаго происхожденія. Проф. Филевичъ, въ дополненіе къ мнѣнію референта о славянскомъ происхожденіи моравскихъ валаховъ, указалъ на схему физическихъ признаковъ дѣтей школьнаго возраста Чехіи, Моравіи и Силезіи, гдѣ повсюду наблюдается одинъ обще-славянскій типъ и—на топографическую карту области моравскихъ валаховъ съ подробной номенклатурой и полнымъ отсутствіемъ дублетовъ въ названіи. Въ заключеніе г. Филевичъ высказалъ мысль о важности и необходимости изслѣдованія Прикарпатской области.

5) *В. Н. Златарскій. Гдѣ нужно искать первую болгарскую столицу?*

На основаніи нѣкоторыхъ историческихъ данныхъ, а главнымъ образомъ—археологическихъ раскопокъ, произведенныхъ въ 1897 г.,—референтъ склоненъ думать, что Преславъ сталъ болгарской столицей лишь со времени князя Бориса или же во всякомъ случаѣ не раньше крещенія болгаръ; резиденцію же первыхъ болгарскихъ князей (до кн. Бориса) проф. Златарскій видитъ въ четырехугольномъ валѣ, который находится въ 5 километрахъ разстоянія на сѣверо-западъ отъ города Новый Базаръ (Шуменскій

округъ) при селѣ Абоба. Фактъ перенесенія столицы, несомнѣнно, находится въ тѣсной связи съ перемѣной религіи, на что ясно указываетъ событіе, послѣдовавшее въ Болгаріи тотчасъ послѣ крещенія — возстаніе боляръ. Князь Борисъ, быть можетъ, принужденъ былъ перенести свою столицу изъ стараго Αὐλή на мѣсто позднѣйшаго Преслава для того, чтобы уничтожить всякія воспоминанія о старой религіи и этимъ успокоить государство.

Въ заключеніе референтъ замѣтилъ, что вопросъ этотъ онъ не считаетъ еще окончательно рѣшеннымъ, только систематическія раскопки могутъ подтвердить справедливость его предположенія.

6) *В. И. Ламанскій. Аланы — Ясы въ Молдавіи и Венгріи* [1]).

Ясы—это русская форма слова Асы, имени Аланъ. Въ нынѣшней Южной Россіи, гораздо ранѣе VI в. до Р. Хр., жили и господствовали скиѳы, смѣненные во II вѣкѣ соплеменными имъ сарматами, слившимися съ ними и утвердившими свою династію. Въ II в. нашей эры господство сарматовъ падаетъ. При господствѣ готовъ, народности скиѳскія и сарматскія продолжаютъ жить въ южныхъ нашихъ степяхъ, хотя и утрачиваютъ прежнюю силу и значеніе. Не исчезаютъ остатки скиѳовъ и сарматовъ и съ появленіемъ (въ IV в.) въ этихъ краяхъ тюрковъ — въ лицѣ гунновъ, болгаръ, аваръ, хозаръ, печенѣговъ, половцевъ. Всѣ они мало-по-малу слились въ одну народность—Аланскую, которая уцѣлѣла и по выдѣленіи изъ нея нѣкоторыхъ массъ, удалившихся далеко на западъ съ готами (въ Галлію, Испанію), съ гуннами Аттилы и съ аварами. Во всякомъ случаѣ, въ XI—XIV в., въ Половецкое господство и при покореніи прежнихъ Половецкихъ степей татарами, исторія находитъ алановъ, асовъ или по-русски ясовъ,— въ южной Россіи и потомъ вмѣстѣ съ половцами въ Молдавіи и далѣе на западъ— въ Венгріи.

Дм. Абрамовичъ.

---

1) Рефератъ этотъ, отложенный за позднимъ временемъ до слѣдующаго засѣданія Отдѣленія, напечатанъ въ № 11-мъ «Извѣстій» Съѣзда, стр. 132—136.

Важнѣйшіе новые польскіе труды о Мицкевичѣ.

(Вл. Мицкевичъ, Калленбахъ, Хмѣлёвскій).

Еще при жизни Мицкевича († 1855 г.) началась критическая оцѣнка его произведеній и появлялись отдѣльные опыты опредѣлить мѣсто, занятое имъ въ польской литературѣ. Но эти раннія оцѣнки—Мохнацкаго [1]), Гощинскаго, Цыбульскаго [2])—или не могли надлежаще оцѣнить поэта, который находился въ полной силѣ расцвѣта своего творчества, или же были очень близкіе автора «Дзядовъ» и «Пана Тадеуша», и не могли поэтому избѣжать односторонности въ мнѣніяхъ и охватить общимъ спокойнымъ взглядомъ всю сумму заслугъ поэта. Послѣ смерти Мицкевича общество почувствовало всю тяжесть потери и принялось ревностно собирать мельчайшія подробности, дающія возможность объяснить жизнь и творчество поэта. Начинаютъ обнаруживать неизвѣстные факты изъ жизни поэта, замѣтки о рукописяхъ, воспоминанія, исправленія и т. п.

Первое десятилѣтіе послѣ смерти поэта характеризуется въ изслѣдованіяхъ и воспоминаніяхъ, ему посвященныхъ, преобладаніемъ біографическаго матеріала. Это вполнѣ понятно и весьма полезно. Общество прежде всего нуждалось въ собраніи подробностей превратной судьбы поэта; объяснять его поэзію казалось лишнимъ, когда, думали, весь народъ дышалъ этой поэзіей. Лучшимъ выразителемъ біографическаго направленія, въ тогдашнихъ изслѣдованіяхъ, былъ біографическій очеркъ К. Эстрейхера, напечатанный въ 1859 г. [3]). Этотъ важный трудъ послужилъ основаніемъ для дальнѣйшихъ разысканій и первымъ опытомъ біографическаго синтеза.

1) O literaturze polskiej w w. XIX. Warszawa 1830, 1840, 1863.
2) Odczyty o poezyi polskiej XIX w. Переводъ съ нѣмецкаго.
3) Adam Mickiewicz (Rozmaitości lwowskie, 1859).

Изслѣдованіе Эстрейхера на время удовлетворило потребности въ біографическомъ матеріалѣ, и анализа поэтическаго творчества поэта мы еще пока не встрѣчаемъ. Казалось, что никто еще не осмѣливается дотронуться остріемъ критики его наслѣдія. Въ 1861 г., однако, уже появляется критическое изслѣдованіе Клячки [1]) — по поводу писемъ Мицкевича, а въ 1863 разборъ основной идеи «Дзядовъ» проф. Цыбульскаго [2]), который еще раньше въ своихъ лекціяхъ пытался проникнуть въ потаенные уголки его поэтическаго таланта. Кромѣ этихъ изслѣдованій до 1871 г. не видно новыхъ серьезныхъ работъ, посвященныхъ Мицкевичу.

Въ этомъ году появляется важный трудъ Семенскаго, посвященный мистикѣ и религіозному элементу въ поэзіи Мицкевича [3]). Вскорѣ послѣ этого выходятъ отдѣльно письма Одынца и его воспоминанія [4]), которые заинтересовываютъ изслѣдователей и читателей массой матеріала. Они даютъ особенный толчекъ къ новой работѣ — повсюду появляются новыя изслѣдованія, посвященныя разнымъ вопросамъ, имѣющимъ какое нибудь отношеніе къ Мицкевичу или его произведеніямъ. Въ виду такихъ мелкихъ и повсюду разбросанныхъ работъ все болѣе и болѣе стала сознаваться потребность въ трудѣ, который собралъ бы разрозненный матеріалъ, соединяя его общей критической связью и психическимъ синтезомъ душевнаго развитія поэта.

Первой такой попыткой былъ трудъ проф. Третяка [5]), который далъ прекрасный портретъ Мицкевича въ виленско-ковенскую эпоху. Тутъ практически была рѣшена задача психологическаго анализа поэтическихъ произведеній на біографическомъ основаніи. Теперь оставалось расширить эту работу и дать полный образъ жизни поэта и развитія его таланта. — Но въ это же время образовывается во Львовѣ общество имени Мицкевича, по образцу нѣмецкаго Göthe-Verein, которое ставитъ своею задачею всестороннее изученіе поэта и его произведеній. Во главѣ общества стоялъ профессоръ Львовскаго университета Р. Пилятъ, который сумѣлъ скоро организовать и заинтересовать, какъ ученыхъ, такъ и разные слои польскаго об-

---

1) Korrespondencya Mickiewicza. Paryż. 1861.

2) Dziady Mickiewicza. Poznań. 1863.

3) Religijność i mistyka w życiu i poezyach Mickiewicza. Kraków. 1871.

4) Listy z podróży. Warszawa. 1875.

5) Mickiewicz w Wilnie i Kownie. 3 тома. Lwów. 1884. Авторъ свой трудъ переиздалъ въ новой обработкѣ: Młodość Mickiewicza (1798—1824). 2 тома. Спб. 1898.

щества. Уже въ слѣдующемъ году общество выпустило первый томъ своихъ записокъ (Pamiętnik Towarzystwa literackiego imienia Adama Mickiewicza).

Записки раздѣлены были на нѣсколько отдѣловъ: изслѣдованія, смѣсь (Miscelanea), матеріалы, критику и библіографію. Въ первомъ томѣ появились, между прочимъ, очень цѣнныя работы — Третяка объ идеѣ Валленрода и Спасовича — Мицкевичъ и Пушкинъ у памятника Петра Великаго. Отвѣтъ на эту статью появился въ нынѣшнемъ году и написанъ проф. Третякомъ (Miedziany jeździec Puszkina. Kraków. 1900). Во второмъ томѣ слѣдуетъ отмѣтить начало изслѣдованія Хмѣлёвскаго объ эстетическо-критическихъ взглядахъ Мицкевича и разборъ проф. Пилята Фариса Мицкевича. Въ третьемъ томѣ помѣщены продолженіе изслѣдованія Хмѣлёвскаго, изслѣдованіе проф. Тарновскаго о Księgach pielgrzymstwa, статья Брухнальскаго объ историческихъ источникахъ Валленрода и обширное изслѣдованіе Спасовича о Валленродѣ, въ которомъ г. Сп., не соглашаясь съ объясненіями Третяка, пытается дать свое объясненіе этого произведенія. Въ четвертомъ томѣ появляются изслѣдованія молодыхъ ученыхъ: Калленбаха объ импровизаціи Конрада въ 3-ей части Дзядовъ; Гордынскаго о Мицкевичѣ и Бродзинскомъ и Мазановскаго о вліяніи Шиллера на Мицкевича. Въ пятомъ томѣ, вышедшемъ въ 1891 г., интересны продолженіе статьи Хмѣлёвскаго—эстетическо-критическіе взгляды Мицкевича, и статья Нерпнга о парижскихъ лекціяхъ Мицкевича. До этого года записки выходили аккуратно ежегодно, но послѣ пятаго тома послѣдовалъ долгій перерывъ, и только въ 1898 г. къ юбилею Мицкевича общество выпустило шестой томъ. Въ немъ помѣщены окончаніе изслѣдованія Хмѣлёвскаго объ эстетическо-критическихъ взглядахъ Мицкевича, статья Третяка о чести, воздаваемой Мицкевичемъ Пресвятой Дѣвѣ, Нерпнга объ общественныхъ идеалахъ Мицкевича, Тарновскаго «Еще о Валленродѣ». Важный отдѣлъ въ запискахъ составляютъ матеріалы, критика, а главное полная библіографія литературы о Мицкевичѣ.

Въ годъ основанія Общества имени Мицкевича, — въ 1886 г., появляется въ двухъ томахъ большой трудъ Хмѣлёвскаго, въ которомъ впервые съ чрезвычайною подробностью изучена была жизнь и дѣятельность поэта въ цѣломъ. — Трудъ Хмѣлёвскаго, далъ особый толчекъ, и съ этого года начинается усиленная работа по изслѣдованію мельчайшихъ фактовъ изъ жизни поэта и разныхъ сторонъ его творчества. Начинается критика текста, изученіе автографовъ поэта, сравнительное и всестороннее изученіе

отдѣльныхъ его произведеній, иногда самыхъ мелкихъ. Подробная библіографія всего написаннаго о Мицкевичѣ и его произведеніяхъ по 1892 годъ дана въ изданіи сочиненій Мицкевича г-на Бигелейзена (Dzieła Mickiewicza wydał Dr. H. Biegelejsen, Lwów. 1893. 4 тома), а за время съ 1891—1897 гг.—въ VI томѣ записокъ Общества Мицкевича.

Въ 1890 году появился первый томъ труда сына поэта Владислава Мицкевича, посвященный исключительно біографіи поэта. Трудъ этотъ оконченъ въ 1895 г., всего вышло четыре тома (Żywot Adama Mickiewicza. Podług zebranych przez siebie materyałów oraz własnych wzpomnień. Poznań, 1890—1895).

Авторъ поставилъ себѣ главною задачею собрать возможно большій матеріалъ, который передаетъ въ связномъ разсказѣ, оцѣнивая при этомъ факты съ исключительно сыновней точки зрѣнія. Изданіе это дало очень много новаго матеріала, сынъ даетъ намъ подробный очеркъ жизни своего великаго отца, къ которому относился съ понятнымъ для всякаго сыновнимъ піетизмомъ. Описывая эту жизнь со всею подробностью, въ будничной обстановкѣ, характеризуя ту среду, въ которой вращался поэтъ, онъ не проходитъ молчаніемъ иногда самыхъ мелкихъ фактовъ и даже незначительныхъ анекдотовъ, могущихъ характеризовать личность поэта. Но авторъ не обыкновенный лѣтописецъ, а сынъ, съ благоговѣніемъ относящійся къ отцу, и не разъ поэтому изображающій лицъ недоброжелательныхъ поэту въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Отсюда является необходимость читателю быть постоянно на сторожѣ и, принимая сообщаемые факты, не всегда соглашаться съ ихъ оцѣнкой.

Несмотря на такой существенный недостатокъ, трудъ Вл. Мицкевича, среди изслѣдованій о поэтѣ, занимаетъ первостепенное значеніе. Въ немъ съ такою подробностью и возможною точностью собраны разнообразныя свѣдѣнія о жизни поэта, какъ это не было никѣмъ до того времени сдѣлано. Понятно, поэтому, что такая книга является незамѣнимымъ пособіемъ, а подчасъ и источникомъ для изучающихъ Мицкевича, но, въ свою очередь, она не можетъ быть послѣднимъ словомъ о поэтѣ ни въ критическомъ отношеніи, ни въ историко-литературномъ.—Это только очень важный и цѣнный матеріалъ для разъясненія умственнаго развитія поэта; имъ заложено прочное основаніе, на которомъ можно будетъ строить прочное новое зданіе.

Первая такая попытка не замедлила появиться, и лѣтомъ 1897 г. (не много болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ выхода послѣдняго тома

труда Вл. Мицкевича) вышло въ свѣтъ, въ двухъ томахъ, изслѣдованіе профессора Фрибургскаго университета (въ Швейцаріи), посвященное Мицкевичу (Adam Mickiewicz. Kraków, 1897, 2 тома). Книга проф. Калленбаха — результатъ десятилѣтнихъ занятій автора Мицкевичемъ. Авторъ задался мыслью дать духовный образъ поэта, ограничиваясь самымъ необходимымъ біографическимъ фономъ. Изъ богатаго матеріала фактовъ, собранныхъ въ книгѣ Вл. Мицкевича, авторъ взялъ только то, что казалось ему необходимымъ для выясненія душевнаго настроенія поэта, то, что изъ жизни вошло въ поэзію или наоборотъ изъ поэзіи переходило у него въ жизнь. Проф. Калленбахъ проводитъ ту мысль, что біографія необходима въ организмѣ книги, какъ скелетъ въ организмѣ человѣка, и подобно ему она должна быть невидима. Главною своею задачею авторъ ставилъ — представить медленную, но постепенную духовную эволюцію поэта во всю его жизнь.

Съ этой точки зрѣнія, это первая, по своему выполненію, книга во всей польской литературѣ, въ которой съ такой послѣдовательностью проведена теорія эволюціи. Согласно съ своей задачей — представить постепенное духовное развитіе поэта, авторъ раздѣлилъ свой трудъ на части не сообразно съ важнѣйшими періодами въ жизни поэта, но преимущественно по тѣмъ произведеніямъ, въ которыхъ это духовное развитіе поэта проявлялось. Такимъ образомъ, въ первомъ томѣ, посвятивъ 3 главы біографическимъ свѣдѣніямъ о поэтѣ, до появленія перваго тома его стихотвореній, проф. Калленбахъ съ 4-й гл. приступаетъ къ разбору произведеній Мицкевича въ хронологическомъ порядкѣ по времени ихъ написанія: баллады, романсы, Гражина, Дзяды, Сонеты, Конрадъ Валленродъ, Фарисъ, и при этомъ какъ бы мимоходомъ касается біографическихъ фактовъ.

Во второмъ томѣ авторъ съ тою же послѣдовательностью разсматриваетъ поэтическую, публицистическую и общественную дѣятельность Мицкевича послѣ 1832 г. Въ этой части проф. Калленбахъ подробно останавливается на религіозности, мистицизмѣ и такъ называемомъ товянизмѣ Мицкевича. Здѣсь весьма важна глава, посвященная вліянію на Мицкевича Якова Бёма, Сенъ-Мартена. Съ именами этихъ мистиковъ мы давно встрѣчались въ литературѣ, посвященной Мицкевичу, о ихъ вліяніи на Мицкевича давно говорили, но все это, по большей части, были общія разсужденія. Проф. Калленбахъ первый всесторонне изучилъ ихъ произведенія по отношенію къ Мицкевичу и вслѣдствіе этого далъ намъ совершенно новый взглядъ на генезисъ мистическихъ идей Мицкевича. Точно также

впервые въ трудѣ проф. Калленбаха подвергнуты всестороннему литературному анализу отрывки изъ польской исторіи, писанные въ 1836 г. Авторъ указываетъ на то, что въ этомъ произведеніи поэтическая фантазія поэта искала для себя соотвѣтствующаго выхода и простора, но не могла его найти.

Въ заключеніе авторъ останавливается на вопросѣ о значеніи поэзіи Мицкевича въ жизни.

Книга проф. Калленбаха представляетъ собою весьма цѣнный вкладъ въ науку; къ сожалѣнію она, какъ писанная въ Швейцаріи, содержитъ въ себѣ кое-какія мѣста и выраженія, къ какимъ мы не привыкли, и это сдѣлало ее недоступною въ предѣлахъ Россіи.

Проф. Калленбахъ относится къ молодому поколѣнію польскихъ ученыхъ; его первыя работы, посвященныя римской литературѣ (о Лукреціи и Проперціи), напечатаны въ 1884 г., съ 1883 г. появляются его изслѣдованія, относящіяся къ старинной польской литературѣ (объ элегіяхъ Кохановскаго), а съ 1887 г. онъ начинаетъ спеціально изучать Мицкевича, и съ этого года постоянно появляются его монографіи, посвященныя разнымъ вопросамъ, касающимся Мицкевича.

Когда появились первые труды Калленбаха, другой ученый, посвятившій себя главнымъ образомъ XIX вѣку польской литературы П. Хмѣлёвскій, давно уже успѣлъ снискать себѣ почетное имя своими капитальными изслѣдованіями въ области исторіи польской литературы. Горячій поклонникъ теоріи Тэна, г. Хмѣлёвскій въ своихъ работахъ по исторіи польской литературы всюду старался примѣнять методъ своего учителя. Онъ старается изучить творчество поэтовъ и писателей въ связи съ общественною жизнью, а потому въ его изслѣдованіяхъ преобладаетъ элементъ описательный и часто въ ущербъ философской и эстетической оцѣнкѣ. Г. Хмѣлёвскій принадлежитъ къ числу людей шестидесятыхъ годовъ, къ варшавскому прогрессивному кружку; онъ началъ печатать свои работы еще студентомъ (въ 1867 г.), въ либеральномъ органѣ варшавской молодежи Przegląd Tygodniowy. Первою, болѣе крупною его работою, посвященною польской литературѣ, была книга — женскіе типы Мицкевича, Словацкаго и Красинскаго.

Книга эта, появившись въ 1893 г., выдержала уже 4 изданія, при чемъ одно иллюстрированное. Изъ его многочисленныхъ другихъ работъ заслуживаютъ особеннаго вниманія характеристика Генриха Ржевускаго (1877 г.), біографическій очеркъ Крашевскаго, очерки и изслѣдованія по польской литературѣ, польскія писатель-

ницы, польскіе романисты, современные польскіе поэты, польская драматическая литература и мн. др. Болѣе широкимъ объемомъ отличается — Обзоръ новѣйшей польской литературы съ 1865 г., имѣвшій нѣсколько изданій, и затѣмъ послѣднее крупное изданіе— это исторія польской литературы съ древнѣйшихъ временъ съ иллюстраціями, въ шести томахъ, изъ которыхъ вышли уже два, гдѣ она доведена до половины XIX столѣтія. Второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія будутъ посвящены остальные три тома. Такимъ образомъ за г. Хмѣлёвскимъ крупное литературное прошлое и давно упроченное имя.

Въ 1886 г. появился трудъ Хмѣлёвскаго о Мицкевичѣ, въ первомъ изданіи—уже послѣ двадцатилѣтней литературной дѣятельности автора, а нынѣ, выходя вторымъ изданіемъ—по прошествіи двѣнадцати лѣтъ послѣ перваго—онъ долженъ считаться съ такими крупными работами, какъ Владислава Мицкевича и проф. Калленбаха. Несмотря на то, что въ послѣднее десятилѣтіе литература о Мицкевичѣ сильно разрослась, г. Хмѣлёвскій почти не измѣняетъ перваго своего изданія и перепечатываетъ его безъ существенныхъ передѣлокъ, исправляя только нѣкоторыя фактическія данныя, разъясненныя позднѣйшими разысканіями. Книга г. Хмѣлёвскаго имѣетъ всѣ свойства остальныхъ сочиненій того же автора. Онъ останавливается съ особенною подробностью иногда на весьма ничтожныхъ фактахъ изъ жизни поэта, не имѣвшихъ подчасъ никакого вліянія на ходъ духовнаго образованія поэта или на развитіе его поэтической фантазіи; знакомитъ насъ очень подробно съ тою средою, въ которой поэтъ вращался, и съ тѣми обстоятельствами, среди которыхъ приходилось ему жить. Особенно подробно изложены первые годы жизни и дѣятельности поэта, позднѣйшіе же годы, для которыхъ матеріалъ оказался не столь обильнымъ (въ моментъ выхода въ свѣтъ перваго изданія), особенно послѣднее десятилѣтіе его жизни, разработаны не такъ подробно. Разбирая отдѣльныя произведенія, г. Хмѣлёвскій не даетъ эстетической ихъ оцѣнки, предоставляя читателю самому почувствовать художественную красоту даннаго произведенія. За то авторъ подробно выясняетъ главную идею произведенія, указываетъ на его психологическій генезисъ, отмѣчаетъ обстоятельства жизни поэта, среды его окружавшей, указываетъ даже на вліяніе чтенія, выясняетъ отношенія между даннымъ произведеніемъ и дѣйствительною жизнью, знакомитъ читателя съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое оно произвело на современниковъ, и, наконецъ опредѣляетъ мѣсто, какое оно заняло въ литературѣ.

Своему обширному труду авторъ предпосылаетъ небольшое введеніе, въ которомъ разъясняетъ намъ, слѣдуя теоріи Тэна, моментъ, въ который проявился геній Мицкевича, указываетъ на ту среду, въ которой онъ вращался и ту расу, которая его произвела. Г. Хмѣлёвскій показываетъ, что данныя постепеннаго развитія ума и творческихъ способностей въ Литвѣ не разъясняютъ намъ геніальной индивидуальности поэта, такъ какъ, при современномъ состояніи науки, геніальность мы должны принять какъ фактъ, котораго сущность выяснить не умѣемъ; возможность же появленія такой геніальной личности въ Литвѣ въ данный моментъ и только въ нынѣшнемъ столѣтіи, а не въ предшествующихъ, съ совершенною опредѣленностью раскрывается именно историческими данными. Несомнѣнно, говоритъ авторъ, что въ Польшѣ среда имѣла очень сильное вліяніе на образованіе художественнаго развитія писателей, а такой среды до нынѣшняго столѣтія въ Литвѣ не было. Только, по присоединеніи литовскихъ провинцій къ Россіи, умственная жизнь должна была сосредоточиться въ нихъ самихъ. Вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ, каждая бывшая польская провинція должна была искать собственнаго центра, отъ котораго могла ожидать умственной пищи, приноровленной къ ея мѣстнымъ потребностямъ. Тогда Вильна, послѣ Варшавы, скорѣе другихъ городовъ возвысилась на степень самостоятельнаго центра, очутившись въ весьма благопріятныхъ для этого условіяхъ. Когда Краковъ и Львовъ стонали подъ тяжелымъ гнетомъ германизма, когда Познань, хотя и не такъ угнетаемая, не имѣла свободы развиваться въ народномъ духѣ, тогда Вильна не только не знала въ этомъ отношеніи какихъ нибудь преградъ, но наоборотъ имѣла даже учебное заведеніе, предназначенное цѣликомъ для распространенія знаній на польскомъ языкѣ и въ польскомъ духѣ. Въ Литвѣ тогда не только не встрѣчали препятствій къ такому развитію, а наоборотъ съ разныхъ сторонъ получалась поддержка и поощреніе.

Старая іезуитская академія преобразована была въ свѣтскій университетъ и сдѣлалась сильнымъ проводникомъ просвѣщенія. Первые профессора въ большинствѣ были не литовцы, и они то составляли славу университета. Вскорѣ оказалось, что нужны были хорошіе руководители, чтобы литовскіе умы хорошо развились и обнаружили свою силу.

Всѣ силы, которыя до того времени оставались сокровенными, теперь изъ пассивнаго состоянія перешли къ дѣятельности и подъ вліяніемъ умно направленныхъ лучей просвѣщенія произвели то,

что между 1815—1820 годами Вильна въ умственномъ отношеніи стала выше Варшавы. И вотъ, когда въ Литвѣ просвѣщеніе стало, хотя временно, на степени болѣе высокой, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ бывшей Польши, появляется геній Мицкевича; появляется онъ не неожиданно, но послѣ вѣкового приготовленія, появляется онъ въ моментъ, когда уже дѣйствовалъ рядъ посредственныхъ стихотворцевъ и поэтовъ. Мицкевичъ оставилъ далеко за собою не только своихъ земляковъ, которые вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовали, но и всѣхъ, которые появились послѣ него. Это, однако, случилось не сразу. Онъ долженъ былъ пройти всѣ степени своего развитія, какія прошла его родина; какъ индивидуумъ, онъ шелъ быстрѣе всей страны, для него столѣтія превращались въ годы, но миновать ихъ онъ не могъ, такъ какъ подобно всѣмъ людямъ и величайшіе геніи должны подчиняться законамъ организма, среди котораго дѣйствуютъ. Исходя изъ такого взгляда, Хмѣлёвскій ставитъ себѣ задачей опредѣлить всѣ поочередно фазы проявленія генія Мицкевича, а также условія, среди которыхъ онѣ слѣдовали одна за другою. Согласно съ такимъ взглядомъ, и дѣленіе всего матеріала производится авторомъ по той средѣ, въ которой поэтъ вращался: первая книга — въ Литвѣ; вторая — въ Россіи; третья — путешествіе по Европѣ; и четвертая — жизнь за границей.

Первый томъ раздѣленъ на двѣ книги. Въ первой книгѣ разсматривается литовскій періодъ жизни поэта до 1824 г. Авторъ подробно останавливается на родословной поэта, его родителяхъ, общихъ условіяхъ умственнаго состоянія бѣдной новогрудской шляхты, характеризуетъ даже природу новогрудскаго уѣзда, которая могла имѣть вліяніе въ развитіи поэта. Послѣ такой общей характеристики среды, авторъ переходитъ къ изображенію школьной жизни поэта въ Новогрудкѣ, его учебныхъ успѣховъ и говоритъ о первыхъ стихотворныхъ его опытахъ еще на школьной скамьѣ до отъѣзда изъ Новогрудка. Вторая глава этой книги посвящена первымъ двумъ годамъ пребыванія Мицкевича въ университетѣ. Въ ней авторъ подробно говоритъ о виленскомъ университетѣ, его устройствѣ и состояніи, при чемъ также характеризуетъ виленское общество въ это время. Вторая глава отведена двумъ слѣдующимъ годамъ университетской жизни Мицкевича. Здѣсь, на основаніи оффиціальныхъ документовъ, разсказана исторія образованія и организаціи студенческихъ обществъ.

Въ этой главѣ авторъ знакомитъ насъ уже съ первыми произведеніями Мицкевича и съ тѣми вліяніями, подъ которыми они сло-

жились; отмѣчаетъ медленное проникновеніе въ польскую среду нѣмецкой литературы подъ вліяніемъ сочиненія г-жи Сталь о Германіи и первые опыты теоретическаго опредѣленія значенія нѣмецкой литературы. Не оставляетъ тутъ же авторъ въ сторонѣ и вліянія народной поэзіи на тогдашнюю университетскую молодежь. Въ четвертой, пятой и шестой главѣ Хмѣлёвскій разсматриваетъ литературную дѣятельность Мицкевича до 1823 года въ связи съ его пребываніемъ въ Ковнѣ, въ Вильнѣ и во время вторичнаго его пребыванія въ Ковнѣ до окончательнаго отъѣзда изъ этого города и возвращенія въ Вильну. Глава седьмая—тюремный годъ (1823—1824). Здѣсь г. Хмѣлёвскій, сдѣлавъ общую характеристику реакціоннаго направленія въ Европѣ и въ Россіи, переходитъ къ изображенію виленскихъ событій во время пребыванія въ Вильнѣ Новосильцева. Во второмъ изданіи, вѣроятно изъ цензурныхъ соображеній, авторъ совершенно напрасно сдѣлалъ нѣкоторые пропуски сравнительно съ первымъ. Вообще эта часть изложена очень сжато. Виленскія происшествія $182^{3}/_{4}$ года довольно подробно извѣстны по другимъ изданіямъ, и авторъ ихъ разсматриваетъ по стольку, по скольку они имѣли отношеніе къ Мицкевичу.

Третья книга, состоящая изъ трехъ главъ, посвящена пребыванію Мицкевича въ Россіи. Въ первой главѣ авторъ знакомитъ читателя съ путешествіемъ Мицкевича въ Петербургъ, Одессу, Кіевъ, Крымъ и даетъ общую оцѣнку тѣхъ впечатлѣній, какія поэтъ испыталъ за это время. Въ слѣдующей главѣ описано его пребываніе въ Москвѣ, изображенъ тотъ радушный пріемъ, какой встрѣтилъ Мицкевичъ въ Москвѣ въ русскомъ обществѣ и данъ разборъ произведеній Мицкевича, вышедшихъ до 1828 г. Здѣсь же разобранъ и Конрадъ Валленродъ. Третья глава—послѣднее пребываніе Мицкевича въ Петербургѣ, его отношеніе къ русскому обществу, сближеніе съ Пушкинымъ и отъѣздъ изъ Петербурга. — Этимъ заканчивается первый періодъ дѣятельности Мицкевича и вмѣстѣ съ тѣмъ первый періодъ новой польской литературы. Изданные Мицкевичемъ до его отъѣзда за границу томики стихотвореній дали польской литературѣ цѣлый запасъ новыхъ формъ. Въ нихъ появились его баллады и романсы, сильныя лирическія стихотворенія, какъ Żeglarz, Oda do młodości, такія произведенія, какъ 2-ая и 4-ая часть «Дзядовъ», Гражина и Конрадъ Валленродъ. — Къ Валленроду, какъ своему кульминаціонному пункту, польская поэзія дошла до 1830 г., и имъ закончился первый періодъ ея расцвѣта, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ нимъ польская поэзія вошла на новый путь,

на который уже вошла нѣмецкая и англійская поэзія. Годомъ отъѣзда Мицкевича изъ Петербурга (1829) Хмѣлёвскій заканчиваетъ первый томъ своего труда.

Подобно первому тому, и второй раздѣленъ на двѣ книги (третья и четвертая). Въ третьей изображено странствованіе Мицкевича по Европѣ съ конца 1829 г. по іюль 1834 г. Въ этотъ періодъ появилась третья часть «Дзядовъ» и «Панъ Тадеушъ». Первое изъ этихъ произведеній начинаетъ собою новый періодъ въ польской литературѣ XIX в.—вѣщательный. Съ этого времени произошло обращеніе польской поэзіи къ будущему, настало ея направленіе пророческое и не было самаго даже слабаго и ничтожнаго поэта, который бы не думалъ объ этихъ вопросахъ и объ нихъ не писалъ. «Панъ Тадеушъ» представляетъ собою моментъ перехода поэта отъ романтическаго направленія къ реалистическому изображенію дѣйствительности. Фантастическій міръ, господствовавшій въ предыдущихъ его произведеніяхъ, уступаетъ мѣсто объективному изображенію чувства. Въ этомъ произведеніи замѣчается правдивое изображеніе дѣйствительности, отсутствіе полныхъ совершенствъ, люди изображаются вполнѣ объективно, и поэтъ дѣлаетъ только среди нихъ выборъ. Относится онъ къ нимъ иногда иронически, и его иронія переходитъ въ сарказмъ. Отклоненія отъ объективности составляютъ незначительныя только исключенія.— По опредѣленію Хмѣлёвскаго, «Панъ Тадеушъ» долженъ считаться самою лучшею поэмой во всей польской литературѣ.

Книга четвертая, съ половины 1834 г. по 1855,—окончательное устройство Мицкевича на чужбинѣ. Его семейная жизнь, женитьба, заботы о пропитаніи, занятіе каѳедры латинской литературы въ Лозаннѣ, поселеніе въ Парижѣ, каѳедра въ Сорбоннѣ. Наступаетъ періодъ мистицизма, увлеченіе мессіанизмомъ и дѣятельная его пропаганда во Франціи и Италіи. Послѣдняя глава посвящена семейной жизни въ послѣдніе годы, послѣдней попыткѣ дѣятельнаго участія въ политикѣ, смерти поэта (1855 г.). Затѣмъ въ заключеніи авторъ даетъ общую краткую характеристику Мицкевича какъ поэта и человѣка.—Глубокая и искренняя сердечность составляла основную черту характера Мицкевича. Онъ своею сердечною любовью хотѣлъ обнять не только отдѣльныя личности, но весь свой народъ и все человѣчество. Во всѣхъ своихъ отношеніяхъ онъ былъ человѣкомъ вполнѣ искреннимъ и всѣ свои чувства соединялъ съ чувствами всего общества. Все переживаемое какъ польскимъ обществомъ, такъ и западно-европейскимъ, среди ко-

тораго онъ жилъ, онъ лихорадочно воспринималъ въ себя и чувствовалъ за всѣхъ. Въ изображеніи этихъ чувствъ онъ пользовался своеіі большой фантазіей, которая не только явленія міра дѣйствительнаго, но даже самыя чудовищныя фантастическія привидѣнія представляла ему въ видѣ вполнѣ опредѣленныхъ и ярко очерченныхъ образовъ. Вотъ эта способность поэта думать образами доводила его до привидѣній и даже галлюцинацій.

Какъ его фантазія отличалась преобладаніемъ образности, такъ и его умъ отличался особаго рода синтетическими способностями. Въ немъ замѣчается отсутствіе аналитическихъ способностей. Онъ легко высказывалъ несомнѣнно очень важныя истины, но не задавалъ себѣ труда ихъ развить и доказать. Въ поэзіи Мицкевича, заключаетъ г. Хмѣлёвскій, проявилась вся чувственная и бытовая сторона польской жизни, въ соціальныхъ же его идеяхъ находятся зародыши такихъ идей, которыя должны развиться только въ будущемъ.

Въ общемъ трудъ г. Хмѣлёвскаго страдаетъ слабымъ развитіемъ психологическаго анализа и не совсѣмъ яснымъ изображеніемъ духовнаго образа поэта. Чувствуется нѣкоторая недосказанность, которая объясняется, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что издатель сообразовался съ мѣстными варшавскими условіями, предназначая эту книгу для широкаго обращенія въ предѣлахъ Россіи.

Второе изданіе книги г. Хмѣлёвскаго, какъ было замѣчено выше, составляетъ перепечатку перваго изданія съ небольшими исправленіями, а первое изданіе было допущено къ обращенію въ Россіи.

Въ книгѣ г. Хмѣлёвскаго сразу при этомъ бросается въ глаза тотъ біографическій скелетъ, который пр. Калленбахъ въ своемъ сочиненіи о Мицкевичѣ постарался прикрыть пышнымъ тѣломъ. Необходимо, однако, при всемъ этомъ признать за авторомъ замѣчательное умѣніе пользоваться богатымъ фактическимъ матеріаломъ при группировкѣ множества разнообразныхъ біографическихъ подробностей и критическихъ мнѣній и взглядовъ, разбросанныхъ въ громадномъ количествѣ монографій. Автору съ успѣхомъ удалось преодолѣть всѣ эти трудности, на которыя ему приходилось наталкиваться почти на каждомъ шагу.

Таковы новые важнѣйшіе польскіе труды, посвященные Мицкевичу, обнимающіе въ цѣломъ всю его жизнь и дѣятельность и имѣющіе, какъ по своимъ планамъ, такъ и по ихъ выполненію вполнѣ серьезный и научный характеръ. Кромѣ этихъ ученыхъ

трудовъ, въ послѣдніе годы вышло нѣсколько сравнительно небольшихъ біографій Мицкевича, изъ которыхъ по выполненію и по самостоятельнымъ взглядамъ выдѣляется небольшая книжка профессора краковскаго университета гр. Ст. Тарновскаго, изданная петербургскимъ книжнымъ магазиномъ Грендышинскаго (Adam Mickiewicz. Życie i dzieła. Zarys biograficzny. SPb. 1898, стр. 98).

С. Пташицкій.

Мартъ 1900.

H. Paasonen. Itäsuomalaisten kansain Runoudesta. Helsingissa. 1897.

За послѣднія десятилѣтія финская наука идетъ такъ быстро впередъ, представила столько прекрасныхъ специалистовъ по различнымъ областямъ финнологіи и поставила такія важныя проблемы, что наше незнакомство съ ней является крупнымъ пробѣломъ, отъ пополненія котораго мы можемъ ожидать важныхъ результатовъ въ сферѣ вопросовъ древнѣйшей культурной исторіи Восточной Европы. Надо сознаться, что до сихъ поръ наши построенія въ этой темной области нуждаются еще въ строгой провѣркѣ, а излишнее довѣріе къ точности Тацитовыхъ, Плиніевыхъ и Птолемеевыхъ описаній удерживаетъ изслѣдователей отъ занятій тѣми вопросами, которые одни только могутъ бросить яркій свѣтъ на сношенія племенъ, населявшихъ наше отечество въ доисторическую эпоху. Относительное размѣщеніе иранцевъ и финновъ, литовцевъ и славянъ можетъ выясниться только при условіи изученія заимствованныхъ словъ и географической номенклатуры. Та масса иранскихъ словъ, которую изслѣдователи (Сетäлä, Томашекъ, Паасоненъ и др.) находятъ въ общефинскомъ и отдѣльныхъ финскихъ нарѣчіяхъ, указываетъ на интенсивность ирано-финскихъ сношеній, болѣе древнихъ, чѣмъ финно-литовскія и тѣмъ болѣе финно-славянскія отношенія. Міръ славяно-литовскій на западѣ, до впаденія Припяти въ Днѣпръ (при чемъ къ сѣверу отъ Припяти литовцы, къ югу славяне), міръ финно-иранскій на востокѣ: вотъ карта Восточной Европы, какъ она представляется мнѣ въ общихъ чертахъ. Это расположеніе племенъ не исключаетъ возможности распространенія иранскихъ элементовъ далеко на сѣверъ, къ истокамъ Волги, Дона и др. рѣкъ, а съ другой стороны, мнѣ кажется, мы вынуждены допустить присутствіе ѳракійскихъ элементовъ по

сосѣдству съ финнами: не даромъ ѳракійское βέδυ (арм. get) находитъ полную аналогію въ финскомъ *ved-en* (воды). Связующимъ звеномъ между финнами и славянами въ эту иранскую эпоху нашей исторіи служатъ, вѣроятно, скиѳы и сарматы, предки осетинъ. Доказательство этой мысли дѣло будущаго; пока же я приведу одинъ примѣръ для того, чтобы выяснить, какимъ образомъ иранцы могли вліять въ одинаковомъ смыслѣ на нѣсколько сосѣднихъ племенъ. Санскритское bhága, въ значеніи счастья, богатства, находитъ себѣ соотвѣтствіе въ славянскихъ словахъ богатство, убогій (какъ уродъ, увѣчный), даждьбогъ, въ древне-персидскомъ языкѣ baga и въ зендскомъ bagha значатъ богъ; это послѣднее слово точно совпадаетъ съ приведенными иранскими. Могъ-ли переходъ значенія отъ бога въ смыслѣ богатаго къ богу въ нашемъ значеніи этого слова, могъ-ли этотъ переходъ совершиться въ славянскомъ языкѣ самостоятельно? Противъ этого, мнѣ кажется, говорятъ два факта. Во первыхъ, славянскій языкъ знаетъ другое слово для обозначенія божества: это слово дивъ, соотвѣтствующее литовскому dëvas (откуда фин. taivas), а во вторыхъ иранское bagha перешло съ тѣмъ же значеніемъ бога къ сѣвернымъ сосѣдямъ сарматовъ, мордвинамъ, гдѣ оно звучитъ pahas, pas. Эти факты дѣлаютъ, мнѣ кажется, вѣроятнымъ, что и слав. богъ стоитъ въ связи съ религіознымъ вліяніемъ иранцевъ на славянъ (ср. культы голубя, пѣтуха у славянъ и литовцевъ).

Только-что приведенное соображеніе, если оно справедливо, слѣдуетъ принимать во вниманіе, когда рѣчь заходитъ о древнѣйшихъ сношеніяхъ славянъ съ финнами. Съ этимъ вопросомъ мы встрѣчаемся и въ статьѣ г. Пасонена: «О поэзіи восточно-финскихъ народовъ», финское заглавіе которой приведено въ заглавіи этой замѣтки. Повидимому, теперь уже нельзя сомнѣваться, что славяно-финскія отношенія восходятъ уже къ той эпохѣ, когда мадьяры еще не вышли изъ предѣловъ нынѣшней Россіи. Въ статьѣ Мункачи: «Die Anfänge der ungarisch-slavischen ethnischen Berührung», которую я знаю, къ сожалѣнію, только по реферату въ 3-емъ выпускѣ «Вѣстника славянскихъ древностей» г. Нидерле, указано нѣсколько венгерско-мордовскихъ словъ, заимствованныхъ изъ русскаго языка (щука [1]), гомоля и т. д.); часть ихъ попала къ Мордвѣ

1) Если слав. щука изъ *skjauka, то въ связи съ этой формой стоятъ слѣдующія финскія слова: фин. hauki, вот. auči (или, по транскрипціи проф. E. Setälä, — autšï). Что касается славянской формы, то укажу на слово ckjeyko (щука) въ языкѣ Люнебургскихъ славянъ.

черезъ посредство тюркскихъ племенъ (мад. könyv, морд. konov изъ кънига). Это ставитъ передъ изслѣдователемъ важную задачу, заняться славяно-мордовскими заимствованіями въ области языка. Повторяю, что для древней исторіи востока Россіи финская наука сдѣлала уже очень много, и было бы очень важно подвести итоги этому сдѣланному. Такъ, напр., въ книгѣ Снельмана: «Балтійскіе финны въ эпоху ихъ независимости» (1896), снабженной обширнымъ нѣмецкимъ обзоромъ содержанія, мы находимъ такіе факты, которые могли бы уже стать извѣстными русскимъ изслѣдователямъ. Между тѣмъ еще въ новѣйшей книгѣ г. Брауна встрѣчаемъ повтореніе стараго отожествленія Іорнандова inaunxis, которое уже г. Гринбергеръ въ статьѣ: «Ermanarichs Völker» (Zeitschrift für deutsches Altertum., т. 39 1895, стр. 151—189) объяснилъ изъ готскаго языка, съ финскимъ названіемъ Олонецкой губерніи Aunus (род. Aunuksen). А. Снельманъ доказалъ, что въ документахъ XVII-го вѣка это названіе звучитъ иначе: Augnisma, Agnisma и т. п.

Послѣ этого длиннаго введенія перехожу наконецъ къ статьѣ г. Пасонена. Это публичная лекція, имѣющая цѣлью ознакомить финское общество съ поэзіей восточно-финскихъ народовъ, изъ которыхъ особенно близко знакомъ самому референту мордовскій. Къ нему онъ и переходитъ послѣ обзора эпическихъ пѣсенъ остяковъ, миѳологическихъ легендъ и пѣсенъ вогуловъ (по словамъ г. Пасонена, «эти характерныя произведенія вогульской поэзіи еще не успѣли сдѣлаться предметомъ серьезнаго научнаго изслѣдованія; на первый взглядъ, между вогульскими и финскими миѳологическими легендами основного родства не замѣчается») и лирической поэзіи пермяковъ. Эта послѣдняя, сколько можно судить по приведеннымъ г. Пасоненомъ образцамъ, имѣетъ ту же форму такъ называемой шнадерхюпфелей, что и латышская, и даже близка къ ней по своимъ образамъ. Приведу два примѣра:

«Ой, вода течетъ, вода течетъ,
По водѣ гусь плыветъ.
Думы гуся о водѣ (на водѣ, vedessä),
Наши думы о дѣвушкахъ (на дѣвушкахъ)».

* * *

Все окно уставлено розами,
Только на одной цвѣтокъ.

Много дѣвушекъ въ деревнѣ,
Только одну я люблю.

Стоитъ сравнить эти пѣсни съ очень распространенными латышскими, въ родѣ слѣдующей (Latvēšu tautas dzēsmas. 1874. I. № 80).

Бѣлый цвѣтокъ, зеленый камышъ
Качаются на озерѣ;
Бѣлый цвѣтокъ моя сестра,
Зеленый камышъ моя желанная;

стоитъ взвѣсить все значеніе указанія самого референта на близость въ построеніи современной финской пѣсни къ пѣснѣ вотяцкой, чтобы увидѣть нѣкоторую натяжку въ предположеніи г. Пасонена, будто свою форму пѣсни вотяки заимствовали у татаръ, у которыхъ шпадерхюпфель составляетъ точно также обычное явленіе. Поэтому мы склонны относиться съ недовѣріемъ и къ тому, будто черемисская пѣсня точно также отлита по образцу татарской. По крайней мѣрѣ, образчикъ ея:

Сыра твоя березовая лучина,
Не хочетъ она пылать пламенемъ.
Ты не желаешь воспылать любовью,
Хотя мое сердце сгараетъ отъ любви,—

ничѣмъ ровно не указываетъ на татарское вліяніе.

Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ, кажется, мордовская поэзія, имѣющая, вопреки мнѣнію Альквиста, совершенно правильный размѣръ, именно силлабическій, который, по замѣчанію г. Пасонена, лежитъ въ основаніи Авесты и Веды. У мордвиновъ длиннѣйшій стихъ содержитъ 15 слоговъ; очень употребителенъ стихъ 13-сложный, но наиболѣе обычнымъ является 10-сложный. Изъ болѣе краткихъ размѣровъ въ повѣствовательныхъ частяхъ пѣсни встрѣчается 5-сложный стихъ, которому референтъ склоненъ дать названіе «каталектическаго трохаическаго тетраметра», такъ какъ здѣсь выступаетъ почти совершенно правильный трохей.

Здѣсь мы находимъ чрезвычайно интересное наблюденіе. «Эти размѣры,— замѣчаетъ г. Пасоненъ,— можетъ быть, проникли къ мордвинамъ черезъ посредство русской народной пѣсни, такъ какъ подобные имъ встрѣчаются и въ русской народной поэзіи. Странно только, что по своему размѣру древнія русскія пѣсни далеко не такъ

правильны, какъ мордовскія, полную аналогію которымъ представляетъ въ отношеніи размѣровъ сербская поэзія. Рядомъ съ правильными стихами, содержащими одинаковое количество слоговъ, въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ много, и даже очень много, неправильностей, на основаніи которыхъ сами русскіе изслѣдователи признали «растяжимость» размѣра характернымъ признакомъ русской народной поэзіи, отличающимъ ее отъ силлабическихъ пѣсенъ другихъ славянскихъ народовъ. Поэтому, я думалъ бы, что размѣръ мордовской поэзіи въ значительной мѣрѣ заслуживаетъ вниманія изслѣдователей русскихъ народныхъ пѣсенъ. Повидимому, строгая правильность ея стиховъ, основывающаяся на счетѣ слоговъ, ясно указываетъ на то, что первоначально форма русской народной поэзіи была болѣе правильной».

Если съ этими словами сопоставить то, что г. Пасоненъ говоритъ черезъ нѣсколько страницъ о содержаніи мордовскихъ пѣсенъ, ни мало не сближающемъ эти послѣднія съ русскими, то придется, пожалуй, думать, что и выводъ этого почтеннаго изслѣдователя («повидимому, мордва познакомилась съ какой-нибудь русской мелодіей, но самостоятельно приспособила свою пѣсню къ ея формѣ») въ этомъ случаѣ грѣшитъ нѣкоторой поспѣшностью. Тутъ я позволю себѣ напомнить то, что̀ говорилъ выше: не объясняется-ли силлабическій размѣръ мордовскихъ и славянскихъ пѣсенъ общимъ испытаннымъ славянами и финнами культурнымъ вліяніемъ иранцевъ, не объясняется-ли это такъ тѣмъ болѣе, что, по изысканіямъ г. Пасонена, въ эпоху совмѣстнаго жительства западныхъ и восточныхъ финновъ они имѣли 8-сложный силлабическій размѣръ, который «является первичной формой финскаго пѣсеннаго стиха» [1]). Но не этимъ однимъ ограничивается сходство финской и мордовской поэтическихъ формъ. Приведу собственныя слова автора. «Какъ извѣстно, въ финской поэзіи очень употребительна цезура, которая разрѣзаетъ слова такъ, что удареніе слова отступаетъ на задній планъ передъ удареніемъ пѣсеннымъ, или говоря другими словами, такъ, что арзисомъ стопы становится слогъ, не носящій на себѣ главнаго ударенія, а тезисомъ слогъ съ главнымъ удареніемъ. Если теперь мы находимъ мордовскую пѣсню трохаической, поводъ къ чему даетъ уже самый трохаическій складъ языка—въ мордов-

1) Насколько мнѣ извѣстно, и самъ г. Пасоненъ склоненъ теперь приводить въ связь иранскіе и финскіе размѣры и признаетъ русское вліяніе на мордву позднимъ, когда уже образовался акающій говоръ.

скомъ удареніе стоитъ чаще всего на первомъ слогѣ,—то мы можемъ сказать, что въ мордовской поэзіи существуетъ явно сознательное стремленіе къ подобной цезурѣ; поэтому она встрѣчается здѣсь въ такой же значительной мѣрѣ, какъ и въ финской поэзіи. Мордовская поэзія стремилась сдѣлать ее правильною на третьей стопѣ; извѣстно нѣсколько очень длинныхъ пѣсенъ, въ которыхъ соблюдается то правило, чтобы послѣднее слово стиха не могло быть двусложнымъ, кромѣ тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда предшествующее слово односложно. Еще болѣе важнымъ является то обстоятельство, что параллелизмъ или повтореніе въ разсматриваемой мордовской поэтической формѣ оказывается настолько же правильнымъ и такого же рода, какъ въ финской поэзіи. Оставляя въ сторонѣ такъ называемый полный параллелизмъ, въ которомъ второй стихъ воспроизводитъ какъ мысль предшествовавшаго, такъ и его грамматическія формы (какъ въ слѣдующемъ мордовскомъ двустишіи: «Ступать по тропѣ удачи, идти по дорогѣ счастья»), почти всѣ формы финскаго параллелизма встрѣчаются и въ мордовской поэзіи, такъ что то изложеніе финскаго параллелизма, которое даетъ Альквистъ въ своей Поэтикѣ, можно бы примѣнить съ нѣкоторыми измѣненіями и къ мордовской поэзіи. Замѣчательно отступленіе, что параллелизмъ въ мордовской поэзіи бываетъ иногда неполнымъ; однако очень рѣдокъ такой повторный стихъ, въ которомъ всѣ слова главнаго стиха, кромѣ одного, повторяются, какъ это происходитъ въ слѣдующемъ двустишіи: «En lähe, humala-äiti; En lähe, korea äiti»!

Вслѣдствіе этого, по моему мнѣнію, нельзя отрицать того, что въ мордовской поэзіи въ качествѣ украшенія употребляется аллитерація, которая русскому почти совершенно чужда. Впрочемъ, она далеко не такъ употребительна и правильна здѣсь, какъ въ финской поэзіи; существуетъ много пѣсенъ, гдѣ ее невозможно открыть. Но рядомъ съ ними существуютъ другія, въ которыхъ почти половина всѣхъ стиховъ аллитерируетъ, и въ которыхъ аллитерація иногда является въ нѣсколькихъ стихахъ подрядъ: тогда уже трудно видѣть въ этомъ случайность. Въ финской поэзіи въ аллитерирующихъ словахъ, начинающихся съ консонанта, обыкновенно, оказываются одними и тѣми же какъ консонантъ, такъ и слѣдующая гласная; такъ напр. «Mieleni minun tekevi»; рѣже она ограничивается тѣмъ, что повторяется одинъ начальный консонантъ слова; напр. «Lähteäni laulamahan», «Kielelleni kerkiävät»; подобные стихи Альквистъ называетъ начально-аллитерирующими. Мордовская

пѣсня такого рода является менѣе развитой, потому что этотъ пѣсенный орнаментъ въ словахъ съ гармоніей согласныхъ оказывается вообще только въ формахъ начальной аллитераціи. Чаще всего аллитерируются слова, какъ и въ финскихъ пѣсняхъ, въ каждомъ стихѣ по два, какъ напр. въ слѣдующихъ повторныхъ стихахъ:

Uš Kazań, purnaś ṕiŕanzo,
Son ošoś orštaś langonzo.
(Ужъ Казань украшалась,
Этотъ городъ наряжался).

Но еще чаще встрѣчаются, какъ и въ финскихъ пѣсняхъ, аллитераціи трехсложныя, или бываютъ стихи съ начальной аллитераціей въ четыре слога попарно.

Въ отношеніи риѳмы мордовская поэзія очень близка къ финской. Она употребляется весьма густо, но она не болѣе правильна, чѣмъ въ нашихъ пѣсняхъ. Альквистъ въ свое время считалъ и риѳму финской поэзіи, какъ и начальную аллитерацію, заимствованіемъ отъ скандинавовъ. Однако она является вполнѣ естественнымъ послѣдствіемъ параллелизма, который вызывается употребленіемъ однихъ и тѣхъ же грамматическихъ формъ въ стихахъ, слѣдующихъ другъ за другомъ. При изслѣдованіи риѳмы въ финской мордовской поэзіи мы замѣчаемъ сразу, что тѣ слова, въ которыхъ является риѳма, вообще стоятъ въ тѣхъ же грамматическихъ формахъ: такія риѳмы искусственной поэзіи, какъ maa-saa, Senki-henki, совершенно чужды народному стиху.

О содержаніи мордовскихъ пѣсенъ я здѣсь говорить не буду. Какъ ни интересны образцы эпическихъ пѣсенъ, приведенные г. Пасоненомъ, ничто, однако, по моему убѣжденію, не заставляетъ насъ въ этихъ обычныхъ «бродячихъ сюжетахъ» видѣть нѣчто исконно-финское только потому, что съ тѣми же сюжетами мы встрѣчаемся и въ западно-финской поэзіи. Это пѣсни о бракѣ земной дѣвушки съ солнцемъ (подобная помѣщена у Дозона въ его сборникѣ болгарскихъ пѣсенъ и изслѣдована г. Халанскимъ), о разборчивой невѣстѣ, которая наконецъ останавливается на пахарѣ, пѣсня о томъ, какъ хмель попалъ въ пиво. Впрочемъ, и самъ весьма осторожный и много знающій изслѣдователь говоритъ очень нерѣшительно объ ихъ обще-финскомъ происхожденіи; я считаю себя въ правѣ присоединиться къ этой нерѣшительности.

А. Погодинъ.

Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem Komisyi Antropologicznej Akademii Umiejętności w Krakowie, tom III. 1898.

Въ этнографическомъ отдѣленіи книги обращаетъ на себя особенное вниманіе статья Анонима о «Распространеніи литовскаго языка въ Виленской губерніи» (стр. 3—72), основанная на свѣжемъ, еще ненапечатанномъ матеріалѣ. Въ 1890 году предводитель дворянства Виленской губерніи, гр. Адамъ Плятеръ, составилъ перепись населенія губерніи съ указаніемъ на племенное происхожденіе и языкъ жителей; благодаря этой переписи, мы впервые получаемъ представленіе о распространеніи литовцевъ въ губерніи, которую они нѣкогда занимали, вѣроятно, цѣликомъ, и гдѣ въ настоящее время они сохранились только на западной полосѣ да спорадически на югѣ, по направленію къ Минской губерніи, гдѣ географическая номенклатура сохранила, какъ кажется, не мало слѣдовъ литовскихъ поселеній. Перепись велась черезъ волостныхъ старшинъ; поэтому точность данныхъ, по моему мнѣнію, подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что разобраться въ племенномъ происхожденіи пограничнаго населенія иногда весьма трудно даже опытному и подготовленному человѣку, а классификація населенія на основаніи «Muttersprache» представляетъ то неудобство, что при встрѣчѣ двухъ культуръ представители низшей только крадучись, тайкомъ и дома пользуются своимъ старымъ нарѣчіемъ. По отношенію къ литовцамъ Лидскаго уѣзда мы имѣемъ прямое свидѣтельство («Жив. Стар.» 1895, стр. 497), что они говорятъ по-литовски только дома, что они не слышатъ на родномъ языкѣ никакихъ наставленій и не подозрѣваютъ о существованіи литовскихъ книгъ. Остается, какъ третій критерій племенного раздѣленія населенія, религія, и мы въ правѣ къ числу католиковъ въ смѣшанныхъ областяхъ относить литовцевъ и поляковъ, въ разрядъ православныхъ заносить бѣлоруссовъ, но и это, конечно, не гарантируетъ полной точности цифръ, потому что не разъ мы встрѣчаемъ среди литовскаго населенія чисто польскія деревни (напр., деревня Клидзе въ Трокскомъ уѣздѣ). Стоитъ взглянуть, какъ схематически поступаетъ г. Анонимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чтобы отнять у насъ вѣру въ полную точность его вычисленій до одного человѣка. Конечно, это ни

мало не лишаетъ статью г. Анонима присущаго ей значенія, тѣмъ болѣе, что она сообщаетъ массу вѣрныхъ названій населенныхъ мѣстъ (въ этомъ отношеніи русскія карты крайне не точны) и приводитъ свѣдѣнія по волостямъ о курганахъ и городищахъ, находящихся въ нихъ. Изъ уѣздовъ Виленской губерніи наиболѣе полно сохранилъ туземное литовское населеніе Трокскій, гдѣ изъ 17 волостей съ 135.558 чел. литовцы занимаютъ 16 (кромѣ самой Трокской) съ населеніемъ въ 91.859 человѣкъ. Въ прочихъ уѣздахъ отношеніе таково: Виленскій — 18 волостей и 102.143 чел. населенія, изъ которыхъ литовцамъ принадлежатъ 11 волостей съ 54.804 ч.; Свѣнцянскій — 21 волость и 139.640 чел., изъ которыхъ литовскими являются 9 волостей, 56.976 чел.; Ошмянскій — 23 волости съ 148.880 чел.—изъ нихъ 6 волостей содержатъ 13.848 литовцевъ: Лидскій—24 волости, 137.025 ч., литовцы въ количествѣ 16.634 ч. разселены по 7 волостямъ; въ Дисненскомъ уѣздѣ литовцы встрѣчаются лишь спорадически, а въ волости Богинъ на границѣ Ковенской губерніи занимаютъ 6 деревень съ населеніемъ въ 500 человѣкъ; въ Вилейскомъ уѣздѣ среди бѣлоруссовъ нашлась одна чисто литовская деревня, заброшенная далеко во всѣ стороны отъ соплеменниковъ,—сельское общество Лотыгаль (на русской 15-верстной картѣ Латыгова) съ 23 литовцами.

На основаніи этихъ данныхъ Анонимъ приходитъ къ слѣдующему любопытному заключенію. «Сравнивая свѣдѣнія, сообщаемыя Балинскимъ въ его «Starożytna Polska» о распространеніи литовскаго языка, съ данными, почерпнутыми изъ списка Плятера, мы видимъ, что со временъ Балинскаго литовскій языкъ вымеръ въ волости Быстрицы въ Виленскомъ уѣздѣ и особенно въ Ошмянскомъ, въ волостяхъ Трабы, Ивс, Граужишки, Липнишки, Гольшаны и Саботники, а также въ Лидскомъ уѣздѣ, въ волости Бinnяконп. Литовскій языкъ тянется двумя поясами: одинъ съ востока на западъ вдоль границы Ковенской губерніи, другой съ юга на сѣверъ вдоль Нѣмана и Сувалкской губерніи. Эти пояса перекрещиваются надъ нижнимъ теченіемъ Виліи подъ прямымъ угломъ и переходятъ въ среду литовскаго населенія упомянутыхъ губерній. Пограничныя линіи губерній Витебской, Минской, отчасти Гродненской, далѣе—середина Виленской губерніи заняты славянами. Надънѣманскій поясъ начинается надъ Ротничанкой, гдѣ переходитъ къ литовскимъ деревнямъ, расположеннымъ въ сѣверной части Гродненскаго уѣзда, и занимаетъ сѣверную сторону Лидскаго уѣзда (волости Александровъ, Конява, Ейшишки, Радунь, Зырмуны), Трок-

скій уѣздъ, кромѣ сѣверной части Мендзырѣчской волости, всей Трокской и нѣсколькихъ кусковъ Явской волостей, наконецъ — на юго-западной сторонѣ Виленскаго уѣзда приходъ Каролинъ (въ Солечникской волости). Надъ Виліей отъ Кернова до Янова онъ переходитъ въ поясъ сѣверно-литовскій, обнимающій изъ Виленскаго уѣзда волости Гельване, Мусьники, часть Мейшаголы, Ширвинты, Гедройце, Маляты, Янишки, части Подбрезья и Нѣменчина, и переходящій въ Свѣнцянскій уѣздъ, сѣверную часть котораго занимаетъ до границы съ Дисненскимъ. Въ Свѣнцянскомъ уѣздѣ онъ охватываетъ волости: Лынгмяны, Давгелишки, Тверечъ, Мелегяны, Годуцишки, Кукуцишки, Свѣнцяны, Заблоцишки, Михаловъ и часть Комая. Населеніе прихода Домашева волости Богинъ въ Дисненскомъ уѣздѣ опирается на массу литовскаго населенія въ Ковенской губерніи. Кромѣ этого, литовцы образуютъ три обширные этнографическіе острова: одинъ изъ нихъ находится въ Ошмянскомъ уѣздѣ, на лѣвомъ берегу верхней Жижмы, обнимаетъ Дѣвенишскую и часть Сѣдлисской волости и отдѣленъ отъ главной массы литовской въ сѣверной части Лидскаго уѣзда Бпняконьскою волостью. Другой островъ, точно также въ Ошмянскомъ уѣздѣ на правомъ берегу Березины (Нѣманской), обнимаетъ части волостей Юрацишки, Бакштаны и Лугомовиче и отдѣленъ отъ главной массы теперь уже славянскими волостями, которыя во-времена Балинскаго были еще литовскими: Иве, Липнишки, Субботники. Этотъ островъ лежитъ въ бассейнѣ рѣчки Шильвянки. Наконецъ, третій литовскій островъ расположенъ надъ верхней Ошмянкой и охватываетъ окрестности мѣстечка Гервятъ (Ворнянской волости, Виленскаго уѣзда) и окрестности Якинтанъ (Сольской волости, Ошмянскаго уѣзда). Кромѣ того, очень маленькій литовскій островокъ находится надъ Рыбчанкой въ Вязынѣ Вилейскаго уѣзда. Первый изъ большихъ острововъ содержитъ 9.678 литовцевъ, второй около 3.000, третій до 4.000, тогда какъ остальной всего 37 человѣкъ» [1]).

На стр. 73—166 помѣщены Materyały do etnografii Podhala, собранные Андр. Стопкой въ мѣстностяхъ: Zakopane, Kościelisko, Poronin, Czarny Dunajec. Въ эти матеріалы вошло 875 пѣсенъ, по большей части двустишій, раздѣленныхъ на слѣдующіе отдѣлы: 1) любовныя пѣсни; 2) пастушескія, въ которыхъ дѣйствіе происходитъ на пастбищѣ, или высказываются чувства по поводу пастьбы скота

1) Это, вѣроятно, опечатка: въ другихъ мѣстахъ статьи здѣсь упоминается лишь о 28 литовцахъ.

или содержатся обращенія къ овцамъ, коровамъ и т. п.; 3) разбойничьи; 4) солдатскія; 5) на разныя темы и 6) колыбельныя. Вообще говоря, пѣсни очень бѣдны ôбразами и скудны чувствомъ. Далѣе идутъ сказки въ числѣ 19, главнымъ образомъ сказки о разбойникахъ, хитрыхъ ворахъ и анекдоты. За ними слѣдуютъ поговорки (183), народныя метеорологическія примѣты (16) и привѣтствія.

Стр. 166—197. Wład. Tetmajer. «Gody i godnie święta czyli okres świąt Bożego Narodzenia w Krakowskiem». Это описаніе кануна Рождества Христова съ приложеніемъ многочисленныхъ колядъ. Въ этотъ день всякая мелочь имѣетъ какое-нибудь суевѣрное значеніе, особеннымъ образомъ убирается изба, накрывается столъ, совершаются особенныя церемоніи (обвязываніе плодовыхъ деревьевъ перевязкой, чтобы они не скупились; украшеніе «сада» и т. д.). Изъ этихъ церемоній особенно интересна слѣдующая. Прежде, чѣмъ сѣсть за столъ, хозяинъ оборачивается къ окну и произноситъ трижды: «волчокъ, волчокъ, садись сегодня съ нами за обѣдъ; а если не придешь теперь, никогда уже не приходи!»

Переходимъ къ отдѣлу антропологіи и археологіи.

Стр. 3—22. Wł. Olechnowicz. Crania Polonica.

На основаніи 16 череповъ XIX-го вѣка, 26-ти XVIII-го и 27-ти XVI—XVII вѣковъ Олехновичъ приходитъ къ выводу, что «польскіе черепа представляютъ смѣшеніе двухъ типовъ: длинноголоваго и короткоголоваго», причемъ и въ современныхъ польскихъ черепахъ находятся длинноголовые экземпляры съ показателемъ 72.

Стр. 22—37. Materyały do geografii wola i matolectwa w Galicyi, podali St. Ciechanowski i R. Urbanik.

Стр. 38—40. M. Eust. Brenstein. Wykopalisko na folwarku «Rajnie» w powiecie Telszewskim na Żmudzi.

Описаніе пяти предметовъ, найденныхъ на древнемъ мѣстѣ погребенія на возвышенности среди полей и болотъ, и состоящихъ изъ желѣзнаго цельта, аналогичный которому выкопанъ въ 1884 году Тад. Довгардомъ въ Шавельскомъ уѣздѣ, изъ другого желѣзнаго цельта, вдвое меньше перваго, изъ части желѣзнаго ножа и двухъ бронзовыхъ браслетовъ, подобныхъ тѣмъ, которые были найдены въ Борисовскомъ уѣздѣ, Минской губ.

Стр. 41—50. Z. Magierowski. Trwanie życia w okolicy Jaćmierza na podstawie metryk z lat pięćdziesięciu (1845—1895).

Средняя продолжительность жизни въ указанной мѣстности 22,9 года.

Стр. 51—56. **M. Wawrzeniecki. Poszukiwania archeologiczne w Lelowicach i Mieroszowie w gubernii Kieleckiej.**

Раскопки въ поляхъ деревни Lelowice, расположенныхъ на возвышенной равнинѣ, дали на глубинѣ отъ 0,28 метровъ, обломки горшковъ; на глубинѣ 2 метровъ были найдены четыре черепка, по которымъ удалось возстановить большой горшокъ краснаго цвѣта; черепки, встрѣченные въ значительномъ числѣ, содержали уголькп, землю; никакихъ украшеній и орудій они не содержали. Кромѣ черепковъ, г. Вавженецкій нашелъ нѣсколько кремневыхъ орудій, раковинъ и костей, отдѣланныхъ и неотдѣланныхъ. — На поляхъ другой деревни Mieroszów раскопки доходили до глубины 3 метровъ и дали такіе же черепки, кремневыя орудія; по черепкамъ здѣсь удалось возстановить форму большого глиняннаго сосуда въ видѣ миски, украшеннаго по бортамъ орнаментомъ въ видѣ палочекъ, состоящихъ изъ точекъ.

Стр. 57—75. **I. Talko-Hryncewicz. Materyały do paleoetnologii mogił Azyi wschodniej.**

Предметомъ изслѣдованій служили 34 могилы, находящіяся въ Троицкосавскомъ округѣ на границѣ Монголіи. Прежде всего описана могила въ деревнѣ Дуронахъ, имѣвшая форму небольшой кучки камней, сверху разбросанныхъ, такъ что насыпь едва выступала надъ поверхностью земли. Вокругъ она была обложена каменьями, причемъ діаметръ этого круга имѣлъ 3 метра, а діаметръ могилы—2. Здѣсь были добыты глиняные черепки; по нимъ было возможно возстановить форму одного небольшого сосуда съ выпуклымъ бортомъ и ушками, высотою въ 14 см.; орнаментація другихъ черепковъ очень разнообразна, что не мѣшаетъ изслѣдователю отмѣтить, что какъ способъ выдѣлки сосудовъ, такъ и рисунокъ орнаментовъ свидѣтельствуютъ объ ихъ первобытности. Въ той-же могилѣ найдено нѣсколько бронзовыхъ предметовъ (двѣ пряжки, два обломка чего-то въ родѣ ложечки, мелкія вещи, палочки и трубочки, назначеніе которыхъ непонятно) и двѣ желѣзныя стрѣлы, кольца и пр. Что касается строенія могилы, то ея середина была выстлана стоящими каменными плитами, которыя раздѣляли ее на три части. Кромѣ человѣка, въ средней могилѣ похоронили собаку и барана. Къ тому же типу относятся могилы въ Сухомъ Ключѣ и въ Цаганъ-Усунѣ. На основаніи краніологическихъ измѣреній авторъ приходитъ къ выводу, что въ эпоху каменнаго вѣка въ Сибири уже жило нѣсколько расъ (длинно- и короткоголовыхъ), которыя смѣшивались между собой.

Стр. 76—92. Wł. Demetrykiewicz. Neolityczne groby szkieletów tak zw. siedzących w Przemyskiem i Krakowskiem.

Описаніе неолитическихъ могилъ со скорченными трупами, какихъ еще до сихъ поръ не было найдено въ средней Галиціи. Глиняные сосуды, лежавшіе около труповъ, принадлежатъ къ одному изъ двухъ характерныхъ для подобныхъ могилъ керамическихъ типовъ, къ разряду кубковъ, и украшены опять характернымъ веревочнымъ орнаментомъ. Значительная часть статьи посвящена перечисленію и описанію инвентаря могилъ со скорченными скелетами, разсѣянныхъ, какъ теперь видно, по всей Галиціи.

Стр. 92—108. Wł. Demetrykiewicz. Wykopaliska w Sadownikach Mokrych i Gorzowie, oraz inne ślady epoki La Tène w Galicyi zachodniej.

Описаніе желѣзнаго меча и клада золотыхъ монетъ, воспроизводящихъ греко-македонскія монеты Александра Македонскаго и относящихся къ кельтской эпохѣ La Tène.

А. Погодинъ.

Н. С. Усовъ.

(Некрологъ).

14-го апрѣля 1900 г., въ 10 ч. 15 м. вечера, въ Москвѣ, скончался отъ чахотки одинъ изъ сотрудниковъ «Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности», магистрантъ сравнительнаго языкознанія Николай Степановичъ Усовъ, воспитанникъ С.-Петербургскаго университета. Послѣдніе два года онъ провелъ внѣ Петербурга въ своемъ имѣніи Медынскаго уѣзда Калужской губерніи, удерживаемый состояніемъ здоровья вдали отъ столицы, дорогого ему университета и Лингвистическаго отдѣленія Неофилологическаго общества, въ занятіяхъ котораго онъ принималъ участіе почти съ самаго начала его существованія. Злой недугъ, обнаружившійся зимою 1897 года, заставилъ его бросить Петербургъ, любимыя научныя и педагогическія занятія, и уѣхать въ деревню, живительный воздухъ которой сразу началъ обнаруживать свое цѣлебное дѣйствіе на его здоровье. Поѣздка лѣтомъ 1898 г. на кумысъ принесла замѣтное улучшеніе въ ходѣ болѣзни, такъ что у друзей и родныхъ Н. С.

явилась надежда на полное его выздоровленіе. Осенью минувшаго года онъ отважился даже пріѣхать на нѣсколько дней въ Петербургъ и обрадовалъ своихъ друзей сравнительно здоровымъ и бодрымъ видомъ, напомнившимъ прежняго Н. С., никогда, впрочемъ, не могшаго похвастаться особенно цвѣтущимъ здоровьемъ. Но поѣздка эта оказалась роковою. Возвращаясь назадъ, Н. С. простудился, и это, вѣроятно, вызвало обостреніе болѣзненнаго процесса. Въ январѣ этого года покойный писалъ мнѣ объ ухудшеніи своего здоровья, вызванномъ, по его словамъ, неблагопріятными гигіеническими условіями, въ которыхъ ему, по возвращеніи изъ Петербурга, приходилось почти цѣлый мѣсяцъ работать надъ ревизіей дѣлъ Медынскаго земства: душныя комнаты управской канцеляріи, воздухъ, наполненный пылью отъ метенія половъ, необходимость много говорить въ этой обстановкѣ, не могли, конечно, не подѣйствовать на надорванное уже здоровье Н. С. Это было послѣднее его письмо ко мнѣ, совсѣмъ и не подозрѣвавшему такой скорой развязки. Поэтому извѣстіе о смерти Н. С., напечатанное въ газетахъ, было встрѣчено мной и нѣкоторыми другими друзьями его съ извѣстнымъ недовѣріемъ и надеждой, что въ данномъ случаѣ имѣется простое совпаденіе именъ. Къ сожалѣнію извѣстіе оказалось правдивымъ... Причиной такого быстраго поворота къ худшему явилась сначала простуда, полученная Н. С. при возвращеніи изъ Петербурга. Наступившее затѣмъ нѣкоторое улучшеніе, о которомъ покойный самъ писалъ мнѣ, побудило его бросить соблюденіе всякихъ предосторожностей: онъ много занимался, подолгу читалъ въ душной комнатѣ, показывая волшебный фонарь при большомъ стеченіи народа, работалъ въ ревизіонной коммиссіи Медынскаго земства... Въ февралѣ ему сдѣлалось гораздо хуже, но, какъ это всегда бываетъ съ чахоточными, онъ не сознавалъ своего положенія и, уѣзжая въ Москву, собирался даже потомъ проѣхать за границу... Въ Москву онъ прибылъ въ концѣ вербной недѣли почти въ безнадежномъ состояніи. Нѣкоторое время доктора колебались, предполагая въ больномъ, кромѣ туберкулезнаго процесса еще и тифозный, но черезъ нѣсколько дней обнаружились ясные признаки миліарнаго туберкулеза, перешедшаго на мозговыя оболочки, и близость конца стала несомнѣнной... Въ лицѣ Н. С. наука потеряла глубоко ей преданнаго, честнаго работника, уже начинавшаго сдерживать тѣ обѣщанія, которыя подавало его трудолюбіе, его вдумчивое и серьезное отношеніе къ дѣлу и недюжинныя общія способности. Прежде чѣмъ говорить, однако, объ его ученой дѣятельности, необходимо сказать о немъ, какъ о

человѣкѣ вообще. Именно въ его лицѣ ученый и человѣкъ сливались въ рѣдкомъ гармоническомъ сочетаніи, не противорѣча другъ другу, но, напротивъ, объясняя и дополняя одинъ другого. Строгое отношеніе къ наукѣ и къ своимъ общественнымъ обязанностямъ вытекали у покойнаго изъ высокаго представленія о нравственномъ долгѣ, которымъ руководился онъ въ теченіе всей своей непродолжительной жизни. Девизомъ его несомнѣнно было то опредѣленіе труда, которое онъ далъ какъ то мимоходомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ ко мнѣ: «трудъ есть утилитарный аскетизмъ, имѣющій поэтому двоякую нравственную цѣну: очищеніе себя и служеніе другимъ». Къ этому очищенію себя черезъ служеніе другимъ въ трудѣ стремился всегда покойный, и потому я позволяю себѣ сказать, что человѣчество потеряло въ его лицѣ одного изъ достойнѣйшихъ и благороднѣйшихъ своихъ представителей, никогда не запятнавшаго «высокаго званія человѣка» ни однимъ малодушнымъ и недостойнымъ поступкомъ. На этихъ дняхъ я перечиталъ письма покойнаго ко мнѣ, писанныя въ теченіе 10—11 лѣтъ нашихъ близкихъ съ нимъ отношеній, сначала какъ учителя и ученика [1]), потомъ какъ товарищей по наукѣ, университету и общимъ взглядамъ. Въ нихъ живо рисуется духовный обликъ покойнаго, глубоко чистаго и честнаго въ своихъ задушевныхъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ, съ душою, настроенной въ томъ высоко-человѣчномъ строѣ, который становится все рѣже и рѣже въ наши дни человѣконенавистничества, нравственной тупости и самодовольной слѣпоты, выдаваемыхъ за истинную мудрость. Необыкновенно скромный, женственно-деликатный и застѣнчивый, угловатый и молчаливый при другихъ, Н. С. раскрывался весь только въ дружеской интимной бесѣдѣ съ глазу на глазъ, и только тотъ, кто зналъ его ближе, могъ оцѣнить его ясный и чуткій умъ, благородное сердце, могъ замѣтить глубину и ширину его умственныхъ и духовныхъ интересовъ. Покойный не былъ узкимъ спеціалистомъ-ремесленникомъ. Уважая и цѣня свою спеціальность, онъ не оставался чуждъ и другимъ человѣческимъ интересамъ, среди которыхъ главное мѣсто занимали искусство, литература и общественная жизнь. Покойный недурно самъ рисовалъ акварелью и карандашомъ и живо интересовался европейской живописью, впечатлѣніями отъ которой полны его заграничныя письма изъ Дрездена, Мюнхена, Берлина, Италіи. Вернувшись изъ за-гра-

1) Покойный былъ постояннымъ моимъ слушателемъ съ 1889 г. и потомъ работалъ подъ моимъ руководствомъ.

ничной командировки, онъ съ жаромъ принялся за педагогическую дѣятельность (въ гимназіи Гуревича, питомцемъ которой былъ самъ), видя въ ней возможность вліять на молодыя души и воспитывать въ нихъ тотъ же высокій нравственный и духовный строй, которымъ онъ былъ наполненъ и котораго такъ недостаетъ нашей родной дѣйствительности. Уѣхавъ въ вынужденную состояніемъ здоровья ссылку въ уѣздную глушь, онъ и тамъ не остается чуждымъ окружающей его неприглядной жизни, стремится войти въ нее и по возможности внести отъ себя въ окружающую тьму хоть слабую долю свѣта и правды. Земскія дѣла вообще, земская школа въ особенности, замѣняютъ ему здѣсь его гимназію и университетъ, въ которомъ онъ только-что собирался выступить приватъ-доцентомъ передъ своимъ вынужденнымъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Чтобы познакомиться лучше со школьнымъ дѣломъ своего уѣзда, онъ балотируется въ члены училищнаго совѣта и съ радостью сообщаетъ мнѣ о своемъ избраніи. Не довольствуясь этой дѣятельностью, онъ находитъ время и силы и для хлопотъ по разнымъ частнымъ нуждамъ и дѣламъ, съ которыми къ нему обращаются мѣстные жители-крестьяне. Таковъ образъ покойнаго Н. С., какъ человѣка и гражданина русской земли, всегда руководившагося глубокой безкорыстной любовью къ людямъ и родной странѣ, язвы которой его всегда глубоко волновали. Такимъ же безкорыстнымъ и требовательнымъ къ себѣ самому является Н. С. и въ своей ученой дѣятельности, которая только что начиналась, чтобы неожиданно оборваться на границѣ зрѣлаго возраста, когда мы были вправѣ ожидать ея разцвѣта. Покойный, сынъ С. А. Усова, извѣстнаго профессора физики въ Михайловской Артиллерійской Академіи, впослѣдствіи помощника начальника почтъ и телеграфовъ, родился 26 мая 1870 г. и не дожилъ до 30 лѣтъ, этого рубежа юности и зрѣлаго возраста, всего нѣсколько недѣль. Среднее образованіе онъ получилъ въ частной гимназіи Я. Г. Гуревича, гдѣ, по словамъ гимназическаго аттестата, обнаруживалъ особую любознательность къ древнимъ языкамъ. Кончивъ гимназію съ медалью, онъ вступилъ въ 1888 году въ здѣшній университетъ на историко-филологическій факультетъ, заранѣе составивъ намѣреніе заниматься языкознаніемъ, подъ вліяніемъ своего гимназическаго учителя И. Ѳ. Анненскаго, бывшаго ученика проф. И. П. Минаева. Не довольствуясь факультетскими предметами, Н. С. слушалъ и нѣкоторыя лекціи восточнаго факультета, соприкасавшіяся съ избранной имъ спеціальностью. Такъ онъ слушалъ армянскій языкъ у Н. Я. Марра и чи-

талъ разные санскритскіе тексты у С. Ѳ. Ольденбурга. На третьемъ курсѣ, не удовлетворяясь прослушанными имъ въ Петербургѣ курсами, онъ воспользовался лѣтними вакаціями (1891 г.), чтобы съѣздить на лѣтній семестръ въ Лейпцигъ и послушать тамъ Вундта (по психологіи), Бругмана (по сравнительной грамматикѣ) и Лескина (по славянской грамматикѣ). Въ 1893 году, послѣ добровольнаго пятилѣтняго пребыванія въ университетѣ, Н. С. кончилъ университетскій курсъ по отдѣленію германо-романской филологіи съ дипломомъ 1-й степени, въ томъ же году оставленъ (безъ стипендіи) при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ сравнительнаго языкознанія, а въ 1894 г. получилъ заграничную командировку на два года (безъ содержанія). Большую часть времени онъ провелъ въ Лейпцигѣ, слушая Лескина, Бругмана, Кюльпе (новая философія), Линднера (сравнит. грамматика арійскихъ языковъ), Виндиша (чтеніе санскритскихъ текстовъ), Сиверса (фонетика), Штейндорфа (древне-египетскій). Потомъ Н. С. переселился въ Парижъ, гдѣ слушалъ лекціи Мелье, Бреаля, и др. и полгода работалъ въ фонетической лабораторіи аббата Руссело. Вернувшись изъ-за границы въ 1896 г., Н. С. принялъ мѣсто преподавателя древнихъ языковъ въ гимназіи Я. Г. Гуревича и съ жаромъ отдался педагогическимъ интересамъ, скоро пріобрѣтя уваженіе товарищей и любовь учениковъ. Въ то же время онъ не оставлялъ и научныхъ занятій, готовясь къ магистерскому экзамену, который и сдалъ въ теченіе 1897 года. Покойный уже собирался выступить приватъ-доцентомъ въ университетѣ, и вмѣстѣ съ нимъ мы не разъ обсуждали предметъ его будущихъ чтеній. Но судьба рѣшила иначе: въ концѣ 1897 года обнаружились первые признаки легочной болѣзни, заставившіе Н. С. оставить Петербургъ и уѣхать въ деревню. 4-го февраля 1898 г. друзья и ученики проводили его съ искренними пожеланіями скорѣйшаго выздоровленія. Въ сентябрѣ 1899 г. они были обрадованы временнымъ возвращеніемъ Н. С. въ Петербургъ. Казалось, ихъ пожеланія могли сбыться, но имъ суждено было обмануться... Кромѣ ненапечатанныхъ работъ: «Теорія происхожденія языка Гердера» (студенческая работа), реферата о судьбѣ согласнаго *s* въ славянскихъ языкахъ (чит. въ Лейпцигскомъ студенческомъ научномъ обществѣ по предложенію Бругмана), Н. С. принадлежатъ слѣдующія статьи и рецензіи:

1) «Языкознаніе», небольшой, но содержательный и свидѣтельствующій о самостоятельности сужденія очеркъ въ отдѣлѣ «Вопросы

самообразованія» журнала «Сѣверный Вѣстникъ» (1896 г. № 6, стр. 237—39).

2) «Экспериментальная фонетика»: «Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ», (т. II, 1897, кн. 4, стр. 906—939, и отдѣльно: Спб. 1897, 8° стр. 34). Живое изложеніе новѣйшихъ фонетическихъ методовъ (аббата Русселó) и теорій (послѣ — Гельмгольцевскія физическія теоріи гласныхъ звуковъ), опирающееся также на самостоятельныя наблюденія надъ живымъ русскимъ произношеніемъ, произведенныя авторомъ въ лабораторіи Русселó, и обличающее особую наклонность и способности къ экспериментальнымъ точнымъ наблюденіямъ.

3) Рецензія на книгу А. Погодина: «Основной курсъ общаго языкознанія. Руководство къ самообразованію. Спб. 1897» (въ журналѣ «Образованіе» за 1898 г., январь, стр. 82—86). Строгій, но справедливый разборъ этой книги интересенъ и для научной характеристики рецензента, по общимъ требованіямъ, предъявленнымъ имъ автору.

4) «Языкъ пригорскихъ портныхъ», небольшая замѣтка въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ» (1898, т. III, кн. 1, стр. 247—250), дающая интересный матеріалъ для изученія нашихъ искусственныхъ языковъ, собранный авторомъ на мѣстѣ и представленный въ точной научной транскрипціи.

5) Études expérimentales sur une prononciation Russe» въ журналѣ «La Parole», издаваемомъ Парижскимъ «Institut de laryngologie et orthophonie» (№ 11, 1899). Стр. 23 (отд. оттискъ). Авторъ изслѣдовалъ экспериментальнымъ путемъ свое произношеніе со стороны дѣйствія небной занавѣски, грудной клѣтки и голосовыхъ связокъ, давши здѣсь образчикъ самостоятельной работы, къ сожалѣнію послѣдней, въ области совершенно новыхъ пріемовъ изслѣдованія, къ русскому произношенію до сихъ поръ еще не примѣнявшихся. Въ этой области пока сосредоточивались ближайшіе научные интересы покойнаго, который, я не сомнѣваюсь въ этомъ, со временемъ перешелъ бы къ работамъ бóльшаго размаха и широты горизонта. За это ручалось философское настроеніе его ума, его уже довольно обширная начитанность въ научной литературѣ и ясное пониманіе задачъ нашей науки. Для начинающаго лингвиста такія работы, какія оставилъ Н. С., и обязательны въ наше

время и весьма полезны, пріучая къ необходимой точности и самостоятельному труду надъ деталями, изъ которыхъ будущее сложитъ новыя, болѣе обширныя научныя построенія. Но и въ этихъ работахъ покойный не упускалъ изъ виду общихъ теоретическихъ вопросовъ языкознанія, что легко замѣтитъ каждый опытный глазъ. Выполнены онѣ были съ обычной у Н. С. добросовѣстностью и трудолюбіемъ, особенно цѣнными въ области, лишенной непосредственнаго интереса и завлекающей только умъ съ серьезнымъ теоретическимъ настроеніемъ. Онѣ уже снискали похвалу самаго компетентнаго въ этихъ вопросахъ судьи, учителя Н. С. въ этой области, аббата Русело, заявившаго печатно въ своихъ знаменитыхъ «Principes de Phonétique Expérimentale» (П. 1897, стр. 4) о помощи, оказанной ему Н. С. въ его работахъ, и о надеждахъ, возлагаемыхъ имъ на своего русскаго ученика. Судьба разрушила надежды учителей Н. С. видѣть въ немъ дальнѣйшее развитіе своихъ идей, цѣлей и стремленій.... Но свѣтлый образъ покойнаго никогда не изгладится изъ ихъ памяти!

С. Буличъ.

Тамъ же продаются (см. на 1-ой страницѣ обложки):

ИЗВѢСТІЯ

Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ:

тома I-го, издан. 1896 г.

книжка 1-ая — стран. II + 234 }
» 2-ая — » 235—437 } по *одному рублю.*
» 3-ья — » 439—646 }
» 4-ая — » 647—1008 + загл. листъ къ I тому и общее оглавленіе. Цѣна *1 руб. 50 коп.*

— тоже тома II-го, издан. 1897 г.

книжка 1-ая — стран. 1— 279. — Цѣна *одинъ рубль.*
» 2-ая — » 281— 575. — Цѣна *1 руб. 50 коп.*
» 3-ья — » 577— 844. — Цѣна *одинъ рубль.*
» 4-ая — » 845—1164. + загл. листъ ко II тому и общее оглавленіе. Цѣна *1 руб. 50 коп.*

— тоже тома III-го, издан. 1898 г.

книжка 1-ая — стран. 314 + Приложен. с. 1— 48.
» 2-ая — стран. 315—632 + Приложен. с. 49—129.
» 3-ья — стран. 633—968 + Приложен. с. 1—67 и 1—42.
» 4-ая—стран. 969—1396 + загл. листъ къ III-ему тому и общее оглавленіе. Цѣна каждой книжки *по 1 руб. 50 коп.*

— тоже тома IV-го, издан. 1899 г.

книжка 1-ая — стран. 373 + II + Приложен. с. 17 + 2 фототипич. снимка.
» 2-ая — стран. 375 — 779 + 8 автотипич. снимковъ.—
» 3-ья — стран. 781—1152 + Приложен. с. 1—32.
» 4-ая — стран. 1153—1537 + Приложен. с. 33—69, и загл. листъ къ IV-му тому и общее оглавленіе. Цѣна каждой книжки *по 1 руб. 50 коп.*

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1900 г.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Типографія Императорской Академіи Наукъ (Вас. Остр., 9 лин., № 12).